

Султан-Азиз Ахмадзаи родился 25.05.1967 г. в Кабуле (Афганистан).
В настоящее время – гражданин Германии.

В 1972–1984 гг. Султан-Азиз Ахмадзаи учился в школе и лицее в Кабуле (Афганистан).

1984–1985 гг. – студент Кабульского университета.

1985–1986 гг. – подготовительные курсы в Ереванском университете (Армения).

1986–1993 гг. – филологический факультет Кубанского государственного университета (г. Краснодар). По окончании присуждена учёная степень магистра филологических наук.

1996 – 2000 гг. – курсы немецкого языка, в том числе 1999-2000 гг. – стажировка в Билефельдском университете.

2006 г. – написание кандидатской диссертации по теме «Дневник М.М.Пришвина как литературное произведение» (руководитель – доктор филологических наук, профессор Франциск Апанович, Гданский университет).

2013–2016 гг. – юридический факультет, «Институт государственного администрирования» (г. Москва). По окончании присуждена ученая степень бакалавра по направлению юриспруденция.

2016 г. – поступление в аспирантуру Кубанского государственного университета (г. Краснодар).

Знание языков: персидский и афганский – родные языки; русский, польский, немецкий – хорошо.

Автор работ на персидском языке: «Как возник ислам и как арабы пришли в Афганистан»; «Короткая история Афганистана»; на пуштунском (афганском) языке: «Афганская грамматика», «Немецкая грамматика на афганском языке».

Автор работ на русском языке: «Регулирование отношений по наследованию в международном частном праве»; «Актуальные проблемы правоотношений наследования по завещанию»; «Понятия наследования в российском гражданском праве», «Состав преступления»; ответы на вопросы по философии.

ISBN 978-9936-1-0508-9

9 789936 105089

Министерство образования и науки Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. О. МАЛЕВИНСКИЙ, С. А. АХМАДЗАИ

КРИТЕРИАЛЬНАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ В РУССКОЙ РЕЧИ

Монография

Кабул
2023

Certificate

Book Name: Criteria Evaluation Russian Language (Monographie)

Qty: 20 Book

Print Year: 15-12-2023

Publishing: Nawi Safi Printing Press, Kabul - Afghanistan

شناسنامه

نام کتاب: ارزیابی بحرانی در زبان روسی (تک نگاری)

نویسنده: سلطان عزیز (احمدزی)

تیراژ: ۲۰ جلد

سال چاپ: ۲۴ قوس ۱۴۰۲ هجری شمسی

چاپ: مطبعه نوی صافی، کابل - افغانستان

سرک ۴۰ متره بین چهارراهی ترافیک و سابقه تایمنی کابل

40m road between Tarafic & Sabika Taimani square

+93 (0) 796 23 33 31 | 0781 34 22 22

nawisafiprintingpress@gmail.com

ISBN 978-9936-1-0508-9

Министерство образования и науки Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. О. МАЛЕВИНСКИЙ, С. А. АХМАДЗАИ

КРИТЕРИАЛЬНАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ В РУССКОЙ РЕЧИ

Монография

Краснодар
2016

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус
М 184

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор
Л.А. Исаева

Доктор филологических наук, профессор
О.Е Павловская

Малевинский, С. О., Ахмадзаи, С. А.

М 184 Критериальная оценочность в русской речи:
монография / С.О. Малевинский, С.А. Ахмадзаи. –
Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – 394 с. – 500 экз.
ISBN 978-5-8209-1269-6

Предлагаемая монография посвящается описанию феномена критериальной оценочности как особого аспекта мыслительной и речевой деятельности человека. Опираясь на анализ семантики русских прилагательных, выражающих критериально-оценочные значения, авторы предлагают исчерпывающую типологию критериальных оценок, основанную на учете специфики используемых при таких оценках критериев.

Книга адресуется широкому кругу специалистов, имеющих дело с оценками и способами их формального выражения.

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус

ISBN 978-5-8209-1269-6

© Кубанский государственный
университет, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблематика, связанная с понятиями оценки и оценочности, давно разрабатывается в мировой и отечественной науке, хотя для языкознания эта проблематика является относительно новой. Вопросы, связанные с сущностью производимых человеком оценок и своеобразием их отдельных разновидностей, традиционно затрагиваются в этике (вопрос о характере моральных оценок), в теории познания (истинностные оценки и поиск объективных критериев истины), в философской аксиологии (вопрос о ценностях и ценностном отношении к действительности), в формальной логике (проблема логического своеобразия оценочных понятий и суждений), в эстетике и литературной критике (эстетическая оценка произведений художественной литературы и искусства). В отечественном языкознании тема оценочности долгое время ограничивалась различными проявлениями эмоциональной экспрессивности в языке и речи. В работах же зарубежных лингвистов оценочная проблематика сводилась в основном к семантической специфике и особенностям функционирования общеоценочных определений типа *хороший* и *плохой*, *хорошо* и *плохо*.

Первые попытки создания общей теории оценочности, классификации и описания всех возможных видов оценок были приняты в 80-х годах прошлого века Н.Д. Арутюновой, в дальнейшем теоретические поиски в этом направлении были продолжены такими отечественными языковедами, как Т.В. Маркелова, Л.А. Сергеева, Г.М. Лившиц, О.Н. Околелова, Г.Ф. Гибатова и др. Интерес к оценочной проблематике значительно усилился в связи с утверждением в лингвистической методологии принципа антропоцентризма. С одной стороны, наличие и выражение различных оценок было признано неотъемлемым атрибутом речевой деятельности человека во всех возможных формах её проявления, а с другой стороны, наличие особых оценочных сфер стало приписываться и всем формам человеческого сознания, начиная от индивидуального сознания отдельной человеческой личности и заканчивая такими ментальными феноменами, как групповое сознание и общенациональный менталитет. Применительно к по-

следнему было даже заявлено, что «существующий в коллективном сознании любого этноса национальный миропорядок, национальный семантический универсум немыслим без разветвленной системы оценок всего сущего, без отраженных в языке ценностных ориентиров» [Корнилов 2003: 281].

Осознание того места, которое оценки занимают в речемыслительных процессах и структурах человеческого сознания, признание той значимости, которой они обладает в мышлении, общении, жизни и деятельности людей, привело к мощному всплеску исследовательской активности в области изучения самых разных аспектов и проявлений оценочности, форм и способов языкового выражения оценочных значений. Достаточно будет сказать, что к настоящему времени в нашей стране написано и защищено около трехсот кандидатских и докторских (лингвистических и нелингвистических) диссертаций, в названиях которых фигурируют слова *оценка*, *оценочность* и *оценочный*. И тем не менее, совершенно очевидным остается тот факт, что единого, общепринятого и всеми разделяемого понимания сущности и природы оценочности наука еще не выработала, как не выработала она и исчерпывающей, логически выверенной и адекватно детализированной общей классификации всех возможных видов оценок. Главной же причиной такого крайне неудовлетворительного положения дел, на наш взгляд, является отсутствие в современной науке сколь-нибудь серьезного описания и теоретического осмысления феномена критериальной оценочности.

Между тем некоторые мыслители прошлого уделяли достаточно внимания поискам критериев, используемых при осуществлении различных критериальных оценок, и волей-неволей затрагивали вопросы, связанные со спецификой оценочности интересующего нас типа. В их сочинениях неоднократно употреблялось и само слово *критерий*, когда речь заходила, например, о критериях истинности каких-либо суждений, критериях моральной оценки человеческих поступков или, скажем, критериях эстетической оценки произведений литературы и искусства. У некоторых отечественных и зарубежных авторов XX века (А.А. Ивина, Б.А. Кислова, Р.М. Хэара) можно обнаружить даже приближительное описание логического механизма тех оценок, которые

могли бы быть признаны критериальными, упоминание тех или иных функциональных компонентов критериально-оценочных мыслительных актов. Однако в качестве особого, специфического типа оценок критериальные оценки никем и никогда не выделялись, а механизм их осуществления приписывался в основном тем оценкам, которые выражаются словами *хороший* и *плохой*, *хорошо* и *плохо*. Естественно, что при таком подходе ни о какой типологии или классификации критериальных оценок и средств их языкового выражения и речи быть не могло.

Общим местом современной теории оценочности (не совсем точно именуемой аксиологией) стало приписывание оценкам критериального типа статуса оценок ценностного характера, а это существенно затемняет реальное положение вещей и отнюдь не способствует правильному осмыслению и адекватному описанию критериальной оценочности как таковой.

Таким образом, необходимость исследования критериальных оценок как особых ментальных и коммуникативных феноменов, принципиально отличных от оценок всех остальных типов, отчетливо назрела. Предлагаемая монография представляет собой попытку описания критериальной оценочности и её отраженности средствами естественного (в нашем случае русского) языка, так сказать, в первом приближении. Мы не пытались создать исчерпывающую картину, охватывающую все случаи и способы реализации критериально-оценочной семантики в русской речи. Это, как говорится, дело будущего. Для нас же первостепенно важным было выявить как можно большее количество видов критериальных оценок из числа всех потенциально возможных, определить сущностное своеобразие и логические механизмы, присущие каждой из обозначенных нами разновидностей критериальной оценочности. Вполне естественно, что решающую роль здесь играло выявление того набора ментальных образований, которые могут использоваться и используются человеческим разумом в качестве оценочных критериев. При этом никак не могли быть обойдены вниманием и вопросы, связанные с конкретизацией общих критериально-оценочных значений, особенности их языковой и речевой репрезентации (отягощение какими-то дополнительными смыслами, детализация содержания, образно-

метафорические коннотации, возможные функциональные ограничения в применении к тем или иным объектам).

Как наиболее простой и доступный способ решения всех этих задач в нашей работе был задействован давно апробированный в гуманитарных науках метод лингвистического анализа семантики наиболее тесно связанных с тематикой какого-либо исследования слов. В качестве таковых нами были использованы имена прилагательные, способные отражать в своих значениях оценочные выводы, получаемые при осуществлении критериально-оценочных действий, под коими понимаются акты мысленного (осознанного или бессознательного) сопоставления оцениваемых объектов с теми или иными оценочными критериями. Все эти прилагательные были извлечены путем сплошной выборки из четырехтомного «Словаря русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (так называемого Малого академического), заключающего в себе, как известно, практически всю общеупотребительную лексику современного русского языка.

Исследование собранного фактического материала осуществлялось методами, традиционными для отечественной семиологии, начиная с изучения словарных дефиниций и заканчивая контекстуальным анализом семантики отдельных словоупотреблений, с использованием элементов полевого метода и методики компонентного анализа.

Для каждого прилагательного устанавливалось не только общее критериально-оценочное значение, отражающее типовую специфику критериальных оценок определенного вида, но и определялись семантические признаки, конкретизирующие и детализирующие это значение в каждом конкретном случае. В фокусе нашего внимания всегда находилось понятийное содержание слова (его словарное значение, лексическое понятие, лексическое значение в узком смысле, семантический интенционал). Концептуальное же содержание критериально-оценочных прилагательных, включающее в себя, помимо выражаемых ими оценочных понятий, еще и какие-то ассоциативные (сопутствующие) смыслы, изучению не подлежало и в работе не затрагивалось.

Последовательно выявлялись и описывались особенности лексической сочетаемости рассматриваемых нами слов, фиксиро-

вались существующие здесь ограничения. Тем самым определялись возможности применения тех или иных видов критериальных оценок к различным предметам и явлениям реальной действительности, выявлялись универсальные формы критериальной оценочности и ограничиваемые каким-то определенным кругом объектов. Для изучения особенностей семантики и сочетаемости конкретных критериально-оценочных прилагательных привлекались материалы, содержащиеся в интернетовском «Национальном корпусе русского языка».

Думается, что результаты нашего исследования, полученные не умозрительным путем, а на основе анализа конкретного языкового материала, окажутся не только способными дать толчок для дальнейшего развития теории оценок в языкознании, но и смогут быть полезными при разработке оценочной проблематики во всех остальных гуманитарных науках, так или иначе затрагивающих тему оценочности, оценок и ценностей.

1. ВОПРОС О СУЩНОСТИ И ФОРМАХ КРИТЕРИАЛЬНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ В ИСТОРИИ НАУКИ

1.1. КРИТЕРИАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ В ФИЛОСОФИИ, ЛОГИКЕ, ЭТИКЕ И ЭСТЕТИКЕ

Понятие критерия оценки или оценочного критерия вошло в широкий научный обиход сравнительно недавно – только в XIX веке. Однако различные виды критериальных оценок использовались и как-то освещались в гуманитарных науках с древнейших времен.

В истории античной философии всегда остро стояла проблема поиска какого-то более или менее надежного мерила, позволяющего производить оценку человеческого поведения и нравственного содержания человеческой личности. Так, Сократ, который, по свидетельству Диогена Лаэртского, «первым стал рассуждать об образе жизни» [Диоген Лаэртский 2011: 99], в качестве основополагающего понятия своей концепции нравственности использовал понятие хорошей жизни или, что в понимании Сократа было то же самое, хорошей деятельности. Хорошей же, по мнению философа, могла быть признана только такая человеческая жизнь и деятельность, которая соответствовала некоему божественному предначертанию, определяющему жизненное предназначение каждого конкретного смертного. «Если он (человек) путем изучения и упражнения исполняет что-нибудь хорошо, – говорил Сократ, – это я признаю хорошей деятельностью, и, кто ведет такой образ жизни, тот, мне кажется, хорошо живет» [Ксенофонт 1935: 121–122]. Ну а что конкретно следует исполнять каждому человеческому индивиду, это предопределяется богами, которые «везде присутствуют и дают указания людям обо всех делах человеческих... Что боги предоставили людям познать и делать, тому должно учиться, а что людям неизвестно, о том стараться узнать волю богов посредством гаданий: к кому боги милостивы, тому они дают указания» [Ксенофонт 1935: 25–23]. Таким образом, мера человеческой нравственности определяется степенью соответствия поведения и деятельности человека предназначенному конкретно для него божественному предна-

чертанию. И думается, прав был автор «Истории этики древнего мира» В.Г. Иванов, когда отмечал, что в этическом учении Сократа мы имеем дело с внечеловеческим основанием нравственности, служащим сверхчеловеческим критерием нравственной оценки человеческой личности [Иванов 1997: 161].

Использование идеи божественного предрасположения как критерия оценки человеческой нравственности имело довольно широкое распространение в этике Древнего мира, хотя в этических учениях разных стран и народов эта идея могла выступать в самых разных трактовках и под самыми разными наименованиями.

В ведической этике Древней Индии божественное предрасположение, касающееся жизни людей, фигурировало под названием Дхармы. В древнеиндийской эпической поэме «Махабхарата», в полном соответствии с ведической и брахманистско-индуистской традицией, говорится о том, что из-за того что люди стали забывать своих традиционных богов, те обратились с жалобой к творцу всего сущего и мировой душе Брахме, и Брахма составил для людей особый кодекс благочестивого поведения – Дхарму, а бог Шива послал на землю царя Вираджу, который навел среди смертных надлежащий порядок. С той поры именно Дхарма стала мерилom праведности человеческого поведения и, соответственно, человеческой нравственности.

Нравственный идеал, вытекающий из предначертаний Дхармы, определялся в ведической этике через понятие аскетизма. Как гласили Законы Ману, «мудрыми, обнаружившими Веду, было объявлено, что все благо богов и людей имеет в аскетизме начало, в аскетизме – середину, в аскетизме – конец». При этом содержание поведенческого аскетизма для разных каст индийского общества предполагалось различное: «аскетизм для брахмана – приобретение священного, аскетизм для кшатрия – охрана, аскетизм для вайшия – хозяйственная деятельность, аскетизм для шудры – услужение» [Законы Ману 1960: 249]. Только соответствие деятельности человека предписаниям предназначенного для него «аскетизма» рассматривалось как основание для позитивной нравственной оценки.

В Древнем Китае, в этическом учении даосов, основными критериями нравственного поведения считались великое Дао – всеобщий божественный закон мирового устройства – и вытекающий из него «путь добродетели» Дэ.

Аналогичный подход к оценке человеческой нравственности нашел отражение и в Священном Писании иудеев и христиан – Ветхом Завете. Здесь, как и в рассмотренных выше этических системах, всеобщим мерилom человеческой праведности был объявлен исходящий от Бога закон. Ссылка на этот закон как основной нравственный критерий имеется уже в книге Бытия. Здесь Господь, наставляя праотца Авраама, говорил ему: «... ходи предо Мною и будь непорочен; и поставлю завет Мой между Мною и тобою» [Быт. 17: 1-2]. Правда, в чем конкретно состоял божественный завет и как нужно было «ходить» путем Господа, книга Бытия умалчивает.

Содержание завета Господня становится известным из книги «Исход», где, будучи изложенным во всех подробностях праотцу Моисею, завет обретает вид настоящего законодательства. С этого времени становится возможной оценка человеческих поступков через соотнесение их с вполне конкретными законами и предписаниями как оценочными критериями.

Следует отметить, что в этических учениях Древнего мира для оценки человеческого поведения и нравственности могли предлагаться и другие критерии, не связанные непосредственно с божественными предначертаниями и предопределениями. Так, к примеру, Платон в четвертой книге трактата «Законы» устами некоего Афинянина высказал мысль о том, что идеальным мерилom добродетельности человеческого индивида должна быть личность Бога. Ведь, «кто хочет стать любезным Богу, непременно должен насколько возможно ему уподобиться» [Платон 1972: 190].

Платоновская мысль о возможности использовать гипотезируемую божественную личность в качестве оценочного нравственного критерия была впоследствии положительно воспринята и реализована в христианской этике. Начало этому положил сам Иисус Христос в своей знаменитой Нагорной проповеди. Перечислив здесь все христианские добродетели, открывающие

правоверным вход в грядущее Царство Божие, Иисус заключил свою речь словами: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» [Матф. 5: 48]. Таким образом личность Бога-отца обрела статус высшего нравственного идеала и, соответственно, главного мерила оценки степени нравственного совершенства христианина.

Однако и здесь не все было так просто, как хотелось бы. Проблема состояла в общей неопределенности человеческих представлений о тех личностных качествах, которые могли бы быть приписаны верховному божеству. С раннехристианских времен и до наших дней вопрос об определении набора личностных характеристик Господа Бога остается одним из самых дискуссионных в христианском богословии. Исходя из этого, уже на заре христианства было предложено использовать в качестве основного критерия нравственной оценки личность не Бога-отца, а Бога-сына. Ведь личностные качества Иисуса Христа довольно отчетливо прорисовывались из его поступков, поучений и переживаний, подробно описанных в канонических и неканонических евангелиях. С этой точки зрения Иисус был гораздо ближе и доступнее для понимания, нежели таинственный и скрытый от непосредственного человеческого восприятия Бог-отец.

Мысль о том, что именно личность Христа следует считать нравственным идеалом, образцом для подражания и основным критерием нравственной оценки, прослеживается уже в посланиях святых апостолов первым христианским общинам. Так, например, апостол Петр, считающийся первым римским папой, обращаясь к своим последователям, писал: «Как послушные дети, не сообразуйтесь с прежними похотями, бывшими в неведении вашем. Но, по примеру призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках, ибо написано: «Будьте святы, потому что Я свят» [1 Пет. 1: 14-16]. Впоследствии в трудах первых христианских богословов концепция нравственного совершенствования христианина как сознательного приближения к Христу, мыслимому в качестве идеала совершенного человека, нашла свое отражение в понятии обожения человеческой личности, ставшем одним из основополагающих понятий христианской этики [подробнее см.: Карсавин 1994: 131-135].

Существование рассмотренных нами способов оценки человеческой деятельности и нравственности явно свидетельствует в пользу того, что феномен критериальной оценочности был уже достаточно широко распространенным явлением в философии и этике древнего мира. Однако, предлагая те или иные оценочные критерии, могущие служить мерилами нравственного совершенства человека, мыслители прошлого само понятие критерия, как правило, не использовали.

Если верить греко-римскому философу конца второго – начала третьего веков н. э. Сексту Эмпирику, впервые понятие *критерий* (по-гречески *kriterion*) стали использовать в своих сочинениях представители стоической школы античной философии [Секст Эмпирик 1976: 262]. Труды большинства философов-стоиков, по крайней мере представителей раннего и среднего стоицизма, в своем первоизданном виде до нас, как известно, не дошли. Однако даже в тех фрагментах и извлечениях, которые были собраны Диогеном Лаэртским стоическое учение о критериях нашло вполне адекватное отражение.

Слово *критерий* в материалах, посвященных философии стоицизма, встречается у Диогена Лаэртского неоднократно. Правда, употребляется оно не для обозначения критериев тех или иных оценок каких-либо предметов, а преимущественно в словосочетании *критерий истины*, обозначая при этом те психические феномены, которые могли бы служить показателями истинности каких-то мыслей и выражающих эти мысли суждений.

О том, какое большое значение стоики придавали вопросу о критериях истины, свидетельствует тот факт, что учение об этих критериях они предлагали рассматривать в качестве особого раздела науки логики, наряду с такими важными её частями, как диалектика и риторика. Если верить приведенному Диогеном Лаэртским свидетельству некоего Диокла Магнесийского, представители стоицизма полагали, что в логике «на первом месте речь должна идти о представлении и чувстве, потому что именно представление как таковое есть критерий, которым распознается истинность вещей... В самом деле, вначале бывает представление, а уже за ним – мысль, способная выговориться, и она выра-

жает в слове то, что испытывается в представлении» [Диоген Лаэртский 2011: 262].

Представления трактовались в стоицизме как своеобразные отпечатки реальных предметов в человеческой душе (наподобие отпечатка перстня на воске). Они (представления) подразделялись на чувственные и вневещные. К последним относились те, что не создаются органами чувств, а «воспринимаются мыслью, как, например, представления о предметах бестелесных и иных, воспринимаемых только разумом» [Диоген Лаэртский 2011: 262]. Однако в плане использования представлений в качестве критериев истинности тех или иных суждений данное разграничение являлось непринципиальным. Гораздо более существенным было здесь противопоставление представлений постигающих и непостигающих. Только первые, по мнению стоиков, могли выступать в роли критериев истины, ведь «постигающие представления – это те, что возникают от существующего, отпечатлевают и запечатлевают существующее, как оно есть», а «непостигающие представления – это те, что возникают и не от существующего, а если от существующего, то отпечатлевают его не так, как оно есть, но неясно и неотчетливо» [Диоген Лаэртский 2011: 261].

В разные времена разными философами, причислявшими себя к числу стоиков, рассматривались и другие критерии, способные подтверждать или опровергать истинность человеческих мыслей и суждений. Так, если Антипатр и Аполлодор, по свидетельству Диогена Лаэртского, единственным критерием истины считали только постигающее представление, то Боэт допускал множественность такого рода критериев, относя к ним «и ум, и чувство, и возбуждение, и знание». Хрисипп в книге «Об учении» к числу истинностных критериев относил не только чувство, но и предвосхищение, под которым подразумевал «врожденное понятие о всеобщем». А Посидоний в книге «О критерии» свидетельствовал, что некоторые из старших стоиков считали возможным рассматривать в качестве такового «верный разум» или (в другом, более точном переводе) «верное рассуждение» [Диоген Лаэртский 2011: 263; Антология 2001: 659].

Но какие бы ментальные феномены ни назывались у стоиков критериями, везде речь шла только о способах подтверждения или опровержения мыслей и суждений, претендующих считаться истинными. К явлению критериальной оценочности в нашем понимании стоическое понимание мыслительных критериев не имело никакого отношения. Более того, даже говоря о тех или иных разновидностях собственно критериальных оценок, само слово *κριτηριῶν* (*kriterion*) стоики не использовали. Так, утверждая в своих этических сочинениях, что жить в этом мире необходимо, сообразуясь с законами природы, поскольку сама природа устроена в соответствии со всеобщим божественным законом, никто из стоиков не называл законы природы, равно как и «все-проникающий» всеобщий закон, теми критериями, которыми следует мерить человеческую нравственность. И это несмотря на то, что уже основатель стоицизма Зенон Кинийский утверждал, что конечная цель человека – «это жить согласно с природой, и это то же самое, что жить согласно с добродетелью, (ибо) сама природа ведет нас к добродетели» [Диоген Лаэртский 2011: 273].

Наиболее полное и развернутое описание критериев как показателей истинности человеческих мыслей и суждений мы находим в произведениях одного из наиболее последовательных оппонентов стоицизма, яркого представителя греко-римского скептицизма Секста Эмпирика. Поставив своей целью логическое обоснование основного положения философов-скептиков – тезиса о необходимости «воздержания от суждения», Секст значительную часть написанных им сочинений посвятил дискредитации тех ментальных критериев, которые рассматривались стоиками как надежные средства подтверждения истинности выражаемых в суждениях мыслей.

Анализируя концепцию Секста Эмпирика, прежде всего следует отметить, что само понятие критерия мыслилось философом предельно широко. К числу критериев истины он относил и того, кем истина устанавливается, т. е. человека, и те человеческие способности, с помощью которых может быть установлена истина, – чувства и мышление, и те ментальные образования, сообразно с которыми человек принимается судить об истине. При

этом наиболее детально Секстом Эмпириком рассматривались последние.

Подробно проанализировав все психические феномены, которые упоминались стоиками как возможные критерии истинности человеческих мыслей и суждений, Секст пришел к выводу о полном отсутствии среди них таких, что выступая в роли истинностных критериев, могли бы внушать хоть какое-нибудь доверие. Никакие мало-мальски надежные критерии истины невозможны, по мысли философа, уже только потому, что наши чувства постоянно обманывают нас и восприятие одних и тех же объектов может варьироваться в зависимости от самых разных обстоятельств. И действительно: «Зрение, хотя бы и естественное, высказывается об одной и той же башне то как о круглой, то как о четырехугольной; и вкус утверждает, что одни и те же блюда неприятны для насыщенных и приятны для голодных; и равным образом слух воспринимает один и тот же звук ночью как очень сильный, днем как слабый; и обоняние признает одни и те же вещи для большинства людей неприятными, для кожевников же — ничуть; и одно и то же осязание, когда мы входим в предбанник, дает впечатление тепла после предшествующего помещения, а когда мы выходим из бани — холода» [Секст Эмпирик 1976: 270].

Точно так же не могут служить надежными критериями истины и построенные на чувственных данных эмпирические представления, и продуцируемые нашим мышлением логические аргументы. Ведь, «даже если признать что мышление может судить о вещах», то, исходя из того факта, что у разных людей мышление бывает разное, «мы не найдем, как судить сообразно с ним» [Секст Эмпирик 1976: 271, 272]. Общий вывод, к которому приходит в итоге философ, крайне неутешителен: «После того, как выяснилось, что критерий истины недоступен, оказывается невозможным утверждать более что-либо и о том, что кажется очевидным, ... и о неочевидном» [Секст Эмпирик 1976: 279].

С нашей точки зрения наиболее интересными в сочинениях Секста Эмпирика представляются те места, в которых этот выдающийся мыслитель древности поднимает проблемы, связанные с феноменом критериальной оценочности. При этом сам Секст не

разграничивает понятий *критерий истины* и *оценочный критерий*. Но, когда речь заходит у него о некоторых формах собственно критериальной оценки, понятие критерия обретает несколько иное содержание, нежели в тех рассуждениях, где речь идет о поисках критериев истины.

Так, в книге «Против грамматиков», рассматривая вопрос о правильности различных вариантных форм языкового выражения, философ утверждает, что в подобных случаях единственно возможным критерием разграничения «хорошей и нехорошей речи» оказывается «не какое-нибудь научное и грамматическое рассуждение, но бесхитростное и простое наблюдение обычая» [Секст Эмпирик 1976: 85]. Далее, анализируя некоторые случаи вариантного произношения отдельных древнегреческих слов, Секст выражает свое несогласие с «грамматиками», полагавшими, что при решении вопроса о допустимости или недопустимости того или иного произносительного варианта следует руководствоваться принципом аналогии, т. е. соотносительностью слова с другими родственными ему лексемами. По мнению же самого Секста, при необходимости выбора одного из двух сосуществующих фонетических вариантов слова «в качестве критерия надо иметь обычай, а не аналогию» [Секст Эмпирик 1976: 94].

Переводя суждения Секста Эмпирика на язык современной лингвистики, можно утверждать, что в вопросах оценки допустимости речевого употребления различных вариантных языковых форм философ исходил из приоритетности не ученых мнений, а традиционного речевого узуса, сложившегося в определенном языковом коллективе. В его суждениях узуальные закономерности речевого употребления, называемые обычаями, выступают в роли безусловных оценочных критериев. И что самое главное, «обычаи» являются здесь критериями не истинности, а деонтической правильности, т. е. допустимости, тех или иных способов речевого выражения, что к понятию истины не имеет никакого отношения.

В связи с падением популярности и последующим забвением античного скептицизма понятие критерия (и истины, и оценки) вышло из активного употребления в сфере философского и общегуманитарного дискурса, хотя вопросы, связанные с критериаль-

ной оценкой тех или иных жизненных явлений неоднократно поднимались различными мыслителями Средневековья, Возрождения и Нового времени.

Как уже отмечалось выше, в христианской этике уже в самые ранние времена распространения христианства основным критерием оценки уровня нравственного совершенства человеческой личности была объявлена личность Бога-сына Иисуса Христа. И это было сделано не только потому, что Сын Божий почитался христианами как непререкаемый моральный авторитет, чьи слова и действия не подлежали ни малейшему сомнению. Дело заключалось еще и в том, что нравственное уподобление Христу, понимаемое как «обожение» человеческой личности, рассматривалось всеми как неперемненное условие обретения жизни вечной в Царстве Божием. Что же касается мыслителей Нового времени, то здесь нужно констатировать, что, следуя господствовавшему тогда в Европе духу рационализма, они были больше озабочены делами обыденной повседневности, например, проблемой моральной оценки отдельно взятого человеческого поступка.

Достойное освещение данная проблема нашла в нравственной философии Иммануила Канта. В книге «Критика практического разума», посвященной исключительно вопросам этики, Кант настаивал на необходимости превратить моральную оценку «в естественное занятие, сопутствующее нашим собственным поступкам и рассмотрению свободных поступков других». Оценка эта, полагал философ, должна происходить в два этапа, включать в себя две самостоятельные мыслительные операции. Сначала необходимо выяснить, «объективно ли сообразуется поступок с моральным законом и с каким именно», а затем определить, «совершен ли поступок (субъективно) ради морального закона» или по каким-то иным мотивам [Кант 1965: 496]. Формальное соответствие какого-либо человеческого деяния требованиям морального закона Кант называл нравственной правильностью или легитимностью поступка. Однако подлинной нравственной ценностью, полагал философ, поступок может обладать только тогда, когда он совершается исключительно из чувства уважения к моральному закону, ведь «суть всякой нравственной ценности по-

ступков состоит в том, что моральный закон непосредственно определяет волю» [Кант 1965: 396].

Анализируя рассуждения Канта нужно будет согласиться с тем, что первый этап предложенной философом оценочной процедуры представляет собой несомненный акт критериальной оценки. Однако оценка здесь обладает некоторой, на наш взгляд довольно существенной, спецификой. Она заключается в том, что при оценке какого-то конкретного человеческого поступка в роли оценочного критерия выступает не весь нравственный закон в целом, а только какое-то конкретное его предписание или, говоря современным языком, конкретная моральная норма. Содержание предписаний такого рода всегда носит деонтический характер (от греч. *deon* – «должное») и переводит представление о той или иной форме человеческого поведения в модальную плоскость обязательного, допустимого или запретного. Таким образом, оценивая какой-то определенный поступок с нравственной точки зрения, мы не просто устанавливаем его соответствие или несоответствие какому-то параграфу нравственного закона, но и выявляем то деонтическое отношение к данному поступку, которое диктуется соответствующим предписанием закона.

На втором этапе описанной Кантом оценочной процедуры осуществляется анализ мотивации оцениваемого человеческого поступка и, если выявляется его обусловленность исключительно «уважением к нравственному закону», т. е. чувством морального долга, это признается основанием для формирования ценностного отношения к такому поступку.

Помимо поиска критериев моральной оценки человеческого поведения, большое значение в философии Нового времени обрела проблема эстетической оценки художественных (и в первую очередь литературных) произведений. С особой остротой данная проблема встала в XIX веке в связи с ростом популярности нового художественного метода – романтизма, резко порывавшего с существовавшими до него эстетическими традициями. Исчерпывающая характеристика сложившейся ситуации была дана Фридрихом Шеллингом, который в своих лекциях по философии искусства говорил следующее: «Насколько разнородным стало искусство в себе самом, настолько же разнородны и разнообразны

по своим оттенкам различные точки зрения в оценках. Ни одна из спорящих сторон не понимает друг друга. У одних мерой служит правда, у других – красота, между тем ни один не знает, что такое правда и что такое красота» [Шеллинг 1999: 55]. Совершенно очевидно, что речь в данном пассаже идет об отсутствии в современной Шеллингу эстетической мысли четких и ясных, а главное признаваемых всеми, критериев оценки художественных произведений. Правда, сам философ вопроса о критериях эстетической оценки в своих лекциях напрямую не ставит. Он только говорит о том, что философия должна выработать «строго научную точку зрения на искусство», которая необходима для «интеллектуального созерцания художественного произведения, а также для выработки суждений о них» [Шеллинг 1999: 54]. Ведь только философия, по мнению Шеллинга, «выражает в идеях то, что истинный художественный вкус созерцает в конкретном и чем определяется подлинная оценка» [Шеллинг 1999: 56]. Исходя же из общего содержания шеллинговских теоретических построений, можно предполагать, что в качестве всеобщего критерия эстетической оценки здесь мыслился некий идеальный «первообраз красоты» как одно из проявлений высшего «абсолютного».

Через сорок лет после Шеллинга, в 1842 году, вопрос о том, какой должна быть эстетическая оценка художественного произведения, был поднят выдающимся русским критиком В.Г. Белинским. По мнению Белинского, в области искусства «нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основании личного произвола, непосредственного чувства или индивидуального убеждения». Выражения «мне нравится, мне не нравится» не должны иметь здесь места, поскольку они более уместны, когда речь идет кушаньях, винах, рысаках, гончих собаках и т. п. О произведениях же литературы и искусства нужно «судить во имя общечеловеческого разума, а не во имя своей особы» [Белинский 1979: 66].

Для прояснения сути теоретической позиции Белинского следует напомнить, что те времена, когда корифеем отечественной критики писались статьи, посвященные проблеме эстетической оценки, их автор оставался еще вполне правоверным гегельянцем и полагал абсолютный дух, или божественный разум, реальной первоосновой всего сущего. И если «мудрость Божия» яв-

ляется нам в природе, задавался вопросом критик, то почему она не может проявиться «и в действиях разумной воли человека», в частности в искусстве, «разве человек творит великое от себя и собою, а не Богом и через Бога?» [Белинский 1979: 71]. Вопрос, что называется, из разряда риторических. И если в каждом мало-мальски стоящем произведении содержится отражение и воплощение божественного разума, то первоочередной задачей художественной критики является обнаружение его там: «разум во всем ищет самого себя и только то признает действительным (читай – достойным бытия), в чем находит самого себя». Те же произведения, «в которых разум не находит ничего своего», считаются «только эмпирически существующими, но не действительными. Этот процесс и называется критикою» [Белинский 1979: 65, 66].

В общем виде понимание Белинским-гегельянцем сущности критики было сформулировано им так: «Критиковать – значит искать и открывать в частном явлении общие законы разума, по которым и чрез которые оно могло быть, и определять степень живого, органического соотношения частного явления с его идеалом» [Белинский 1979: 66]. Из этого утверждения ясно следует, что под критикой Белинский в 1842 году понимал оценочное мыслительное действие, заключающееся в соотнесении содержания художественного произведения с некими законами божественного разума как эстетическими идеалами и оценочными критериями. Хотя слов *критерий* и *оценка* гений отечественной критики в своих сочинениях не использовал.

Гораздо определеннее на этот счет высказывался другой выдающийся русский критик и теоретик литературы А.А. Григорьев, у которого мы и находим первое сознательное употребление слова *критерий* (в латинско-немецкой огласовке *критериум*) в применении к описанию феномена критериальной оценки.

Свое видение предмета Аполлон Григорьев изложил в опубликованной в 1858 году статье «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства». Он, как и В.Г. Белинский, отвергал здесь метод оценки, основанной на личных вкусах и пристрастиях, и был озабочен поиском какого-то единого логического основания для определения реального эс-

стетического достоинства того или иного художественного произведения. Именно это гипостезируемое основание и получило название оценочного критериума.

Правда, в отличие от молодого Белинского, Аполлон Григорьев отказался использовать в качестве критерия эстетической оценки идею абсолютного духа в гегелевском его понимании, в силу исторической изменчивости и неясной выраженности последнего. Именно в непризнании неизменного, раз и навсегда данного Богом эстетического идеала Григорьев видел главный порок современной ему исторической (т. е. гегельянской) критики. Ведь с её точки зрения, «нет истины абсолютной (при идее о бесконечном развитии), то есть, проще же говоря, нет истины. Нет, стало быть, и красоты безусловной, и добра безусловного. Так как на этом душа человеческая никоим образом успокоиться не может, так как ей нужен идеал, нужна крепкая основа, – то последнее звено развития, последняя относительная истина признается за критериум» [Григорьев 1967: 135].

По мнению самого Аполлона Григорьева, единственно верным «критериумом» эстетической оценки может быть только «единый идеал правды, красоты и любви», который один только и есть «вечная правда человеческой души». Идеал этот, смутно доступный интуитивной силе человека и явившийся миру во плоти в облике Иисуса Христа, «пребывал и пребывает от века». Он есть «неизменный критериум различения добра и зла, права и неправа. Не он, стало быть, не вечная правда судится и измеряется веками, эпохами и народами, а века, эпохи и народы судятся и размеряются по мере хранения вечной правды души человеческой и по мере приближения к ней» [Григорьев 1967: 130, 134, 135].

Что же касается оценки конкретных произведений литературы и искусства, то необходимость использования в ней рассмотренного выше идеала как оценочного критерия обуславливается, по Григорьеву, тем, что жить вообще без идеала и обходиться без «критериума» не свойственно человеческой природе и во все времена люди высказывали одни и те же предопределяемые идеалом требования, которые и находили свое отражение в искусстве. Правда, в ту или иную конкретную историческую эпоху

«идеал может быть затерян, храним под спудом в ожидании его яркого рассвета; и тогда «сидящие во тьме и сени смертной» ищут его ощупью и возвращаются к осознанию его многотрудным путем отрицаний всего того, что не есть он». Но при этом все равно «сам идеал остается всегда один и тот же, всегда составляет единицу, норму души человеческой. Иначе – нет искусства, а есть раболепное служение всякой жизни и повторение её случайных явлений» [Григорьев 1967: 150, 151]. Именно поэтому оценка художественного произведения должна производиться «с приложением общего критериума души человеческой и с началами суда по степени приближения к этому критериуму или удаления от него». Причем искусство «судится с точки зрения идеала жизни, а не явлений её, ибо оно... само есть свет в отношении к явлениям» [Григорьев 1967: 152]. Последнее утверждение – явный камешек в огород критиков так называемой натуральной школы, полагавших верность природе главным достоинством реалистического искусства.

В своих попытках выстроить теорию оценки с использованием понятия оценочного критерия Аполлон Григорьев был не одинок. Другим отечественным мыслителем, также использовавшим данное понятие в своих теоретических построениях, был выдающийся русский философ XIX века В.С. Соловьев. В докторской диссертации «Критика отвлеченных начал», защищенной и опубликованной в 1880 году, Соловьев недвусмысленно заявил, что человеческая нравственность, теоретическое познание и художественное творчество необходимо требуют неких «безусловных критериев», посредством которых определялось бы объективное достоинство производимых людьми деяний, артефактов и идей и которые позволяли бы отграничивать феномены, соответствующие понятиям блага, истины и красоты, от тех вещей, что таковыми не являются [Соловьев 1988: 587].

Таковыми критериями, по мнению Соловьева, должны быть идеи абсолютного блага, абсолютной истины и абсолютной красоты, мыслимые философом как ипостаси, составные части некоего идеального божественного «всеединства», определяющего общий «порядок мировой жизни» [Соловьев 1988: 744, 745]. Человек, как полагал Соловьев, способен осваивать и использовать

все эти критерии, поскольку изначально «имеет в своем сознании божественную идею как безусловную норму, которою он оценивает все свои деятельности» [Соловьев 1988: 712]. Содержание этой идеи раскрывается посредством особого мистического восприятия, от которого логическое мышление человека получает свою «безусловную разумность», а эмпирический опыт – «значение безусловной реальности».

Постигаемый таким образом божественный «смысл вещей» рассматривался Соловьевым в качестве единственно возможного объективного критерия истинности всех человеческих представлений, причем не только получаемых теоретическим путем, но и выводимых из данных чувственного восприятия. Применительно же к человеческой нравственности универсальным мерилom оценки всех возможных её проявлений была объявлена «общая идея добра», которой человек обладает от природы и которой он «постепенно сообщает... достойное её содержание, стремясь установить такие нравственные требования и идеалы, которые были бы по существу всеобщими и необходимыми» [Соловьев 1988: 99]. Текстов, посвященных специфике эстетической оценки, В.С. Соловьев не оставил, однако, исходя из логики его рассуждений, можно предположить, что и здесь всеобщим и универсальным критерием эстетически прекрасного выступала бы некая врожденная идея абсолютной красоты, соотносимая с соответствующей ипостасью божественного «всеединого».

После А.А. Григорьева и В.С. Соловьева вопрос о критериальных оценках затрагивался некоторыми отечественными философами и логиками советского периода. Однако тема эта всплыла в содержании советского философского, этического, эстетического и логического дискурса далеко не сразу, а спустя несколько десятилетий после установления в стране диктатуры пролетариата. И это несмотря на то, что проблема сущности и общей типологии оценочности разрабатывалась еще до революции первым народным комиссаром просвещения в советском правительстве А.В. Луначарским.

Правда, слова *критерий* Луначарский в своих работах об оценках не использовал. И неспроста. Объединяя совершенно разные типы оценок под общим понятием эстетической оценки,

нарком полагал, что в конечном итоге их общая основа «есть не что иное, как аффекциональная окраска, удовольствие или неудовольствие, возбуждаемое в нас оцениваемым». Причем «это удовольствие или неудовольствие могут быть непосредственными – тогда мы имеем дело с оценкой собственно эстетической». С другой стороны, «они могут быть опосредованы соображениями разума», когда ценность объектам оценки придает «конечное наслаждение, могущее проистечь от них». Это тоже «эстетическая оценка», только отнесенная к последствиям оцениваемых явлений. В конечном же итоге «всякая оценка по существу... всегда сводится к суждению о росте или уменьшении жизни, причиняемом оцениваемым явлением» [Луначарский 1967: 61]. Вполне естественно, что в заявлениях подобного рода слово *критерий* было бы просто неуместно: ведь даже понятия роста или уменьшения жизни выступают здесь не как оценочные критерии, а как элементы обычной дескрипции в суждениях о причинно-следственных отношениях между определенными явлениями и их последствиями. Сама же фиксация таких отношений и использование её в качестве логического аргумента в дальнейших рассуждениях оценкой по существу не является.

Новая волна интереса к феномену оценочности поднялась в отечественной науке в 60-е годы прошлого века, после того как тогдашний лидер страны Н.С. Хрущев в своем докладе XXI съезду КПСС сказал несколько слов о материальных и духовных ценностях советского общества. До этого момента само понятие ценностей считалось идеалистическим плодом гнилой буржуазной философии и находилось под негласным запретом. Но когда запрет на использование данного понятия был снят, стали появляться многочисленные публикации, посвященные различным аспектам ценностного отношения к различным природным, социальным и культурным объектам. В этих работах, естественно, затрагивались и более общие вопросы, связанные с определением понятия оценки и общей типологией оценочности. При этом некоторые авторы писали и об оценочных критериях как обязательных ментальных компонентах определенных оценочных ситуаций, оценочных актов и типов оценок.

В тех трактовках понятия оценки, которые предлагались советскими философами, логиками, специалистами в области этики и эстетики, совершенно отчетливо можно выделить четыре основных логических подхода:

1. Понимание оценки как приписывания тем или иным материальным и идеальным объектам некоего ценностного значения, под которым могло пониматься или выявление объективной значимости данных объектов для человеческой жизнедеятельности, или установление по их адресу субъективного отношения ценности, почитания, осознания необходимости их бытия.

2. Более широкое понимание оценки как того или иного явно выраженного позитивного или негативного отношения к объекту оценки, которое может быть не только ценностным, но и эмоциональным, дезидеративным и даже нормативным (или деонтическим).

3. Трактовка оценки как особой логической операции, заключающейся в мысленном соотнесении объекта оценки с тем или иным оценочным критерием.

4. Комплексное понимание оценочности как определенной совокупности целого ряда разнородных, но так или иначе связанных между собой оценок.

Вполне естественно, что тема существования особых оценочных критериев затрагивалась преимущественно при описании тех или иных типов оценок в рамках двух последних из обозначенных нами логических подходов. Хотя у некоторых авторов были определенные попытки поиска каких-то критериев и при раскрытии сущности ценностной оценки в пределах первого понимания феномена оценочности.

Так, В.П. Тугаринов, одним из первых в советской философии начавший разработку проблемы ценностей, когда рассматривал в своей первой книге ценности морального характера, отметил, что к ним относятся нормы морали, социальные отношения и человеческие поступки. Но не все, а только «нужные, полезные для людей». Поэтому признак полезности является «реальным критерием» отнесения норм, отношений и связанных с ними поступков к числу моральных ценностей [Тугаринов 1960: 61].

Во второй монографии Тугаринов несколько скорректировал свое видение ценностных критериев. Критерий утилитарной полезности он оставил для определения ценности различных материальных объектов. Для определения же духовных ценностей – ценностей, создаваемых наукой, моралью и искусством, – были предложены другие критерии: для науки – истина, для морали – добро, для искусства – красота. И совершенно особый критерий, претендующий, однако, на «общечеловеческое значение», был выдвинут для обоснования ценностного статуса явлений социально-политического характера. Он был обозначен как «критерий прогрессивности», под которым подразумевалось «понятие общественного прогресса и прогресса личности» [Тугаринов 1968: 32–35].

Все явления, трактуемые Тугариновым как ценностные критерии, реально представляют собой определенные свойства выступающих в роли объектов ценностной оценки предметов. Обладание данными свойствами, действительно, обуславливает возможность ценностного отношения к их носителям, можно даже сказать, является непосредственной причиной возникновения такого отношения. Однако в ситуациях именно ценностной оценки такие вещи, как полезность какого-либо материального объекта, истинность научного знания, красота произведения искусства, прогрессивность какого-то социального института и т. п., выступают не как оценочные критерии, а как основания оценок. Критериев же в оценках, выражающихся в определенном отношении к оцениваемому объекту, быть не может. Они здесь просто лишние. Хотя результаты тех или иных критериальных оценок, как некие предварительные данные, могут служить основаниями для ценностных и других оценок-отношений (которые можно было бы назвать реляционными). Так, формы человеческого поведения, соответствующие каким-то общепризнанным идеалам и образцам как оценочным критериям, оказываются эмоционально одобряемыми, желаемыми и, в конце концов, обретающими статус поведенческих или, если угодно, нравственных ценностей.

В общей теории оценок и ценностей, именуемой с некоторых пор аксиологией, проблема разграничения оснований оценок и оценочных критериев всегда стояла очень остро. Так, А.А. Ивин,

одним из первых в нашей стране начавший разрабатывать формальную логику оценок, совершенно справедливо отметил, что под основанием оценки «в самом общем виде» следует понимать «ту позицию или те доводы, которые склоняют субъектов к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами» [Ивин 1970: 27]. Однако, когда речь зашла о конкретных типах оснований оценок, в их числе, наряду с некоторыми оценочными чувствами и ощущениями, а также представлениями о каких-то вещах как средствах достижения тех или иных целей, Ивиным были обозначены и различные используемые в оценках образцы, идеалы, стандарты.

По этому поводу Ивин писал следующее: «Обычно, когда мы говорим о некотором ноже, что он хорош, без всякой дальнейшей квалификации, мы оцениваем его с точки зрения некоторого стандарта, которому, как мы думаем, должен удовлетворять всякий нож, чтобы оцениваться положительно. “Хороший певец”, “хороший генерал” и т. п. означают в случае таких оценок примерно то же, что и “такой певец, генерал и т. п., каким он должен быть”. Слово “должен”... указывает на существование определенных стандартов, касающихся певцов и генералов» [Ивин 1970: 31]. Соглашаясь с содержанием данных утверждений в целом, следует, тем не менее, совершенно однозначно заявить, что упоминаемые в них образцы и стандарты выступают не в качестве непосредственных оснований реляционных оценок, а как оценочные критерии в оценках критериального характера, и только результаты последних могут служить основаниями для реляционной оценки как позитивного или негативного отношения к оцениваемому объекту.

Специфика критериальной оценочности и существо оценочного критерия как её необходимейшего компонента впервые были теоретически определены в монографии Б.А. Кислова «Проблема оценки в марксистско-ленинской философии», где автор совершенно однозначно утверждал: «Мы точно знаем, что оценка есть новое знание о предмете, которое возникает на основе безоценочной информации о нем путем сравнения, сопоставления имеющегося знания с оценочным критерием» [Кислов 1985: 23]. Такое определение представляется нам вполне приемлемым в ка-

честве рабочего, с одной лишь небольшой поправкой: новое оценочное знание о предмете должно рассматриваться не как сама критериальная оценка (ибо она есть процесс, мыслительный акт) а только как её продукт, результат.

К сожалению, концепция Кислова не получила широкого признания в науке и не обрела того научно-методологического значения, которого объективно заслуживала. Отчасти это было обусловлено некоторой ограниченностью воззрений самого автора, который под оценкой понимал только оценку ценностного (аксиологического) характера, где в качестве оценочного критерия выступают исключительно человеческие потребности. При таком подходе центральным понятием теории оценки была заявлена «аксиологическая значимость» различных материальных и идеальных предметов, под которой понимался тот «тип значимости, когда предметы обретают свое новое качество в зависимости от способности и в равной мере неспособности соответствовать потребностям человека» [Кислов 1985: 31]. Именно выявление этой значимости рассматривалось как сущностное предназначение и главная функция оценки.

Справедливости ради, следует отметить, что, помимо аксиологической оценочности, Б.А. Кисловым признавалась и возможность существования других, «неаксиологических» видов оценок, «сходство которых с собственно оценкой заключается в использовании определенного рода мерок и масштабов в воспроизведении своего объекта отражения». К числу таковых, по мнению Кислова, может быть отнесена, например, оценка текучести кадров на каком-либо предприятии: она «имеет в своей основе некоторые стандарты, но это не есть оценка в собственном смысле слова» [Кислов 1985: 146]. С нашей же точки зрения, понятия стандарта, нормы, идеала, равно как и множество других понятий и представлений, вполне могут выступать, наряду с представлениями о человеческих потребностях, как самодостаточные критерии в самых разных актах критериальной оценки.

Косвенными подтверждениями тому могут служить ссылки на различные оценочные критерии в теоретических работах, относящихся к самым разным областям гуманитарного знания. Особенно часто понятие критерия встречается в трудах по этике,

там где речь заходит о специфике моральных оценок. Здесь в качестве критериев оценки человеческих поступков разными авторами обозначаются такие ментальные образования, как общие понятия добра и зла [Дробницкий 1967: 239], освященные традицией поведенческие нормы [Шишкин 1968: 239], моральные идеалы, мыслимые как «то, что может иметь место в идеальном царстве и что может получить адекватное языковое выражение только через сослагательное наклонение» [Гусейнов 2002: 7].

1.2. ОПИСАНИЕ КРИТЕРИАЛЬНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В современной лингвистике тема оценочности вообще и критериальной оценочности в частности изучается многоаспектно – как целый комплекс вопросов, связанных со структурой, семантикой, прагматикой и стилистикой самых разных по своей природе оценочных слов и высказываний. Традиция исследования феномена оценочности через описание выражающих оценки понятий и суждений уходит своими корнями в то направление европейской и американской науки, которое получило название *метаэтика*. У его истоков стоит выдающийся английский философ Дж. Мур, который наряду с Б. Расселом и Л. Витгинштейном входит в почетную тройку мыслителей, определивших, как считается, общее направление развития философии и вообще всех гуманитарных исследований в англоязычных странах в XX веке.

Размышляя в своих «Принципах этики» о нравственной сущности добра, Дж. Мур пришел к выводу, что все имеющиеся по этому поводу разногласия носят «в конце концов чисто вербальный характер». Ведь, «когда А говорит: “Добро означает удовольствие”, а Б говорит: “Добро означает желаемое”, они, вероятно, хотят сказать, что большинство людей пользуется словом “добро” для обозначения и удовольствия, и того, что желаемо» [Мур 1984: 69]. Таким образом, для определения сущности добра оказывается необходимым прежде всего определить то, какой конкретный смысл вкладывают люди в данное слово и по каким поводам, в каких ситуациях они его употребляют. В другом месте, до этого, Муром отмечалась необходимость тщательного ис-

следования этических суждений, содержащих в своем составе, помимо понятия *добро*, такие «термины», как *добродетель*, *порок*, *правильное*, *обязанность*, *долг* и т. п. [Мур 1984: 59]. А поскольку анализ содержания такого рода понятий и суждений выносился за рамки традиционной этики, ученики и последователи Дж. Мура предложили ввести для обозначения науки, занимающейся всеми этими вещами, термин *метаэтика* (дословно – то, что после этики).

Другой, может быть самой большой, научной заслугой Мура было разоблачение так называемой «натуралистической ошибки», постоянно допускаемой философами и этиками в трактовке понятий добра, хорошего и других морально-оценочных понятий. Констатируя тот факт, что в этике всегда имело место стремление выявить те свойства, которые бывают объективно присущи явлениям, трактуемым как добро и вообще хорошее, Мур не видел в этом в принципе ничего плохого. Натуралистическая же ошибка, по его мнению, возникала тогда, когда «философы думали, что установление этих других (т. е. не совпадающих с добром и хорошим) свойств и есть в действительности определение понятия "добро"; когда считалось, «что эти свойства в действительности были не просто чем-то "иным", а абсолютно и целиком тем же самым, что и добро» [Мур 1984: 67, 68].

Добро и все хорошее, согласно Муру, нельзя познать ни эмпирически, ни путем логических рассуждений, «суждения о том, что является добром самим по себе, очевидны сами по себе, для их обоснования нельзя привести никаких доказательств» [Мур 1984: 234]. Сам же философ предлагал различать два вида добра, ориентированные, по его мнению, «на эстетические наслаждения, с одной стороны, и на удовольствия, даваемые чувствами к людям, с другой» [Мур 1984: 297]. Таким образом, понятия добра и хорошего трактовались как исключительно реляционно-оценочные, выражающие или эстетическую «оценку прекрасного в искусстве и природе», или моральную оценку того, «что является ценным в общении людей между собой» [Мур 1984: 299, 300].

Дальнейшая теоретическая разработка муровского понимания добра и хорошего как категорий этики получила название

этического эмотивизма. У его истоков, помимо Дж. Мура, стояли английский семасиолог Ч.К. Огден и американский литературовед и философ А.А. Ричардс. В опубликованном ими в 1923 году логико-философском труде «Значение значения» совершенно однозначно была сформулирована мысль о реляционно-оценочном характере большинства нравственных понятий и этических суждений. По утверждению Огдена и Ричардса, в суждениях морально-оценочного характера какая-то объективная информация о логическом субъекте выражается только его лексическим значением, а добавление оценочного предиката ничего не меняет в наших представлениях о субъекте, поскольку выражает только определенное эмоциональное отношение к нему. С этой точки зрения, «высказывание «Это – хорошо» не имеет функции обозначения. Оно служит только эмотивным знаком выражения нашего отношения к этому и, возможно, вызывающим подобное отношение у других людей» [Ogden 1949: 125].

В 30–40-е годы XX века концепция эмотивизма получила широкое распространение в европейской и американской науке. В числе её приверженцев могут быть названы такие известные ученые, как английские философы-позитивисты Э. Айер и Б. Рассел, американский позитивист Ч. Стивенсон, глава Венского философского кружка Р. Карнап, видный член берлинского «Общества эмпирической философии» Г. Рейхенбах и многие другие. В 50-е годы в недрах эмотивистской этики возникло новое научное направление – этический прескриптивизм, представители которого – американцы Р. Хэар и У. Франкена, оксфордские этики Д. Уорпек и Ф. Фут – основное внимание уделяли уже не выявлению эмоциональной основы морально-оценочных суждений, а их прескрипционным (предписывающим) функциям.

Достаточно полное и завершенное изложение концепции этического эмотивизма можно найти в книге Элфрида Айера «Язык, истина и логика». Её автор, предложив разделять логические суждения на эмпирические и аналитические, пришел к выводу о том, что суждения этического характера не могут быть отнесены ни к тем, ни к другим, поскольку не несут никакой информации об эмпирических фактах, а только выражают моральное, эмоциональное по своей сути, отношение к ним.

Согласно утверждению Айера, этические суждения не могут быть ни истинными, ни ложными, поскольку являются всего лишь выражениями «моральных чувств», подобными непроизвольным крикам боли или восклицаниям ужаса, которые хотя и могут сообщить стороннему наблюдателю что-то о психическом состоянии человека, но не содержат в себе никакой мысли. Об этом Айер писал дословно следующее: «Говоря, что какой-то тип действия является хорошим или дурным, я не высказываю никакого утверждения... даже о моем умонастроении. Я просто выражаю определенные моральные чувства». Ну а «тот человек, который по видимости противоречит мне, всего лишь выражает свои моральные чувства» [Ayer 1936: 159]. Трактующим подобным образом понятия хорошего и дурного, равно как и все остальные морально-оценочные понятия, были объявлены Айером «псевдопонятиями», не поддающимися логическому анализу. Поэтому в качестве основной задачи метаэтики было декларировано не описание семантического содержания данных понятий, а только исследование закономерностей их употребления.

Аналогичные рассуждения можно обнаружить в работах Ч. Стивенсона, Б. Рассела, Р. Карнапа, Г. Рейхенбаха, М. Шлика и целого ряда других, менее значительных представителей европейской и американской метаэтики. Вполне естественно, что при свойственном всем метаэтикам реляционном понимании сущности морально-оценочных понятий и суждений вопросам, связанным с описанием феномена критериальной оценочности, в их трудах не уделялось практически никакого внимания.

Отрадным исключением на этом фоне выглядит трактовка оценочной семантики, предложенная Р. Хэаром в книге «Язык морали». Здесь автор, анализируя употребление прилагательного *хороший*, приходит к выводу, что чаще всего данное слово выражает одновременно сразу два значения – оценочное и дескриптивное. Оценочное значение проявляется в том, что, определяя те или иные предметы как хорошие, мы тем самым «их хвалим или рекомендуем» [Хэар 1985: 189]. Но параллельно с этим слово *хороший* выражает в свернутом виде и некоторую дескрипцию – своеобразное оценочное описание определяемого предмета. От обыкновенной дескрипции, выражаемой обычными прилагатель-

ными, оценочная дескрипция отличается тем, что приписывает какие-либо признаки предмету не непосредственно, а через соотнесение его с некоторым ментальным стандартом, заключающим в себе определенный набор представлений о тех или иных, зачастую даже не связанных между собой признаках, который используется в качестве оценочного критерия.

В самом простом и наглядном виде концепция оценочной дескрипции была проиллюстрирована Хэаром на примере оценки качества клубники. «Допустим, – писал Хэар, – нам известны все дескриптивные свойства, которыми обладает клубника (мы знаем истинностное значение каждого дескриптивного предложения, описывающего клубнику); нам известно также значение слова *хороший*; что же еще нам нужно знать для того, чтобы назвать данную клубнику хорошей? Ответ на этот вопрос очевиден. Мы должны знать, по каким качественным критериям клубника может быть признана хорошей, то есть наличие каких черт и свойств делают клубнику хорошей или, другими словами, каков стандарт хорошей клубники» [Хэар 1985: 183]. Для того чтобы считать клубнику хорошей, нужно знать, что она красная, крупная, сладкая и сочная. Этим набором признаков, согласно Хэару, и исчерпывается общепринятый стандарт качества клубники, выступающий как оценочный критерий.

Рассмотренный выше случай был отнесен к разряду наиболее простых и понятных в силу ясной определенности и общепризнанности привлекаемого оценочного стандарта. Однако далеко не всегда критерии, используемые как средства оценки, могут быть столь же четкими и ясными. Именно неопределенность, нечеткость, неясность оценочных критериев вызывает наибольшие затруднения и разногласия при определении тех или иных предметов как хороших или плохих, а также при «расшифровке» понятий хорошего и плохого в каждом конкретном случае.

Возможная неопределенность того или иного оценочного критерия зачастую носит чисто субъективный характер и обусловливается недостаточностью когнитивных представлений конкретного человека о том предметном классе, к которому принадлежит объект оценки. Р. Хэар иллюстрировал это теоретическое положение следующим образом: «Если я адресую фразу *М* –

хороший автомобиль человеку, который не видел и ничего не знает о М, но которому, однако, известно, какие автомобили обычно считаются хорошими (каков принятый стандарт хороших автомобилей), то несомненно, что этот человек получит из моей реплики информацию о некоторых свойствах М. Если впоследствии обнаружится, что автомобиль не может развить скорость больше 30 миль в час, потребляет много горючего или местами поржавел, то он упрекнет меня в том, что я сообщил ему неверную информацию. Основания для упреков будут такими же, как если бы я сказал, что автомобиль красный, а потом обнаружилось, что он черный». Иными словами, коммуникативный эффект оценочной дескрипции будет в рассмотренном случае точно такой же, как и при дескрипции обычного типа [Хэар 1985: 184].

Другое дело, если вдруг окажется, что адресат сообщения мало сведущ во всем том, что касается автомобилей. Тогда коммуникативный эффект приведенного выше высказывания будет принципиально иным. Р. Хэар описывает это так: «Предположим, что слушающий абсолютно не разбирается в автомашинах (подобно тому как сейчас большинство из нас совершенно не разбирается в лошадях) и знает о них не больше, чем нужно для того, чтобы отличить автомобиль от двухколесного экипажа. В этом случае моя фраза *М – хороший автомобиль* не даст ему каких-либо дополнительных сведений о М, кроме информации о том, что М – автомобиль» (и, добавим мы, что этот автомобиль соответствует определенному стандарту). Правда, если у адресата сообщения впоследствии будет возможность изучить М, «он обнаружит, что М обладает некоторыми качествами и свойствами, благодаря которым люди называют этот автомобиль хорошим». И если делать суждения подобного рода о большом количестве автомашин, а собеседник будет иметь возможность знакомиться со всеми или большинством из них, то со временем он приобретет познания, достаточные для того, чтобы правильно интерпретировать высказывания о том, что тот или иной автомобиль хороший. Услышав такое высказывание, он будет рассчитывать, что машина быстроходная, устойчивая и т. д. [Хэар 1985: 185]. Здесь уже можно говорить об экспликации, передаче, или установлении представлений о стандартных признаках хороших автомобилей,

которые в дальнейшем могут выступать как более или менее устойчивые критерии оценки [Хэар 1985: 185, 186].

Содержание некоторых оценочных критериев может определяться принадлежностью оценивающего субъекта к той или иной национальной (этнической) культуре. Р. Хэар трактовал эту зависимость как связь используемых в оценках стандартов с тем языком, которым владеет субъект. В качестве примера, подтверждающего данное положение, Хэаром был приведен случай, когда один человек, владеющий английским и французским языками как родными, совершенно бессознательно дал две совершенно разных оценки одному и тому же факту, первую – по-английски, а вторую – по-французски. Дело заключалось в том, что, гуляя дождливым днем в парке, он встретил там женщину, одетую в какой-то не очень симпатичный комбинезон, и его мысленная реакция оказалась выраженной сразу на двух языках. По-английски этот человек сказал себе: «Очень складный комбинезон. Однако как неудобно», а затем подумал по-французски: «Она выглядит ужасно нелепо». По мнению Хэара, столь разная реакция человека на один и тот же факт может быть объяснена тем, что «стандарты, из которых он исходил, в английском и французском сильно отличаются друг от друга» [Хэар 1985: 191]. С нашей же точки зрения, дело здесь не в особенностях языков, а в своеобразии национальных культур и диктуемых ими эстетических вкусов. Как отмечал и сам Хэар, то, что «по английским понятиям вполне уместно, по французским понятиям – смешно» [Хэар 1985: 191]. Языковые же средства критериальной оценочности указывают только на соответствие или несоответствие объекта оценки оценочному критерию, а содержание самих критериев как неких оценочных стандартов находится уже за рамками собственно языка. Оно принадлежит той сфере сознания, которая именуется общим информационным тезаурусом человека и формируется его культурой, образованием, жизненным опытом, интересами и многими другими факторами.

Выступающие в роли оценочных критериев стандарты обладают свойством исторической изменчивости. Более того, они могут существенно меняться даже на протяжении жизни одного поколения. Возвращаясь к теме хорошей автомашины, Хэар писал

об этом так: «Может случиться, что внешний вид автомобилей в ближайшем будущем резко изменится (скажем, уменьшатся их размеры). Тогда, вероятно, мы не будем называть хорошим автомобиль, который сейчас с полным правом заслуживает такого определения... Если описанный процесс действительно произойдет, то мы, возможно, скажем: *Автомобили 50-х годов не были хорошими; До 1960 года не было ни одного хорошего автомобиля*». В этих высказываниях слово *хороший* будет иметь контекстуальное дескриптивное значение, несколько отличающееся от того, которым оно обладало ранее. И произойдет это в силу изменения содержания стандарта, используемого здесь в качестве критерия оценки [Хэар 1985: 189].

Эти и другие соображения относительно вариабельности семантического наполнения прилагательных *хороший* и *плохой* привели Р. Хэара к мысли о том, что у данных слов первичным и основным является не изменчивое дескриптивное (критериально-оценочное по своей сути) значение, а относительно стабильное собственно оценочное, заключающееся в выражении одобрения, похвалы, рекомендации. Хэар утверждал даже, что при изменении применяемого как критерий оценки стандарта именно собственно оценочное (точнее, реляционно-оценочное) значение, само оставаясь неизменным, используется в качестве основы для установления нового оценочного стандарта и соответствующего изменения дескриптивного значения [Хэар 1985: 190]. С нашей точки зрения такая трактовка соотношения критериально-оценочных и реляционно-оценочных значений представляется принципиально неверной. Ведь именно результат критериальной оценкой зачастую становится поводом для той или иной эмоциональной оценки предмета, для его одобрения или осуждения, порицания или похвалы, не говоря уже о рекомендации его к потреблению или практическому использованию.

Мы можем согласиться с Р. Хэаром только в том, что «дескриптивные» и «собственно оценочные» значения слов *хороший* и *плохой* могут существовать и раздельно, не сочетаясь друг с другом. И зависит это во многом от специфики оцениваемых объектов. Сам Хэар писал по данному поводу следующее: «Если я называю яйцо хорошим, всем сразу понятно, какое именно

свойство яйца я имею в виду – это его свежесть. При таком использовании слова в нем доминирует дескриптивное значение, что зависит от наличия жесткого стандарта для оценки качества яиц. С другой стороны, если я называю хорошим какое-нибудь стихотворение, то в моем высказывании содержится очень мало дескриптивной информации, потому что не существует общепринятого критерия для выделения класса хороших стихотворений». Тем не менее, если стихотворение названо хорошим, адресат сообщения вполне справедливо может предположить, что это не некое подобие стишка «Поздравление с днем рождения!», а что-то более серьезное [Хэар 1985: 192].

Думается, что отмеченное Р. Хэаром несовпадение в семантике различных употреблений прилагательного *хороший* вполне может быть объяснено элементарной многозначностью данного слова – явлением, прекрасно известным всем лингвистам, но почему-то трудно воспринимаемым философами и логиками. Помимо других фиксируемых в словарях лексических значений, слово *хороший* обладает, по-видимому, сразу двумя оценочными значениями: одним – критериально-оценочным, указывающим на соответствие определяемого предмета какому-то стандарту как оценочному критерию, и другим – реляционно-оценочным, выражающим позитивное эмоциональное отношение к предмету, являющемуся объектом оценки. Сложность заключается только в том, что в каких-то конкретных контекстах, в сочетаниях с какими-то конкретными существительными эти базовые языковые значения могут дополняться другими значениями, как оценочными, так и дескриптивными, выступающими в роли ассоциативных сопутствующих смыслов. Так, критериальная оценка чьей-либо работы как хорошей, когда та отвечает предъявляемым к ней требованиям, обычно сочетается с оценкой реляционного типа, заключающейся в эмоциональном одобрении или даже восхищении. Определение чьего-либо поведения как хорошего, фиксирующее его соответствие общепринятым поведенческим нормам, также связывается с представлением об эмоциональном одобрении. А отзыв о каком-либо человеке как о хорошем специалисте, помимо основного критериально-оценочного значения, может передавать и чувство уважения к этому человеку. С другой сто-

роны, основанная на ощущении комфортности реляционная оценка погоды как хорошей может ассоциативно активизировать дескриптивные по своей сути представления о соответствующей температуре воздуха, умеренно ярком солнце, голубом небе, легком ветерке и прочих приятных для человека погодных проявлениях.

Во всех случаях, подобных рассмотренным нами, самое главное – уметь видеть основные, номинативные значения слов *хороший*, *плохой* и их синонимов, уметь отличать эти значения от всех ассоциативно связываемых с ними сопутствующих смыслов. Р. Хэар различия между номинативными оценочными значениями и сопутствующими им оценочными и неоценочными смыслами не чувствовал. И обуславливалось это тем, что в его времена в лингвистике еще не существовало четкого теоретического разграничения словарного значения слова (его понятийного содержания, интенционала, лексического понятия) и сопутствующих ему ассоциативных смыслов.

Несмотря на все свои недостатки, концепция Р. Хэара представляла собой значительный шаг вперед по сравнению теориями оценки, разрабатывавшимися европейскими и американскими метаэтиками, поскольку в их теоретических построениях тема критериальной оценочности практически отсутствовала. А кроме того, представители данного научного направления сознательно ограничивали сферу своих интересов преимущественно анализом понятий и суждений морально-этического характера.

1.3. ОПИСАНИЕ КРИТЕРИАЛЬНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Отечественные языковеды в своем осмыслении темы оценочности пытаются искать более широкие подходы, нежели метаэтики и даже прескриптивисты – последователи Р. Хэара. В своих исследованиях они не ограничиваются рассмотрением одних только морально-оценочных суждений или выражений с общеоценочными прилагательными типа *хороший/плохой*, а ставят перед собой задачу изучения языковой репрезентации оценочности как некоей глобальной и универсальной категории, охваты-

вающей все потенциально возможные виды оценок во всем их конкретном многообразии. Именно в этой широте подхода, при всей её теоретической заманчивости, кроется причина большей части трудностей и противоречий, имеющих место в осмыслении феномена оценочности современной лингвистикой. Ведь в этом случае даже принципиально различные по своей сути формы оценок интерпретируются как всего лишь проявления, разновидности некоей единой и всеобъемлющей оценочности, под которой обычно понимается ценностное отношение к действительности в целом и к отдельным её элементам как конкретным объектам оценки. Исходя из этого факта, попытаемся для начала определиться с самим понятием ценности и выяснить специфику того отношения, которое делает ценностями самые разные по своей природе предметы и явления.

Трактуя оценку как ценностное отношение к чему-либо, отечественные языковеды часто ссылаются на высказывания А.А. Ивина, утверждавшего, что само слово *оценка* употребляется «для обозначения установления ценностного отношения между субъектом и предметом», а оценочные суждения представляют собой «предложения, говорящие о том, что человек считает ценным, что он считает плохим и что безразличным» [Ивин 1970: 11, 25]. Такое понимание сущности оценки является очень распространенным в нашей науке. Однако по поводу того, в чем конкретно может выражаться ценностное отношение и каковы психические механизмы его формирования, всегда существовали и существуют по сей день довольно значительные разногласия. Сам Ивин полагал, что под ценным следует понимать «все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса» [Ивин 1970: 25]. Иными словами, ценностное отношение рассматривалось как образуемое человеческими желаниями, нуждами и стремлениями и имеющее, таким образом, деизидеративное модальное значение (от лат *desidero* – «желаю»).

Незадолго до А.А. Ивина Л.А. Зеленов, занимавшийся проблемой эстетической оценки, пришел к выводу, что ценностное отношение к эстетически прекрасным объектам является в конечном итоге эмоциональным [Зеленов 1969: 12]. Эмоциональная интерпретация ценностного отношения предлагалась и М.С. Ка-

ганом, полагавшим, что психической формой этого отношения является переживание особого эмоционального процесса, поднимающегося до уровня высокого «духовного чувства» [Каган 1997: 163]. Именно в свете данного чувства, по мнению М.С. Кагана, ценность являет собой особое «значение объекта для субъекта», которое проявляется в таких психических процессах, как «переживание блага, приговор совести, суждение вкуса и т. д.» [Каган 1997: 68].

Некоторыми авторами ценностное отношение к тем или иным объектам рассматривалось как выявление их соответствия человеческим потребностям, возможности использования их в практической деятельности [Коршунов 1979: 149; Гранин 1982: 122; Кислов 1985: 32]. Осмысление этих объектов как ценностей приобретало при таком подходе характер явной критериальной оценки, где, как верно отметил В.А. Блюмкин, «свойства оцениваемых явлений выступают как объект оценки, а человеческие потребности – как её критерий» [Блюмкин 1981: 6].

Однако в большинстве научных работ, посвященных определению сущности ценностного отношения, основной упор делался на идею долженствования как на главный конституирующий признак данного отношения. Определение ценного как «должного» мы находим уже у основателя современной аксиологии, впервые заговорившего о ценностях как о научной проблеме, немецкого философа конца XIX века Германа Лотце. Живший в одно время с Лотце В.С. Соловьев определял ценности как «деятельности, произведения и состояния», признаваемые людьми в качестве «долженствующих быть» [цит. по: Столович 1981: 373]. Об идее долженствовательности бытия как о конечном и определяющем факторе ценностного отношения к различным предметам и явлениям писали и многие советские, и некоторые современные российские ученые.

Справедливости ради следует отметить, что даже при трактовке ценности как психического феномена, имеющего преимущественно деонтическую модальность, различными авторами отмечались и многие другие вещи, так или иначе связываемые с формированием ценностного отношения как осознания долженствования чьего-либо существования. Так, еще Герман Лотце, к

примеру, утверждал, что мысль о чем-либо как безусловно ценном должна подтверждаться способностью этой ценности вызывать удовольствие, поскольку «только в чувстве чувствующего ценность и неценность... действительно становятся живой действительностью» [цит. по: Столович 1981: 127]. Один из ведущих советских аксиологов О.Г. Дробницкий писал в книге «Мир оживших предметов» о том, что достоинство того или иного предмета как объекта направленного на него ценностного интереса должно мыслиться не только как «то, что должно быть», но и как «желаемое» [Дробницкий 1967: 127]. Грузинский философ О.М. Бакурадзе, определявший ценность как «не то, что есть, а то, что должно быть», отмечал при этом, что «считать что-нибудь ценным значит одобрять его» и «утверждение «Х есть ценный» равнозначно признанию того, что «Х хорош», т. е. что «я одобряю Х». Кроме того, одобряемому предмету приписывался еще и признак желательности, что и должно было определять в конечном счете общее отношение к нему как к достойному существования [Бакурадзе 1966: 47].

В.П. Тугаринов предложил различать в установлении ценностного значения различных вещей две относительно самостоятельные ступени – эмпирическую и рациональную. На эмпирической ступени акт ценностной оценки, по мнению Тугаринова, «имеет неосознанный и эмоциональный характер, выражаясь главным образом в чувстве удовольствия и неудовольствия, приятного или неприятного». На рациональной же ступени «оценка носит осознанный характер и выражается в соображениях полезности, важности, значимости (для человека и общества)». В конечном же виде «ценностное отношение базируется уже не на чувстве приятного, а на соображениях полезного и должного», выступая, таким образом, продуктом преимущественно «рационального мышления» [Тугаринов 1968: 23, 42].

Современные философы, занимающиеся ценностной проблематикой, также склонны считать, что понятие ценности «скорее всего несет содержание чего-то должного» и этого «качества должного» не теряют даже реализованные ценности. Однако ценности могут определяться и как «то, во имя чего проживается жизнь, то, чего люди хотят ради него самого, а не ради чего-то

другого» [Абишева 2002: 140]. Соположение подобных утверждений в одних и тех же научных текстах заставляет предполагать, что их авторы склонны рассматривать ценностное отношение как некое полимодальное ментальное образование, в котором сочетаются деонтическое и дезидеративное модальные значения, дополняемые представлениями эмоционального, когнитивно-дескриптивного и критериально-оценочного характера.

Думается, что такое понимание ценностной оценки получило распространение в науке отнюдь не случайно. Оно имеет под собой реальное фактическое основание, которое заключается в том, что предметы и явления, считающиеся ценностями, могут обладать одновременно сразу несколькими из числа отмечаемых учебными признаками. Однако для определения сущности ценностного отношения необходимо выбрать тот или те из них, которые обладают в данном случае достоинством идентификационной значимости – которые необходимы и достаточны для идентификации того или иного предмета как подводимого или не подводимого под понятие ценности. Необходимо, как говорится, «отделить овец от козлищ» и окончательно определиться с тем, обладание каким признаком (или набором признаков) делает различные природные, артефактные, социальные и психические объекты безусловными ценностями.

Задача эта может быть решена при помощи простой логической операции, именуемой абстракцией отождествления. Для осуществления этой операции нужно просто сопоставить все известные науке типы ценностей, сравнить между собой все подводимые под это понятие объекты в итоге определить те признаки, которые окажутся свойственными абсолютно всем рассматриваемым как ценности предметам.

Даже при самом поверхностном сравнении тех предметных классов, которые определяются как экономические, социально-политические, экологические, эстетические, научные, морально-нравственные, личностные и иные ценности, становится ясно, что единственным признаком, объединяющим все эти столь разнообразные по своей природе вещи, может быть признана только долженствовательность их бытия, одна только и формирующая ценностное к ним отношение.

Да, многие из ценностей, относящихся к перечисленным выше классам, обладают свойством полезности и способностью удовлетворять разнообразные человеческие потребности, некоторые из них способны вызывать чувство удовольствия, эстетического наслаждения или морального одобрения, какие-то могут быть представлены как желаемые или желанные. Однако вряд ли кто-то возьмется утверждать, что такие экологические объекты, как голубой кит, уссурийский тигр, какие-то редкие виды ядовитых змей или исчезающих насекомых обретают в современной культуре статус ценностей потому, что представляются кому-то очень полезными или их существование соответствует чьему-либо страстному желанию. Эти и многие другие биологические виды являются просто изначально данными элементами окружающей нас природной среды и в силу одного только этого соображения приобретают статус экологических ценностей. Вряд ли кто-то особенно желает, чтобы на земле существовали тюрьмы, исправительные лагеря, электрические стулья и гильотины. И эмоциональное отношение ко всем этим объектам скорее отрицательное, чем положительное. Однако и они имеют определенное ценностное значение как атрибуты правоохранительной системы, пока что еще необходимой цивилизованному обществу. А что касается научных ценностей – в первую очередь знаний – то многие из них обретают ценностный статус совершенно независимо от того, имеют ли они или не имеют какое-то практическое значение. Для того чтобы стать ценностью, научному знанию достаточно быть (или хотя бы казаться) просто истинным. При этом иногда случается, что истинное знание оказывается для кого-то крайне нежелательным в силу сиюминутных политических или идеологических соображений.

Исходя из приведенных нами аргументов, можно считать практически установленным, что сущность создающего различные ценности ценностного отношения имеет деонтический характер и заключается в чисто рациональном признании необходимости бытия оцениваемых таким образом предметов. Остальные же свойственные различным типам ценностей признаки выступают по отношению к этому определяющему деонтическому признаку только как мотивирующие его. Мотивом ценностного

отношения к экономическим ценностям служит знание об их полезности и необходимости в плане материального обеспечения человеческой жизнедеятельности. Ценностное отношение к предметам искусства обуславливается переживанием того эстетического наслаждения, которое они доставляют людям. Нравственно ценные формы человеческого поведения служат общественному и личному благу людей и удостоиваются за это морального одобрения, являющегося специфической разновидностью эмоциональной оценки.

Примеры мотивационной связи ценностного отношения к различным предметам с какими-то другими их признаками и оценками можно множить до бесконечности. Нас же интересует в первую очередь то, как все эти аксиологические феномены могут отражаться и сочетаться в структурах языка и речи. Ответ здесь будет в целом разочаровывающий. И прежде всего потому, что понятие ценности как таковой, как идеи долженствования чьего-либо бытия, выражается в языке крайне скудно, при помощи всего лишь нескольких слов – *ценить*, *ценный*, *ценность* и встречающихся иногда в научных текстах довольно искусственных образований *неценность* и *антиценность*.

С другой стороны, идея позитивного или негативного ценностного отношения к предмету часто выступает виде особого сопутствующего смысла, ассоциируемого с понятиями о самых разных реально существующих и виртуальных объектах. К примеру, понятия о таких явлениях, как несправедливость, коррупция, безработица, бедность, мыслятся нами в плане негативной деонтической модальности – как что-то не достойное существования, не долженствующее быть. С понятиями же социальной справедливости, демократии, материального благополучия общества и отдельной личности ассоциируется позитивное деонтическое значение долженствования бытия их денотатов. Примерами ценностных сопутствующих смыслов, ассоциируемых с понятиями о виртуальных объектах, могут служить идеи о необходимости построения коммунизма в левых политических идеологиях или о долженствовательности наступления Царства Божия в христианстве.

Думается, что сопутствующие смыслы ценностного типа сопровождают огромное количество наших понятий о самых разных вещах. И уж само собой разумеющимся представляется то, что такие смыслы выступают как неперенные ассоциативные атрибуты многих понятий эмоционально-оценочного и критериально-оценочного характера. Скорее всего, именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что во многих лингвистических работах, посвященных оценочной проблематике, их авторы, заявив первоначально о своем понимании оценки как ценностного отношения, переключаются затем на освещение вопросов, относящихся к сфере языковой репрезентации эмоциональной и критериальной оценочности.

С такой логической аберрацией мы сталкиваемся, например, в книге Е.М. Вольф «Функциональная семантика оценки». Здесь в качестве оценок в собственном смысле слова предлагается рассматривать «сферу значений», связываемых с признаками «хорошо» и «плохо», поскольку «именно этот вид оценки предполагает высказывания о ценностях» [Вольф 1985: 8]. Правда, будучи упомянуто во введении, понятие ценностей в дальнейших рассуждениях автора об оценочности и оценках практически не используется. В тексте монографии мы находим еще утверждение о том, что оценочное высказывание подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом оценки [Вольф 1985: 22], однако какого-либо серьезного методологического воздействия на построение общей авторской концепции оценочности ссылки на ценностное отношение и ценности не оказывают.

Оценки, по признанию Е.М. Вольф, в принципе могут отражать самые разные признаки, но если их нельзя подвести под понятия *хорошо* или *плохо*, как, к примеру, параметрические определения типа *большой/маленький*, они должны рассматриваться уже не как собственно оценки, а просто как различные способы квалификации тех или иных объектов. Что же касается оценок в собственном смысле слова, то их сущность была определена как особое «оценочное отношение», основным конституирующим признаком которого является эмотивность, непосредственно выражающая «оценочность как отношение по признаку «хорошо/плохо». Это отношение означает, наряду с прилагательными

ми *хороший* и *плохой*, еще и такими глаголами, как *нравиться*, *одобрять*, *уважать*, *осуждать*, *презирать* и под., а кроме того, оно может выражаться и «семантикой высказывания в целом» [Вольф 1985: 12]. Правда, затем было оговорено, что «термин «эмотивность» употребляется условно, он не связан непосредственно с представлениями об эмоциях, эмоциональности, экспрессивности и т. п. и может подразумевать как эмоциональную, так и рациональную оценку» [Вольф 1985: 38].

Поскольку оценки, помимо эмоционального содержания, включают в себе еще и рациональный компонент, в универсальную «модальную рамку» оценочности, кроме субъекта и объекта оценки, были включены также оценочные шкалы и стереотипы. А в числе средств, используемых при вербальном выражении оценок, отмечались аксиологические предикаты, мотивировки, классификаторы, различные средства интенсификации и деинтенсификации оценочных значений [Вольф 1985: 9, 12, 13].

В одном из параграфов в начале книги Е.М. Вольф были упомянуты и критерии оценки, под которыми предлагалось понимать «признаки, по которым выносятся оценочное суждение». При этом в качестве примеров были приведены такие «критерии», как пригодность для посадки космических кораблей, позволяющая оценивать как хорошую какую-нибудь планету, и обуславливающая позитивную оценку крокодилов пригодность крокодильей кожи для различных поделок [Вольф 1985: 17]. Из этих примеров становится совершенно ясным, что под критериями здесь понимаются не рациональные мерила, мысленно прикладываемые к объектам критериальных оценок, а те компоненты оценочной ситуации (или, если угодно, модальной рамки оценки), которые А.А. Ивиным было предложено трактовать как основания оценок. Данные основания, будучи признаками, присущими оцениваемым объектам, могут выделяться, высвечиваться, конкретизироваться при помощи настоящих оценочных критериев, но сами таковыми отнюдь не являются.

В дальнейшем, в третьей части книги, критерии были отождествлены с мотивировками оценок. Здесь было сказано дословно следующее: «В высказываниях об оценке, особенно при общеоценочных обозначениях, часто используются мотивировки,

которые выражают критерии оценки, т. е. свойства, по которым судят о других свойствах». И далее: «Критерии оценки находят отражение в мотивировках». Причем «мотивировки не входят в модальную рамку оценки как её элемент, подобно субъекту, аксиологическим предикатам и т. п., это факультативный компонент оценочной структуры». Мотивировки «часто встречаются в текстах, аргументируя оценки предметов, лиц, событий. При этом, как правило, мотивировка находится вне оценочной пропозиции, а часто и в другом предложении, в пределах широкого контекста, что отражает её необязательность в оценочном высказывании». В качестве примера использования критерия-мотивировки приводится высказывание: *Этот дом лучше другого, так как в нем больше комнат, он светлее и т. п.* [Вольф 1985: 117, 118]. Совершенно очевидно, что в роли оценочных мотивировок в этом и в подобных случаях выступают признаки, образующие не критерии, а основания оценок. Они являются обязательными компонентами «модальных рамок оценки» в любых оценочных ситуациях, при оценках любого типа. Однако ссылка на них в эксплицирующих оценки высказываниях, действительно, не представляется всегда необходимой и обязательной.

Настоящие критерии, представляющие собой прикладываемые к объектам оценок мерилу, тоже затрагиваются в рассматриваемых нами теоретических построениях, но фигурируют они здесь не под своим собственным именем, а под названиями стереотипных представлений или оценочных стереотипов и упоминаются там, где речь заходит об использовании различных оценочных шкал.

Идея градуированности оценок и применения в каждой из них той или иной оценочной шкалы является, пожалуй, главной идеей концепции оценочности, предложенной Е.М. Вольф. Градуированность и возможность шкалирования отмечается ею даже для таких сравнительно простых форм оценок, как гедонистические и эмоциональные. Шкала гедонистических оценок, к примеру, рисуется исследовательницей как состоящая из оценочных градусов «предельное удовольствие – большое удовольствие – среднее удовольствие – небольшое удовольствие – отсутствие удовольствия». Этим градусам соответствуют такие оценки, как

«необыкновенно вкусное – очень вкусное – достаточно вкусное – не очень вкусное – невкусное». Определения типа «гадкое», «отвратительно» и под. в этот ряд не включаются, так как представляют собой оценки по другому признаку – «чувству отвращения, страдания от вкуса» [Вольф 1985: 49]. Аналогичными шкалами могут измеряться и оценки эмоционального характера.

Определенные оценочные шкалы используются и при параметрических оценках, однако принцип их построения несколько иной: если шкалы гедонистических и эмоциональных оценок задаются двумя крайними точками – полным отсутствием и наибольшей силой чувства удовольствия или эмоции, то для оценок параметрического типа они строятся вокруг одной центральной точки или, точнее, зоны – некоторого среднего для того или иного класса предметов уровня проявления какого-то параметрического признака. Такую зону на шкалах параметрических оценок Е.М. Вольф называет зоной нормы. И норма эта соотносится с той частью оценочной шкалы, на которой помещается стереотипное представление о том присущем какому-либо предметному классу признаке, по которому производится параметрическая оценка [Вольф 1985: 54]. Именно это стереотипное представление и выступает в подобных случаях в роли оценочного критерия. Очень существенным здесь представляется то, что представление о таком критерии не должно выходить за рамки определенного, строго ограниченного круга объектов, поскольку любое сравнение по какому-либо признаку «осмысленно лишь в пределах однородного класса». Так, *большая мышь* предполагает особую оценочную шкалу для класса мышей, и совершенно несопоставимыми представляются такие понятия, как *большой самолет* и *большой велосипед* [Вольф 1985: 48].

Соответствующая стереотипному представлению об уровне проявления того или иного признака зона нормы на всех шкалах параметрических оценок означает понятием *средний*. Те же проявления параметрических признаков, которые превышают норму или не дотягивают до неё, в соответствии с характером этих признаков определяются более конкретными по значению словами типа *большой/маленький, высокий/низкий, длинный/короткий, тяжелый/легкий, твердый/мягкий* и под. При

этом различные степени удаления от зоны нормы выступают как градусы на шкалах параметрических оценок и маркируются наречиями *не очень, довольно, очень, крайне* и их синонимами. В конкретных высказываниях такие наречия играют роль интенсификаторов и деинтенсификаторов оценочных значений, что в конечном итоге сводится к указанию на тот градус оценочной шкалы, которому соответствует уровень проявления учитываемого при оценке признака.

Итак, с построением общей модели параметрических оценок все представляется более или менее ясным. Гораздо более сложным видится определение сущности так называемых общих оценок, которые одни только и признавались Е.М. Вольф оценками в собственном смысле слова.

Прежде всего, необходимо отметить, что оценки этого типа производятся с использованием оценочных шкал, очень похожих на шкалы, применяемые при параметрических оценках: по крайней мере, наречия, маркирующие различные оценочные градусы, используются здесь приблизительно одни и те же. Но это не упрощает, а, наоборот, усложняет дело, поскольку оценочные стереотипы, выступающие в роли критериев общей оценки и закладываемые в основу общеоценочных шкал, являются принципиально иными по своему содержанию, нежели критерии параметрических оценок. Данные стереотипы заключают в себе не представления о среднестатистических проявлениях каких-то признаков, а определенные требования, которые предъявляются людьми к предметам, принадлежащим к самым разным предметным классам. А это существенно меняет ситуацию, так как главная точка отсчета, или зона нормы, располагается на шкалах общей оценки, как верно отметила Е.М. Вольф, уже не в средней, а ближе к верхней их части [Вольф 1985: 54]. И если выражения *хороший, очень хороший и необыкновенно хороший* будут манифестировать разные степени соответствия объекта оценки заключенным в содержании критерия требованиям, то словосочетание *не очень хороший* будет говорить уже о том, что объект оценки по своим качествам не соответствует этим требованиям в полной мере, а только приближается к ним и потому хорошим по существу не является. Это обуславливается тем, что *не очень хороший*

находится ниже зоны нормы, фиксирующей полное соответствие требованиям, предъявляемым к хорошим вещам. А вот *не очень большой* – это все-таки уже большой, так как градус, тождественный этому понятию, находится на шкале соответствующей параметрической оценки выше зоны нормы как среднего уровня проявления параметрического признака.

В ходе анализа закономерностей построения различных оценочных шкал Е.М. Вольф был затронут довольно интересный вопрос: может ли понятие *средний по качеству* быть совместимым с понятием хорошего, или же средний уровень качества равнозначен понятию плохого? И, как нам представляется, ею был сделан совершенно правильный вывод об отсутствии взаимообуславливающей связи между этими понятиями, по той причине, что они представляют собой совершенно разные характеристики оцениваемых объектов. Так, *хорошая сигарета* отнюдь не обязательно должна быть лучше средней, поскольку определение *хорошая* означает только то, что такая сигарета соответствует определенному оценочному стандарту, а вот на то, как она соотносится по своим качествам со всеми остальными производимыми кем-то сигаретами, слово *хорошая* не указывает [Вольф 1985: 54].

Другой интересной проблемой, нашедшей свое отражение в книге Е.М. Вольф, был вопрос о наличии на шкалах общих оценок особых оценочных зон, которые можно было бы интерпретировать как зоны безразличного или нейтрального. Вопрос этот был решен исследовательницей в целом положительно. По ее мнению, на каждой общеоценочной шкале «есть зоны положительного и отрицательного («хорошо»/«плохо»), между которыми располагается зона нейтрального». Определяя содержание последней, нужно обязательно учитывать, что понятия *безразличное* и *нейтральное* могут подразумевать две совершенно разные вещи – то, на что оценка просто не распространяется, и то, что расценивается данной оценкой как нейтральное. В связи с этим «следует различать объекты, безразличные для оценки... и нейтральную позицию на шкале оценок, где оказываются в известном равновесии признаки ”хорошо” и ”плохо” [Вольф 1985: 49].

То, что каждая оценка общего типа, используя как критерий свой особый оценочный стереотип, распространяется на объекты,

принадлежащие только к строго определенному предметному классу, а все остальные предметы для неё безразличны, думается, не подлежит никакому сомнению. Но возможна ли при такой оценке интерпретация тех или иных объектов как нейтральных, т. е. не хороших и не плохих, представляется довольно проблематичным. При параметрических оценках, там действительно, средняя зона или зона нормы оценочной шкалы может трактоваться как нечто нейтральное – не большое и не маленькое, не высокое и не низкое, не легкое и не тяжелое, а именно среднее. Однако автоматическое перенесение этого свойства параметрических шкал в сферу оценок общего типа вряд ли следует считать оправданным. Ведь сущность общих оценок заключается прежде всего в определении того, соответствует объект оценки соответствующему стереотипу как оценочному критерию или нет. Если да, то объект оценки должен расцениваться как хороший, если нет – как плохой. Однако на самом деле все обстоит далеко не так просто. Данные языка свидетельствуют о том, что между определениями *хорошее* и *плохое*, действительно, лежит какая-то переходная зона, создаваемая такими понятиями, как *неплохое*, *посредственное*, *так себе*, да и *не очень хорошее* тоже. По-видимому, определение *плохое* фиксирует не просто несоответствие качеств объекта оценки оценочному стереотипу, а какое-то качественное отдаление от этого стереотипа, какой-то более или менее значительный разрыв с его требованиями. И пространство этого разрыва заполняется понятиями, выражающими или определенную меру приближения объекта оценки к стереотипу, при неполном соответствии ему (*не очень хорошее*, *неплохое*), или просто расположение объекта где-то между оценочными градусами хорошего и плохого (*посредственное*, *так себе*).

В качестве главного положения во всех теоретических построениях Е.М. Вольф последовательно проводится мысль о том, что при оценках общего характера сопоставление объектов оценки через соотнесение их с общеоценочной шкалой «было бы невозможным, если бы не существовало представления об оценочном стереотипе, имеющем стандартный набор признаков и общем для всех или большинства членов данного социума» [Вольф 1985: 57, 58]. Это стереотипное представление, выступая в роли

критерия общей оценки, одновременно становится и базисным пунктом общеоценочной шкалы, по степени удаления от которого в сторону повышения или понижения выстраиваются и все остальные градусы оценок общего типа. Итак, роль оценочных стереотипов в построении общеоценочных шкал и их функции в осуществлении общих оценок были в целом прояснены. Дело стало за выяснением того, какими бывают эти стереотипы, на основе чего формируется их содержание и, соответственно, какой могла бы быть их классификация.

Прямых ответов на все эти вопросы Е.М. Вольф не дает, она отмечает только, что аспект общей оценки предполагает обычно учет нескольких «дескриптивных признаков» из числа собственных объектам, принадлежащим к тому или иному предметному классу. Однако, чем обуславливается отбор этих признаков и почему одни из них участвуют в формировании оценочных стереотипов, а другие нет, так и остается невыясненным [Вольф 1985: 63, 64].

Между тем несколько ранее Е.М. Вольф была изложена концепция американского исследователя Дж. Катца, который как раз и пытался выявить те мотивы, что лежат в основании общих оценок и оказывают определяющее воздействие на формирование используемых в них оценочных критериев. Данная концепция была основана на теоретических положениях аксиологического функционализма, в соответствии с которыми общие оценки трактуются как обуславливаемые преимущественно представлениями о функциях оцениваемых объектов. Именно функциональная пригодность объекта, его способность выполнять вменяемую ему функцию рассматривалась Дж. Катцем в качестве того главного показателя, по которому объект может расцениваться как хороший или плохой. Вполне естественно, что характер этой пригодности у объектов, относящихся к разным предметным классам, может быть разным. В связи с этим исследователем было предложено различать особые функционально-оценочные субкатегории (назначения, употребления, долга и пр.), которые могут приписываться тем или иным предметным классам в соответствии с предъявляемыми к ним функциональными требованиями. Так, предметы, подводимые под общее понятие артефактов (нож, часы

и пр.), предполагают оценку по мере их соответствия тому предназначению, для которого они были созданы. Объекты, определяемые как «естественные субстанции» (уголь, дрова, железо), оцениваются обычно по степени их пригодности к какому-то употреблению. А объекты, маркируемые понятием «роль» (мать, учитель и под.), требуют оценки с точки зрения обязанностей, которые должен выполнять тот, кто принимает на себя соответствующие ролевые функции [Вольф 1985: 62, 63]. Естественно, что применительно к различным классам оцениваемых объектов предъявляемые к ним функциональные требования предполагают использовать в роли оценочных критериев совершенно разные, соотносимые только с конкретными предметными классами оценочные стереотипы. Однако отбор признаков, включаемых в содержание этих стереотипов, всегда определяется в конечном итоге потребностями человеческой жизни и деятельности.

Помимо монографии Е.М. Вольф, развернутое освещение сущности и способов языкового выражения различных видов оценок мы находим в книге Н.Д. Арутюновой «Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт». Её автор, отметив общую тождественность оценочности с ценностным отношением к миру [Арутюнова 1988: 59], значительную часть своих наблюдений и размышлений посвящает анализу оценок критериального характера. При этом само слово *критерий* используется крайне редко и обычно в тех случаях, где употреблять его вообще-то не следовало бы. Так, при описании специфики так называемых рационалистических оценок, отличаемых от сенсорных и сублемированных, как оценочные критерии трактуются такие признаки оцениваемых объектов, как «физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции (в т. ч. и той, к которой данный предмет предназначен)» [Арутюнова 1988: 76, 77]. Затем, говоря о вариативности содержания понятий хорошей и плохой жизни, Н.Д. Арутюнова пишет о том, что в данном случае оценка может исходить из таких «критериев», как «благополучие, нравственность, успех, здоровье, содержательность, разнообразие и пр.» [Арутюнова 1988: 82]. Думается, не требуется особой прозорливости, чтобы признать, что все жизненные явления, упомянутые здесь в качестве

оценочных критериев, таковыми на самом деле не являются. Они представляют собой те свойственные объектам оценок признаки, с учетом которых и опираясь на которые осуществляются самые разные формы оценочности, причем не только критериальные, но и реляционные. Такие признаки, как уже отмечалось нами выше, в науке принято именовать не критериями, а основаниями оценок.

Не вводя понятия критериальной оценки и используя сам термин *критерий* в общем-то не по назначению, Н.Д. Арутюнова, тем не менее, отмечает такие виды критериальных оценок, которые не упоминались ранее ни философами, ни логиками, ни лингвистами. Помимо общих оценок, выражаемых словами *хороший*, *плохой* и их синонимами, ею были выделены и так называемые частные формы оценочности, сведенные к семи основным типам, среди которых было предложено различать:

1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические, оценки (приятный – неприятный, вкусный – невкусный, привлекательный – непривлекательный, душистый – зловонный, то, что нравится – то, что не нравится);

2) психологические оценки, которые делятся на а) интеллектуальные (интересный, увлекательный, захватывающий, глубокий, умный – неинтересный, неувлекательный, скучный, банальный, поверхностный, глупый) и б) эмоциональные (радостный – печальный, веселый – грустный, желанный – нежеланный, нежелательный, приятный – неприятный);

3) эстетические оценки (красивый – некрасивый, прекрасный – безобразный);

4) этические оценки (моральный – аморальный, нравственный – безнравственный, добрый – злой, добродетельный – порочный);

5) утилитарные оценки (полезный – вредный, благоприятный – неблагоприятный);

6) нормативные оценки (правильный – неправильный, корректный – некорректный, нормальный – ненормальный, стандартный – нестандартный, бракованный, доброкачественный – недоброкачественный, здоровый – больной);

7) телеологические оценки (*эффективный – неэффективный, целесообразный – нецелесообразный, удачный – неудачный*) [Арутюнова 1988: 75, 76; см. также: Арутюнова 1984: 13, 14].

Попытаемся рассмотреть выделенные Н.Д. Арутюновой оценочные типы поподробнее, с тем чтобы выяснить, какие из них могут быть подведены под понятие критериальной оценочности, а какие нет.

Выделение в качестве особой группы сенсорно-вкусовых оценок вряд ли у кого-нибудь может вызвать какие-либо возражения. Их интерпретация как особой разновидности оценок реляционного типа также не подлежит сомнению. А вот с психологическими оценками дело обстоит сложнее. Крайне неудачным следует признать само определение «психологические» как наименование отдельного типа оценок, поскольку все оценки во всех их проявлениях и разновидностях являются феноменами психического характера, а точнее – психическими процессами, порождающими различные оценочные представления как некие психические константы.

Нельзя признать правомерным выделение разряда так называемых интеллектуальных оценок, в число которых включаются как проявления чисто эмоционального состояния заинтересованности, так и критериальные по своей сути оценки типа «банальный», «поверхностный», «глупый».

Весьма проблематичным представляется отнесение к числу эмоциональных оценок оценочных определений типа «радостный – печальный», с одной стороны, и «желанный – нежеланный», с другой. С точки зрения современной психологии, оценочными являются только те эмоциональные переживания, которые включают в себе какое-то явно выраженное позитивное или негативное отношение к объекту: одобрение, восхищение, симпатию или, наоборот, осуждение, негодование, гнев, презрение и т. п. Такие же эмоции, как интерес, удивление, радость и печаль, поскольку они не содержат в себе явно выраженного одобрения или осуждения, оценочными в психологии уже не считаются [см., например: Прохоров 2001: 18].

Что же касается желательности/нежелательности как формы оценочного отношения к объекту оценки, то здесь следует четко

заявить, что даже желания как таковые, не говоря уже о таких более сложных образованиях, как потребности, влечения и интересы, никогда и никем не относились к числу человеческих эмоций [см.: Современ. психология 1999: 357–361]. Поэтому отношение к объекту как к чему-то желательному или нежелательному не может быть включено в разряд эмоциональных оценок, а должно рассматриваться в качестве особой дезидеративной формы реляционной оценочности.

Эстетические и этические оценки Н.Д. Арутюнова рассматривает как «сублемированные», т. е. сочетающие в себе сенсорный (чувственный) и рациональный компоненты. По её мнению, эти формы оценочности «возвышаются над сенсорными оценками, «гуманизируя» их», так как «первые связаны с удовлетворением чувства прекрасного, вторые с удовлетворением нравственного чувства». А кроме того, «эта группа оценок не безразлична к понятию архетипа – нормы, образца, примера, потенциальных требований, предъявляемых к объекту». При этом «положительная эстетическая оценка исключает строгую нормативность», тогда как «положительная этическая оценка в общем случае требует ориентации на этическую норму, соблюдения нравственного кодекса» [Арутюнова 1988: 76]. Думается, на всех этих особенностях и нюансах эстетических и этических оценок также следовало бы остановиться поподробнее.

Оставив в стороне вопрос о существовании особого чувства прекрасного, уже несколько столетий дискутируемый в философии, психологии и эстетике, согласимся с Н.Д. Арутюновой в том, что существеннейший аспект эстетической оценочности составляют сенсорно-вкусовые ощущения. И поскольку в своей наиболее очевидной форме эстетические оценки проявляются в наслаждении или отвращении, переживаемом при чувственном восприятии объекта, они вполне могут быть охарактеризованы как гедонистические и в конечном счете – как реляционные. С другой стороны, нельзя отрицать и наличия в человеческом разуме особых ментальных образований, существующих в виде определенных эстетических стереотипов и выступающих в роли критериев, позволяющих ограничивать эстетически ценное от всего того, что таковым не представляется. В каких отношениях эти

стереотипы состоят с сенсорно-вкусовыми ощущениями восприятия, что здесь является первичным, а что вторичным – проблема, не решенная в науке до настоящего времени. Однако то, что соотношение объекта эстетической оценки с особым ментальным стереотипом как критерием, с одной стороны, и переживание эстетического наслаждения или отвращения, с другой, суть принципиально разные, хотя и, может быть, взаимосвязанные психические процессы, представляется нам безусловно очевидным. А если это так, то в языке обязательно должны быть особые лексические средства, отражающие рациональные (критериальные) эстетические оценки, в отличие от слов типа *красивый, прекрасный, безобразный*, выражающих значения сенсорно-вкусовых (реляционных, гедонистических) эстетических оценок.

Не менее сложно, чем проблема сущности эстетической оценочности, выглядит вопрос о психических механизмах и способах языкового выражения этических, точнее моральных, оценок. То, что в морали как особой форме человеческого сознания существуют рациональные и эмоциональные элементы, науке известно еще с античных времен. И с этих же пор в теоретической этике активно обсуждается проблема соотношения рационального и эмоционального в моральных оценках, вопрос о том, что же здесь первично, а что вторично.

Поскольку мораль рассматривается как нормативная форма индивидуального и общественного сознания, а её основными компонентами считаются регулирующие поведение людей нормы, приоритет здесь зачастую отдается оценкам, опирающимся на составляющие содержание моральных норм предписания как оценочные критерии. Эмоциональные же оценки, состоящие в переживании позитивных и негативных оценочных эмоций, при таком подходе считаются вторичными, сопровождающими критериальные моральные оценки и как бы надстраивающимися над ними. Осмысление совершенного кем-либо поступка как отвечающего определенному моральному требованию и, следовательно, как должноствующего быть в данной конкретной ситуации рассматривается как основание для эмоционального одобрения этого поступка, а факт нарушения какого-либо морального запрета, т. е. совершение поступка, мыслимого как недопустимый в наблюда-

емой ситуации, представляется поводом для эмоционального осуждения.

Оспаривать логику рассуждений такого рода, наверное, не следует: в них содержится правильная трактовка сущности моральных оценок, часто имеющих место в повседневной жизни. Вопросы возникают только тогда, когда мы задумываемся о происхождении самих моральных норм, которые по своему содержанию, как известно, бывают отличны не только от предписаний официального законодательства, но даже и от норм так называемого обычного права. Специфику морали как совершенно особой по своей внутренней сущности нормативно-регулятивной системы многие ученые видят в том, что её нормативное содержание базируется не на рациональных соображениях человеческого разума (как в области права), а на оценочных представлениях эмоционального характера. Различного рода запреты основываются здесь не на рассуждениях об общественном благе, а на эмоциональном осуждении тех или иных поступков, а различные моральные предписания проистекают в конечном итоге из эмоционального одобрения каких-то форм поведения. В целом же здесь действует принцип, зафиксированный в записанной В.И. Далем русской поговорке: «Чего в других не любишь, того и сам не делай» [Даль 1984: 104].

На наш взгляд, говоря об оценочной стороне морали, необходимо различать два совершенно разных вида оценок – моральные оценки, проявляемые в эмоциональном одобрении или осуждении различных форм человеческого поведения, и оценки, заключающиеся в мысленном соотнесении тех или иных человеческих поступков с соответствующими моральными нормами, с последующей интерпретацией этих поступков как обязательных, допустимых или запретных в наблюдаемых жизненных ситуациях. В конкретных оценочных актах эти две формы моральной оценки могут сочетаться, накладываясь одна на другую, что не дает, однако, нам права отождествлять их и говорить о какой-то единой, нерасчлененной моральной оценочности. Об этом свидетельствуют и данные языка, где на лексическом уровне четко различаются морально-оценочные понятия эмотивного типа (*добро* и *зло*, *порок* и *добродетель*) и понятия, выражающие критериаль-

ные моральные оценки (*этичный, неэтичный, аморальный, безнравственный*).

Последние три типа оценок в классификации Н.Д. Арутюновой – утилитарные, нормативные и телеологические – были охарактеризованы ею как рационалистические. Всем этим типам было приписано использование определенных оценочных критериев, хотя в качестве таковых, как уже отмечалось нами выше, были названы признаки оцениваемых объектов, выступающие как основания оценок. Главная же ошибка здесь заключалась в том, что в одном ряду с оценками критериального характера было предложено рассматривать и такие феномены, которые не могут интерпретироваться не только как критериальные оценки, но и как оценки вообще.

Оценками в собственном смысле слова не могут считаться так называемые «утилитарные оценки», поскольку признак пользы, доставляемой каким-то предметом или действием, является чисто дескриптивным семантическим признаком, характеризующим объект с точки зрения последствий его применения или осуществления. Он просто фиксирует тот факт, что последствия использования какого-то предмета или совершения того или иного действия могут быть идентифицированы как польза для кого-то, если эти последствия заключаются в удлинении жизни, укреплении здоровья, обогащении человеческой личности или, наконец, в упрочении чьего-либо материального благосостояния. Именно данные вещи и подводятся обычно под обобщающее их понятие пользы. Логическая же связь между значением полезности и связываемым с ним представлением о каком-либо конкретном объекте носит характер не оценки, а установления причинно-следственных или условно-следственных смысловых отношений. Суть этой связи может быть выражена логической формулой: «Если использовать предмет X или осуществлять действие Y, то будут получены результаты, подводимые под понятие *польза*». Здесь понятие пользы никак не может рассматриваться как оценочный критерий, а вся эта конструкция не может интерпретироваться ни как критериальная, ни как реляционная оценка.

Иное дело оценки, именуемые телеологическими (от греч. *telos, teleos* – «цель»). Оценочность этого типа носит безусловно

критериальный характер и заключается в мысленном сопоставлении результатов какой-либо деятельности или применения какого-либо средства с целями и задачами их использования как оценочными критериями. Не совсем удачным здесь следует признать только само определение *телеологические*, поскольку в своем первоначальном и более привычном для всех значении оно означает принадлежность каких-то мыслей и суждений к сфере телеологии – философского учения о целесообразности бытия. Оценки же, выражающие соответствие или несоответствие объекта какому-то целям и задачам, вполне могли бы быть названы более привычным для русского уха словом *целевые*.

Что касается оценок, отнесенных Н.Д. Арутюновой к разряду нормативных, то здесь следует отметить, что в этой группе оказались объединенными вместе три самостоятельных разновидности критериальной оценочности, использующих совершенно разные виды оценочных критериев. Причиной тому послужила элементарная неоднозначность слова *норма*, которое в современной русской речи может употребляться в трех совершенно самостоятельных значениях. В толковых словарях русского языка отмечаются обычно два из этих значений. Они определяются как 1) «узаконенное установление; общепринятый, обязательный порядок», иными словами, как какое-то деонтическое предписание, и 2) «установленная мера, размер чего-либо», т. е. то, что именуется еще нормативом [СРЯ, т. 2 1983: 508]. В своем первом значении существительное *норма* выступает в таких словосочетаниях, как *поведенческие нормы, этикетные нормы, правовые нормы, нормы морали*. Второе значение данного существительного реализуется в сочетаниях типа *нормы выработки, нормы отпуска товаров, нормы комплекса ГТО*. Кроме того, следовало бы выделить еще и третье значение слова *норма*, которое можно было бы определить как некий «среднестатистический количественный показатель, характерный для определенного класса явлений». С этим значением мы сталкиваемся в словосочетаниях типа *норма осадков, температурная норма, норма привеса, норма прибыли* и под.

Все три класса ментальных образований, обозначаемых словом *норма*, с одинаковым успехом могут выступать в роли крите-

риев критериальных оценок. При этом должны различаться оценки, осуществляемые через соотнесение оцениваемых объектов 1) с различными нормами как деонтическими предписаниями, 2) с устанавливаемыми кем-либо количественными нормативами и 3) с объективными среднестатистическими показателями. Естественно, что все эти совершенно самостоятельные разновидности критериальных оценок должны быть как-то разведены терминологически. Для оценок первого типа могло бы быть оставлено название нормативных, для второго типа подошло бы наименование оценок по нормативам, а для третьего типа – оценок по средним показателям.

Итак, в составе семи рассмотренных выше частнооценочных типов оказались объединенными и различные виды реляционных оценок, и некоторые формы оценок критериального характера. К числу критериальных относятся телеологические (целевые) оценки, эстетические оценки рационального характера, а также три разновидности оценок, объединенных в данной классификации в общую группу нормативных. Среди последних, в числе собственно нормативных оценок, могут быть особо выделены критериальные моральные оценки, заключающиеся в соотнесении человеческих поступков с нормами морали как оценочными критериями.

Некоторые виды критериальных оценок были упомянуты Н.Д. Арутюновой и вне предложенной ею типологии частных оценок, хотя и не интерпретировались при этом как критериальные. Так, при рассмотрении суждений, выражающих общую оценку, было отмечено, что они содержат в себе «отсылку к некоторому стандарту, применимому не только к данному, но и к другим случаям» [Арутюнова 1988: 52]. Затем несколько раз высказывалась мысль о том, что «употребление общеоценочных предикатов (*хороший* и *хорошо*, *плохой* и *плохо*) обусловлено отношением к идеализированной модели мира» и их значения «характеризуют отношение между действительным миром и его идеализированной моделью» [Арутюнова 1988: 59]. В связи с этим семантический анализ общеоценочных суждений и предикатов рассматривался как «экспликация логических свойств той иде-

альной модели, относительно которой производится квалификация объекта» [Арутюнова 1988: 61].

Из этих высказываний видно, что в качестве оценочных стереотипов, выступающих в роли критериев общих оценок, Н.Д. Арутюновой виделись некие соотносимые с теми или иными предметными классами идеалы, образующие в своей совокупности «идеализированную модель мира», причем мыслились эти идеалы как используемые в оценках стандарты.

Такая трактовка оценок общего характера не представляется нам правомерной. Прежде всего, здесь нужно отметить то, что идеалы и стандарты являются образованиями, отнюдь не идентичными ни по своей сути, ни по своему содержанию. Идеалы трактуются обычно как человеческие представления о том, что кажется наилучшим, а стандарты определяются как «типовые образцы, которым должно удовлетворять что-либо по размерам, форме, качеству» [СРЯ, т. 4: 247]. Принципиальное различие между этими видами ментальных образований наглядно проявляется, например, при сравнении таких выражений, как *идеальный сервис* и *стандартный сервис* или, скажем, *идеальная квартира* и *стандартная квартира*. Поскольку идеалы и стандарты представляют собой совершенно разные виды оценочных критериев, оценки с их использованием должны рассматриваться как отдельные, совершенно самостоятельные типы критериальных оценок.

Как один из характернейших признаков оценок общего типа Н.Д. Арутюнова отметила свойственное им модальное значение долженствования. Это деонтическое значение, сочетаясь с критериями общей оценки, делает из них своеобразные образцы, к которым следует стремиться. Ведь не случайно же на вопрос: *Что значит хороший?* – можно ответить: *Такой, каким следует быть*. А во французском языке для выражения положительной оценки общего типа используется выражение *comme il faut*, что значит «такой, как следует» [Арутюнова 1988: 63]. Не отрицая наличия такого значения у общеоценочных критериев в принципе, заметим только, что все деонтические модальные значения, и значение долженствования в том числе, могут сопровождать только понятия и представления, так или иначе отражающие челове-

скую деятельность. Ведь только её проявления могут мыслиться как долженствующие, допустимые или запретные. А на природные феномены, не зависящие от воли человека, значения деонтической модальности не распространяются. Таким образом, оценки каких-либо природных объектов значения долженствования, равно как и других деонтических модальных значений, содержать в себе не могут. Поэтому хорошие грибы или хорошие лесные ягоды, в отличие от хороших домов и автомобилей, никак не могут рассматриваться как соответствующие тем образцам, к реализации которых нужно стремиться. В силу своей семантической факультативности, необязательности значение долженствования должно рассматриваться не как компонент, конституирующий содержание и тем самым определяющий специфику всех общеоценочных критериев, а только лишь как сопутствующий деонтический смысл, ассоциирующийся лишь с некоторыми из этих критериев – с теми, которые имеют какое-то отношение к человеческой деятельности.

Много страниц в книге Н.Д. Арутюновой посвящено описанию прагматической стороны речевого использования общеоценочных слов. Здесь отмечено, что «наличие в предложении общеоценочного предиката как бы само толкает получателя речи и исследователя к иллюкутивному истолкованию соответствующего речевого акта» Иллокуции, понимаемой как обуславливающее речевой акт коммуникативное задание, приписывается в данном случае преимущественно прескрипционный (предписывающий) характер, поскольку «оценочная квалификация является стимулом для развития сознательного отношения к действию». И в качестве примера, наглядно иллюстрирующего это свойство общеоценочных суждений приводится речь, обращенная к детям, где «особенно ярко выступает “дидактическая” функция оценочных слов» [Арутюнова 1988: 51].

Прескрипционное истолкование высказываний общеоценочного типа в науке не ново. Уже у ранних метаэтиков можно найти утверждения о том, что «главное назначение ценностных (читай – оценочных) суждений не сообщать о фактах, а оказывать влияние» [Stevenson 1964: 16]. Однако даже такой завзятый прескриптивист, как Р. Хэар, не отрицал наличия у общеоценочных суж-

дений и используемых в них предикатов дескриптивного содержания. Н.Д. Арутюнова же в этом вопросе несколько перегнула палку, когда утверждала, что «прагматическая обусловленность употребления оценочных предикатов оборачивается их семантической опустошенностью» и вообще, «если вывести мотивы (основания) оценки за пределы её значения, то оценочные предикаты не оставляют места для семантического анализа» [Арутюнова 1988: 7, 61].

Заявления подобного рода могут основываться только на полном игнорировании участия в формировании семантики общеоценочных суждений каких-либо оценочных критериев. И действительно, если пренебречь ролью критерия в формировании и выражении общей оценки, то в семантическом содержании общеоценочного суждения останется только указание на объект оценки, обладающий какими-то имманентными или внешними признаками как невыявленными (хотя и потенциально возможными) основаниями для оценки. В таком случае ничего не остается, как свести содержание суждения к выражению предписания, пожелания или требования как-то практически задействовать объект оценки в виде цели, образца, средства и т. п. Но при таком подходе открытым остается вопрос: а почему, собственно говоря, именно этот объект, а не какой-либо другой должен выступать целью, образцом или средством в нашей практической деятельности? Ответ на этот вопрос предельно прост: да всего лишь потому, что данный объект соответствует прикладываемому к нему критерию, который представляет собой, как мы помним, оценочный стереотип, содержащий в себе определенный набор качественных требований к объекту оценки. Проблема заключается в том, что при формулировании общих оценок эти требования всегда только подразумеваются, а не выражаются эксплицитно общеоценочными словами подобно тому, как четко и ясно эксплицируются соответствующими прилагательными критерии, используемые в оценках частного характера (*аморальный, незаконный, нормальный, целесообразный, стандартный, идеальный* и пр.). Кроме того, каждый денотативный класс предметов и явлений действительности предполагает использование в качестве критерия общей оценки какого-то особенного, ориенти-

рованного именно на этот класс набора требований. Но общеоценочные слова могут только указывать на наличие в оценочном акте критерия такого типа, а каково его содержание, в каких конкретно требованиях оно состоит, адресат общеоценочного суждения интуитивно определяет сам, исходя из свойств лексически обозначенного объекта оценки. Понятно, что все эти процессы происходят подсознательно и чаще всего не осознаются не только обычными людьми, но и специалистами, профессионально изучающими вопросы оценочности. И в этом нет ничего странного. Ведь даже элементарная дескриптивная семантика далеко не всегда полностью рефлексивируется нашим сознанием и бывает адекватно описываема учеными.

Не разрешив до конца всех вопросов, связанных с сущностью и особенностями языкового выражения различных видов оценок, работы Е.М. Вольф и Н.Д. Арутюновой, тем не менее, пробудили значительный интерес к проблеме оценочности в языке и речи и послужили мощным толчком к широкой, многоплановой разработке этой тематики в отечественной науке. В подтверждение тому достаточно будет отметить, что за последние тридцать лет в нашей стране было написано и защищено около трехсот кандидатских и докторских диссертаций, касающихся различных аспектов языковой экспликации самых разных видов и форм оценок.

В разработке проблематики оценочности применительно к фактам языка в современной лингвистике совершенно отчетливо различаются два хоть и не исключających друг друга, но все же довольно самостоятельных в фактологическом и методологическом планах направления. Первое из них, восходящее к идеям основоположника лингвистической стилистики Шарля Балли, ограничивается в изучении языкового воплощения оценок одним лишь только феноменом эмоциональной оценочности, описывая оценки, реализуемые в виде эмоционально-экспрессивной окрашенности различных коммуникативных единиц, а также заключенные в эмоциональных ассоциативных (сопутствующих) смыслах или выражаемые при помощи особых лексем с эмотивными значениями. В числе научных трудов, представляющих данное направление, можно назвать (в порядке хронологии) работы

В.В. Васильевой, Н.А. Лукьяновой, О.А. Есениной, Е.В. Стулиной, З.Е. Фоминой, С.Г. Шейдаевой, Т.А. Трипольской, А.Н. Артемовой, А.Н. Махмутовой, Е.Ф. Косиченко, Л.Г. Смирновой, Ю.С. Кульбит, А.В. Семковой, М.С. Выхристюк, М.Б. Бахтиной и многие другие.

Для представителей другого направления характерно понимание языковой оценочности как некоей глобальной семантической категории, охватывающей все многообразие языковых средств и речевых образований, объединяемых наличием определенного ценностного значения – общим отношением субъекта речи и всего языкового коллектива к референту речевого сообщения или к описываемой в нем ситуации в целом как к безусловной ценности или антиценности. Показателем такого отношения считается возможность дополнения значения отдельного слова или общего смысла высказывания оценочным значением типа «и это хорошо» или «и это плохо». Но поскольку такое значение далеко не всегда оказывается эксплицированным при помощи специально для того предназначенных языковых средств и очень часто выступает как никак не обозначенный сопутствующий смысл, многие авторы, занимающиеся вопросами оценочности, включают в сферу своего рассмотрения и какие-то другие, более отчетливо проявляющиеся семантические феномены, способные как-то мотивировать существование имплицитного, формально не выраженного ценностного значения.

С учетом последнего обстоятельства выражаемые средствами языка ценностно-оценочные значения зачастую трактуются как комплексные и даже диффузные по своей природе смысловые образования, способные включать в свое содержание, помимо собственно ценностных, еще и эмоциональные и рациональные семантические компоненты. В качестве эмоциональных компонентов оценочных значений рассматриваются семы, отражающие различные виды положительных и отрицательных эмоций, возникающих в связи с восприятием оцениваемых объектов, а также семантические признаки приятного и неприятного, отражающие специфику сенсорно-вкусового (гедонистического) отношения к тем или иным объектам. Все это представляется вполне оправданным, поскольку в действительности эмоциональные и гедони-

стические оценки часто выступают основаниями для возникновения ценностного отношения к тем или иным вещам и по этой причине эмоционально-оценочные значения могут коррелировать с оценочными смыслами ценностного характера. Что же касается значений, отражающих рациональный аспект оценочности, то здесь дело обстоит несколько сложнее.

Начнем с того, что многие диссертанты, трактовавшие оценку как ценностное отношение к объекту, вообще не упоминали в своих работах каких-либо рациональных оснований для возникновения такого отношения. Некоторые исследователи видели рациональный аспект оценочности в «избирательной заинтересованности» оценивающего субъекта, выражающейся в выявлении у объекта «аксиологически релевантных свойств», могущих служить основаниями для его положительной или отрицательной оценки [см., например: Кувинова 2005; Чернявская 2001].

В то же время в очень многих диссертационных исследованиях в качестве мотивов, обуславливающих ценностное отношение людей к тем или иным объектам, рассматривались мыслительные феномены, вполне подводимые под понятие критериальной оценочности. В некоторых работах используется даже слово *критерий*, иногда в словосочетании *ценностные критерии*. При этом роль критериев такого рода может приписываться ментальным образованиям самого разного характера и содержания. Так, если в диссертации Р.М. Якушиной под ценностными критериями подразумеваются оценочные стереотипы, трактуемые в свете того их понимания, которое было дано Е.М. Вольф, то в работе О.Н. Касторновой к числу критериев ценностных оценок относятся различного рода нормы, стандарты, идеализированные модели, присущие людям потребности, вкусы, желания и интересы, а также некоторые элементы их прошлого опыта, которые все вместе создают тот «ценностный масштаб», с которым соотносятся оцениваемые объекты.

Во многих диссертациях по оценочной проблематике, где само слово *критерий* не используется, тоже можно найти определенные указания на существование критериально-оценочной первоосновы содержащегося в оценках ценностного отношения. Иногда в качестве такой первоосновы, играющей роль некоего

глобального ценностно-оценочного критерия, диссертанты, вслед за Н.Д. Арутюновой, упоминают гипотетическую идеализированную картину мира, якобы существующую в общественном сознании каждого языкового коллектива [см., например: Маркелова 1996; Приходько 2004; Гибатова 2011]. Правда, вопрос о том, из каких ментальных образований состоит данная картина, при этом обычно не затрагивается. Когда же дело касается мотивации каких-то более или менее конкретных оценок, понятие всеобщей идеализированной картины мира уже не используется и начинается поиск каких-то более реальных оценочных критериев.

Пожалуй, одним из наиболее общих мест в работах, посвященных проблемам оценочности, является отсылка к понятию нормы как необходимейшему элементу, приписываемому самым разным формам оценок. Правда, при этом в данное понятие может вкладываться совершенно разное содержание. Вполне естественно, что в диссертациях, затрагивающих моральные и правовые оценки, под используемыми в этих оценках нормами подразумеваются деонтические предписания и установления, диктуемые общественной моралью и государственным законодательством [см., например: Лисицына 1984; Паркина 2006; Ткаченко 2011]. С другой стороны, в некоторых работах отмечается, что при формировании определенного ценностного отношения к какому-либо объектам могут учитываться не только конвенциональные по своей сущности деонтические (моральные и правовые) нормы, но и нормы онтологического (естественного) характера. Под нормами такого рода обычно понимаются человеческие представления о том, что кажется обычным, привычным, естественным, что представляет собой некий «стандарт бытия» того или иного класса вещей [см.: Сергеева 2004; Герасименко 2003; Токарева 2005; Коваленко 2006; Козлова 2011].

Иногда слова *норма* используется и в более широком значении – как наименование любого мыслительного эталона, могущего служить оценочным критерием. В этом случае о норме обычно говорят как срединной точке оценочной шкалы, соответствие или несоответствие которой обуславливает положительную или отрицательную оценку объекта [см., например: Приходько 2004; Токарь 2008; Таирова 2011]. Однако для нас гораздо больший ин-

терес представляют те работы, в которых понятие нормы упоминается в связи с рассмотрением каких-то более или менее конкретных форм оценочности.

Так, в диссертации С.Н. Германова, где рассматриваются оценочные аспекты семантики английского прилагательного *strange* (*странный*) и его синонимов, отмечается, что понятийное содержание всех этих слов определяется их соотносительностью с базовым оценочным понятием «нормальный» и состоит в передаче оценки того или иного объекта или его признака как отклоняющихся от нормы. При этом в роли нормы может выступать не только эмпирически выведенный стандарт, но и какой-либо естественный закон, идеальное правило и даже социальная конвенция. Довольно существенным здесь представляется то, что определение того или иного объекта как странного, т. е. отклоняющегося от нормы, является «репрезентативно амбивалентным» — иными словами, может имплицировать как отрицательную, так и положительную ценностную оценку в зависимости от того, как понимается отклонение от нормы в каждой конкретной ситуации.

Н.Д. Федяева, анализируя языковые средства репрезентации образа так называемого «среднего человека», отметила, что данный образ представляет собой воплощение самых разных по своей сути оценочных характеристик. Но в основании языковой репрезентации любых оценок человеческой личности лежит соотношение реальных качеств человека с обобщенными нормативными представлениями о нем. Об образе же среднего человека можно говорить тогда, когда язык фиксирует совпадение степени проявления его личностных качеств с зоной нормы как средней частью оценочной шкалы. При этом особо важно подчеркнуть то, что с аксиологической (т. е. ценностной) точки зрения средний человек в России чаще всего является объектом негативной оценки, поскольку для русской ментальности в оценке человеческой личности вообще характерно предпочтение крайностей середине.

Безусловно оправданным представляется использование понятия нормы в диссертационном исследовании Е.Г. Винокуровой, где описываются предикаты, обозначающие различные присущие людям психофизиологические состояния. Здесь лексемы, отражающие разные степени интенсивности состояний радости,

удивления, страха и гнева, интерпретируются как выражающие количественные оценки данных состояний, осуществляемые через соотнесение с понятием нормы как оценочным критерием. Норма же в данном случае определяется как выражение основного (базового) признака, нейтральное с точки зрения количественной интенсивности и потому безотносительное к понятиям *хорошее-плохое*.

А вот в диссертации Л.А. Горяевой употребление слова *норма* может быть признано уместным далеко не всегда. Оно, несомненно, оправдано в том разделе работы, где речь идет о содержании концепта *healthy* (*здоровый*), поскольку, действительно, здоровыми признаются те люди, физическое и психическое состояние которых соответствуют определенной норме здоровья. Когда же при описании концепта *public people* (*публичные люди*) нормативными признаются такие человеческие качества, как хорошее здоровье, спортивность, деловитость, работоспособность, коммуникабельность и т. п., это не может не вызвать возражения. В данном случае следовало бы говорить не о норме человеческой личности определенного типа, а, скорее, об идеале, о тех признаках, которые формируют оценочный стереотип (эталон) публичного человека, каким он должен быть, но чаще всего не является на самом деле.

Помимо разного рода норм и нормативных представлений, в диссертациях, посвященных языковой репрезентации оценочности, как критериальные компоненты оценок, мотивирующих ценностное отношение к объекту, отмечались и цели человеческой деятельности, и соображения пользы и выгоды, и потребности людей, и соображения значимости тех или иных объектов, и возможности их практического использования, [см., например: Маркелова 1996; Сергеева 2004; Гибатова 2011; Калкина 2005; Шкиль 2011]. Свое место в этом ряду занимают и диссертационные исследования, связывающие эстетическую ценность тех или иных предметов с их соответствием каким-то специфическим стереотипам эстетического восприятия [Сизова 1985; Писанова 1997; Арская 2002; Ли Хуа 2006; Мякишева 2009].

Совершенно особый интерес для нас представляют те работы, в которых языковое выражение различных проявлений крите-

риальной оценочности рассматривается вне связи с какими-либо другими формами оценок – так сказать, в чистом виде, не замутненным ценностной, эмоциональной, дезидеративной или какой-либо другой оценочностью. Первым значительным лингвистическим исследованием, где критериальные оценки, отражаемые средствами языка, описывались как способные существовать сами по себе, была монография (а затем и докторская диссертация) А.Н. Шрамма, посвященная анализу семантики качественных прилагательных.

По характеру выражаемого ими лексического значения все имеющиеся в языке прилагательные были разделены А.Н. Шраммом на «эмпирийные», обозначающие признаки, непосредственно воспринимаемые человеческими органами чувств, и «рациональные», обозначающие признаки, не воспринимаемые нашими чувствами, а устанавливаемые на основе анализа, разного рода сопоставлений и умозаключений. Ко второй группе в качестве особого её разряда были отнесены и прилагательные оценочного типа. Их специфика виделась в выражении особых оценочных признаков, своеобразие которых состоит в том, что они «вообще не принадлежат предмету», а «лишь характеризуют его в том или ином плане» [Шрамм 1979: 22].

Оценочный признак или значение оценки вообще А.Н. Шрамм определял, отдавая дань традиции, как «выраженное в словесной форме отношение человека к чему-либо». Однако, когда дело касалось отражения в семантике имен прилагательных конкретных оценочных смыслов, в пример приводились семантические феномены, относящиеся преимущественно к сфере критериальной оценочности. По словам ученого, «отношение субъекта к предмету (оценки) может быть самым разным», при этом «предмет может оцениваться с точки зрения его соответствия-несоответствия стандарту, или эстетическому идеалу, или этическим нормам, с точки зрения его известности-неизвестности, нужности-ненужности, полезности-вредности, удобства-неудобства, важности-неважности, с точки зрения вызываемой им эмоции и т. д. Все это разные основания оценки» [Шрамм 1979: 39].

Безусловно, не все из перечисленных здесь «оснований» могут рассматриваться в качестве возможных оценочных критериев, и отнюдь не все опирающиеся на их определения могут быть признаны критериально-оценочными. Тем не менее, для всех обозначенных им оценочных характеристик А.Н. Шраммом была предложена общая логическая схема, предполагающая обязательное использование в качестве оснований для оценок (т. е. оценочных критериев) тех или иных стандартных или эталонных представлений. По мнению ученого, для осуществления каких-либо оценочных суждений о тех или иных объектах «в сознании оценивающего субъекта должно быть представление о «стандарте» для данного класса предметов и для данного вида оценки. При отсутствии этого представления оценка предмета не может иметь места» [Шрамм 1979: 40-41].

Несмотря на излишнюю категоричность и, как следствие, узость такого понимания оценочности, ссылка на стандарт или эталон как на основание (т. е. критерий) оценки неплохо «работала» при определении сущности некоторых оценочных значений, имела во многих случаях вполне достаточную объяснительную силу. Так, говоря об оценках по тому или иному параметрическому признаку, А.М. Шрамм отмечал, что такого рода оценки бывают возможны только благодаря тому, что «в сознании людей существует "эталон", "точка отсчета" для данного признака применительно к данному классу предметов». Так, «определяя, например, признак протяженности деревьев по вертикали, субъект сопоставляет, соотносит их вертикальный размер с существующей в его сознании "точкой отсчета" (равной для жителей Европейской России примерно 4-5 м.). И каждое дерево после сопоставления его с указанным "эталонном" будет квалифицироваться как высокое, если его протяженность по вертикали больше "нормы", и как низкое – в противном случае». И далее: «На основании рассмотренного "эталона" устанавливаются прежде всего признаки линейных размеров предмета (длины, ширины, высоты и т. д.), а также весовые признаки. Для прилагательных, называющих эти признаки, характерно то, что они обозначают лишь признаки, располагающиеся, так сказать, либо по ту, либо по другую сторону "точки отсчета". Если же признак предмета соответ-

ствуется «норме», то он никак не обозначается, для такого признака нет соответствующего слова» (кроме слова *нормальный*, добавим мы от себя) [Шрамм 1979: 21]. Столь длинная цитата была приведена потому, что она практически исчерпывающе передает сущность отражаемых именами прилагательными параметрических оценок.

Понятие стандарта использовалось А.Н. Шраммом и для объяснения феномена так называемой общей оценки. По его мнению, оценка с использованием шкалы «хороший – плохой» также имеет в качестве логической «точки отсчета» некоторый признаковый стандарт, особенный для каждого конкретного случая. «А так как представление о стандарте для какого-либо класса предметов может включать любые признаки предметов этого класса, в том числе и оценочные признаки, то вполне возможны такие умозаключения: цвет лица естественный – значит, хороший; ответ невразумительный – значит, плохой...» [Шрамм 1979: 42].

Особо следует остановиться на выявленных А.Н. Шраммом стандартах оценки различных присущих людям и животным психических качеств. Принимая во внимание наличие таких стандартов (эталонов), очень многие обозначающие психические свойства прилагательные могут быть признаны критериально-оценочными. Механизм оценочных характеристик этого рода был раскрыт ученым на примере анализа такого психического качества, как собачья злобность. По утверждению А.М. Шрамма, «признак ”злой” (о собаке) мы не можем непосредственно ни увидеть, ни услышать, ни обонять, ни осязать. О наличии его мы умозаключаем, видя, как реагирует собака на внешние раздражения (появление во дворе чужого человека, непривычный шум за забором и т. п.), слыша, как громко она лает, как бежит по двору и т. д. Сопоставляя воспринятые органами чувств признаки конкретной собаки, сравнивая полученную совокупность признаков с имеющимся в нашем сознании эталоном, мы в итоге приходим к выводу о наличии у предмета ”собака” признака “злая”» [Шрамм 1979: 42]. Таким образом, данная характеристика собаки, равно как и множество других обозначаемых прилагательными психических характеристик людей и животных, может быть интерпретирована как результат мысленного соотнесения психиче-

ского свойства, присущего конкретному живому существу, с определенным среднестатистическим стандартом (эталоном) интенсивности проявления этого свойства у других существ данного биологического вида. А психическая характеристика человека или животного, осуществляемая с использованием соответствующего прилагательного, может быть признана выражением акта критериальной оценки.

Описание феномена критериальной оценки, не связываемое напрямую с ценностным отношением или другими формами реляционной оценочности, мы находим в докторской диссертации Г.Г. Галич «Семантика и прагматика количественной оценки», в которой описываются различные способы языкового выражения оценки количественных признаков и отношений.

В самом общем виде количественная оценка была определена автором как «оценка, имеющая своим предметом релевантные для предметной и коммуникативной деятельности человека объективные различия сферы количественной определенности». Затем было отмечено, что основой любого вида оценки является сравнение, сопоставление её объекта с избранным оценочным критерием [Галич 1999: 51]. Из всего этого необходимо следовал вывод о том, что для определения содержания и возможных разновидностей количественной оценки необходимо установить те формы «количественной определенности», которые могут быть её (оценки) объектами, и те ментальные образования, которые могут служить её критериями.

В этом вопросе подход, предложенный Г.Г. Галич, представляется несколько более широким, чем следовало бы, поскольку под понятие количественной оценки ею были подведены некоторые ментальные и семантические феномены, не являющиеся критериально-оценочными по своей логической сути. Так, в качестве проявлений количественной оценочности были интерпретированы значения «больше / равно / меньше», которые порождаются не сопоставлением присущего чему-либо количества или размера с отвлеченным оценочным критерием, а сравнением количественных характеристик двух в общем-то равноценных, сущностно однородных предметов. С учетом отмеченной смысловой специфики содержание этих и аналогичных им значений должно опре-

деляться не как количественно-оценочное, а как собственно сравнительное, компаративное. В равной мере это относится и к рассматриваемым в качестве оценочных «тотально-партитивным» значениям, отражающим отношения части и целого.

Помимо «тотально-партитивных» количественных характеристик, к числу выражаемых средствами языка оценочных квантификаций Г.Г. Галич были отнесены такие виды оценок, как 1) «градуальные», 2) «ситуативно-модальные» и 3) «псевдоточные». И вот они-то в полной мере могут трактоваться как количественные оценки, поскольку все предполагают использование каких-то оценочных критериев.

К примеру, «градуальные» оценки названы так потому, что они всегда «ориентированы на узуальные градуальные эталоны», которые в данном случае и рассматриваются как критерии количественной оценки [Галич 1999: 105]. Оценочные значения данного типа выражаются словами *много – мало, многочисленный – немногочисленный, большой – маленький, длинный – короткий, высокий – низкий* и под. «Градуальные эталоны», используемые при производстве оценок такого рода, мыслятся как особые оценочные шкалы, в основании которых лежат представления об определенных количественных нормах. Эти нормы связываются с понятиями о тех или иных предметных классах и могут иметь как когнитивную, так и деонтическую (конвенциональную) природу. На наш взгляд, именно количественные нормы, точнее – нормативно-количественные представления людей, следует считать подлинными критериями «градуальных» оценок. Остальные же используемые при таких оценках ментальные образования (оценочные шкалы, «градуальные эталоны» и пр.) являются лишь логическими производными от этих критериев.

Оценки, названные Г.Г. Галич «ситуативно-модальными», основываются на сравнении количественных характеристик оцениваемых объектов с величинами, необходимыми или желательными для некоторой ситуации. Именно эти величины и выступают в качестве критериев количественных оценок, выражаемых в значениях «недостаточное / достаточное / избыточное», которые образуют ситуативные модально-оценочные шкалы [Галич 1999: 142].

Что же касается так называемых «псевдоточных» оценок, то, несмотря на их действительное сходство с точными квантификациями, они также могут рассматриваться как проявления критериальной оценочности, поскольку предполагают «сопоставление названной числовой величины со знанием её значимости для деятельности коммуникантов» [Галич 1999: 142]. В наиболее явном виде такие оценки репрезентируются в выражениях типа *аж целых три – всего лишь три*, где указание на то или иное точное количество сопровождается модальным значением «хочу сказать, что это много / мало». В роли оценочных критериев здесь выступают какие-то более или менее точные представления о каком-либо требуемом, ожидаемом или необходимом количестве.

В отдельных местах своей работы Г.Г. Галич указывала на возможность связи тех или иных количественно-оценочных значений с какими-то эмоциональными и ценностно-прагматическими смыслами. Однако сами эти значения интерпретировались не как проявления ценностного или какого-то иного отношения, а как чисто рациональные по своей природе феномены, представляющие собой «результат сопоставления отражаемой величины с лингвокогнитивными эталонными шкалами или ситуативными основаниями оценки» [Галич 1999: 15].

Интересную попытку определения соотношения критериального и эмоционального содержания в отражаемых средствами языка оценках мы находим в работах В.М. Богуславского. Попытка эта была осуществлена на материале анализа особенностей языкового выражения оценок человеческой внешности. Во вводной своей части доклада, представленного на соискание степени доктора филологических наук, В.М. Богуславский отметил, что одной из основных задач его исследования было выявление универсальных (общечеловеческих) и национальных критериев, используемых при различных оценках внешности человека, а также определение логических оснований и параметров построения последних. Далее было сказано, что такие оценки характеризуются множественностью критериев, лежащих в их основании, а это вызывает значительные затруднения в описании языковых средств выражения соответствующих оценочных значений и требует детальной проработки всей системы лексических единиц,

относящихся к соответствующему разделу словаря [Богуславский 1995: 5, 8].

Решение этой задачи в определенной мере осложнилось тем, что в восприятии и оценке человеческой внешности ученым было выделено два этапа, названных «первовидением» и «второвидением». Различие между этими «видениями» предполагалось не только в очередности, но и в самом их характере: первое мыслилось как «эмоциональное по своей природе», а второе – как «преимущественно рациональное». По мысли В.М. Богуславского, при восприятии внешнего облика человека «выделяются прежде всего моменты эмоционально-оценочного отношения, дается эмоциональная оценка, представленная большим количеством эмоционально-оценочных признаков». Рациональное же осмысление внешних данных и критериальное оценивание их особенностей выступает в таком случае как нечто вторичное, во многом обусловливаемое первичным эмоциональным восприятием [Богуславский 1995: 5, 8]. Как было заявлено во Введении к подготовленному ученым словарю, в основе оценки человеческой внешности лежит эмоциональность, которая и определяет в данном случае все возможные аспекты оценки: «именно на эмоциональность «первовидения» наслаивается совокупность качественных признаков и ассоциаций, порождаемых жизненным опытом, обыденным знанием и эталонами как системным отражением обыденного знания» [Богуславский 2004: 18] В целом же концептуальное содержание семантического поля оценки внешности человека предстает как «полифакторный семантико-ассоциативный комплекс, структура которого организуется прежде всего противопоставленностью положительных и отрицательных эмоций, отражающих первооснову оценочности данного объекта» [Богуславский 1995: 22].

Изложенная теоретическая посылка выглядит, на первый взгляд, довольно убедительно, однако материалы конкретных наблюдений, приводимые в работах В.М. Богуславского, убеждают нас, скорее, в противоположном: на страницах этих работ мы находим неоднократные свидетельства и примеры того, как критериальные оценки внешности осуществляются независимо от эмоциональных оценок, часто служат основаниями и мотива-

ми последних и, следовательно, выступают как первичные по отношению к ним.

Что касается непосредственно критериальных оценок присущих людям внешних данных, то их, в соответствии со спецификой оцениваемых объектов и содержанием соответствующих оценочных критериев, может быть выделено несколько типов. В зависимости от того, на какие объекты оказываются направленными оценки внешности, все они подразделяются В.М. Богуславским на 1) оценки общего впечатления, «в которых внешность человека воспринимается как некая цельность», и 2) оценки, детализирующие внешность, т. е. «направленные на вычленение отдельных деталей внешности» [Богуславский 1995: 13; 2004: 17]. И хотя при этом отмечается, что и те и другие оценки носят преимущественно эмоциональный характер, в интересующих нас работах ученого обнаруживается вполне адекватное и достаточно подробное описание используемых при производстве таких оценок критериев.

Начнем с того, что среди универсальных психических установок, подсознательно предопределяющих и мотивирующих все возможные оценки человеческой внешности — так называемых «презумпций восприятия внешности человека» — ученым на первое место была поставлена «презумпция восприятия человека как цельного объекта». Данная «презумпция», полагал В.М. Богуславский, «предваряет оценочный акт образом-представлением, в котором объекту оценки предписывается регламентированный набор «деталей» известной величины и конфигурации в их пропорциональном соотношении». Такой образ «предстает как некая материальная количественно определенная величина, представленная в априорно заданных формах и пропорциях». А мысленная фиксация совпадения или несовпадения внешних черт конкретного человека с этим априорным «образом-представлением» была определена как «экзистенциальный аспект» оценки человеческой внешности [Богуславский 2004: 14, 15]. Данный аспект мыслился прежде всего как представляющий внешние данные людей с точки зрения наличия или отсутствия стандартного регламентированного набора «деталей», т. е. с позиций цельности внешнего облика человека и её нарушения. При этом конкретные

внешние черты рассматривались как «параметры количественной представленности с их качественными характеристиками» [Богуславский 2004: 18]. Думается, не нужно обладать особой прозорливостью, чтобы понять, что речь здесь идет о типичном случае критериальной оценочности, где в качестве критерия оценки выступает сложное ментальное образование, имеющее статус комплексного обобщающего оценочного стереотипа.

Однако далеко не всякие отражаемые языком «экзистенциальные» характеристики человеческой внешности можно рассматривать как оценочные. В.М. Богуславский совершенно справедливо не считал проявлениями оценочности указания на отсутствие у человека той или иной долженствующей быть детали внешнего облика, хотя при этом и утверждал, что такое отсутствие обуславливает наличие отрицательного оценочного значения у фиксирующей данный факт лексемы [Богуславский 2004: 18]. В этом плане, полагал ученый, слова *безногий, безрукий, одноногий, однорукий, одноглазый, лысый* и им подобные, не будучи собственно оценочными, обязательно должны обладать какой-то отрицательной оценочной коннотацией. И если под отрицательной оценочностью здесь понималась негативная эмоциональная оценка, то с этим вряд ли можно согласиться без оговорок. Для иллюстрации же возможностей языкового выражения общих «экзистенциальных» оценок человеческой внешности следовало бы использовать такие слова, как *полноценный, неполноценный, ущербный, с изъяном*, и анализировать эмоциональные и другие оценочные коннотации, свойственные именно этим словам.

К числу «экзистенциальных», по-видимому, можно было бы отнести и такие критериальные оценки внешнего облика, как *обычность и заурядность*, с одной стороны, и *необычность, незаурядность, своеобразие, оригинальность*, с другой. Все эти характеристики также основываются на сопоставлении внешних данных конкретных людей со стандартизованным «образом-представлением» человеческой внешности как комплексным оценочным стереотипом. В своем содержании они фиксируют факт общего соответствия или несоответствия качественных признаков внешних черт того или иного человека общепринятым

стандартам. В.М. Богуславский связывал оценки этого типа с такой «презумпцией восприятия внешности», как выделительность. Согласно сформулированному им определению, это «общая семантическая направленность оценки на выделение в объекте черт оригинальности и своеобразия», которая заложена в самой природе оценок внешнего облика людей. Примечательно, что в зависимости от конкретных обстоятельств оценки человеческой внешности «в одних случаях отнесенность к типичному и стандартному может быть положительной характеристикой... а в других случаях – отрицательной» [Богуславский 1995: 23].

Общее стереотипное представление о внешности может выступать и в качестве критерия идентификации того или иного конкретного человека по этническому признаку «свой – чужой». Оценочный стереотип, используемый в этих целях был определен В.М. Богуславским как «национальный образ внешности», этнический «эталон внешности» [Богуславский 1995: 17] или как «психологический образ “своего”» [Богуславский 2004: 12]. По сравнению с общим, этнически неопределенным «образом-представлением» человеческой внешности данный стереотип выступает как более конкретизированное ментальное образование, отражающее внешние черты, свойственные представителям какого-то определенного этноса. Именно эта конкретность «национального образа внешности» и делает его способным служить средством (критерием) идентификации людей по этническому признаку, делить их на этом основании на своих и чужих. Вполне естественно, что «в силу психологической установки на положительное восприятие «своего», этот образ характеризуется положительной эмоциональной окрашенностью и положительным оценочным знаком. Он складывается исторически длительное время и представляет собой типизацию по среднестатистическому признаку частоты встречаемости. Однако в силу названной психологической установки он является не только плодом типизации, но и идеализации, поскольку имплицитно реализует идею самоутверждения и превосходства над другими людьми» [Богуславский 2004: 12].

В работах В.М. Богуславского, неизвестно в силу каких причин, не были отмечены лексические средства, непосредственно

передающие семантику оценок по соотнесенности с «национальным образом внешности» как комплексным оценочным критерием. Думается, что результаты таких оценок выражаются в первую очередь при помощи понятий типичной и нетипичной внешности. Так, человек, обладающий внешними чертами, соответствующими этническому эталону внешности, может быть назван типичным представителем своего этноса, а лицо, не обладающее этими чертами, не может быть признано таковым, даже если кровно принадлежит к данному этносу.

Как уже отмечалось выше, помимо оценок внешности, основывающихся на общем впечатлении и использующих критерии комплексного типа, В.М. Богуславским были выделены еще и оценки детализирующего характера, предполагающие использование критериев с предельно конкретным содержанием. К их числу были отнесены, во-первых, параметрические оценки внешнего облика человека по признакам размерности, веса, массы и плотности, и, во-вторых, оценки, содержащие характеристики конкретных деталей человеческой внешности (тоже осуществляемые по параметрическим показаниям, но касающиеся лишь отдельных органов и частей тела). Все они, подобно критериальным оценкам, рассматривавшимся ранее, описывались ученым в рамках «экзистенциального аспекта» оценочности, правда, связывались уже не с обобщенным комплексным представлением о внешности человека в целом, а со среднестатистическими параметрическими нормами и эталонами тех или иных конкретных внешностных черт.

Во Введении к подготовленному В.М. Богуславским словарю в качестве средств выражения оценок такого рода были отмечены прилагательные *высокий, крупный, видный, маленький, незаметный, плюгавый*, а также определения типа *густоволосый, пышно-волосый, глазастый* и. т. п. При этом подчеркивалось, что при таких оценках мера представленности количественного признака по отношению к норме и эталону непременно вызывает установление некоего позитивного или негативного «знака оценки» и «признаки, указывающие на превышение нормы, оцениваются положительно, а признаки, указывающие на отклонение в меньшую сторону, – отрицательно» [Богуславский 2004: 19]. Нам та-

кое утверждение представляется неоправданно категоричным, тем более что в работах его автора можно найти высказывания и факты, явно противоречащие процитированному выше положению. Так, в научном докладе В.М. Богуславского было сказано, что при оценке отдельных черт и деталей человеческой внешности «отклонения от среднестатистической нормы по признаку параметрии как в большую, так и в меньшую сторону определяют отрицательный знак оценки». В подтверждение тому были приведены такие слова и выражения, как *длинный, каланча пожарная, верста коломенская, жердь, орясина, дылда, пузатый, толстобрюхий, майорское брюхо, невидный, тщедушный, плюгавый, коротышка, недомерок, шибздик, голова с пивной котел* и пр. [Богуславский 1995: 14]. Правда, какое отношение к этому словесному ряду могут иметь лексемы, также обозначающие отклонения от нормы, но с явно позитивной оценочностью (*видный, дородный, широкоплечий, мускулистый, пышноволосый* и под.), так и осталось непоясненным.

Помимо «экзистенциального» и эмоционального, В.М. Богуславский большое внимание уделил в своих исследованиях и эстетическому аспекту оценки человеческого внешнего облика. С данным аспектом, полагал ученый, соотносится особая интегральная сема эстетической оценки внешности человека, которая «эксплицитно и имплицитно отражена в семантике и коннотациях совокупности средств выражения, характеризующих как объект в целом, так и отдельные его части по признаку соотносительности с представлениями о привлекательной внешности» [Богуславский 1995: 29] Из этого высказывания следует, что, во-первых, эстетической оценке может подлежать не только весь внешний облик человека в целом, но и отдельные его детали и, во-вторых, что оценки такого рода являются критериальными в своей основе. Критериями же эстетических оценок внешних данных людей служат наши представления о привлекательной внешности, которые играют роль эстетических оценочных эталонов [Богуславский 1995: 15]

Важно отметить, что эстетические эталоны человеческой внешности рассматривались В.М. Богуславским как «одна из форм хранения и передачи национально осмысленного познава-

тельного опыта» [Богуславский 1995: 18; 2004: 13]. Однако при этом подчеркивалось, что такие эталоны принципиально отличаются от среднестатистических стандартных представлений и норм, используемых при «экзистенциальных» оценках, иногда весьма и весьма существенно. Содержательное различие между двумя этими типами оценочных критериев следует объяснять, конечно же, различиями в их происхождении. Но если с происхождением среднестатистических норм и мысленных стандартов все как будто бы ясно и понятно, то происхождение эталонов эстетических оценок представляется довольно-таки проблематичным.

Сам В.М. Богуславский более или менее четкого ответа на данный вопрос не дал. Он только отметил тесную связь эстетического аспекта оценок человеческой внешности с эмоциональным их аспектом. Связь эта заключается, по мнению ученого, прежде всего в том, что психическая установка на эстетическое восприятие внешних данных человека характеризуется положительной эмоциональной окрашенностью эталонов. И именно в этом состоит принципиальное отличие эстетических оценок от оценок, осуществляемых по стереотипным представлениям, основанным на признаке статистической усредненности [Богуславский 2004: 16]. Вот в этом направлении, по-видимому, и следовало бы искать корень решения проблемы. Только вместо понятия положительной эмоциональной окрашенности как определяющее сущность и происхождение эталонов эстетических оценок нужно было бы взять понятие позитивного сенсорно-вкусового (гедонистического) тона чувственного восприятия. Обобщенные представления о свойствах объектов, восприятие которых сопровождается ощущениями такого тона, и следовало бы рассматривать в качестве эстетических эталонов.

Что же касается средств языкового выражения эстетических оценок, то здесь основная проблема заключается в разделении лексем, отражающих сенсорно-вкусовую (чувственно-гедонистический) аспект эстетической оценочности, и слов, выражающих критериальные оценки, осуществляемые в соответствии с теми или иными эстетическими эталонами как оценочными критериями. С этим современная наука испытывает большие затруд-

нения, и работы В.М. Богуславского не составляют здесь счастливого исключения, хотя описанию именно эстетического аспекта оценки человеческой внешности посвящена большая часть их содержания.

Ученым были выявлены многие реально существующие эталоны эстетической оценки присущих людям внешних черт, отмечены социально-историческая относительность и национально-культурное своеобразие этих эталонов, описаны эстетические эталоны, традиционные для русского национального менталитета и русской культуры. Однако, когда дело касается языковых средств выражения оценок, осуществляемых в соответствии с данными эталонами, в качестве примеров в рассматриваемых нами работах приводятся обычно лексемы не с критериально-оценочными, а с элементарно дескриптивными значениями – к примеру, такие прилагательные, как *подтянутый, стройный, статный, кривой, горбатый, сутулый* и им подобные. [Богуславский 2004: 20, 21]. Справедливости ради следует отметить, что и у таких лексем имеется сема соответствия или несоответствия какой-то детали человеческой внешности определенному эстетическому эталону, но она не является структурным компонентом понятийного содержания слова, а выступает всего лишь как его сопутствующий смысл. К числу критериально-оценочных лексемы такого рода определенно не относятся.

Как слова, отражающие итоги сопоставления внешних данных человека с теми или иными эстетическими эталонами, В.М. Богуславским рассматривались и прилагательные с реляционно-оценочной семантикой: *красивый, пригожий, миловидный, привлекательный, обворожительный, прекрасный*, с одной стороны, и *некрасивый, безобразный, гадкий, мерзкий, отталкивающий, отвратительный*, с другой [Богуславский 1995: 14, 15]. Все эти слова отличаются тем, что выражают в своем понятийном содержании оценки эмоционального или сенсорно-вкусового характера. Н.Д. Арутюновой такие прилагательные были охарактеризованы как лексемы «с гедонистической дефиницией». В.М. Богуславский с подобной интерпретацией их семантики был в принципе согласен и трактовал эти прилагательные как формальные показатели тесной взаимосвязи эмоционального и эсте-

тического аспектов оценки человеческой внешности [Богуславский 1995: 27]. Какие же лексические единицы могут считаться средствами выражения критериальных эстетических оценок (причем не только внешнего облика человека, но и вообще), так и осталось невыясненным. Такие лексемы нужно искать, выявлять и описывать отдельно, именно как критериально-оценочные, отражающие оценки, производимые в соответствии с эстетическими эталонами как оценочными критериями.

2. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОТРАЖАЮЩИЕ ОЦЕНКИ ПО ОБЪЕКТИВНЫМ КРИТЕРИЯМ

2.1. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОТРАЖАЮЩИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ

В зависимости от характера критериев, используемых при критериальных оценках, имена прилагательные, обладающие критериально-оценочными значениями, делятся нами на слова, отражающие оценки, осуществляемые по объективным (натуральным) критериям, и слова, выражающие результаты оценок, осуществляемых по субъективным (чисто человеческим) критериям. Такое деление носит довольно условный характер, поскольку в обоих случаях непосредственными критериями, определяющими характер конкретных оценок, служат определенные понятия и представления. Разница лишь в том, что в первом случае эти понятия и представления отражают что-то такое, что существует объективно, вне сознания человека и независимо от него, а во втором случае они выступают как отражения каких-то субъективных феноменов – человеческих потребностей, целей, идеалов и некоторых других элементов и продуктов человеческого сознания.

Показательными примерами оценок, осуществляемых по объективным критериям, могут считаться те критериальные оценки, которые В.М. Богуславский предложил называть экзистенциальными. К этому типу, как мы помним, были отнесены оценки, характеризующие человеческую внешность с точки зрения полноты представленности всех обычных её деталей, а также в плане размерного соответствия этих деталей внешним чертам, типичным для представителей того или иного этноса. Экзистенциальными такие оценки предложено было называть прежде всего потому, что в роли их критериев выступают показатели, отражающие нечто реально существующее в действительности вне зависимости от человеческого сознания – то, что действительно широко распространено, обычно и потому реально типично. Вообще же оценки такого рода отнюдь не ограничиваются в применении одними только особенностями внешнего вида людей – они

могут использоваться для характеристики практически всех существующих в мире предметов и явлений, не исключая и чисто психические феномены. Такой всеобщий, всеобъемлющий характер оценок экзистенциального типа находит свое отражение в значениях очень многих выражающих эти оценки прилагательных.

В.М. Богуславский несколько сузил сферу экзистенциальной оценочности, ограничив её только оценками полноты представленности необходимых деталей объекта и конкретными количественными оценками размерности этих деталей [Богуславский 2004: 9, 18, 19]. В то же время довольно значительное место среди средств языкового выражения экзистенциально-оценочных значений занимают слова, отражающие оценки общей бытийной типичности/нетипичности оцениваемых объектов. Думается, что в силу наибольшей абстрактности и обобщенности этих оценок именно с них и следует начать описание семантики русских экзистенциально-оценочных прилагательных.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, оценки, выражаемые понятиями типичного/нетипичного, обычного/необычного, заурядного/незаурядного и им подобными, трактовались В.М. Богуславским как обусловливаемые особой «презумпцией восприятия» под названием «выделительность» и отражающие соответствующий ей аспектуальный признак оценочности, также могущий быть обозначенным как «выделительный». Ученым была выявлена даже особая интегральная сема выделительности, отражающая этот аспект оценочной семантики. Данная сема, полагал В.М. Богуславский, реализуется в оппозициях типа обычное – необычное, типичное – оригинальное, стандартное – нестандартное, и «как родовое понятие она соотносится с такими видовыми по отношению к ней понятиями, как *своеобразие, неповторимость, оригинальность, непохожесть* и т. п., и противоположными им, такими как *стандартность, обычность, заурядность, банальность* и т. п.». Выделительность, по словам В.М. Богуславского, «заложена в самой природе оценки», и «основанием её является сравнение и сопоставление оценочного признака объекта по различным параметрам с нормой» [Богуславский 1995: 23].

Понятие нормы, на наш взгляд, выступает во всех этих рассуждениях как ключевое: под ним подразумеваются все применяемые при рассматриваемых здесь оценках критерии. Как соотношение оцениваемого объекта с нормой сущность экзистенциальных оценок трактуется и многими другими авторами [см., например: Арутюнова 1984; Германов 2006; Козлова 2011; Федяева 2003]. Однако использование слова *норма* для обозначения критериев оценок экзистенциального характера представляется все же не вполне оправданным. Вполне закономерно в данном случае возникает вопрос: а можно ли стереотипные представления, применяемые при оценках обычности, типичности, заурядности тех или иных объектов, считать нормативными в собственном смысле слова? Ведь под нормами как таковыми, как уже было отмечено нами ранее, носители русского языка понимают обычно или различные деонтические предписания, или среднестатистические количественные показатели, или искусственно устанавливаемые количественные нормативы. Представление же об общей бытийной обычности или типичности чего-либо с таким пониманием норм как-то не вяжется. Исходя из этих соображений, думается, лучше было бы называть критерии экзистенциальных оценок не нормами, а как-то по-иному – скажем, экзистенциальными оценочными стереотипами.

Стереотипы такого рода являют собой сложные ментальные образования, содержащие определенные совокупности представлений о тех качествах (признаках и отношениях), которые считаются типичными для вещей, относимых к тому или иному предметному классу. Принципиально важным обстоятельством здесь представляется то, что содержание экзистенциальных стереотипов никогда не бывает тождественно содержанию соотносимых с различными предметными классами понятий, оно всегда выходит за рамки смыслового наполнения последних, поскольку включает в себя семантические признаки, относящиеся к области не только понятийного, но и концептуального менталитета.

Для прояснения вопроса о содержательном соотношении понятия и экзистенциального оценочного стереотипа, думается, необходимо для начала разобраться в том, как вообще формируется содержание понятий. Однако проблема эта во многом

осложняется отсутствием единой, общепринятой трактовки понятия в логике, и особенно – неопределенностью критериев отбора семантических признаков, включаемых в содержание тех или иных понятий.

Первоначально философы и логики рассматривали понятие только как обобщающее смысловое образование – эквивалент суммы признаков, общих для предметов, составляющих объем какого-либо понятия. Дж. Локк, к примеру, считал, что, устраняя из сложных идей *Петр* и *Яков*, *Анна* и *Мария* то, что у них имеется своеобразного, и сохраняя в уме то, что у них есть сходного, мы образуем новую общую идею «человек». А если из сложных идей, означаемых именами *человек* и *лошадь*, устранить те особенности, которыми они отличаются друг от друга, удержать только то, в чем они сходятся, образовать из этого новую сложную идею и дать ей имя *животное*, то получится более общий термин, обнимающий вместе с человеком и другие живые существа [Локк 1960: 410, 411]. И. Кант рассматривал понятие как особую форму познания действительности, существующую наряду с созерцанием. И если созерцание, по Канту, «имеет непосредственное отношение к предмету и всегда бывает единичным», то понятие «имеет отношение к предмету опосредованно, при посредстве признака, который может быть общим для нескольких вещей» [Кант 1964: 354]. Гегель также видел в понятии выражение того, что «обще предметам», хотя и считал, что по отношению к конкретным вещам «понятие ... есть истинно первое, а вещи суть то, что они суть, благодаря деятельности присущего им и открывающегося в них понятия» [Гегель 1974: 347].

Впоследствии стало ясно, что содержание понятия не может охватывать все признаки, общие для составляющих объем понятия объектов, особенно если под признаками понимать не только собственные, имманентные свойства вещей, но и их связи и отношения с другими вещами. Современные логики уже не рассматривают объективную принадлежность какого-то признака всем предметам определенного класса в качестве единственного критерия, определяющего включение отражающего его семантического признака в содержание соответствующего понятия. Очевидно, это обуславливается осознанием того, что при включении

в понятие семантических признаков, отражающих все общие свойства соотносимых с ним объектов, содержание понятия необоснованно расширяется до объема всего человеческого знания об этих объектах. Все понимают, что в процессе формирования понятия в области знаний о подводимых под это понятие предметах производится определенная селекция, отбор таких семантических признаков, которые по отношению к понятию могут выступать как конституирующие. Правда, критерии такого отбора в логике еще не определены окончательно.

Некоторые авторы, резко разграничивающие эмпирические и научные понятия, утверждают, что в содержании последних фиксируются только такие свойства соотносимых с ними объектов, которые для данных объектов являются существенными. При этом подчеркивается, что научное понятие – это «не собрание всех признаков предмета, а отражение всего наиболее важного и существенного, что содержится в предмете», того, без чего предметы “перестают быть самими собой”» [Андреев 1985: 210, 212]. Несущественные же, а тем более случайные признаки, хотя и учитываются при познании конкретных вещей, тем не менее остаются за рамками содержания научных понятий. Другое дело – понятия эмпирические, первичные, как бы и не совсем понятия, понятия не в полном смысле слова. Это их содержание формируется путем фиксации несущественных, чисто внешних и даже случайных признаков. Научные же понятия фиксируют только существенное.

К сожалению, факты опровергают эти на первый взгляд убедительные логические построения: в любой области научного знания при желании можно обнаружить достаточное количество понятий, отражающих в своем содержании не существенные, а второстепенные и даже случайные признаки предметов. Например, играющее важную роль в синтаксисе понятие неполного предложения основывается на фиксации такого в общем-то случайного для конкретного предложения признака, как контекстуальная или ситуативная обусловленность реализации его структурной схемы. В то же время гораздо более существенные для предложения признаки, к числу которых относятся, например,

его структурный тип или коммуникативная направленность, в понятии неполного предложения не отражаются.

На наш взгляд, если уж говорить о существенности каких-то признаков как о критерии их релевантности для содержания того или иного понятия, то нужно иметь в виду существенность этих признаков не по отношению к соотносимым с понятием предметам, а по отношению к самому понятию. Такую существенность мы предлагаем называть идентификационной значимостью понятийных признаков.

Предположение о наличии у конституирующих понятие признаков особой идентификационной значимости основывается на том бесспорном факте, что подводимые под определенное понятие объекты подвергаются операции мысленного отождествления по тем признакам, которые отражаются в содержании понятия. Собственно говоря, понятие и образуется благодаря интуитивному или осознаваемому отождествлению предметов, в результате которого какая-то часть общих для этих предметов признаков выделяется в качестве основания их тождественности. Выдающийся советский логик Д.П. Горский рассматривал такую мыслительную операцию как абстракцию отождествления. При этом он отмечал, что для образования понятий чаще всего используется абстракция не абсолютного, а относительного, частичного тождества. Она основывается на учете не всех, а только некоторых общих свойств отождествляемых объектов. Тем не менее, и в этом случае объекты отождествления начинают мыслиться «как неразличимые с точки зрения свойств, фиксируемых в содержании понятия» [Горский 1985: 10].

Главное достоинство трактовки понятия как результата абстракции отождествления заключается в учете той активной роли, которую в образовании понятий играет человеческий интеллект. При таком подходе сознание человека рассматривается не как безразличное зеркало, пассивно отражающее в своих понятиях общие признаки различных предметных классов, а как активное начало, само отбирающее эти признаки и формирующее из них основания для отождествления единичных объектов. Д.П. Горский определял такую деятельность человеческого сознания понятием конструктивизации действительности. Суть её

ученый видел в установлении мысленных границ между выделяемыми сознанием предметными классами. А в качестве одного из наиболее существенных аспектов этой деятельности отмечалась выработка «достаточно простых, легко применимых критериев и правил, позволяющих утверждать, что некоторый предмет действительности является элементом интересующего нас множества» [Горский 1985: 17].

С нашей точки зрения, упоминаемые Д.П. Горским простые и легко применимые критерии и правила, позволяющие идентифицировать единичные объекты с теми или иными предметными множествами, являются не чем иным, как семантическими признаками, составляющими содержание соотносимых с данными множествами понятий. Поскольку же эти признаки используются в качестве критериев для идентификации единичных вещей с определенными предметными классами, они могут быть охарактеризованы как идентификационно значимые. При этом важно учитывать и то, что идентификация объекта с каким-либо множеством осуществляется обычно через его идентификацию с охватывающим данное множество понятием, поэтому понятийные семантические признаки выступают и как критерии, определяющие соответствие/несоответствие объекта самому понятию.

Идентификационная значимость понятийных семантических признаков заключается в таких свойствах этих признаков, как 1) необходимость каждого из них и 2) их общая достаточность. Е.К. Войшвилло, автор фундаментального исследования «Понятие как форма мышления», именно свойства необходимости и достаточности рассматривал как условия, определяющие вхождение семантических признаков в содержание понятия. При этом само содержание понятия было определено как «совокупность признаков, которые все вместе достаточны, а каждый из них необходим для того, чтобы выделить данный класс предметов, т.е. отличить эти предметы от других» [Войшвилло 1989: 92].

Необходимость конституирующих понятие семантических признаков состоит в том, что идентифицироваться с данным понятием могут только такие объекты, которые обладают всеми соответствующими его содержанию реальными признаками. Отсутствие же у объекта хотя бы одного из этих признаков делает его

идентификацию с понятием невозможной. Так, растение, не имеющее твердого ствола, не может быть подведено под понятие «дерево», а высказывание, не содержащее значений объективной модальности и синтаксического времени, не может рассматриваться как предложение. Общая же достаточность понятийных семантических признаков заключается в том, что обладание набором соответствующих им реальных признаков является достаточным основанием для идентификации объекта с понятием, имеющим эти признаки в своем содержании. При этом остальные признаки, связывающие идентифицируемый объект с другими соотносимыми с данным понятием предметами, могут уже не учитываться. Таким образом, совокупность понятийных семантических признаков выступает как своего рода идентификационный минимум, которому должны соответствовать все подводимые под понятие объекты.

Для большинства так называемых «конкретных» понятий идентификационно достаточными являются семантические признаки, образующиеся в процессе чувственного восприятия внешнего вида соотносимых с этими понятиями объектов. Так, для формирования понятия о каком-либо виде животных вполне достаточно фиксации признаков, относящихся к внешнему виду представителей данного вида, и совершенно не обязателен учет того, чем эти животные питаются, как выкармливают детенышей или где они обитают. Естественно, что при более детальном изучении тех или иных объектов составляющие понятия о них идентификационно значимые признаки могут становиться неактуальными и заменяться другими. Вот почему содержание научных понятий иногда сильно отличается от содержания понятий эмпирических, хотя общее количество подобных расхождений, по видимому, не столь велико, как это представляется некоторым ученым. Различие между научными и эмпирическими понятиями чаще всего заключается только в том, что общие для них идентификационно значимые семантические признаки у научных понятий рефлексированы нашим сознанием и фиксируются в форме строгих логических дефиниций, а у понятий эмпирических эти признаки могут оставаться нерелексированными, неосознаваемыми, никак не эксплицированными в «окне сознания».

Будучи выражено словом, понятие выступает как понятийное содержание слова, или как лексическое понятие. Термин *лексическое понятие* был предложен когда-то Н.Г. Комлевым и определялся как «минимальный комплекс абстрагированных свойств, выделяющих предмет и отводящих ему место в систематизированной совокупности слов-мыслей людей», что, на наш взгляд, вполне соответствует представлению об идентификационном минимуме как совокупности составляющих содержание понятия идентификационно значимых семантических признаков [Комлев 1969: 111].

Важно отметить, что соотносимые со словами лексические понятия вполне могут использоваться как оценочные критерии при производстве критериальных оценок. Это может происходить при выборе подходящих слов в процессе речепорождения, когда предметы и явления, выступающие в роли объектов номинации (референтов сообщения), оцениваются с точки зрения соответствия/несоответствия присущих им признаков тем семантическим комплексам, которые составляют понятийное содержание соответствующих лексем. Аналогичным путем – подобно тому, как производятся понятийные оценки потенциальных объектов номинации, – осуществляются и оценки экзистенционального характера. Только критерии при этом используются другие – не ограниченные наборы идентификационно значимых понятийных признаков, а гораздо более богатые содержательно экзистенциальные оценочные стереотипы. Помимо семантических признаков, необходимых и достаточных для понятийной идентификации различных предметов, они включают в себя еще и другие признаки, не входящие в содержание соответствующих понятий, но представляющиеся типичными для тех или иных предметных классов. Такие стереотипные представления рассматриваются обычно как смыслы, входящие в концептуальное содержание слов, хотя вопрос о содержательном соотношении экзистенциальных мысленных стереотипов и выражаемых словами концептов не только не решен еще наукой, но по-настоящему даже никем еще и не ставился.

Современные лингвисты под концептами подразумевают обычно все то, что среднестатистический носитель языка знает

или предполагает о реальных или воображаемых объектах, являющихся денотатами однозначных слов. Концепты в таком понимании выступают как совокупности тех связываемых со словами смыслов, «которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [Кубрякова 1996: 90]. Какое же место в структурах такого рода могут занимать экзистенциальные оценочные стереотипы, науке, по видимому, еще только предстоит определить.

В своем наиболее явном виде стереотипы экзистенциального характера выступают тогда, когда они используются в роли критериев оценок, выражаемых словами *типичный* и *нетипичный*. В современных словарях значение прилагательного *типичный* толкуется или как «воплощающий в себе характерные особенности какого-либо типа предметов, лиц, явлений» [СРЯ, т. 4: 366; БТС: 1324], или как «обладающий особенностями, свойственными какому-либо типу» [Ожегов 1984: 709; Лопатин 2011: 783]. Характерными особенностями в данном случае являются качества и отношения, мыслимые как свойственные большинству представителей того или иного предметного класса (хотя, возможно, и не всем из них). Именно эти особенности и составляют в конечном итоге те комплексы признаков, которые, будучи зафиксированы человеческой памятью, отражаются в виде семантического содержания тех сложных ментальных образований, которые мы предложили именовать экзистенциальными оценочными стереотипами.

Характернейшей особенностью этих образований является их содержательная избирательность – то, что в них фиксируются и используются при оценках далеко не все признаки, присущие предметам определенного класса, а только те из них, которые представляются людям особенно важными, наиболее существенными в тех или иных оценочных ситуациях и конкретных коммуникативных контекстах. И если в одних случаях экзистенциальные оценочные стереотипы могут включать в себя целые комплексы самых разных признаковых представлений, то в других случаях в качестве критериев типичности могут выступать всего лишь один-два субъективно значимых семантических признака.

В подтверждение тому сравним две группы примеров, извлеченных из произведений российской прозы:

1. *Это был, по всей видимости, типичный курортный городок, чистенький, удобный, вымытый, с множеством маленьких магазинчиков, баров и пансионатов...* (Ю. Бондарев. Берег); *Судя по рассказам Лели, это был типичный хлыщ, задавака и бахвал, любитель хорошо поесть и с шиком одеться, не дурак выпить* (Н. Островский. Как закалялась сталь); *Постепенно она поняла, что Зотов – типичный гомо физик, то есть одаренный ученый и бездарный карьерист, неудачник в любви и любимец студюозусов* (Н. Горланова. Филологический амур).

2. *Как бы я хотела написать русский роман, типичный русский роман, в котором ничего не происходит – и все гибнет, гибнет...* (А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ); *Ромашов – типичный нэпман, который говорит только о деньгах и думает только об одном: как бы разбогатеть!* (В. Каверин. Два капитана); *Типичный отморозок из молодых, жестокий и бессердечный, с камнем вместо сердца* (А. Троицкий. Удар из прошлого).

Оценка экзистенциальной типичности тех или иных объектов может иметь и сознательно заданный аспектуальный характер. В таких случаях типичность или нетипичность оцениваемого объекта определяется не вообще, не общим его соответствием характеристикам какого-то предметного класса, а только в каком-то одном признаковом аспекте, как, например, во фразе: *По повадкам он – типичный нувориш* (П. Акимов. Плата за страх). Самыми распространенными и, пожалуй, наиболее показательными проявлениями аспектуальности в экзистенциальных оценках являются оценки этнической, социальной и профессиональной типичности людей, осуществляемые 1) по их внешности, 2) по манере одеваться или 3) по личностным качествам. Сравним:

1. *Холодное удлиненное лицо, высокий лоб, прилизанные светлые волосы с безукоризненно ровным пробором, тонко сжатые губы, твердый взгляд. Типичный ариец* (В. Левашов. Заговор патриота); *Новгородец – щедедушный, бледный, тонконогий и тонкогрудый, типичный разночинец – был тоже в синей блузе...* (Ски-талец. Огарки); *Типичный, – говорит, – рабочий, лицо простое,*

плечи широкие, руки мозолистые (Л. Измайлов. Памятник); Это был типичный морской волк, худой, краснолицый, с орлиным профилем (С. Довлатов. Компромисс).

2. И майор Кононенко, молодой командир, типичный военный-труженик, с выбивающимся из-под ворота гимнастерки свитером, в стеганом ватнике и ватных штанах, без шинели, чтобы легче было двигаться, ...выслушал командира и отрапортовал, что он уже сделал (А. Фадеев. Молодая гвардия); Она и выглядела как типичный бухгалтер, в синем строгом костюме с юбкой миди, в скромных туфлях, полная седая женщина (А. Рыбин. Последняя Игра); Ровно в два часа к нему подошел пожилой мужчина в шляпе, невзрачный и неприметный в любой толпе – типичный пенсионер, приехавший в Москву к родственникам или для хождения по инстанциям (В. Доценко. Срок для Бешеного).

3. Фельдфебель был... типичный русский солдат, сметливый, смелый и разумный (П. Краснов. От двуглавого орла к красному знамени); Капитан 1-го ранга, типичный немец, законник, рылся в это время в шкафу (А. Новиков-Прибой. Цусима); Ну, debil. Типичный немец. Переспали только на третий день (Э. Радзинский. Наш Декамерон) Это был типичный российский сиделец, вороватый и лстивый, нахальный и умеющий вовремя принизиться (Д. Мамин-Сибиряк. Золото); Когда нас познакомили, это был типичный журналист с его раздвоенностью и цинизмом (С. Довлатов. Компромисс).

С учетом возможности разных аспектов оценки типичности один и тот же объект может быть охарактеризован и как типичный представитель своего предметного класса, и одновременно как нетипичный его представитель, в зависимости от того, какие признаки данного объекта принимаются в расчет. Такого раздвоения экзистенциальных характеристик никогда не происходит при осуществлении оценок, выражаемых словами *настоящий* и *истинный*, хотя аспекты, по которым определяются «настоящность» и «истинность» тех или иных вещей, тоже могут быть разными.

Говоря об экзистенциально-оценочном употреблении слова *настоящий*, следует прежде всего отметить, что оно довольно часто используется для простого подтверждения полного соответ-

ствия обозначаемого каким-либо существительным предмета выражаемому этим же существительным понятию. С подобным употреблением прилагательного *настоящий* мы сталкиваемся, например, в таких словосочетаниях, как *настоящая гроза, настоящий ливень, настоящий шторм, настоящая резня, настоящая подпольная фабрика* и т. п. При сочетании этого прилагательного с некоторыми предметными и вещественными именами к общему значению полной тождественности обозначаемого предмета с соотносимым с ним понятием может примешиваться семантический признак подлинности, неподдельности данного предмета, например: *настоящий револьвер, настоящий жемчуг, настоящие драгоценности, настоящий бразильский кофе*.

Однако не менее характерным для русского языка является использование слова *настоящий* для выражения таких экзистенциальных оценок, где в роли оценочных критериев выступают ментальные стереотипы, включающие в себя, помимо тех или иных понятий, еще и связанные с ними дополнительные концептуальные смыслы. Значение, отражающее оценки такого рода, толкуется в современных словарях как «соответствующий определенным требованиям», «такой, какой должен быть», «представляющий собой лучший образец, идеал кого-, чего-либо», а в качестве примеров приводятся словосочетания типа *настоящий солдат, художник, поэт* и т. п. [СРЯ, т. 2: 401; БТС: 602; Ожегов 1984: 346; Лопатин 2011: 374]. Думается, определенное зерно истины в этом есть. Но как могут быть связаны с идеями должностователности, образцовости и идеальности такие понятия, как *настоящая беда, настоящая утрата* или *настоящий царедворец, настоящий уголовник, настоящий фашист*, неясно.

В приведенных выше и подобных им примерах использование прилагательного *настоящий* указывает на то, что обозначаемый предмет не только в целом соответствует тому понятию, которое выражается именем существительным, но и обладает еще какими-то весьма существенными признаками, предопределяемыми содержанием соответствующего оценочного стереотипа. В самом простом случае таким дополнительным признаком служит указание на очень высокую, может быть даже предельную, силу или интенсивность проявления какого-то состояния, свойства или

процесса, как мы это наблюдаем в словосочетаниях *настоящие морозы, настоящая засуха, настоящее горе, настоящие муки, настоящая жестокость, настоящая борьба, настоящее соперничество, настоящая учеба* и под.

Однако более типичным для слова *настоящий* является выражение информации о том, что предмет, выступающий в роли референта сообщения обладает какими-то дополнительными качественными характеристиками, не предусмотренными содержанием соотносимого с ним понятия. Иногда эти характеристики лежат, как говорится, на поверхности и для их установления не требуется особых умственных усилий. Иногда же они бывают глубоко скрыты от непосредственного восприятия и нужно как следует поломать голову, чтобы определить, что же именно подразумевает автор высказывания под определением *настоящий* в том или ином конкретном случае. Так, к примеру, в словосочетании *настоящая зима* совершенно очевидным представляется то, что речь здесь идет о типичной русской зиме с достаточно сильными морозами и снегопадами. А если кто-то скажет: *Наконец-то наступило настоящее лето*, всем станет ясно, что этот человек имеет в виду не столько наступление определенного календарного периода, сколько установление теплой погоды. Выражение *настоящая боевая машина* будет означать то, что некая машина не только предназначена для использования в боевых действиях, но и обладает всеми необходимыми для этого качествами – достойным вооружением, надежной броневой защитой, повышенной проходимостью и неприхотливостью в эксплуатации. Все эти качества предопределяются содержанием соответствующего оценочного стереотипа. А вот о том, что могут означать словосочетания типа *настоящий артист, настоящий художник, настоящий ученый, настоящий финансист* и под., нужно еще как следует поразмыслить, хотя и для оценок такого рода, несомненно, имеются какие-то свои стереотипные представления. Судя по примерам, извлеченным из советской и современной российской прозы, семантическое наполнение таких стереотипов у разных людей может сильно разниться, сравним:

1. *У него здорово похоже получалось, – с грустью сказала Ленка. – Ну правда, он настоящий артист* (В. Железняков. Чу-

чело); *И он настоящий артист. Знает все о театре* (М. Шишкин. Венерин волос); *Настоящий артист переступает через все мелкие ущербы вкуса и стиля, то есть через самолюбие...* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль).

2. *Слава Лосев – настоящий художник, он рисовал для «Огонька» и богатых журналов вроде «Плейбоя»...* (А. Терехов. Бабаев); *Настоящий художник – это человек, для которого творчество – единственный способ перегрызть капкан...* (Ф. Искандер. Морской скорпион); *С холодным равнодушием к судьбе своих современников настоящий художник несовместим* (В. Войнович. Дело № 34840); *Правда убивает, уничтожает. Настоящий художник – это убийца, кровавый садист. Остальное – безделушки...* (В. Месяц. Лечение электричеством).

3. *Настоящий ученый умеет связывать из мелких фактов цепь, которая ведет к открытию* (В. Дудинцев. Белые одежды); *Настоящий ученый сидит в лаборатории и по крупинкам собирает материал для двух-трех статей в пятилетку* (А. Азольский. Лопушок); *Настоящий ученый должен знать все, что существует на свете в той области науки, которой он себя посвятил...* (В. Кожевников. Щит и меч); *Настоящий ученый должен быть эгоистом, иначе он ничего не успеет* (Д. Гранин. Иду на грозу); *Дан – настоящий ученый. Он никогда не пойдет против своих убеждений* (Д. Гранин. Иду на грозу).

Особенно большой разброс в человеческих представлениях о «настоящести» проявляется тогда, когда для характеристики объектов экзистенциальных оценок используются какие-то предельно общие понятия, скажем, такие как *человек* или *мужчина*. И если о настоящем человеке еще можно сказать, что это лицо, приближающееся по своим психическим качествам к нравственному идеалу человеческой личности, то понятие *настоящий мужчина* представляется гораздо менее определенным по своему семантическому содержанию. Помимо чисто нравственных качеств, настоящий мужчина, как полагают многие авторы, должен обладать еще и некоторыми другими личностными характеристиками, не имеющими прямого отношения к морали и нравственности, вплоть до того, что он может представляться как *тот, кто пьет последним, а трезвеет первым* (О. Павлов. Карагандинские десяти-

тины); *умеет чинить водопровод* (Д. Маркиш. Конец света) и к тому же *должен легко переносить боль* (А. Геласимов. Год обмана).

Как видно из приведенных нами примеров, значительное индивидуальное варьирование семантических признаков, ассоциируемых со словом *настоящий*, имеет место обычно в тех случаях, когда это слово используется для выражения общего значения образцовости какого-либо объекта. И это отнюдь не случайно, поскольку представления об образцах и просто каких-то желательных проявлениях в рамках тех или иных предметных классов, действительно, могут сильно разниться даже у людей, принадлежащих к одним и тем же возрастным и социальным группам. Представления такого рода следует рассматривать в качестве критериев оценок не экзистенциального, а стандартного типа (о них речь пойдет в третьей главе). Когда же прилагательное *настоящий* выступает в экзистенциально-оценочном значении, близком к понятию *типичный* (как в словосочетаниях типа *настоящий царедворец, настоящий уголовник, настоящий одессит*), его семантическое наполнение обретает более или менее стабильный, устойчивый вид: всем понятно, что настоящий царедворец – это хитрый и лицемерный придворный, настоящий одессит – веселый, остроумный, никогда не унывающий житель Одессы, а настоящий уголовник – тот, кто не просто совершает уголовные преступления, но еще и обладает при этом убеждениями, системой ценностей и всеми личностными качествами зрелого преступника. Используемые здесь экзистенциальные оценочные стереотипы довольно определены и семантически прозрачны.

Выявленные нами оценочные значения слова *настоящий* присущи, с некоторыми нюансами, и прилагательному *истинный*. Это прилагательное также оказывается способным эксплицировать семантику «настоящести» как неподдельности, подлинности какого-либо объекта. Правда, в этом случае определение *истинный* сочетается обычно не со словами предметного и вещественного значения, как прилагательное *настоящий*, а с существительными, обозначающими лиц или имеющими значения абстрактного характера, например:

1. *Специалист, осмотревший прибор, сообщил публике, что ему известен истинный автор изобретения* (Е. Романова, Н. Романов. Дамы – козыри); *Истинный преступник всегда остается тайным...* (М. Рыбакова. Дверь в комнату Леона); *Истинный отец императрицы – Иван Бецкой!* (Б. Евсеев. Евстигней); *Бог истинный, бог всемогущий, – заговорил Никанор Иванович, – все видит...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

2. *Все женщины так или иначе скрывают свой истинный возраст* (А. Белянин. Свирепый ландграф); *Я видел твой истинный облик. Я знаю, кто ты и что ты есть* (С. Лукьяненко. Ночной дозор); *Слова порой ради слов же и произносятся, чтобы скрыть истинный смысл...* (В. Громов. Компромат для олигарха); *Какое наслаждение – знать истинный порядок вещей...* (Н. Дежнев. В концертном исполнении).

Так же как и слово *настоящий*, прилагательное *истинный* может выражать и значение образцовости какого-либо предмета для того или иного предметного класса, его соответствие определенным представлениям о должном и желательном, что, естественно, не может рассматриваться как экзистенциально-оценочная семантика. Такое употребление интересующего нас прилагательного имеет место, к примеру, в словосочетаниях типа *истинное искусство, истинная культура, истинный ученый, истинный художник, истинный христианин* и под.

Но довольно часто слово *истинный* используется и для выражения экзистенциально-оценочного значения какой-то типичности обозначаемого объекта, причем в роли последнего выступают обычно те или иные лица, например: *Абсолютно, совершенно невозмутим, сволочь. Ни дать, ни взять – истинный ариец* (Н. Рубан. Тельняшка для киборга); *Он уже входил в мой номер – все такой же стройный, сухощавый, корректный, истинный петербуржец...* (В. Катаев. Алмазный мой венец); *Как истинный абхазец... Камуг свинины не ел* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема). А в сочетании с именами неличной семантики прилагательное *истинный* экзистенциально-оценочного значения типичности обычно не получает. По-русски нельзя сказать *истинная зима* или *истинный шторм*, хотя прилагательное *настоящий* было бы в этих словосочетаниях вполне уместным.

С одним только экзистенциально-оценочным значением обладания тем или иным набором типичных признаков в русском языке выступает прилагательное *заправский*, употребляемое обычно в сочетании с наименованиями лиц, занимающихся какой-либо деятельностью: *Спектакль ставил настоящий, заправский актер не без имени* (А. Куприн. К славе); *А я стал вор!... заправский, без смягчающих обстоятельств* (Л. Леонов. Вор); *Если б Феденька был заправский злодей, то обывателю Навозного невозможно было бы существовать* (М. Салтыков-Щедрин); *Теперь вижу: ты, Илья – мастер заправский* (И. Шмелев. Неупиваемая чаша); *Разве такие богатыри бывают? Это заправский шарлатан...* (В. Беляев. Старая крепость). Во всех приведенных нами примерах слово *заправский* указывает на обладание человеком теми качествами, которые бывают свойственны представителям тех или иных профессий, людям, посвятившим себя какой-либо деятельности. Именно эти качества и формируют содержание используемых здесь экзистенциальных оценочных стереотипов, поэтому встречающееся в словарях определение понятия *заправский* как «такой, каким следует быть» [БТС: 339; Ожегов 1984: 194; Лопатин 2011: 206] представляется не совсем корректным. Особенно неприемлемым это толкование выглядит по отношению к таким словосочетаниям, как *заправский злодей, заправский вор, мошенник или шарлатан*. Определяя содержание интересующего нас понятия, скорее следует согласиться с авторами Малого академического словаря русского языка, толкующими прилагательное *заправский* как «обладающий всеми свойствами, присущими той или иной категории лиц; настоящий» [СРЯ, т. 1: 560].

Помимо рассмотренных выше слов, значение общей типичности объекта экзистенциальной оценки может быть выражено также прилагательным *классический*. Общий спектр лексической сочетаемости этого прилагательного довольно широк. Выступая как средство выражения оценок экзистенциального характера, оно может сочетаться с именами существительными, обозначающими самые разные вещи – не только лиц, но и неодушевленные предметы, географические и ландшафтные объекты, различ-

ные формы человеческой деятельности, социальные институты и пр., например:

1. *Все считают, что Мавроди – классический аферист* (А. Тарасов. Миллионер); *Макс Покровский – заправский, классический бунтарь* (Н. Зайцева, М. Покровский. Насморки и мутанты); *Он нужен был Кремлю именно как классический правый либерал* (В. Дятликович. Нет такой партии).

2. *Это классический полноприводник, на котором в любой ситуации чувствуешь себя уверенно* (С. Воскресенский. Эмоциональность интеллигента); *Впрочем, по структуре это все-таки классический учебник* (Д. Денисова, Законы трети бытия).

3. *Возьмем Сургут – классический российский промышленный город, расположенный в зоне нового освоения* (О. Вендина. Можно ли увидеть четкие перспективы в туманном будущем городов?); *В белоснежной долине, окруженной со всех сторон елями (классический пейзаж для новогодней картинки)...* (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда»).

4. *Классический бандитизм никуда не делся. Он просто еще раз проплатил свою безопасность* (Е. Левшин. Эволюция бандитизма); *Разговор переходит на другой – классический – бизнес* (И. Рудых. Противные, но любимые).

5. *Наиболее распространен «соцпакет советский классический» – путевки в санаторий, бесплатное питание, дом культуры, елки и пионерлагеря для детей работников и т. п.* (Е. Гвоздева. Особенности национальной работы).

Довольно значительную группу экзистенциально-оценочных определений образуют слова, группирующиеся вокруг прилагательных *обычный* и *обыкновенный* и отражающие самые разные аспекты проявления обычности и необычности различных предметов и явлений.

От прилагательного *типичный* слова *обычный* и *обыкновенный* отличаются тем, что означают не наличие у какого-то объекта тех или иных типичных для определенного предметного класса свойств, а то, что данный объект является «ничем не примечательным, не выделяющимся среди других» [СРЯ, т. 2: 581; БТС: 694; Лопатин 2011: 422], хотя для установления этого факта необходим учет объективных признаков, отраженных в содержании

таких же экзистенциальных оценочных стереотипов, что используются при определении типичности/нетипичности тех или иных объектов.

Если со значениями слов *обычный* и *обыкновенный* все обстоит как будто бы ясно, то семантика прилагательного *нормальный*, близкого к ним по многим функциональным показателям, представляется гораздо менее определенной, что находит свое отражение в том разном, который имеет место в современных словарных толкованиях этого прилагательного. На наш взгляд, среди различных смыслов, выражаемых словом *нормальный*, более или менее отчетливо различаются следующие оценочные значения: 1) «соответствующий норме как количественной мере чего-либо» [СРЯ, т. 2: 509]; 2) «такой, как полагается», т. е. соответствующий каким-то деонтическим представлениям [БТС: 656]; 3) попросту «хороший» и 4) «обычный», т. е. «не выделяющийся среди других представителей определенного предметного класса». С первым из этих значений мы сталкиваемся в таких словосочетаниях, как *нормальный рост, вес, нормальная температура, нормальное количество осадков* и т. п. Второе значение реализуется в словосочетаниях типа *нормальные условия работы, нормальное снабжение, нормальный уход, нормальное обучение* и под. Для третьего значения характерны контексты типа *нормальный обед, нормальный чай, нормальный мужик, нормальный пациент, нормальные заработки* и пр. В своем четвертом значении, которое, собственно говоря, и является экзистенциально-оценочным, прилагательное *нормальный* выступает в тех же самых контекстах и сочетаниях, что и слова *обычный* и *обыкновенный*, и вполне может быть заменено этими словами, например: *Любой нормальный человек умер бы от разрыва сердца* (А. Солженицын. В круге первом); *Это вы тут все Шумахеры, ... а я нормальный водитель* (Д. Донцова. Доллары царя Гороха); *С ним не какой-нибудь таганский авторитет встречается, а нормальный интеллигентный бизнесмен* (В. Спектр. Face Control); *Зимой же это просто нормальный студенческий городок с университетом и тихим велосипедным транспортом* (С. Васильева. Триптих с тремя неизвестными); *Брюки, свитерок, замшевая курточка – нормальный дорожный наряд* (В. Мясников. Водка);

Нормальный акт вандализма. Осквернение памятников старины (А. Геласимов. Рахиль); *Ты просто устала жить. Нормальный кризис среднего возраста* (Е. Козырева. Дамская охота); *Начался нормальный процесс угасания* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль).

Значение обыкновенности какого-либо предмета или явления может выражаться также словом *ординарный*, которое еще в середине прошлого века воспринималось как книжное [см. Ожегов 1984: 403]. Возможно, именно былая книжность предопределяет некоторый иронический эмоциональный оттенок, сопровождающий употребление этого слова в некоторых современных текстах, к примеру: *Коньяк на этот раз уже был не ординарный, а, ни мало ни много, «Ахтамар» с сизой наклейкой...* (А. Кабаков. Последний герой); *Ординарный кофе из венгерской автоматической кофеварки Мотрича уже не брал* (Э. Лимонов. Молодой негодяй). Помимо этого, прилагательное *ординарный*, наряду со значением обыкновенности чего-либо, способно выражать еще и дополнительный семантический оттенок некоторой заурядности определяемого предмета: *Однажды этот ординарный пес потерпел оригинальнейшее крушение!* (А. Аверченко. Шутка мецената); *Никто, кроме меня, не владеет его тайнами. Тайнами, перед которыми отступает ординарный разум* (В. Панова. Который час?)

Само слово *заурядный* толкуется в современных словарях не просто как «ничем не выделяющийся, обыкновенный», но и еще как «посредственный» [СРЯ, т. 1: 589; БТС: 354; Ожегов 1984: 403; Лопатин 2011: 214]. Именно это последнее определение указывает на семантическую специфику данного слова в ряду остальных экзистенциально-оценочных прилагательных. Ведь заурядными называют обычно тех людей, которые не блещут особой красотой, большим умом или какими-то хоть немного выдающимися талантами. У таких людей может быть заурядная внешность, заурядный интеллект, заурядные способности. Да и сами они могут быть вполне заурядными, т. е. лишенными каких-либо существенных достоинств, личностями. Именно эту информацию выражает прилагательное *заурядный*, когда характеризует человека, его способности и внешние данные. Однако, сочетаясь

с существительными, имеющими другие, неличные и неличностные, значения, данное прилагательное выступает чаще всего просто как синонимичное словам *обычный* и *обыкновенный*, обладающим, как мы помним, значением «не выделяющийся среди других», например: *Присутствие в компании отпетого уголовника внесло в заурядный вечер элемент мрачной романтики* К. Шахназаров. Курьер); *Ведь случай был самый заурядный. Никто и не придавал ему значения...* (Ю. Вяземский. Шут); *С виду я вел самый заурядный и нормальный образ жизни...* (А. Ким. Белка); *И вот столичный заурядный ситный нынче идет за удовольствие, как лучший гостинец наезжего горожанина* (В. Личутин. Любостай).

К числу определений экзистенциально-оценочного характера относятся и прилагательные *банальный* и *тривиальный*. В современных словарях их значения толкуются через такие определения, как «общеизвестный, утративший выразительность» [СРЯ, т. 1: 59], «лишенный свежести, оригинальности, новизны» [СРЯ, т. 4: 411]; «лишенный оригинальности, избитый» [Ожегов 1984: 35]; «заурядный, хорошо известный» [БТС: 58] и т. п. Во всех этих внешне различных, но довольно близких по смыслу дефинициях, подспудно проводится мысль о том, что слова *банальный* и *тривиальный* применяются для оценки меры оригинальности каких-либо ментальных феноменов или объектов, являющихся продуктами мыслительной деятельности человека. Подтверждением тому могут служить приводимые в словарях примеры, представляющие собой сочетания данных прилагательных с такими существительными, как *мысль, истина, фраза, сюжет, трюк, прием* и под. Однако в отечественной литературе и публицистике можно встретить достаточно большое количество случаев употребления прилагательных *банальный* и *тривиальный* в сочетании с предметными и событийными именами, и даже в сочетании с существительными, обозначающими лиц, например: *Это не был банальный кабинет, но комната, уставленная дорогими копиями с великих мастеров* (А. Белый. Симфония); *Все-таки Филя – не банальный пьяница* (М. Чулаки. Примус); *Нет, мой родитель – банальный вор* (Д. Донцова. Микстура от косоглазия); *Случай тривиальный – Барсуков заболел* (Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем); *Тривиальный секс для здоровья, не осложненный*

драмами, здесь невозможен (Д. Асламова. Архипелаг Шпицберген: очень холодная война); Он, тривиальный и тертый советский литературовед, раскрылся передо мной с другой, подлинно человеческой стороны (Э. Герштейн. Лишняя любовь). Во всех приведенных нами предложениях слова *банальный* и *тривиальный* выражают типичное экзистенциально-оценочное значение обычности, ординарности того или иного, а в сущности любого, объекта. А вот для выражения значения обычности и общеизвестности исключительно ментальных артефактов в русской речи используется прилагательное *избитый*: *Несовершенство нашей русской жизни – избитый конек всех русских авторов...* (Д. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко); *Для сравнения, раз дело идет о женщине, мы приведем избитый пример...* (А. Грин. Джесси и Моргиана); *Хотя... это был избитый прием, он почему-то действовал* (Ю. Дружников. Виза в позавчера).

Рассмотренные выше прилагательные используются как средства выражения экзистенциальных оценок общего характера – там, где дело касается меры обычности всего оцениваемого объекта в целом. Однако, кроме них, в русском языке имеется еще значительный арсенал лексических средств, отражающих экзистенциальные оценки, осуществляемые по тем или иным конкретным показателям, путем соотнесения объектов с более конкретными по содержанию оценочными стереотипами. В этих случаях речь идет об обычности тех или иных предметов или явлений в каких-то определенных аспектах, в плане учета их определенных, более или менее конкретных признаков.

К числу признаков, определяющих отдельные аспекты экзистенциальной оценочности, относится обозначенный в свое время В.М. Богуславским «аспектуальный признак» полноты представленности в объекте деталей, качеств, составных частей, являющихся обычными для того предметного класса, в который входит данный объект. В русском языке соответствующее оценочное значение выражается прилагательным *полноценный*. В современных словарях оно толкуется обычно как «полностью соответствующий требованиям» [БТС: 904; Ожегов 1984: 491; Лопатин 2011: 534], тем самым оценочному критерию, используемому при оценке полноценности того или иного предмета, придается

исключительно деонтический характер. Полноценность в таком случае рисуется только как соответствие объекта оценки каким-то субъективным требованиям – тому, что представляется должным наличествовать у этого объекта. Однако, как показывают наблюдения над употреблением слова *полноценный* в современных художественных и публицистических текстах, это прилагательное, наряду с выражением соответствия какого-то предмета требованиям деонтического характера, вполне может использоваться и для выражения объективной полноценности объекта в плане полноты представленности обычных для вещей соответствующего предметного класса структурных элементов и качеств: *Заметим, что креольский язык... представляет собой особый и полноценный язык с собственной грамматикой, правда, еще не кодифицированной* (Б. Хазанов. Корсар); *Давний конфликт РУБОПа и местного милицейского начальства... превратился в полноценный скандал с массой пикантных подробностей* (В. Мясников. Водка); *Отец все пытался сделать из этой халупы полноценный дом, но тщетно* (М. Елизаров. Библиотекарь); *Зачем же ты на свет явился? Изводить полноценный народ!* (В. Астафьев. Печальный детектив); *Уже был полноценный юг. Прохлада приходила лишь ночами...* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

Еще одним существенным аспектом экзистенциальной оценочности, отражаемым в семантике русских прилагательных, является аспект пропорциональности, т. е. соразмерности составляющих тот или иной объект составных частей. Отражающее данный аспект особое экзистенциально-оценочное значение прилагательного *пропорциональный* толкуется обычно как «обладающий правильными пропорциями» [БТС: 1021; Ожегов 1984: 549; Лопатин 2011: 602]. В данном определении ключевым, отражающим сущность пропорциональности как оценки, является, на наш взгляд, слово *правильный*. Ведь теми или иными пропорциями как определенным размерным соотношением частей обладают практически все предметы, однако пропорциональными могут быть названы только те из них, которые имеют не простые, а правильные пропорции. Под правильностью же в данном случае подразумевается соответствие пропорций, наличествующих у

объекта оценки, тому соотношению частей, которое характерно для большинства представителей того предметного класса, в который входит данный объект. Именно в таком смысле следует понимать выражения типа *пропорциональное строение, пропорциональное телосложение, пропорциональная фигура* и т. п. Это же экзистенциально-оценочное значение правильной пропорциональности строения того или иного предмета может быть выражено и самим прилагательным *правильный*, например: *правильные пропорции, правильное строение, правильная фигура, правильное телосложение*.

Особое экзистенциально-оценочное значение конкретно-аспектуального характера выражается прилагательным *закономерный*. Использование этого прилагательного передает информацию о том, что определяемый им объект представляет собой вполне обычное, закономерное, такое, какое всегда и бывает, следствие, вытекающее из определенных предпосылок. В словарях это значение слова *закономерный* толкуется как «подчиненный действию законов» [СРЯ, т. 1: 530; БТС: 327] или как «соответствующий, отвечающий законам» [Ожегов 1984: 186; Лопатин 2011: 195]. Но в реальной действительности как таковой, независимой от нашего сознания, никаких законов, как известно, не существует. Там имеют место только конкретные и единичные причинно-следственные связи между конкретными и единичными явлениями, а статус общих законов этим единичным, но в чем-то схожим между собою связям придает наше обобщающее и абстрагирующее мышление. Создаваемые им виртуальные общие законы и выступают в роли тех оценочных критериев, которые используются при экзистенциальных оценках, выражаемых прилагательным *закономерный*. С выражением оценок этого рода мы сталкиваемся в таких словосочетаниях, как *закономерный исход, закономерный результат, закономерная связь, закономерное явление* и т. п. Это же значение объективной закономерности причинно-следственной связи между объектом оценки и какими-либо другими явлениями может быть присуще и прилагательному *естественный*. Оно эксплицируется в словосочетаниях типа *естественная реакция, естественные последствия, естественный вывод, естественный ход событий* и т. д. Во всех этих и по-

добных им случаях слово *естественный* по своей семантике вполне соответствует выражениям *такой, какой обычно и бывает* или *такой, какой и должен быть при данных условиях*.

В отдельную группу имен прилагательных с экзистенциально-оценочными значениями могут быть выделены слова, обозначающие различные виды и формы несоответствия оцениваемых объектов выявленным нами выше экзистенциальным оценочным стереотипам. Спектр значений, выражаемых этими словами, довольно широк и задается общим (неконкретизированным) указанием на необычность того или иного предмета, с одной стороны, и фиксацией несоответствия объектов стереотипам по каким-либо отдельным признакам (аспектам), с другой.

Значение общего несоответствия объекта оценки экзистенциальному стереотипу выражается прежде всего прилагательным *необычный*. А поскольку для характеристики объекта как необычного бывает достаточно какого-то одного-единственного признака, находящегося в противоречии с соответствующим стереотипом, в качестве абсолютного синонима этого определения может выступать и слово *нетипичный*.

Экзистенциально-оценочное значение необычности может выражаться и прилагательным *необычайный*. С наибольшей отчетливостью это значение проявляется в сочетаниях определения *необычайный* с именами существительными, имеющими событийную семантику, такими как *случай, происшествие, факт, приключение, эксперимент, прием, порыв, разговор, допрос* и под. В сочетании с другими абстрактными существительными для этого определения более характерно значение «очень большой по силе, степени проявления» [СРЯ, т. 2: 458], которое тоже по сути своей является экзистенциально-оценочным. Его мы наблюдаем в таких словосочетаниях, как *необычайный размах, необычайный успех, необычайный простор, необычайный жар, необычайный подъем, необычайный прилив сил* и т. д. Справедливости ради следует отметить, что в современной литературе прилагательное *необычайный* иногда сочетается и с существительными, имеющими конкретные значения. Однако сочетания типа *необычайный дом, необычайный поезд, необычайное насекомое* или *необычайный человек* выглядят, скорее, как исключения из литературных

норм лексической сочетаемости, а не как их закономерные проявления.

Прилагательное *необыкновенный* способно выражать значения и общей необычности какого-либо предмета или явления (*необыкновенный случай, поезд, автомобиль, вид растений, язык*), и необычно большой силы проявления того или иного качества или состояния (*необыкновенная жара, тишина, красота, сила воздействия*). Вместе с тем в некоторых контекстах этому прилагательному бывает свойственно выражение дополнительного смыслового оттенка обладания обозначаемым объектом еще и какими-то особыми положительными качествами (достоинствами), выделяющими его на фоне других представителей соответствующего предметного класса. Такой оттенок проявляется в сочетаниях слова *необыкновенный* с существительными *человек, женщина, голос, рассказ, спектакль, игра, обслуживание* и некоторыми другими: *А Николай Николаевич... подумал про Ленку, что она необыкновенный человек – какая страсть, какая тяга к справедливости* (В. Железников. Чучело); *Сказочно красивая, блестящая, необыкновенная женщина. Куда ему до неё!* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости); *(Абозов) хотел, чтобы она была святой и необыкновенной, она же любила его просто...* (А. Толстой. Егор Абозов); *Я уже говорила, что у неё необыкновенный голос; услышишь... и обязательно хочется услышать еще раз* (А. Драбкина. Волшебные яблоки); *Я уже сидел на кровати у бабушки, ловил каждое её слово и позабыл о печке, щах и каше. Такой необыкновенный рассказ я слышал впервые* (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

Выражение общей экзистенциальной необычности того или иного предмета выступает как основное, производное значение прилагательных *особый* и *особенный*, и это находит свое отражение в использовании дескрипторов *необычный* и *необыкновенный* в толкованиях данного значения в современных словарях [СРЯ, т. 2: 651, 652; БТС: 731; Ожегов 1984: 408; Лопатин 2011: 443]. То же значение общей необычности характерно и для прилагательного *своеобразный*.

Слова *оригинальный* и *нетривиальный* имеют, по-видимому, такое же значение, но выражают его, сочетаясь с довольно огра-

ническим кругом имен существительных. Прилагательное *оригинальный* сочетается чаще всего с существительными, имеющими артефактную семантику (*сюжет, метод, решение, трактовка, тост, конструкция, механизм, покрой одежды, купальник* и пр.), а также с именами, обозначающими лиц и их психические качества (*человек, мыслитель, художник, талант, способности, наклонности* и т. п.). Слово же *нетривиальный* выступает обычно как определение к существительным, выражающим абстрактные понятия событийного или деятельностного характера (*случай, результат, ответ, решение, мысль, секс, ход* и под.), хотя не исключается и использование этого прилагательного в сочетании с именами, имеющими личное значение: *Впрочем, нетривиальный наблюдатель понимает, что страданий на старте не избежать* (А. Геласимов. Дом на Озерной).

Необычность, заключающаяся в повышенной силе проявления свойственных каким-то предметам качеств, выражается в русском языке целым синонимическим рядом имен прилагательных, в состав которого входят такие лексические единицы, как *неординарный, незаурядный, выдающийся, исключительный, несравненный* и *бесподобный*. Использование этих слов позволяет выражать информацию о том, что оцениваемый таким образом объект обладает в принципе теми же качествами, что и другие представители того предметного класса, к которому он относится, но представлены эти качества у него в гораздо большей мере и степени, чем это обычно бывает. Важно подчеркнуть, что учитываемые в данном случае свойства объектов могут быть самыми разными, а отнюдь не только положительными, как это может показаться на первый взгляд. В этом смысле довольно знаменательным представляется толкование значения слова *исключительный*, предложенное авторами БТС. В этом словаре оно определяется как «выделяющийся среди других своими положительными или отрицательными качествами» [БТС: 399]. С учетом того, что все перечисленные выше прилагательные способны обозначать высокую меру проявления не только положительных, но и отрицательных свойств, вполне приемлемыми будут выглядеть такие словосочетания, как *неординарное преступление, незауряд-*

ный мошенник, выдающееся злодеяние, исключительный мерзавец, несравненный тупица, бесподобная ханжа и т. д.

Усилительное значение крайней необычности, какого-то запредельного своеобразия определяемого объекта свойственно таким прилагательным, как *экстравагантный* и *эксцентрический* (*эксцентричный*). И не случайно в словарных толкованиях этих слов присутствуют дескрипторы типа «слишком (или крайне) своеобразный», «вызывающе оригинальный», «из ряда вон выходящий», «необычный до странности» и т. п. [СРЯ, т. 4: 753, 754; БТС: 1517, 1518; Ожегов 1984: 806; Лопатин 2011: 895].

Сила проявления у объекта присущих тому или иному предметному классу качеств вполне может считаться одним из аспектов экзистенциальной оценочности. Другой, не менее важный её аспект (о котором уже говорилось выше) являют собой оценки полноты представленности в объекте тех признаков, деталей и составных частей, которые предполагаются соответствующими экзистенциальными стереотипами. И если неполнота этой представленности выражается, как уже отмечалось нами, словом *полноценный*, то её неполнота, т. е. отсутствие у объекта каких-то необходимых качеств и компонентов, обозначается прилагательными *неполноценный* и *ущербный*.

Несоответствие внутреннего строения объекта пропорциям, предполагаемым соответствующими стереотипными представлениями, выражается при помощи определений *непропорциональный* и *неправильный*. В таких случаях говорят о непропорциональной или неправильной структуре чего-либо, о непропорциональных или неправильных фигурах, о неправильных пропорциях, непропорциональном телосложении, непропорционально развитых частях тела и т. д. и т. п. Предмет, имеющий непропорциональное строение, может быть охарактеризован и как *уродливый*. Причем такое определение может означать и общее несоответствие формы характеризуемого объекта той форме, которая предполагается экзистенциальным стереотипом. В этом плане весьма показателен пример, иллюстрирующий толкование прилагательного *уродливый* в СРЯ: *По берегу... бродили овцы, недавно остриженные; все они были уродливы и жалки* (М. Горький. Свидание). Ведь действительно, остриженные овцы выглядят до-

вольно уродливо, поскольку их вид явно не соответствует стереотипному представлению о том, какими должны быть внешние формы нормальной неостриженной овцы.

Две русские лексемы содержат в своих значениях указания на возможные причины непропорциональности строения и уродливости обладающих данными свойствами предметов. Это прилагательные *недоразвитый* и *дегенеративный*. Первое из них передает информацию о том, что несовпадение формы и строения определяемого объекта с соответствующим экзистенциальным стереотипом обуславливается тем, что объект не дошел в своем развитии до параметров, предполагаемых данным стереотипом. Второе же из упомянутых выше прилагательных сообщает о том, что параметры определяемого им объекта не совпадают со стереотипными в силу дегенерации, т. е. вырождения, утраты или ухудшения изначально свойственных ему качеств.

Информация о несоответствии оцениваемого объекта нашим представлениям о том, что дано природой, передается в русском языке словом *неестественный*. В современных литературных текстах это прилагательное сочетается с такими существительными, как *цвет, свет, звук, запах, смех, хохот, крик, румянец, оскал зубов, блеск глаз* и т. п. В тех случаях, когда речь заходит о каких-то неестественных потребностях, влечениях, вкусах, интересах, наклонностях и нравах, для характеристики такого рода объектов могут использоваться определения *противоестественный* и *извращенный*. А явления, не укладывающиеся в рамки наших представлений о законах природы, определяются обычно как *сверхъестественные* или *чудесные*.

Если какие-либо события или факты рассматриваются автором сообщения как необычные для привычных повседневных условий человеческого бытия, эти события и факты могут характеризоваться как *исключительные, чрезвычайные* или *экстраординарные*, например: *Нельзя исключительный случай накладывать на все Вооруженные силы* (С. Каледин. Записки гробокопателя); *Я придумал исключительный финансовый трюк* (С. Довлатов. Заповедник); *Ход дела чрезвычайный: изволил собственноручно сделать предложение* (Н. Гоголь. Ревизор); *Карпуша разжился на этот чрезвычайный случай бутылкой рома, сахаром и*

самоваром... (В. Даль. Павел Алексеевич Игривый); *Снять боевого офицера с командования частью в разгар сражения – случай, согласитесь, экстраординарный* (Б. Васильев. Были и небыли); *События приняли экстраординарный характер* (Б. Лавренев. Крушение республики Итль).

Когда какое-либо природное явление выступает в качестве необычного для какой-то местности или времени года, для его характеристики используется определение *аномальное*. Аномальными явлениями могут быть названы, к примеру, такие необычные природные феномены, как выпадение снега летом или цветение деревьев зимой, северное сияние в средних широтах или цунами на Крайнем Севере. Помимо этого, прилагательное *аномальный* может использоваться для обозначения значительного превышения привычных для определенных условий показателей силы проявления тех или иных природных явлений. В таких случаях могут говорить об аномальных температурах, аномальной жаре, аномальном давлении, аномальном количестве осадков и т. п.

Несоответствие времени осуществления какого-либо процесса тому времени, которое считается для него обычным, выражается при посредстве таких прилагательных, как *несвоевременный*, *преждевременный* и *запоздалый*. Это же значение может выражаться и словами *ранний* и *поздний* во фразах типа: *Весна в этом году выдалась ранней* или *Оттепель была довольно поздней*. Семантический признак временной общности тех или иных событий, безусловно, входит в состав отражающих эти события экзистенциальных стереотипов и может, таким образом, использоваться как критерий при осуществлении временных экзистенциальных оценок.

С критериальными оценками временного характера мы сталкиваемся и тогда, когда оцениваемые объекты определяются как *несовременные*, *устарелые* и *пережиточные*. В этих случаях в роли оценочных критериев выступают уже представления о том, что является обычным и типичным для настоящего времени. Те же вещи, которые характеризуются как несовременные, устарелые и пережиточные, хоть и сохраняются еще в настоящий момент, но мыслятся как уже не типичные для него. В значениях

рассматриваемых прилагательных семантический признак существования чего-либо в прошлом и в настоящем дополняютсяемой несоответствия этого «чего-либо» современным экзистенциальным стереотипам обычности и типичности.

Экзистенциальные оценки каких-то явлений могут использоваться как оценочные критерии и человеческие представления о закономерности, необходимой причинно-следственной обусловленности этих явлений. В таких случаях те факты, которые представляются людям соответствующими или противоречащими привычным представлениям о причинно-следственных связях между различными явлениями, характеризуются как *закономерные, незакономерные, случайные* и даже *парадоксальные*. Такие факты интерпретируются обычно как подчиняющиеся или не подчиняющиеся действию каких-то объективных законов, а во втором случае – как «не обусловленные причинно» [СРЯ, т. 2: 444; БТС: 622], «возникшие без достаточных оснований», «не основанные на внутренней существенной необходимости» [СРЯ, т. 4: 145; БТС: 1214]. Между тем общеизвестно, что у любого имевшего место в действительности события, пусть даже мыслимого как незакономерное и случайное, все равно имеется какая-то породившая его причина, и в свете данного обстоятельства любая случайность есть не что иное, как просто не познанная, не учтенная, не зафиксированная нами необходимость. И если оставаться на реалистических позициях, то незакономерные и случайные факты следует трактовать не как феномены, возникающие беспричинно, без «достаточных оснований» и «существенной необходимости», а как явления, которые попросту противоречат нашим стереотипным представлениям о причинной долженственности тех или иных событий в определенных типизированных условиях.

Значение несоответствия какого-либо явления привычным человеческим представлениям о причинах и следствиях отчетливее всего проявляется в семантике прилагательного *парадоксальный* (в словосочетаниях типа *парадоксальный случай, парадоксальный факт, парадоксальный эффект*). И это четко фиксируется в современных толковых словарях, где данное прилагательное определяется как «являющийся парадоксом», а слово *пара-*

докс толкуется при этом не только как «мнение, суждение, резко расходящееся с обычным, общепринятым», но и как «неожиданное явление, не соответствующее обычным представлениям» [СРЯ, т. 3: 20; БТС: 780]. Внутренняя форма слова *незакономерный* подчеркивает несоответствие характеризуемого явления такому критерию, который мыслится как объективный закон, хотя на самом деле представляет собой лишь наше субъективное видение тех причинно-следственных отношений, которые полагаются нами существенно необходимыми в тех или иных условиях. Что же касается особенностей семантики прилагательного *случайный*, то здесь экзистенциально-оценочное значение общего несоответствия какого-либо явления тому или иному объективному закону распространяется еще дополнительным семантическим оттенком крайне малой статистической вероятности этого явления в каких-то типизированных ситуациях.

2.2. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОТРАЖАЮЩИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОЦЕНКИ

Количественными принято называть те оценки, основаниями которых служат различные количественные характеристики оцениваемых объектов. Такие оценки, так же как и экзистенциальные, используют при своем осуществлении оценочные критерии, мыслимые как объективные, т. е. отражающие какие-то существующие независимо от воли людей явления. Только эти критерии, в отличие от экзистенциально-оценочных, имеют уже не комплексный характер и включают в свое содержание не множество различных семантических признаков, а всего лишь один: в подавляющем большинстве случаев это представление о каком-либо усредненном количественном показателе, приписываемом тому или иному предметному классу.

Основное классификационное разграничение в сфере количественной семантики пролегает, как известно, между представлениями о дискретных и недискретных количественных признаках различных объектов. Первые являются представлениями о дискретной (т.е. раздельной) множественности, предполагающей наличие отдельных, однородных по своей субстанциональной

природе единиц, поддающихся обычному счету. Вторые же отражают количественные характеристики, не связываемые с учетом числа реально существующих отдельных единиц, но могущие осуществляться при помощи каких-то условных, искусственно созданных единиц измерения. Исходя из этого принципиального разграничения, естественно было бы предположить, что и семантика имен прилагательных, отражающих количественные оценки, должна строиться прежде всего с учетом подразделения всех принципиально возможных количественных признаков на дискретные и недискретные. Однако все оказывается далеко не так. С одной стороны, в языке выделяется небольшая группа прилагательных, выражающих оценки размеров одних лишь дискретных множеств (это слова *малочисленный*, *многочисленный* и *немногочисленный*), но с другой стороны, имеется и гораздо более представительная по составу категория универсальных количественно-оценочных определений, способных выражать оценки самых разных по своей природе количественных показателей.

Общее значение превышения теми или иными количественными показателями усредненных, среднестатистических количественных характеристик выражается в русском языке прилагательным *большой* и целым рядом дублирующих его лексических синонимов. Эти слова выступают как универсальные средства выражения количественных оценок потому, что оказываются способными отражать оценки и дискретной множественности, и показателей по различным параметрическим признакам – общей размерности каких-либо объектов, их объемности, длине, ширине, высоте, удаленности, массе, скорости движения, силе, интенсивности и т. д.

Такой функционально-семантический универсализм оценочных прилагательных типа *большой* отмечается толковыми словарями путем фиксации у этих слов сразу нескольких количественно-оценочных значений и их смысловых оттенков. Причем полного единодушия в этом вопросе у авторов современных словарей не наблюдается. Так, выражение оценок дискретной множественности с помощью слова *большой* (*большое количество*, *большой набор*, *большая группа*) иногда предлагается рассматри-

вать как отдельное значение этого слова, определяемое как «значительный по количеству» [БТС: 90] или «многочисленный» [Ожегов 1984: 52]. Данная интерпретация такого использования прилагательного *большой* была заимствована, по-видимому, из толкового словаря под редакцией Д.Н. Ушакова [ТСРЯ: 63]. А вот в Малом академическом словаре под редакцией А.П. Евгеньевой употребление этого прилагательного в качестве определения дискретных множеств трактуется как выражение всего лишь особого семантического оттенка более общего лексического значения «значительный по величине, размерам» [СРЯ, т. 1: 106].

Такие смыслы, как «появляющийся, находимый или производимый в большом количестве» (*большая вода, большая нефть, большие залежи угля*) и «продолжительный по времени» (*большой период, большой срок*), также трактуются в Малом академическом словаре как оттенки значения «значительный по величине». В то же время значение «значительный по силе, интенсивности, глубине» (*большой успех, большая польза, большое удовольствие*) рассматривается как вполне самостоятельное. Авторами Большого толкового словаря под редакцией С.А. Кузнецова практически все случаи количественно-оценочного употребления прилагательного *большой* интерпретируются как отдельные лексические значения этого слова. На наш же взгляд наиболее адекватной в данном вопросе представляется позиция В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной, предлагающих рассматривать все выражаемые прилагательным *большой* разнообразнейшие количественно-оценочные смыслы как варианты одного общего оценочного значения «выходящий за пределы среднего уровня по размерам, количеству, степени проявления, значительности» [Лопатин 2011: 46].

Функциональной спецификой этого лексического значения должна быть признана его изначальная, можно сказать «врожденная», контекстуальная вариативность – возможность и даже принципиальная необходимость его конкретизации в определенных словесных контекстах. К примеру, для оценки дискретной множественности используются такие словосочетания, как *большое число, большое количество, большой выбор, большой ассортимент* и под. Эта же количественно-оценочная семантика нахо-

дит свое выражение и в сочетаниях прилагательного *большой* с именами собирательными типа *группа, толпа, отряд, семья, стадо, стая* и т. д. Правда, в этом случае значение дискретной множественности обретает вид множественности, выступающей в форме единичности, что, однако, не меняет сущности выражаемого прилагательным количественно-оценочного значения.

В сочетаниях с существительными конкретно-предметной семантики словом *большой* выражается значение оценки общей размерности определяемого предмета (*большой дом, большой город, большой грузовик* и т. п.). А вот для выражения оценок по отдельным признакам (параметрам) оцениваемых объектов необходимо использование сочетаний прилагательного *большой* с существительными, обозначающими непосредственно эти признаки (*большой объем, рост, вес, большая высота, длина, ширина, масса, плотность, скорость, энергоемкость* и т. д.). Оценка силы, интенсивности, размаха проявления тех или иных природных или социальных процессов в принципе может выражаться сочетаниями слова *большой* с конкретными наименованиями этих процессов (*большой наводок, большой снег, большой лесной пожар, большой успех, большой социальный катаклизм*), хотя чаще для этого используются сами существительные *сила, интенсивность, размах* и им подобные (*большая сила ветра, большая интенсивность осадков, большой размах общественного движения, большая напряженность социальных противоречий, социальный взрыв большой силы* и пр.).

Все, что было сказано о семантике и особенностях употребления прилагательного *большой*, в принципе может быть отнесено и к синонимичным ему количественно-оценочным определениям типа *немалый, значительный, порядочный, изрядный*. Основное отличие этих слов заключается только в несколько менее широких возможностях их лексической сочетаемости. Они обычно не сочетаются с именами существительными предметного значения, да и в роли определений при именах, обозначающих природные и социальные явления, можно представить не все из них, а только лишь прилагательные *порядочный* и *изрядный*, выражающие значение «довольно большой» (*порядочные холода,*

порядочный ливень, порядочный конфликт, изрядный шторм, изрядный скандал и т. д.).

К числу универсальных средств выражения количественно-оценочной семантики, по-видимому, может быть отнесено и прилагательное *солидный*, которое, в отличие от рассмотренных выше слов, вполне способно выступать в роли определения при существительных, имеющих конкретно-предметные значения, в словосочетаниях типа *солидный кусок, обломок, том, фолиант, живот, подбородок* и под. А кроме того, данное прилагательное может использоваться для выражения количественной оценки денежных сумм (*солидный куш, капитал, аванс, кредит, доход, гонорар* и пр.), временных промежутков (*солидный возраст, срок*), некоторых параметрических показателей (*солидный вес, объем, размер*) и, наконец, различных совокупностей дискретных объектов (*солидная коллекция, солидные познания, солидный словарный запас, солидный круг знакомств* и т. п.).

Все рассмотренные выше прилагательные используются для обозначения простого превышения количественных характеристик оцениваемых объектов над средними показателями, свойственными соответствующим предметным классам. Вместе с тем в языке наличествуют и такие количественно-оценочные определения, которые выражают значение очень большого отрыва свойственных объектам оценки количественных признаков от тех уровней представленности этих признаков, которые мыслятся как среднестатистические. К числу средств выражения такого оценочного значения относятся слова *огромный, громадный, гигантский* и *исполинский*. Все они, так же как и прилагательное *большой*, представляют собой универсальные средства выражения количественно-оценочной семантики, приложимые если не ко всем, то ко многим видам количественных оценок.

Наиболее универсальным среди перечисленных выше слов являются прилагательное *огромный*, которое может сочетаться с наименованиями практически всех количественно оцениваемых объектов и их признаков, за исключением одних только абстрактных существительных, обозначающих различные природные и социальные процессы. В тех случаях, когда необходимо подчеркнуть очень большую силу или интенсивность этих про-

цессов и невозможно использовать словосочетания типа *огромный ветер* или *огромный социальный взрыв*, в такие сочетания вставляются слова *сила*, *мощь* или *размах*: *огромной силы ветер*, *социальный взрыв огромной мощи*, *огромный размах протестного движения*.

Прилагательное *громадный* по своему значению практически идентично слову *огромный*, однако его мотивационно-словообразовательная и семантическая связь с существительными *громада* и *громадина* несколько сокращает возможности его лексической сочетаемости. Помимо наименований природных и социальных явлений, это прилагательное как-то не очень активно сочетается еще и со словами, обозначающими различные дискретные множества: во всяком случае сказать *огромное количество*, *огромный выбор*, *огромная родня* представляется намного предпочтительнее, чем *громадное количество*, *громадный выбор*, *громадная родня*.

Что касается прилагательного *гигантский*, то оно также не используется для выражения количественной оценки дискретных множеств и силы-интенсивности природных и социальных процессов. Причиной тому, по-видимому, является словообразовательная и семантическая связь этого прилагательного со словом *гигант*. Думается, что привносимая этим словом образность и выступает причиной, обуславливающей отмеченную нами ограниченность в сочетаемости прилагательного *гигантский*.

То же самое может быть сказано и о семантике и сочетаемости прилагательного *исполинский*. Его мотивационно-словообразовательные отношения с существительным *исполин* обуславливают наличие у этого прилагательного общего значения «такой, как у исполина, гигантский» [СРЯ, т. 1: 68], которое конкретизируется в количественно-оценочных смыслах обладания чрезвычайно большими размерами (*исполинские размеры*, *исполинские реки и горы*, *исполинский рост*) или исключительности по силе, размаху, мощи и т. п. (*исполинская сила*, *исполинский размах*, *исполинские планы*, *исполинские начинания*, *исполинские труды* и т. д.).

Универсальными средствами обозначения количественных характеристик ниже уровня среднестатистических показателей

являются прилагательные *маленький*, *малый*, *небольшой* и *незначительный*. Они могут использоваться для выражения количественных оценок самых разных по своей природе объектов, по самым разным признакам из числа тех, что поддаются количественному исчислению. Хотя некоторые ограничения в этом плане существуют для каждого из вышеназванных слов, что отражается и на возможностях их лексической сочетаемости.

Наиболее универсальным среди этих прилагательных является слово *небольшой*, семантические сферы использования остальных членов данного лексического ряда оказываются несколько более узкими. Особенно примечательно здесь распределение спектра количественно-оценочных значений между прилагательными *маленький* и *малый*. Если первое из них совершенно свободно используется для выражения количественных оценок конкретных предметов и множеств, выступающих в качестве единиц (*маленький дом, маленькая чашка, маленькая повесть, маленькая стая, маленькая семья*), то для второго это в целом не свойственно (за редкими исключениями типа *малая группа* или *малый тягач*). С другой стороны, слово *малый* оказывается предпочтительней при выражении количественно-оценочной семантики в сочетаниях с существительными, имеющими чисто количественные значения (*число, часть, толика, дистанция, габариты, калибр, тоннаж* и под.). Кроме того, можно привести множество лексических контекстов, в которых определения *маленький* и *малый* выступали бы как полностью взаимозаменяемые.

В числе универсальных средств обозначения недотягивания каких-то количественных показателей до среднестатистических следует упомянуть и прилагательное *невеликий*. Однако при этом необходимо указать, что в роли универсального количественно-оценочного определения используется только краткая форма данного прилагательного, замещающая чаще всего синтаксическую позицию сказуемого, например: *Тираж был невелик – двенадцать самодельных экземпляров...* (В. Аксенов. Таинственная страсть); *Словарный запас его был невелик, говорил он совсем просто* (Е. и Г. Гордеевы. Не все мы умрем); *Он был невелик ростом, очень плотен и упитан сверх меры* (А. Волос. Недвижимость); *Диаметр шахты был невелик – двадцать метров*

(А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина); *Размер двора невелик – примерно 10 на 10 метров* (А. Жигулин. Черные камни); *Контейнер самоходный, но скорость его невелика* (А. Лазарчук. Все, способные держать оружие...); *Сердечная светосила этих мыслей была невелика* (В. Гроссман. Жизнь и судьба); *Невелика моя мудрость, но что смогу, посоветую* (М. Семенова. Волкодав). Интересно отметить, что краткое прилагательное *велик* (без приставки *не-*) выражает обычно не количественно-оценочное значение как таковое, что ожидалось бы исходя из словообразовательной связи этого прилагательного со словом *невелик*, а значение ситуативно-модальной (по Г.Г. Галич) количественной оценки, формулируемое как «слишком большой для кого-, чего-либо».

Универсальным средством выражения крайне низкой степени приближения тех или иных количественных характеристик к соответствующим средним показателям является прилагательное *ничтожный*. Правда, и оно может использоваться применительно не ко всем видам количественных оценок. Если в таких словосочетаниях, как *ничтожное количество, ничтожные размеры, ничтожный объем, ничтожный вес, ничтожная сумма, ничтожное значение*, данное прилагательное бывает вполне уместным, то для отражения результатов оценки силы или интенсивности каких-то процессов оно обычно не употребляется. С существительными, обозначающими конкретные предметы, слово *ничтожный* не сочетается напрямую, хотя словосочетания типа *ничтожные размеры семян* или *ничтожный вес пушинки* представляются вполне приемлемыми. В сочетании же с существительными, обозначающими людей, прилагательное *ничтожный* выступает в значении «мелкий, жалкий, не внушающий к себе уважения» » [СРЯ, т. 2: 502; Ожегов 1984: 367].

Примерно все то же самое может быть сказано о семантике, употреблении и сочетаемости слова *мизерный*. Как и определение *ничтожный*, оно способно выражать значение очень большого недотягивания до среднестатистических показателей самых разных количественных характеристик, кроме силы и интенсивности природных и социальных явлений. Сочетаемость с существительными, имеющими конкретно-предметную семантику, для

прилагательного *мизерный* тоже не характерна. Зато в художественной литературе и публицистике нередко встречаются сочетания этого прилагательного с существительными, обозначающими людей, где оно выражает значение совершенной незначительности того или иного лица: *Лидка кричала, что он пошляк и обыватель и что ей совестно, что у нее такой мизерный отец* (М. Зощенко. Возвращенная молодость); *Как может мизерный галерейщик сделать из картины больше, чем она есть?* (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь); *Каждый раз любой, даже самый мизерный, оказавшийся на его пути сотрудник банка немедленно и безошибочно идентифицировался по имени...* (А. Гаррос, А. Евдокимов. Головоломка).

Пожалуй, единственным стопроцентно универсальным средством выражения крайнего несоответствия признака средним количественным показателям в сторону уменьшения является прилагательное *малюсенький*. Универсальность его семантики и лексической сочетаемости обуславливается тесными мотивационно-словообразовательными и системно-семантическими связями со словами *маленький* и *малый*. Именно поэтому данное прилагательное оказывается способным выступать в роли количественно-оценочного определения при самых разных именах существительных, обозначающих самые разные объекты – от абсолютно конкретных (например, малюсеньких камешков или муравьев) до предельно абстрактных (скажем, малюсенькой высоты, мощности или значимости чего-либо).

Относительное соответствие того или иного количественного показателя какому-то среднестатистическому уровню обозначается прежде всего прилагательным *средний*, которое оказывается вполне уместным в словосочетаниях *среднее количество, средние размеры, средняя длина, высота, ширина, масса, сила, интенсивность, скорость* и т. д. Правда, когда дело касается сочетаемости этого прилагательного с именами существительными, обозначающими конкретные предметы и явления, то здесь какой-либо четкой определенности не наблюдается, и одни сочетания со словом *средний* (*средний танк, средняя зарплата, средний результат, средний шторм*) представляются вполне допустимыми, а другие – нет.

Семантика соответствия среднему уровню проявления какого-либо количественного признака может выражаться и прилагательным *нормальный*. Так же, как и слово *средний*, оно прекрасно сочетается с существительными *количество, размер, длина, высота, масса, интенсивность* и пр., выражая при этом значения количественно-оценочного характера. Однако, сочетаясь с другими существительными, прилагательное *нормальный*, как уже отмечалось нами, чаще имеет значения экзистенциальной или деонтической оценочности. И лишь в отдельных случаях, когда экзистенциальная оценка того или иного объекта предполагает именно количественный аспект, определение *нормальный* становится количественно-оценочным, например: *Как будто в эту влажную жару высасывают из тела его нормальный жар...* (С. Буданцев. Мятёж); *Пульс у неё чуть частит, но хорошего наполнения, в общем нормальный* (Ю. Герман. Дорогой мой человек); *Во-первых, у неё совершенно нормальный зад...* (Э. Радзинский. Я стою у ресторана...); *Про сволочь – ладно... но кадык у меня совершенно нормальный!* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона).

Несоответствие какого-либо количественного показателя обычному уровню его проявления, все равно в какую сторону – превышения или понижения, может быть выражено при помощи прилагательного *ненормальный*. В этих случаях говорят о ненормальных размерах, ненормальном весе, ненормальной массе, плотности, скорости и тому подобных количественных характеристиках. А степень проявления количественного признака, не превышающая средний уровень, может быть обозначена словом *умеренный*: *умеренные размеры чего-либо, умеренная плата, умеренные цены, умеренные осадки, умеренные холода, умеренный аппетит, умеренные притязания* и т. д.

Каждое из рассмотренных выше прилагательных может применяться для обозначения результатов количественных оценок, осуществляемых по самым разным признакам-основаниям. Поэтому мы и рассматриваем их как универсальные средства выражения количественно-оценочной семантики. Однако в общем числе прилагательных, обладающих количественно-оценочными значениями, они составляют абсолютное меньшинство. В гораздо

большем количестве здесь представлены слова, выражающие количественные оценки по тем или иным конкретным количественно оцениваемым признакам.

Как известно, все свойственные различным предметам и явлениям признаки подразделяются на внутренние, или, выражаясь философским языком, имманентные, и внешние. Первые принадлежат тому или иному предмету или явлению как бы самому по себе, взятому абстрагированно от его внешних связей и отношений, вторые же представляют собой даже и не признаки в собственном смысле слова, а именно эти самые связи и отношения. Исходя из данного разграничения, в общем числе количественно-оценочных прилагательных, выражающих оценки по отдельным признаковым показаниям, вполне логично различать лексемы, 1) отражающие оценки, осуществленные на основании учета количественной представленности имманентных признаков оцениваемых объектов, и 2) определяющие объекты на основе количественных оценок их внешних связей и отношений.

Среди количественно-оценочных определений, относящихся к первой категории, следует выделять прилагательные, выражающие а) оценки количественной представленности отдельных качеств различных объектов (такие оценки традиционно именуются параметрическими) и б) оценки, основанные на количественных характеристиках каких-либо составных частей и элементов внутреннего содержания тех или иных объектов.

Характер оценочных параметров, т. е. признаков показателей, выступающих как основания количественных оценок, предопределяется экзистенциальной сущностью и природной субстанциональностью оцениваемых объектов. Для тех из них, которые обладают свойством конкретной материальной предметности, одними из наиболее существенных являются параметры пространственных измерений (габаритов), среди которых на первом месте стоит показатель общей пространственной размерности, или, выражаясь языком математики, трехмерной протяженности в пространстве.

Языковые средства отражения количественных оценок по признаку общей размерности материальных объектов представлены двумя синонимическими рядами имен прилагательных:

1) *крупный, крупногабаритный, крупномасштабный, здоровый, здоровенный, здоровущий, циклопический* и 2) *мелкий, малогабаритный, маломерный, малоформатный, миниатюрный, карликовый, крошечный, крохотный, махонький, микроскопический*. К этим прилагательным примыкают также отдельные слова, в семантике которых значение оценки общего размера сочетается с какими-то другими семантическими признаками. Так, определение *громоздкий*, помимо того что указывает на превышение характеризуемым объектом каких-то средних габаритов, говорит еще и о том, что данный объект является «занимающим много места» [СРЯ, т. 1: 350; БТС: 229]. Прилагательное *пышный* к выражению оценки общей размерности предмета добавляет еще информацию о рыхлости, мягкости или легкости его материальной субстанции [СРЯ, т. 3: 570; БТС: 1051]. А слово *дородный*, используемое для характеристики крупных людей, кроме общего значения превышения средних размеров человеческого тела, выражает еще и дополнительный смысловой признак повышенной плотности телосложения [СРЯ, т. 1: 433; БТС: 277].

Количественные оценки по признаку площади как оценочному основанию выражаются в современном русском языке двумя прилагательными – *обширный* и *малометражный*. Первое из них характеризует относительно большие пространства, площадь которых превышает соответствующие среднестатистические показатели. Это прилагательное является обычным для словосочетаний типа *обширные территории, обширные площади, обширные владения, обширные охотничьи угодья* и т. п. В переносном значении слово *обширный* может использоваться для количественной характеристики объектов, так или иначе ассоциируемых с понятием физического пространства как метафорическим образом. В таких случаях можно говорить о чьих-либо обширных познаниях, интересах, исследовательских программах, знакомствах, и т. д. Кроме того, интересующее нас прилагательное оказывается способным определять различные процессы, обладающие признаком распространения на определенные площади: *обширное проникновение, обширное поражение, обширное кровоизлияние, обширный инфаркт* и т. п. Прилагательное *малометражный* имеет гораздо более узкую семантическую сферу употребления и

используется обычно как средство выражения количественной оценки площади каких-либо внутридомовых помещений – квартир, холлов, кухонь, прихожих и пр.

Для выражения количественных оценок по признаку высоты, т. е. протяженности, направленной перпендикулярно к поверхности Земли [Семенова 2000: 121], русский язык располагает такими словами, как *высокий, невысокий, высоченный, низкий*. Кроме того, для оценочных характеристик роста людей и животных используются прилагательные *рослый, малорослый, низкорослый и долговязый*. Последнее из них, применяемое обычно по отношению к людям, помимо общего значения количественной оценки человеческого роста, эксплицирует еще и дополнительные семантические признаки «худой» и «нескладный» [СРЯ, т. 1: 422; БТС: 271; Ожегов 1984: 154].

Прилагательные *высокий* и *низкий*, выступая в своих не прямых, а переносных значениях, могут выражать оценки не высоты, а общего количества, уровня развития, силы или интенсивности чего-либо. Это бывает возможно в тех случаях, когда количественные оценки ассоциируются с какими-то условными показателями на тех или иных воображаемых шкалах, где количественные показатели, действительно, могут выглядеть как занимающие относительно высокое или низкое положение, например: *высокий/низкий урожай, высокая/низкая производительность труда, высокая/низкая культура быта, высокие/низкие цены, высокий накал страстей, низкий уровень образованности населения* и т. п.

Пространственным признаком, противоположным высоте, является глубина. Причем у самого слова *глубина* выделяются как минимум два параметрических значения – 1) «расстояние от верхней поверхности до дна некоторой емкости вертикально вниз: *глубина моря*» и 2) «расстояние от опорной поверхности до некоторой точки внутри некоторой среды: *глубина ниши в стене* или *глубина проникновения гвоздя в потолок*». Эти две глубины «отличаются друг от друга направлением в пространстве: первая – к центру Земли, а вторая ориентирована произвольно, но перпендикулярно опорной поверхности» [Семенова 2000: 121]. Количественные оценки, осуществляемые по обоим пространствен-

ным признакам глубинности как оценочным основаниям, выражаются словами *глубокий* и *неглубокий*. А вот слово *мелкий* соотносится только с теми оценками, которые осуществляются по признаку глубины, ориентированной по направлению к центру Земли, т. е. сугубо вертикально. Поэтому явно некорректными выглядели бы словосочетания типа *мелкая ниша* или *мелкая пещера*. Для оценочной характеристики объектов с точки зрения их глубины в словосочетаниях такого рода правильной было бы использовать прилагательное *неглубокий*.

Для выражения осуществляемых по признаку глубины оценок различных водоемов, помимо слов *глубокий*, *неглубокий* и *мелкий*, применяются также прилагательные *глубоководный* и *мелководный*. Специфика этих прилагательных заключается в том, что в их значениях сема количественной оценки глубины водоема сочетается с семантическими признаками «полноводный/неполноводный», «с высоким/низким уровнем воды» [СРЯ, т. 1: 317, т. 2: 248; БТС: 209, 531].

Признаки длины и ширины различных предметных объектов ориентируются чаще всего в горизонтальной плоскости, хотя «прямого соответствия между ними и нормально расположенными осями абсцисс и ординат трехмерного пространства нет» [Семенова 2000: 122]. Нельзя сказать, что длина всегда лежит на горизонтальной поверхности параллельно направлению взгляда наблюдающего человека, а ширина всегда перпендикулярна этому направлению или наоборот. Данные признаки связываются не со свободными пространственными векторами и не с местоположением наблюдателя, а непосредственно с самими предметами, их формой и размерностью. В наиболее общем случае в качестве длины рассматривается протяженность более длинной стороны предмета, а в качестве ширины – протяженность более короткой стороны. При этом ширина должна лежать в сечении, перпендикулярном длине объекта. Хотя длина и ширина чаще всего располагаются горизонтально, «для характеристики по этим параметрам предмета или участка пространства не требуется его строгая ориентация в горизонтальной плоскости». Объект может располагаться наклонно или представлять собой сложную трехмерную

фигуру, такую как, например, уходящая в гору извилистая тропа [Семенова 2000: 122].

Количественно-оценочные характеристики по признаку длинны выражаются в русском языке словами *длинный, длиннущий, короткий, удлинённый, укороченный, кургузый*. И если значения первых трех из них представляются в общем-то ясными и понятными, то семантика последних трех требует определенных комментариев. Так, в значениях прилагательных *удлинённый* и *укороченный* (когда они выступают именно как прилагательные, а не причастия) содержится, помимо семы оценки объекта с точки зрения длины, еще и скрытый семантический признак артефактности, обычно не фиксируемый толковыми словарями. В этом смысле как укороченные характеризуются преимущественно те предметы (*укороченный корпус, укороченный ствол, укороченная выхлопная труба*), которые сделаны более короткими, чем это принято, а не просто «более короткие, меньшие по длине, чем обычно» [СРЯ, т. 4: 482; БТС: 1381]. Соответственно, и удлинёнными могут считаться вещи, сознательно созданные более длинными, чем принято (*удлинённый корпус, удлинённая ручка, удлинённые зубья* и т. п.). Хотя, с другой стороны, удлинёнными могут быть названы и те объекты, которые по каким-то причинам просто стали длиннее, чем обычно (*удлинённые тени*, например). Что же касается прилагательного *кургузый*, то здесь следует отметить, во-первых, то, что в настоящее время оно используется преимущественно для оценочной характеристики некоторых предметов одежды (*кургузое пальтишко, кургузый пиджачок*) и, во-вторых, что в его семантике значение «слишком короткий» сочетается еще и с семантическим признаком «тесный» [СРЯ, т. 2: 151; БТС: 481; Ожегов 1984: 277; Лопатин 2011: 297].

Для выражения количественных оценок по признаку ширины предметных объектов в русском языке используются слова *широкий, широченный, неширокий, узкий*, семантика которых, на наш взгляд, не нуждается в каких-либо комментариях. Здесь нет необходимости даже особо подчеркивать, что прилагательное *широченный* выражает крайнюю степень превышения шириной характеризуемого предмета соответствующих среднестатистических показателей, а в семантике слова *неширокий* объединяются

значения совпадения ширины объекта со средними показателями и определенного недотягивания до них.

Последним пространственным признаком, способным выступать в роли основания количественных оценок предметных объектов, является толщина – размерность предмета в плоскости, перпендикулярной его высоте или длине. Оценки по признаку толщины как оценочному основанию выражаются довольно значительным рядом слов, в число которых входят: 1) универсальные средства выражения оценки с точки зрения толщины – *толстый, толстенный, тонкий*, к которым примыкает и слово *утолщенный*, и 2) прилагательные, характеризующие толщину людей и животных, они представлены двумя синонимическими рядами – *полный, дебелий, упитанный, тучный* и *худой, худощавый, худущий, тощий, щуплый, тщедушный*. В семантическом плане среди всех этих слов, думается, следует особо выделить прилагательное *полный* и его синонимы: в их лексических значениях сема превышения толщиной человека или животного неких среднестатистических показателей дополняется обычно не отмечаемым словарями семантическим признаком наличия солидных или просто увеличенных жировых отложений.

Помимо оценок, осуществляемых по пространственным признакам как основаниям, количественные оценки объектов, обладающих качествами предметности и вещественности, могут производиться также по параметрам их массы, веса, плотности, прочности и подвижности. Оценки, производимые с точки зрения массы, т. е. количества вещества, содержащегося в чем-либо, выражаются при помощи прилагательных *массивный, обильный* и *скудный*. Причем, если первое из этих прилагательных используется для количественно-оценочной характеристики конкретных предметов (*массивный стол, массивный засов, массивная тумба, массивное пресс-панье*), то последние два употребляются для выражения количественных оценок аморфных масс каких-либо веществ (*обильная / скудная пища, обильная / скудная растительность, обильный / скудный урожай, обильные / скудные запасы, обильные осадки, скудное пропитание* и т. д.). Кроме того, слова *обильный* и *скудный* могут использоваться как количественно-оценочные определения при различных абстрактных понятиях

(обильные излияния, обильная информация, скудное освещение, скудные сведения, скудные познания и под.).

Особая группа количественно-оценочных слов предназначена для отражения оценок различных водоемов по признаку массы содержащейся в них воды как оценочному основанию. Это такие прилагательные, как *маловодный*, *многоводный* и *полноводный*.

Для выражения оценок, осуществляемых по признаку веса, используются слова *тяжелый*, *легкий* и синонимичные им лексемы. Анализируя употребление этих слов, необходимо учитывать, что даже в их основных, производных значениях критериальная количественно-оценочная семантика может соседствовать с чисто дескриптивными смысловыми оттенками. Эти оттенки, обычно не фиксируемые толковыми словарями, отражают субъективные человеческие ощущения тяжести или легковесности тех или иных предметов и содержат такие их характеристики, которые могут быть определены как «с трудом или с легкостью поднимаемый, передвигаемый, носимый». Данные смысловые оттенки отчетливо проявляются в таких словосочетаниях, как *тяжелая / легкая ноша*, *тяжелая тачка*, *тяжелые доспехи*, *тяжелое ружье*, *легкая тросточка*, *легкая шпага* и под. Значение ощущаемой тяжести характеризуемого предмета является основным значением прилагательного *тяжкий*, проявляемым в словосочетаниях типа *тяжкая ноша*, *тяжкие оковы*, *тяжкие рога*. Прилагательные же *тяжелый* и *легкий* чаще используются для выражения критериально-оценочных значений (или смысловых оттенков), которые следовало бы толковать в словарях как «весащий больше обычного» и «имеющий вес меньше обычного» (*тяжелый колос*, *тяжелое зерно*, *тяжелые капли*, *легкая баржа*, *легкий танк* и т. д.). Аналогичные значения свойственны и другим словам, отражающим количественные оценки по признаку веса. Это прилагательные *грузный*, *тяжеловесный*, *легковесный* и *маловесный*.

Что касается плотности предметных и вещественных объектов, то под этим параметрическим признаком понимается обычно «масса единичного объема вещества» [БЭС, т. 2: 158], т. е. количество (масса) вещества, приходящаяся на единицу объема, или

«отношение массы тела к его объему» [СРЯ, т. 3: 144]. Оценка плотности, понимаемая как соотнесение конкретных количественных характеристик по этому признаку с соответствующими усредненными показателями, в самом общем виде выражается при помощи прилагательных *плотный* и *неплотный* (*плотная / неплотная ткань, плотное / неплотное покрытие, плотная / неплотная облачность, плотные / неплотные слои атмосферы, плотное / неплотное основание* и пр.). В тех случаях, когда дело касается оценки плотности каких-либо жидкостей, для выражения такого рода оценочных значений используются слова *густой* и *жидкий* (*густой / жидкий бульон, густой / жидкий кисель, густая / жидкая сметана* и т. п.). Если же объект состоит из определенного количества каким-то образом организованных предметных элементов, оценка такого объекта с точки зрения плотности может быть осуществлена в понятиях *частый* (*частый штакетник, частая решетка*), *густой* (*густой лес, густая крона, густая шевелюра*) и *редкий* (*редкий подлесок, редкий забор, редкий невод*).

Прочность как качество предметных объектов представляет собой способность материалов, образующих их субстанцию, сопротивляться разрушению или пластической деформации, понимаемой как необратимое изменение формы [БЭС, т. 2: 217]. А поскольку разрушение и деформация различных предметов могут быть следствиями совершенно разных воздействий, слова, отражающие количественные оценки прочности, могут содержать в своих значениях и указания на конкретный характер этих воздействий. Наиболее общими оценочными значениями, отражающими высокую и низкую стойкость по отношению к самым разным воздействиям, обладают прилагательные *крепкий, прочный, непрочный, хлипкий*. Такая относительная универсальность семантики данных слов находит свое отражение в содержании их толкований в современных словарях. Так, к примеру, значение прилагательного *крепкий* толкуется как «такой, который трудно сломать, разбить, порвать» [СРЯ, т. 2: 125; БТС: 468; Ожегов 1984: 270; Лопатин 2011: 289]. Оценки степени устойчивости к пластической деформации как специфической форме воздействия на объект отражаются прилагательными *твердый* и *мягкий*. Со-

ответствующее значение слова *твердый* определяется в словарях как «такой, который с трудом поддается сжатию, сгибанию, резанию» [СРЯ, т. 4: 343; БТС: 1308]. А количественно-оценочное значение прилагательного *мягкий* толкуется как «легко поддающийся сжатию, давлению» и «легко поддающийся обработке» [СРЯ, т. 2: 319; БТС: 567]. В таких случаях говорят о твердых и мягких металлах, сортах древесины, пластических массах и изделиях из этих материалов. Оценки же устойчивости к ломке и разбиванию находят свое выражения в значениях прилагательных *ломкий* и *хрупкий*. Наконец, для выражения оценок по признаку устойчивости к тепловому воздействию, в русском языке существуют такие слова, как *легкоплавкий* и *тугоплавкий*.

Под подвижностью можно понимать признаки двух взаимосвязанных, но тем не менее вполне самостоятельных типов. С одной стороны, это может быть способность какого-либо предмета к движению в пространстве, с другой стороны – само состояние движения. Но в обоих случаях в роли основания количественных оценок выступает скорость потенциального или реального движения оцениваемого объекта, а в качестве оценочного критерия – представление о скорости, средней для соответствующего предметного класса. Оценки по признаку способности развивать ту или иную скорость выражаются при помощи прилагательных *тихоходный*, *быстроходный*, *скоростной*, *ходкий*. Все эти прилагательные используются как средства оценочной характеристики различных артефактных средств передвижения. А для выражения оценок скоростных способностей людей и животных употребляются слова *быстроногий* и *легконогий*. Прилагательное *скорый* выражает значение «передвигающийся с большой скоростью» [СРЯ, т. 4: 118; БТС: 1200], например, в словосочетании *скорый поезд*. А вот слово *быстрый* толкуется в словарях и как «соро перемещающийся в пространстве», и как «быстроходный», т. е. «способный развивать большую скорость» [СРЯ, т. 1: 130; БТС: 107]. Первое значение проявляется в таких словосочетаниях, как *быстрая река*, *быстрый поток*, *быстрая комета*, второе же – в сочетаниях типа, *быстрый автомобиль*, *быстрый катер*, *быстрый самолет*. Наконец, в значении прилагательного *неповоротливый* отражается отсутствие у объекта способности с достаточ-

ной быстротой менять направление движения, а в значении слова *малоподвижный* – слабая способность к движению вообще.

Количественные оценки явлений, имеющих процессуальную природу, осуществляются по признакам, во многом отличным от тех, по которым оцениваются объекты предметного характера. В числе количественно-оценочных признаков различных процессов в первую очередь следует отметить скорость протекания последних. При этом можно говорить отдельно 1) о быстроте пространственного перемещения каких-либо предметов и 2) о скорости осуществления процессов, не связанных с пространственным перемещением. Кроме того, и те и другие процессы могут быть 1) поведенческими актами животных или формами сознательной человеческой деятельности и 2) никем не управляемыми природными явлениями и перемещениями неодушевленных объектов. Оценка быстроты протекания какого-то конкретного процесса совершается обычно через соотнесение этой быстроты с представлением о средней для того или иного предметного класса скорости осуществления данного процесса как оценочным критерием. А семантика критериально-оценочных прилагательных, отражающих оценки по признаку быстроты осуществления собственных тем или иным объектам процессов, может формироваться с учетом всех вышеозначенных семантических признаков.

Наиболее общими значениями, выражающими универсальные оценки скорости самых разных по своей природе процессов, обладают прилагательные *быстрый*, *скорый* и *медленный*. Их значения не конкретизируются признаками пространственного перемещения и контролируемости процессов людьми и животными, в связи с чем эти слова обретают предельно широкую лексическую сочетаемость и оказываются способными выступать в роли определений при любых существительных, обладающих процессуальной семантикой. Рассматриваемые прилагательные могут сочетаться и с именами, передающими перемещения в пространстве (*быстрое падение*, *скорая езда*, *медленная ходьба*), и с существительными, обозначающими другие процессы, не предполагающие пространственного перемещения (*быстрый рост*, *быстрый взгляд*, *скорое разбирательство*, *медленное развитие*, *медленная речь* и т. п.). При этом совершенно очевидно, что оце-

ниваемые по быстроте осуществления процессы могут носить характер как контролируемых людьми и животными действий, так и спонтанно протекающих событий.

Все сказанное выше в полной мере может быть отнесено и к употреблению двух других слов, выражающих количественные оценки по признаку скорости, – прилагательных *ускоренный* и *замедленный* (когда они выступают именно как прилагательные, а не страдательные причастия). Возможность использование этих слов в роли количественно-оценочных определений также не зависит от наличия / отсутствия у определяемого существительного семантики пространственного перемещения и контролируемости обозначаемого процесса. От слов *быстрый*, *скорый* и *медленный* эти прилагательные отличает только то, что в их значениях семантика общей оценки быстроты того или иного процесса распространяется дополнительным семантическим признаком «более (быстрый / медленный), чем обычно» [СРЯ, т. 1: 542, т. 4: 517; БТС: 332, 1398]. При этом под семой «обычно» следует понимать степень быстроты какого-либо процесса, среднюю и обычную не столько для определенного предметного класса, сколько для того конкретного предмета, о котором идет речь в высказывании, например: *Долго слышалось мне её ускоренное, близкое дыхание* (И. Тургенев. Ася); *Свершился ускоренный путь их светила, и, красное, спускалось оно с небосвода к потемневшей земле...* (И. Новиков. Золотые кресты); *Это было на второй месяц войны, планировался особенно ускоренный выпуск летного училища...* (Г. Бакланов. Как я потерял первенство); *(Я) находил трогательную прелесть... в её нерешительных, замедленных движениях* (И. Тургенев. Ася); *Замедленный ход лошади вызвал в Серафиме желание прислониться к задку крытой пролетки* (П. Боборыкин. Василий Теркин); *Он сделал один замедленный шаг вслед за ней* (Б. Савинков. То, чего не было); *Нужен замедленный, как в страшном сне, размах качелей* (А. Дмитриев. Призрак театра).

Оценки быстроты действий, производимых людьми и животными, независимо от того, связаны эти действия с пространственным перемещением или нет, выражаются такими прилагательными, как *поспешный*, *спешный*, *торопливый*, *неспешный*,

неторопливый, медлительный. Ограниченность сферы употребления данных прилагательных только оценкой контролируемых людьми и животными действий, безусловно, предопределяется тем, что все эти слова являются производными от глаголов *спешить, торопиться* и *медлить*, которые применяются для характеристики только тех процессов, которые осуществляются живыми существами. Значение очень высокой скорости совершения некоторых человеческих действий может передаваться определением *сумасшедший*: *сумасшедшая езда, сумасшедшая погоня, сумасшедшая пляска, сумасшедший темп* и т. п.

Оценки быстроты человеческой деятельности, не заключающейся в пространственном перемещении (хотя, может быть, и не исключающей его), находят свое выражение при помощи прилагательного *лихорадочный*. В таких случаях речь может идти о лихорадочной суете, лихорадочных сборах, лихорадочных поисках чего-либо, лихорадочной подготовке к чему-либо и т. д.

Оценку скорости свойственного только людям и животным перемещения при помощи ног передает прилагательное *ходкий*. Эту семантическую специфику слова *ходкий* фиксируют даже некоторые словари, сопровождая толкование его значения «быстрый, скорый» весьма существенным, на наш взгляд, дополнением – «о походке, побежке» [СРЯ, т. 4: 612; БТС: 1448]. С учетом данного обстоятельства прилагательное *ходкий*, обозначающее скорость перемещения, может считаться лексемой с ограниченной сочетаемостью, употребительность которой ограничивается словосочетаниями типа *ходкий шаг, ходкий бег, ходкая рысь, ходкая походка* и под.

Для выражения оценок быстроты перемещения вне зависимости от характера перемещающегося объекта в русском языке используются прилагательные *стремительный* и *тихий*. Оба они способны отражать оценки перемещений, осуществляемых как живыми существами (*стремительный бег, стремительная атака, тихий шаг, тихая рысь*), так и различными неодушевленными предметами (*стремительный полет ракеты, стремительное падение метеорита, тихое течение реки, тихий ветерок*).

Совершенно особое место среди средств языкового выражения оценки процессов по скорости их совершения занимают при-

лагательные *дозвуковой* и *сверхзвуковой*. Если все остальные слова, входящие в эту группу, отражают оценки, осуществляемые через соотнесение быстроты какого-то конкретного процесса с той скоростью этого процесса, которая считается приблизительно средней для определенного предметного класса, то прилагательными *дозвуковой* и *сверхзвуковой* выражаются такие оценки, при которых в качестве оценочного критерия используется вполне определенная и точно зафиксированная величина – скорость звука. Использование такого критерия придает оценкам скорости пространственного перемещения относительно большую точность и конкретность, приближающую их к обычным количественным определениям.

Завершая анализ прилагательных, выражающих критериальные оценки по признаку скорости, следует отметить, что все эти оценки могут относиться не только к тем или иным имеющим временную протяженность процессам, но и к тем предметам, с которыми связываются эти процессы. В последнем случае оценочные прилагательные интересующего нас типа выступают уже как средства оценочных характеристик тех или иных природных объектов, животных, лиц, различных артефактов, средств передвижения, машин и т. п., например: *быстрый ручей, тихая речка, медлительный верблюд, ходкий рысак, торопливый курьер, скорый поезд, медленный обоз, стремительная ракета, дозвуковая авиация, сверхзвуковой самолет*.

Помимо скорости протекания, процессы могут получать количественные оценки и по другим оценочным признакам, таким, например, как частота осуществления. Оценки такого рода передаются всего лишь двумя прилагательными – *частый* и *редкий*.

Гораздо большим арсеналом средств языкового выражения располагают количественные оценки различных процессов по признакам их силы и интенсивности. В научной литературе два эти признака зачастую отождествляются и рассматриваются как один общий признак интенсивности. При этом интенсивность трактуется как предельно широкая категория, характеризующая «напряжение» самых разных процессов и состояний, в отличие от экстенсивности как их «протяжения» [Уемов 1963: 97, 98]. В таком случае свойство интенсивности приписывается не только

процессам в собственном смысле слова, но и самым разным состояниям, от температуры различных тел и сред до психофизиологических состояния людей и животных [Винокурова 2002; Галич 1999: 237-247; Ливанова 1995; Рябцева 2000: 112; Туранский 1990]. Однако, если исходить из семантики и особенностей употребления самого слова *интенсивный*, то нужно будет признать, что содержание обозначаемого этим словом показателя не совпадает ни с силой осуществления какого-то процесса как таковой, ни со степенью проявления какого-либо состояния. Когда мы характеризуем тот или иной процесс как интенсивный, мы обычно имеем в виду не только значительный размах или силу осуществления этого процесса, но и его относительно большую быстроту. Так, говоря об интенсивности автомобильного движения на каком-то участке дороги, мы подразумеваем под этим не только то, что через данный участок проезжает много автомобилей, но и то, что едут они с достаточно высокой скоростью. Медленное движение большого количества транспорта, равно как и ускоренное передвижение немногочисленных автомашин, не может быть охарактеризовано как интенсивное. Точно так же при оценке интенсивности таяния снегов не может быть названо интенсивным ни медленное таяние больших снежных масс, ни быстрое таяние незначительного количества снега. Чтобы была возможность говорить о высокой интенсивности такого процесса, он должен охватывать довольно значительные снежные массы и быть достаточно быстрым. Аналогичным образом под интенсивными осадками следует понимать только быстрое выпадение большого количества дождя или снега, а под интенсивным потоотделением — только быстрое выделение большого количества пота.

Для обозначения высокой интенсивности осуществления различных форм человеческой деятельности, помимо самого слова *интенсивный*, используются также прилагательные *оживленный* и *активный*. Их мы находим в таких словосочетаниях, как *оживленное пешеходное движение*, *оживленная переписка*, *оживленная торговля*, *активная деятельность*, *активное участие в чем-либо*, *активная подготовка к чему-либо* и т. п. А вот для характеристики тех или иных состояний по степени их проявления слова

интенсивный, оживленный и активный практически не употребляются.

Универсальными средствами выражения оценок по признакам «напряженности» процессов и проявленности состояний служат прилагательные *сильный* и *слабый* [Рябцева 2000: 112]. Эти же слова, равно как и существительное *сила*, выступают в качестве основных дескрипторов при описании семантики других прилагательных, выражающих оценки по отмеченным выше признакам, в современных толковых словарях. Думается, что данных двух посылок было бы уже вполне достаточно для того, чтобы рассматривать интересующие нас признаки как свойства именно силы, а не интенсивности обладающих ими процессов и состояний.

Русский язык располагает довольно значительным арсеналом средств выражения количественной оценки человеческих действий, природных процессов и самых разных состояний по силе их проявления. В современных толковых словарях нами обнаружено 25 прилагательных, способных выражать оценочные значения данного типа. Это такие слова, как *адский, великий, дьявольский, исключительный, крепкий, мощный, невероятный, неестественный, необыкновенный, необычайный, неописуемый, несутенный, неумеренный, нещадный, отчаянный, сверхъестественный, свирепый, собачий, ужасный, фантастический, чрезвычайный, чудовищный, яростный*. Количественно-оценочные значения у этих прилагательных могут быть и основными (исконными), и вторичными (производными). И специализироваться данные слова могут на выражении оценок силы самых разных процессов и состояний.

Последнее обстоятельство оказывает самое непосредственное воздействие на сочетаемость этих слов. Среди них наименьшими возможностями в плане лексической сочетаемости обладает прилагательное *собачий*, которое, выступая в оценочном значении «очень сильный», способно сочетаться только с существительным *холод*. Аналогичным образом прилагательное *свирепый* может использоваться только для выражения оценки силы таких природных явлений, как шторм, ураган и мороз. Слово *яростный* используется для характеристики таких явлений, как шторм, при-

бой, напор воды и порывы ветра. А прилагательное *отчаянный*, употребляемое в количественно оценочном значении, сочетается только с существительными *канонада, пальба, скука и тоска*.

Среди слов, отражающих оценки процессов и состояний по силе их проявления, наиболее мощной лексической сочетаемостью обладают прилагательные *невероятный, необычайный, неопиcуемый, несусветный, ужасный, фантастический, чрезвычайный и чудовищный*. Они могут выражать оценки силы и человеческих действий (*невероятные усилия, необычайная суматоха, неопиcуемый скандал, несусветная суета, ужасное расточительство, фантастические свершения, чрезвычайный ажиотаж, чудовищный обман*), и природных явлений (*невероятная засуха, необычайные морозы, неопиcуемый ливень, несусветная жара, ужасная буря, фантастический шторм, чрезвычайные холода, чудовищный ураган*), и различных состояний – как объективных (*невероятный упадок, необычайный успех, неопиcуемый хаос, несусветный бардак, ужасная бедность, фантастический беспорядок, чудовищная несправедливость*), так и психических (*невероятный восторг, необычайное уныние, неопиcуемое наслаждение, несусветная скука, ужасное горе, фантастическое удовольствие, чрезвычайное раздражение, чудовищные страдания*). Кроме того, почти всеми из рассматриваемых слов могут выражаться оценочные значения высокой степени проявленности самых разных признаков и присущих людям психических качеств (способностей и склонностей): *невероятная прочность, необычайная мощь, неопиcуемая быстрота, ужасная сила, фантастические способности, чрезвычайная глупость, чудовищное тщеславие* и т. д. А специализированным средством выражения высокой силы человеческих способностей служит прилагательное *недюжинный*, используемое в словосочетаниях *недюжинный талант, недюжинный интеллект, недюжинные способности*.

Важно отметить, что среди множества прилагательных со значениями оценки процессов и состояний по их силе нашли свое место и два слова, выражающих оценки не по критерию среднестатистической силы проявления того или иного процесса или состояния, а через соотнесение этой силы с критерием человеческих возможностей. Это прилагательные *нечеловеческий* и *сверх-*

человеческий. Их мы встречаем в таких словосочетаниях, как *не-человеческие вопли, нечеловеческие муки, нечеловеческое напряжение сил, сверхчеловеческие усилия, сверхчеловеческие свершения, сверхчеловеческое преодоление трудностей* и т. п.

Довольно существенным среди признаков, отражаемых количественно-оценочными средствами языка, является общая длительность (или временная протяженность) признаков и состояний. Как и в большинстве случаев количественных оценок объектов этого рода, оценка в данном случае осуществляется через соотнесение конкретного признака объекта – длительности какого-либо процесса или состояния – с определенным усредненным показателем – человеческим представлением о средней временной протяженности процессов или состояний соответствующего типа. Наиболее общими по значению, а следовательно, и наиболее универсальными средствами выражения таких оценок в русском языке являются прилагательные *долгий, длительный, долговременный, длинный, продолжительный, недолгий, короткий, краткий, кратковременный, недолговременный, непродолжительный, быстротечный и скоротечный*.

Кроме того, к ним примыкают еще и некоторые слова, способные отражать оценки процессов по признаку их временной протяженности с некоторыми семантическими (референтными) ограничениями. Так, прилагательное *лаконичный* может выражать количественно-оценочное значение относительно небольшой длительности только по отношению к процессам речепроизводства (*лаконичный ответ, лаконичное выступление, лаконичное высказывание*). При этом антонимическое значение сравнительно большой продолжительности какого-либо речевого действия может быть выражено при помощи прилагательного *пространный* (*пространный монолог, пространное объяснение, пространные излияния* и т. п.).

Слова *долгосрочный* и *краткосрочный* выражают обычно количественные оценки длительности тех процессов, которые заранее планируются. Собственно говоря, при помощи этих прилагательных отражаются оценки именно планируемой продолжительности осуществляемых людьми действий: *долгосрочная ко-*

мандировка, долгосрочное строительство, краткосрочное обучение, краткосрочная стажировка, краткосрочные курсы и т. д.

Наконец, такие прилагательные, как *долговечный* и *недолговечный*, оказываются приложимыми к оценочным характеристикам продолжительности различных состояний (*долговечный мир, долговечное процветание, недолговечное счастье, недолговечная любовь*) и сроков существования разного рода предметных объектов (*долговечное сооружение, самое долговечное дерево, недолговечный инструмент, недолговечные детали машин*).

Помимо общей длительности какого-либо процесса или состояния, еще одним временным признаком, способным служить основанием для количественных оценок, может быть также и возраст того или иного объекта. От длительности как временной продолжительности протекания процесса или сохранения состояния возраст отличается тем, что охватывает промежуток времени не от начала и до самого конца существования объекта, а от начала и до какого-то определенного, иногда совершенно условного, момента. Так, московский Кремль по отношению к настоящему времени является довольно старым, даже старинным сооружением, а для времен, скажем, царя Алексея Михайловича он был совсем еще новым. В этом смысле возраст вполне может быть отнесен к числу дейктических характеристик различных по своей природе предметов и явлений, причем таких характеристик, которые легко поддаются количественной оценке по критерию какой-то усредненной величины.

Выбор языковых средств для выражения количественной оценки по признаку возраста обуславливается в первую очередь характером оцениваемого объекта. Так, прилагательные *молодой, юный, немолодой, пожилой* и *великовозрастный* специализируются в основном на передаче оценок возраста людей, а некоторые из них — и животных. Прилагательное же *старый* отличается большей универсальностью и, следовательно, более широкой лексической сочетаемостью: оно способно выражать оценки возраста самых разных объектов — от лиц до различных состояний и отношений (таких как, к примеру, *старая болезнь* или *старая вражда*). А вот слово *новый* для оценки возраста человека оказывается совершенно неприменимым, хотя может с успехом ис-

пользоваться для оценочной характеристики предметных и иных объектов: *новый, только что сшитый костюм, новый, не так давно построенный микрорайон, новые, недавно принятые законы, новые, еще не приевшиеся развлечения, новые причуды и фантазии* и т. д.

То, что было сказано об использовании прилагательного *новый*, вполне может быть отнесено и к употреблению таких критерияльно-оценочных слов, как *старинный, древний, старозаветный* и *ветхозаветный*. Выражая значения очень большого возраста, данные слова могут выступать как средства характеристики самых разных вещей – материальных предметов (*старинный сервис, древние дубы, старозаветные одежды, ветхозаветная мебель*), ментальных образований (*старинные легенды, древние мифы, старозаветные предания, ветхозаветные взгляды*), различных отношений (*старинная дружба, древние узы родства, старозаветный порядок, ветхозаветный жизненный уклад*), форм человеческой деятельности (*старинный промысел, древнее искусство, ветхозаветные способы земледелия*). Прилагательные *давний* и *недавний* специализируются в русском языке на выражении оценок временной отдаленности каких-либо событий (*давняя история, недавнее происшествие*) и давности тех или иных отношений (*давняя вражда, недавнее расположение*). А слово *стародавний* применяется для обозначения длительного времени существования каких-либо отношений или деонтических предписаний (*стародавняя дружба, стародавняя неприязнь, стародавние установления, стародавние обычаи, стародавние традиции*).

Помимо признаков размерности, массы, веса, плотности, прочности, подвижности, скорости, силы и интенсивности, длительности и возраста – т. е. признаков в собственном смысле слова или признаков как таковых, к числу имманентных свойств, способных служить основаниями для количественных оценок, нами были отнесены также особенности внутреннего содержания и строения подвергаемых оценке предметов. Отсылки к таким качествам оцениваемых объектов содержит в своих значениях довольно большая группа русских количественно-оценочных прилагательных. Правда, их число значительно уступает количе-

ству лексем, отражающих оценки, производимые по признакам как таковым.

Среди средств выражения количественных оценок, осуществляемых по свойствам внутреннего содержания, прежде всего следует выделить ряд сложных прилагательных с начальными компонентами *много-*, *мало-*, *немного-*, указывающих на относительно большое или, наоборот, небольшое количество тех элементов, которые составляют структуру какого-либо выступающего в роли объекта количественной оценки сложного образования. Естественно, что в роли оценочного критерия здесь выступает человеческое представление о том количестве составных элементов, которое мыслится как среднестатистическое для образований соответствующего класса. К числу количественно-оценочных прилагательных такого рода относятся слова: *многолюдный* (*митинг, собрание, шествие*), *малолюдный* (*коллектив, аудитория, население*), *многоликий* (*толпа, сборище*), *многонациональный* (*народ, государство*), *многоотраслевой* (*производственный комплекс, хозяйство*), *многоукладный* (*экономика*), *многоканальный* (*связь, телевидение*), *многочленный* (*ряд, образование*), *многокомпонентный* (*образование, структура*), *многоступенчатый* (*шлюз, отбор*), *многослойный* (*фанера, покрытие, изоляция*), *многожильный* (*канат, кабель*), *многотомный* (*научный труд, роман, эпопея*), *малотиражный* (*журнал, газета, издание*), *многосерийный* (*фильм, сериал*), *многоактный* (*балет, пьеса*), *многоголосый* (*говор, пение*), *многословный* (*рассказ, повествование, объяснение*), *немногословный* (*ответ, приказ, инструкция*), *многосложный* (*стих, слово*), *многозначный* (*число, математическое выражение*), *многогранный* (*деятельность, творчество*), *многоходовой* (*комбинация, гамбит*). К этому словесному ряду примыкают и те лексемы, которые содержат в своих значениях количественные оценки различных денежных сумм, которые можно интерпретировать как оценки количества составляющих эти суммы денежных единиц: *крупный* и *мелкий* (*вклад, заем, ссуда, долг, выигрыш, пожертвование*), *нищенский* (*доход, зарплата, пособие, пенсия*), *демпинговый* (т. е. «искусственно заниженный» — о цене).

В особую лексическую группу могут быть выделены те количественно-оценочные прилагательные, значения которых отражают оценки тех или иных объектов, основанные на учете не всех, а только некоторых из входящих в состав этих объектов элементов: *многоэтажный* и *малоэтажный* (дом, здание, постройка), *многоквартирный* и *малоквартирный* (дом), *многоглавый* (собор), *многоголовый* (змея, гидра), *многоместный* (автобус, катер), *многогранный* (кристалл, стержень, колонна), *многосторонний* (призма), *многозначный* (оборот речи, слово), *многоплановый* (роман, произведение, исследование). Количество, выступающее в роли оценочного основания во всех рассматриваемых здесь случаях, является избирательным, так как не охватывает всего многообразия составляющих объект оценки структурных компонентов. И этим семантика перечисленных выше слов отличается от семантики прилагательных, входящих в предшествующую группу.

В качестве особой формы количественных оценок, производимых по внутреннему содержанию оцениваемых объектов, следует рассматривать оценки по признаку простоты / сложности структурной организации объекта как оценочному основанию. Такая интерпретация оценок данного типа может мотивироваться тем, что качества простоты и сложности внутренней структуры чего-либо определяются в первую очередь общим количеством составных элементов, образующих эту структуру, а кроме того, многообразием связей, отношений и взаимодействий между данными элементами. Соответствующее понимание характера оценок рассматриваемого типа находит свое отражение и в современных словарях, где слово *сложный*, к примеру, толкуется как «состоящий из нескольких частей, многообразный по составу входящих частей и связей между ними» [Ожегов 1984: 651; Лопатин 2011: 712; СРЯ, т. 4: 142]. Помимо прилагательного *сложный*, к числу лексических средств выражения оценок по степени сложности внутреннего устройства относятся слова *несложный*, *простой*, *примитивный*, *безыскусный*, а также *усложненный* и *упрощенный*.

Еще одним основанием для осуществления количественных оценок может служить содержание в составе оцениваемого объ-

екта какого-либо вещества. Средствами выражения оценок по основаниям такого рода в русском языке являются следующие прилагательные: *высокомасличный* – «характеризующийся высоким процентом содержания масла», обычно в словосочетании *высокомасличные культуры* [СРЯ, т. 1: 281]; *высоколегированный* – «содержащий легирующие элементы в большом количестве», о сортах стали [СРЯ, т. 1: 281]; *малосольный* – «слегка, чуть просоленный» [СРЯ, т. 2: 222], а следовательно, содержащий относительно небольшое количество соли, обычно об огурцах; *жирный* – «содержащий много жира» [СРЯ, т. 1: 487], например, *жирный суп* или *бульон*. Будучи используемо для характеристики тела человека или животного, слово *жирный* выступает как синоним прилагательного *тучный*, производного от древнеславянского *тук*, что значит «жир». А большое количество мышечных тканей в телах и различных частях тел людей и животных передается такими словами, как *мясистый* и *толстомясый*.

Среди количественно-оценочных прилагательных, отражающих оценки внутреннего содержания, особую и довольно представительную группу образуют слова, содержащие в своих значениях указания на размерность каких-либо частей или составных элементов характеризуемых объектов. Именно размеры определенных компонентов оцениваемых предметов выступают в таких случаях в роли оснований количественных оценок. Они сопоставляются с представлениями о каких-то средних размерах этих компонентов, которые используются как оценочные критерии. Набор лексических средств, выражающих оценки по основаниям такого рода, довольно велик и относительно разнообразен, поскольку разнообразен набор тех предметов, размеры которых могут служить оценочными основаниями. Однако подавляющее большинство здесь составляют имена прилагательные, отражающие оценки, осуществляемые по показаниям размерности различных частей тел людей и животных: *бокастый*, *бровастый*, *волосатый*, *зобастый*, *зубастый*, *костистый*, *мускулистый*, *плечистый*, *пузатый*, *ушастый*, *чубатый*, *большеглазый*, *большеголовый*, *большеротый*, *длиннобородый*, *длинноволосый*, *длиннокрылый*, *длиннолицый*, *длинноногий*, *длинноносый*, *длиннорукий*, *длинношей*, *длинношерстый*, *коротконогий*, *короткопалый*, *корот-*

кохвостый, короткошей, короткошерстый, мелкозубый, мелкошерстый, пышнотелый, пышногрудый, пышиноволосый, толстобрюхий, толстогубый, толстозадый, толстокожий, толстомордый, толстоногий, толстопузый, толсторожий, узкоглазый, узкогрудый, узколобый, узконосый, узкоплечий, широкогрудый, широкозадый, ширококостный, ширококрылый, широколицый, широконосый, широкоплечий, широкоскулый, тонкокожий, тонконогий, тонкопалый, тонкорунный, тонкошерстый.

Как на основания отражаемых ими оценок количественно-оценочные прилагательные могут указывать также на размеры:

– элементарных компонентов различных веществ: мелкозернистый (гранит, песок, ячмень), длинноволокнистый (хлопок), тонковолокнистый (лен, шерсть);

– отдельных частей растений и их плодов: мелколистственный (кустарник, подлесок), широколистный (клен), мелкоплодный (вишня, яблоня), мелкозубчатый (лист), толстокорый (дуб, орех, лимон), тонкорый (арбуз, апельсин, осина);

– элементов надписей и рисунков: размашистый (почерк, подпись, надпись), убористый (почерк, текст), цветастый (платок, поднос, рисунок);

– фрагментов одежды и головных уборов: долгополый (сюртук), короткополый (мундир, пиджак), широкополый (кафтан, шляпа);

– различных частей других предметных объектов: толстенный (бокал, стакан, сруб), тонкостенный (стакан, ящик), тонкослойный (фанера), узкогорлый (сосуд, графин), широкогорлый (кувшин, горшок).

На этом перечень прилагательных, отражающих количественные оценки по имманентным, т. е. замкнутым на самих объектах, признакам, исчерпывается. Но кроме них, русский язык располагает еще довольно значительным арсеналом лексических средств выражения количественных оценок, осуществляемых по внешним связям и отношениям оцениваемых объектов как оценочным основаниям. При этом связи и отношения, лежащие в основе количественно-оценочных значений, могут быть самыми разными.

Одним из видов внешних отношений, способных служить основаниями для количественных оценок, являются отношения пространственной удаленности оцениваемых объектов от тех или иных точек в пространстве или от каких-то других предметов. Оценки удаленности вообще, т. е. независимо от направления удаления, выражаются при помощи прилагательных *близкий, близлежащий, далекий, отдаленный* и *удаленный* (*близкая планета, близлежащий пляж, далекая звезда, отдаленная стоянка, удаленные районы*). А прилагательные *высокий* и *низкий* используются только для выражения оценок удаленности по высоте, например: *высокие небеса, низкая облачность, низкий потолок*.

К словам *близкий* и *далекий* довольно близки по своей семантике прилагательные *ближний* и *дальний*. Они так же, как и перечисленные выше количественно-оценочные прилагательные, обозначают степени удаления тех или иных предметов от каких-то точек в пространстве. Однако эти степени определяются соотносительностью не с какими-то усредненными критериями удаленности, а с положением по отношению к данным точкам других предметов. Иными словами, когда мы характеризуем тот или иной объект как *ближний* или *дальний* по отношению к какой-то точке, мы тем самым утверждаем, что он находится ближе или дальше к данной точке в сравнении не с тем расстоянием до неё, которое является среднестатистическим для всех аналогичных объектов, а только сравнительно с какими-то другими конкретными предметами или даже с одним предметом. Так, *ближняя дача* – это та дача, которая находится по отношению к постоянному месту жительства ближе, чем *дальняя*. И наоборот, *дальняя дача* – та, которая расположена дальше, чем *ближняя*. Исходя из этих соображений, мы не считаем возможным включать слова *ближний* и *дальний* в число лексических средств выражения количественно-оценочных значений. Такие слова выражают в своих значениях не критериально-оценочную семантику, а семантику обычного сравнения.

Другим внешним признаком, способным служить основанием количественных оценок, является количество каких-либо предметов или веществ, расположенных на поверхности другого предмета, выступающего в данном случае в качестве оценивае-

мого объекта. Средствами выражения оценок такого рода в русском языке служат некоторые прилагательные с суффиксом *-ист-* или без него, такие как *гористый, лесистый, овражистый, пенистый, скалистый, ухабистый, холмистый, цветистый, шерстистый, щетинистый, волосатый, облачный, малооблачный*. Оценки различных пространств по количеству находящихся или проживающих на них людей выражаются словами *людный (район, место), многолюдный (город, площадь), малолюдный (поселок, улица), населенный, густонаселенный, малонаселенный*. А прилагательные *дождливый, морозный, снежный* и *малоснежный* могут выражать оценки различных временных периодов по количеству и интенсивности имевших место в эти периоды природных явлений: *дождливая осень, морозный февраль, снежная или малоснежная зима*.

К числу внешних отношений, выступающих в роли оснований количественных оценок тех или иных объектов, может быть отнесена и значимость этих объектов. С философской точки зрения, значимость вещи есть то, чем данная вещь является для общественной практики, и потому она (значимость) находится в прямой зависимости от тех функций, которые вещь выполняет в деятельности людей [ФС: 136]. Думается, что в обыденном, не философском и не терминологическом, употреблении слово *значимость* имеет более широкое значение и может использоваться тогда, когда нужно указать на ту роль, которую та или иная вещь играет не только в человеческой деятельности, но и в жизни вообще, когда возникает необходимость отметить то влияние, которое данная вещь оказывает на другие предметы и явления окружающей действительности. Естественно, что мера такого влияния у разных вещей может быть разной. Она выступает основанием оценок, выражаемых, с одной стороны, такими словами, как *важный, значительный, серьезный, существенный, великий*, и прилагательными *маловажный, малозначительный, малосущественный, мелочный, неважный, незначительный, несерьезный, несущественный, ничтожный, пустяковый*, с другой.

Значимость многих объектов как предметного, так и не предметного характера зачастую определяется их силой (или мощностью), понимаемой как способность производить какую-то рабо-

ту, оказывать то или иное воздействие на другие объекты. Количественные оценки, выносимые по этому признаку, выражаются прилагательными *мощный, могучий, могущественный, сильный, сильнодействующий, энергичный, маломощный, малосильный, слабосильный, слабый*.

Помимо силы и мощности, в роли оснований количественных оценок могут выступать и многие другие функциональные признаки – те, которые имеют прямое отношение к функционированию оцениваемых объектов, их работе, использованию их людьми. Количественно-оценочные прилагательные способны отражать оценки по таким функциональным признакам, как:

- продуктивность, производительность, плодovitость: *продуктивный, высокопродуктивный, малопродуктивный, непродуктивный, производительный, высокопроизводительный, малопродуктивный, непродуктивный, плодovitый, плодородный, малоплодородный, неплодородный, урожайный, высокоурожайный, малоурожайный, неурожайный, удойный, малоудойный, уловистый*;

- питательность каких-то веществ или продуктов: *питательный, калорийный, высококалорийный, малокалорийный*;

- вместительность различных емкостей и помещений: *вместительный, маловместительный, емкий, малоемкий, малолитражный*;

- грузоподъемность транспортных средств: *крупнотоннажный, малотоннажный, тяжелогрузный*;

- другие функциональные признаки: *быстродействующий (препарат, яд), быстрорастворимый (кофе), дальнобойный (орудие, артиллерия), скорострельный (автомат, пушка), чувствительный (прибор, компас), экономичный (двигатель, агрегат), энергоемкий (прибор, установка)*.

Количественные оценки могут касаться и человеческого восприятия тех или иных предметов. Оценочными основаниями в таких случаях служат степени эффективности или силы проявления различных аспектов восприятия оцениваемых объектов и форм психического реагирования на них. А средствами языкового выражения оценок такого рода выступают прилагательные типа *впечатляющий, захватывающий, высокоуважаемый, высоко-*

читимый, долгожданный, многообещающий, малознакомый, малоизвестный, малоинтересный, малопонятный, малоценный и т. п.

Оценки тех или иных объектов по количеству извлекаемой из них информации передаются такими прилагательными, как *информативный, малоинформативный, содержательный, бессодержательный, малосодержательный, выразительный, маловыразительный, многоговорящий, многозначный, многозначительный, пустой, пустопорожний*.

Количественные оценки могут выноситься также и по признаку множественности человеческих усилий, так или иначе приложенных или прилагаемых к различным объектам. Правда, отражение в значениях количественно-оценочных слов находят сравнительно немногие действия, направляемые на те или иные предметы. Значения такого рода присущи в основном прилагательным, образованным от страдательных причастий путем присоединения к ним словообразовательного компонента *мало-*: *малоезженный, малоезжий, малохоженный, малоизведанный, малоизученный, малоисследованный, малообжитой, малоподготовленный, малоприспособленный, малоупотребительный* и т. д.

Особую группу количественно-оценочных слов составляют имена прилагательные, выражающие оценки различных форм человеческой деятельности по признаку затрачиваемых или требующихся на их производство усилий. Это такие слова, как *легкий, нелегкий, трудный, нетрудный, многотрудный, трудоемкий, тяжелый, тяжкий, напряженный* и *экстремальный*. Объекты, оцениваемые по степени трудности их достижения (доступности), характеризуются при помощи прилагательных *легкодоступный, малодоступный* и *труднодоступный*. А для выражения оценок по степени трудности интеллектуального постижения (понимания) тех или иных вещей используются прилагательные *простой, непростой, сложный, несложный, замысловатый, незамысловатый, мудреный, немудреный, хитрый, нехитрый*.

К числу внешних по отношению к различным предметам признаков относится и денежная оценка (цена) этих предметов. И эта оценка в свою очередь может становиться основанием для той количественной оценки, при которой в качестве оценочного

критерия используется представление о средней для объектов того или иного предметного класса цене. Оценки такого рода выражаются в русском языке словами *дорогой, недорогой, дешевый, дорогостоящий, драгоценный, ценный*. Для выражения оценок внешнего великолепия, дорогостоящей отделки, высокой стоимости материала, из которого сделан оцениваемый объект, используются прилагательные *богатый и роскошный (богатое убранство, роскошное издание, роскошный наряд)*. А в качестве средства выражения оценки ценности объектов, передаваемых из одних рук в другие, выступает слово *щедрый (щедрый дар, щедрое вознаграждение, щедрая помощь)*.

Оценки производственных форм человеческой деятельности с точки зрения их денежной доходности выражаются при помощи прилагательных *высокооплачиваемый, низкооплачиваемый, мало-доходный, малоприбыльный и малорентабельный*.

Что же касается тех количественных оценок, которые относятся к внешним связям и отношениям человека, то объектами лексической номинации становятся здесь в основном оценки, осуществляемые по признакам обладания. К числу таких признаков относятся:

— обладание детьми и родственниками: *многодетный, много-семейный, малосемейный*;

— обладание имуществом и денежными средствами: *богатый, небогатый, зажиточный, состоятельный, бедный, малоимущий, малообеспеченный, малосостоятельный, малоземельный, мелко-поместный, полунищий, нищий*;

— обладание знаниями и культурой: *знающий, сведущий, ма-лосведущий, несведущий, невежественный, образованный, высо-кообразованный, малообразованный, необразованный, культур-ный, малокультурный, некультурный*;

— обладание грехами и нравственными добродетелями: *мно-гогрешный, добродетельный, высоконравственный*.

Из всего вышесказанного видно, что количественные оценки, использующие как оценочные критерии представления о каких-то усредненных количественных показателях, располагают в рус-ском языке очень значительным арсеналом лексических средств своего выражения. Такие оценки могут прилагаться к самым раз-

ным по природе предметам и явлениям, а основаниями для них могут служить количественные характеристики практически всех возможных разновидностей имманентных свойств и внешних связей и отношений оцениваемых объектов. Номенклатурная представленность оценочных значений такого рода и выражающих их лексических средств предельно велика. И тем не менее круг имен прилагательных с семантикой количественной оценки словами, отражающими оценки по усредненным количественным показателям, отнюдь не ограничивается.

Совершенно особое место среди количественно-оценочных прилагательных занимают определения, выражающие оценки, охарактеризованные в свое время Г.Г. Галич как «ситуативно-модальные» [Галич 1999: 12, 15, 60]. Специфика этих оценок состоит в том, что при их осуществлении в роли оценочных критериев выступают те количественные показатели, которые представляются не средними для тех или иных предметных классов, а необходимыми для осуществления каких-либо процессов или просто желательными и долженствующими быть. Поскольку основными средствами выражения таких оценок считаются слова *достаточный*, *недостаточный*, *избыточный* и *чрезмерный*, эти оценки могут быть названы количественными оценками достаточности (в отличие от собственно количественных оценок как таковых).

Словарные толкования значений почти всех перечисленных выше слов осуществляются с использованием существительного *потребность*, которое выступает здесь в качестве основного семантического дескриптора. Так, значение прилагательного *достаточный* определяется как «удовлетворяющий, соответствующий чему-либо, каким-либо потребностям» [СРЯ, т. 1: 436] или (менее точно) как «удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям» [Ожегов 1984: 157; Лопатин 2011: 162; БТС: 279]. Прилагательное *недостаточный* толкуется как «не удовлетворяющий нужду в чем-либо, не соответствующий чему-либо, каким-либо потребностям» [СРЯ, т. 2: 439] или как «не удовлетворяющий потребность в чем-либо, не соответствующий каким-либо нормам» [БТС: 620]. Иногда в определение значения этого слова вставляется дескриптор «небольшой по количеству» [Ожегов

1984: 355; Лопатин 2011: 383], что неоправданно уводит содержание дефиниции в сторону обычной количественной оценочности. Самым коротким и, пожалуй, наиболее точным определением своего значения обладает прилагательное *избыточный*. В современных словарях оно толкуется предельно ясно и понятно — просто как «превышающий потребность, излишний» [СРЯ, т. 1: 637; БТС: 377; Лопатин 2011: 230].

Использование слова *потребность* как ключевого при толковании значений прилагательных, выражающих оценки достаточности, представляется нам вполне уместным и оправданным. Именно потребность в каком-то количестве тех или иных предметов выступает в роли оценочного критерия при осуществлении оценок такого рода. Вместе с тем необходимо учитывать и тот факт, что само это слово может пониматься по-разному. Так, в социологии и психологии, например, давно уже стало аксиомой противопоставление объективных и субъективных человеческих потребностей, мыслимых как совершенно различные по своей природе феномены. Первые трактуются как объективные нужды людей в тех вещах, которые обеспечивают возможность их существования в современном им мире (речь идет о продуктах питания, одежде, жилье, профессии и т. п.). Под вторыми же понимаются такие субъективно-психические явления, как желания, влечения, страсти, интересы и ценностные ориентации. Ясно, что потребности, мыслимые как желания обладать теми или иными вещами, далеко не всегда совпадают, даже в чисто номенклатурном плане, с потребностями как объективными необходимостями человеческого существования. Чаще всего присущие людям субъективные потребности далеко выходят за рамки реальных нужд их природного и социального бытия.

Для нас принципиально важным является то, что понимание потребности как объективной необходимости в чем-либо распространяется не только на сферу человеческой жизнедеятельности, но и на другие, не имеющие прямого отношения к жизни людей бытийные сферы. И это косвенно фиксируется в наличествующих в современных словарях толкованиях значения существительного *потребность*. Оно определяется обычно как «необходимость в чем-либо, требующая удовлетворения, надобность», без указания

на исключительно человеческую принадлежность этой необходимости или надобности. При этом среди примеров речевого использования слова *потребность* приводятся такие словосочетания, как *потребность растения в воде* и т. п. [СРЯ, т. 3: 335; БТС: 943].

Существование потребностей как объективных необходимостей, относящихся к самым разным сферам бытия, является веским аргументом в пользу того, что и количественные оценки достаточности, где в роли оценочного критерия выступает представление о потребности (необходимости) в каком-либо количестве чего-то, также могут иметь объективный характер, отражать объективные, не зависящие от человеческой воли и человеческого сознания ситуации и положения дел. В современных художественных, научных и публицистических текстах можно найти множество примеров, где прилагательные со значениями количественной достаточности / недостаточности используются для выражения оценок, относящихся к неживой природе, животному и растительному миру, физиологии людей и животных и т. п. При этом прилагательное *достаточный* обозначает такое количество, которое соответствует количеству, необходимому для осуществления каких-либо процессов или сохранения каких-то состояний (эти процессы и состояния могут быть даже обозначены в структуре предложения). Слово *недостаточный* выражает значение некоторого недотягивания до уровня количества, выступающего в роли оценочного критерия. А прилагательные *избыточный* и *чрезмерный* обозначают явное превышение данного уровня. Например:

1. *Когда к металлическим контактам приложено достаточное напряжение, электрон... «просачивается» сквозь слой диэлектрика и тем самым создает электрический ток* (А. Перов. Флэш-память: физика, применение и перспективы); *Чтобы облако разрядилось, в воздухе под ним должно быть достаточное число ионов* (К. Богданов. Молния: больше вопросов, чем ответов); *Что касается пищи растений, то в почве и подпочве содержится в общем достаточный запас важнейших питательных веществ – фосфора, азота, калия* (В.П. Бушинский. Почвы и их плодородие); *Двухметровый электрический скат способен со-*

здать электрический импульс с напряжением 50–60 вольт при силе тока 50 ампер – вполне достаточный, чтобы парализовать рыбу чуть поменьше его самого (В.П. Карцев. Приключения великих уравнений); Кора рассылает сигналы, чтобы организм мог поддерживать более или менее достаточный уровень кислорода (М. Алиев. В горы от инфаркта?).

2. Лишь в северо-западном депоцентре... в миграционно-дренажные «коридоры» поступило существенное количество нефти, но, очевидно, недостаточное для формирования крупных месторождений (С.Л. Зубайраев, Н.В. Лопатин. Нефтяные генерационно-аккумуляционные системы); Я понимал, что тело, а значит, и клетки мозга получают питание недостаточное, мозг мой давно уже на голодном пайке (В. Шаламов. Колымские рассказы); У меня тут поднялось давление... Недостаточная нагрузка... Бунтует адреналин в крови... (С. Алексиевич. Цинковые мальчики); Ежели воробья обвинили в истреблении овец, то какая-то доля правды в этом есть. А недостаточный размах крыльев – дело наживное (И. Грошек. Реставрация обеда).

3. Если в клетку поступило избыточное количество углеводов, превышающее способность клетки к их окислению, то миниатюрная фабрика белка может погибнуть (Г. Медведева. Опять под микроскопом дрожжи); Избыточное накопление продуктов обмена, богатых водородом, приводит к резкому сдвигу окислительно-восстановительного равновесия в гепатоцитах (А.Ф. Блюгер. Мишень для алкоголя); Как только доктор снимает избыточное напряжение в мышцах, улучшается сон и восстанавливается психоэмоциональное состояние (А. Фадин. Ручная работа); Чрезмерное тепло, как и чрезмерный холод, вредно (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО); Помните, что чрезмерный отдых расслабляет тело и волю, снижает энергию (Г. Коган. Работа пианиста); По расчетам должен быть приличный процент сахара, не чрезмерный, но достаточный (Н. Амосов. Голоса времени).

В тех случаях, когда количественные оценки достаточности связываются с человеческим сознанием и с человеческой деятельностью, отражающие их прилагательные могут означать соответствие или несоответствие выступающего в роли основания

оценки количества тому количественному показателю, который 1) требуется для осуществления какой-либо деятельности, 2) необходим для достижения поставленной цели, 3) выступает как нормативно-долженствовательный или 4) является просто желательным. К примеру:

1. *Температура воды... вполне достаточная для охоты без гидрокостюма в течение 40–60 минут* (Ю. Еврейский. Подводная охота в озерах Северного Казахстана); *Подводная лодка «Северянка» имеет большую автономность и хорошие условия для работы команды, но недостаточная глубина погружения ограничивает сферу её применения* (А. Дмитриев. Глубоководный аппарат «Север-2»); *МЭРТ уже выявил у нас избыточные функции, но я думаю, Минтруда подготовит дополнительные предложения* (О. Карпова, А. Починок. Концепция льготного государства бессмысленна); *Чрезмерный рост накоплений становится даже вредным, ибо он неизбежно дезорганизует экономическую жизнь и подрывает воспроизводство рабочей силы* (Л.А. Муравьева. Социалистическая индустриализация).

2. *На письменную работу было дано два с половиной часа – срок достаточный* (А. Крон. Капитан дальнего плавания); *Только недостаточная мощь немецких ВВС не позволила достигнуть стратегической цели – уничтожить столицу и принудить Англию выйти из войны* (А. Горьков. «Невидимки» над Ашулуком); *Имейте в виду, что чрезмерный оптимизм порой может мешать принять правильное решение* (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО).

3. *Полторагодовалый срок военной службы граждан не обеспечил достаточный уровень укомплектованности Вооруженных сил* (В. Баранец. Генштаб без тайн); *Российские части на территории Грузии имели избыточное количество тяжелых вооружений, не вписывающееся в Договор об ОВСЕ* (В. Баранец. Генштаб без тайн); *Бесконечные приемы, официоз, на первый взгляд чрезмерный* (И. Кио. Иллюзии без иллюзий).

4. *У кого-нибудь есть достаточный запас слов, его удовлетворяющий?* (Б. Пастернак. Доктор Живаго); *Американцы возьмут да и разбомбят Белоруссию – скажем, за недостаточное преподавание в белорусских школах английского языка* (К. Кры-

лов. Контроль); Его критикуют за чрезмерный эстетизм, безукоризненный вкус и, одновременно, за дружбу с большинством английских поп-звезд (Н. Щербак. Самая престижная школа в Лондоне).

Кроме прилагательных *достаточный*, *недостаточный*, *избыточный* и *чрезмерный*, к числу лексических средств выражения количественных оценок достаточности могут быть отнесены также слова *лишний* и *излишний*. Оба они, являясь безусловными синонимами, используются как средства количественно-оценочной характеристики тех предметов, которые мыслятся как выходящие за границы той или иной количественной необходимости (потребности), как находящиеся выше её предполагаемого уровня. По сути своей вещи, характеризующиеся как лишние или излишние, представляют собой арифметическую разницу между количеством наличествующих в рамках описываемой ситуации предметов и тем количеством, которое считается для данной ситуации достаточным. В любом случае излишность тех или иных предметов вытекает из соотнесения их общего наличного или предполагаемого количества с определенным критерием количественной достаточности, принадлежащим к какому-либо из рассмотренных нами выше видов: *Лишние килограммы называют причиной чуть ли не всех наших болезней* (М.М. Гурвич. Модные и новомодные диеты); *Все разговоры о том, что в Пенсионном фонде есть лишние деньги, неверны* (О. Карпова, А. Починок. Концепция льготного государства бессмысленна); *Можно посеять и погуше – лишние сеянцы позже выдернуть... и съесть* (Н. Замятина. Отведаем хризантему); *В Думе теперь шерстят за лишние тачки* (А. Геласимов. Нежный возраст); *По-моему, мы лишние на этом празднике жизни* (В. Сеницына. Муза и генерал).

Одним из средств выражения количественной оценки достаточности является и прилагательное *дефицитный*, толкуемое почти во всех словарях как «не имеющийся в достаточном количестве» [СРЯ, т.1: 395; Ожегов 1984: 145; Лопатин 2011: 150]. Примечательным представляется то, что данное прилагательное в абсолютном большинстве современных контекстов выступает как средство оценочной характеристики тех предметов, которые

непосредственно связаны с человеческим потреблением, как-то используются в человеческой деятельности и потому представляют собой объекты субъективных и объективных человеческих потребностей. В таких случаях говорят и пишут о дефицитных продуктах, товарах, ресурсах, материалах, веществах, мощностях и т. п. Но в то же время не исключается возможность употребления слова *дефицитный* и тогда, когда возникает необходимость обозначить недостаточность чего-либо в сфере природных явлений: *Зерно американского сорта Атлас-66 богато лизином, метионином и триптофаном – аминокислотами, дефицитными для пшениц* (В. Шешнев. Три дороги к знаку качества); *Ученым уже удастся внедрять в организм сторонние гены и с их помощью активизировать естественное воспроизводство недостающих и дефицитных веществ* (И. Ленский. Генные технологии в медицине).

2.3. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОТРАЖАЮЩИЕ ГНОСТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

Гностическими мы предлагаем называть те критериальные оценки, в которых в качестве оценочных критериев используются ментальные образования, расцениваемые людьми как знания о тех или иных предметах и явлениях реальной действительности. Образования такого рода вполне могут быть охарактеризованы как гностические (от греч. *gnosis* «знание»), в отличие от представлений деонтического и дезидеративного характера, потребностей, интересов, ценностных ориентаций, идеалов и т. п.

Специфика ментальных образований гностического типа заключается прежде всего в том, что все они представляют собой мемориальные мысленные комплексы, обладающие индикативной модальностью, т. е. воспроизводящие нечто такое, что мыслится как реально существующее или осуществляемое в действительности, а кроме того, все эти комплексы сопровождаются субъективной уверенностью людей в их истинности, что и заставляет осмысливать их именно как знания (а не предположения или гипотезы).

Гностические оценки тех или иных объектов, в качестве каковых выступают обычно человеческие (чужие) мысли и речевые

конструкты, могут осуществляться по различным формальным и содержательным признакам последних. Однако, поскольку главным признаком расцениваемых как знания гностических образований выступает уверенность в их истинности, основной и наиболее распространенной формой гностических оценок являются критериальные оценки истинностного типа или истинностные оценки. Результатом оценок такого рода всегда становится вывод об истинности или неистинности (ложности) какого-либо мыслительного феномена или выражающего его речевого построения, иными словами – вывод о том, является ли данное ментальное образование или речевое произведение истиной или нет.

Само понятие истины с древнейших времен находится в поле зрения ученых – представителей самых разных гуманитарных наук: философов, логиков, психологов, языковедов. В рамках настоящего исследования, думается, нет особой необходимости в изложении всех перипетий, имевших место в разработке истинностной проблематики в истории мировой науки. Достаточно будет сказать, что даже и в настоящее время находятся авторы, ставящие под сомнение саму возможность наличия у людей истинных мыслей и представлений об окружающей действительности, не говоря уже о речи, которая, по утверждению, приписываемому Ш.-М. Талейрану, дана человеку только для того, чтобы скрывать свои помыслы.

В самом общем виде истина определяется как «верное, правильное отражение действительности в мысли» [ФС: 157], «соответствие, адекватность наших знаний содержанию объекта познания» [Основы соврем. философии: 159] или, что в принципе то же самое, «адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе» [ФЭС: 226]. Из этих и подобных им определений явственно следует, что истинность мыслится современными философами как принципиально возможное, способное быть вполне реальным явление, как то, что «определяет границы совпадения человеческой мысли и объекта, знаний и действительности» [СФС: 239]. Такое понимание истинности находит свое концептуальное воплощение в философском понятии объективной истины как истины, обладающей объективным бытием. Другой вопрос, что да-

же и при существовании таковой определение «границ совпадения человеческой мысли и объекта» в каждом конкретном случае может быть весьма непростым и проблематичным. Ведь, согласно положению диалектической логики об относительности объективных истин, «каждая объективная истина одновременно является и истиной и заблуждением. Она может быть истиной в одних условиях, в одном месте и времени, и заблуждением, неистинной — в других». Объективная истина «справедлива только в определенной сфере, а за границами этой сферы она теряет свою истинность и превращается в собственную противоположность — в заблуждение» [Андреев 1985: 266].

Сфера и мера справедливости каждой истины обуславливаются прежде всего характером и содержанием той ментальной или речевой формы, в которой она (истина) реализуется. Всякая истина существует в субъективно-модальном пространстве человеческого «Я» и потому, даже будучи безусловно объективной, остается при этом субъективно-психическим феноменом, имеющим определенную психофизиологическую или словесно выраженную форму своего существования.

Субъективно-психический аспект существования различных истин может совпадать, а может и не совпадать с их объективным аспектом: гностические образования, представляющиеся людям безусловными истинными, могут быть на деле тривиальнейшими заблуждениями, а ментальные конструкты, мыслимые только как гипотетические предположения или даже заблуждения, могут оказаться самыми что ни на есть объективнейшими истинами. Данная проблема, формулируемая как поиск критериев объективной истины или верификация истинностных суждений, с древнейших времен волнует умы ученых (вспомним хотя бы упоминавшиеся в первой главе рассуждения Секста Эмпирика), однако и в настоящее время эта проблема столь же далека от своего окончательного разрешения, как и во времена Античности. Ведь, как показывает история науки и повседневная жизнь людей, ни чувственные данные непосредственного восприятия, ни строго выверенные логические процедуры, ни самые совершеннейшие научные эксперименты, ни многократно и успешно осуществляемые практические действия не могут служить стопро-

центно надежными показателями объективной истинности или ложности гностических представлений и мысленных конструкторов нашего разума. Каким бы совершенным ни был психический, логический и технический инструментарий человеческого познания, определенная вероятность ошибок и заблуждений здесь будет существовать всегда.

Гораздо более интересным представляется вопрос о тех путях, которые ведут к формированию тех или иных гностических, пусть даже и объективно ложных, но мыслимых как истинные ментальных образований. В этом вопросе, думается, есть резон согласиться с Берtrandом Расселом, предложившим выделять среди всех известных людям истин самоочевидные (или, по крайней мере, представляющиеся таковыми) и производные (так или иначе выводимые из самоочевидных). По утверждению Б. Рассела, «мы можем сказать, что истина самоочевидно в явном и самом абсолютном смысле слова, если мы знакомы с фактом, соответствующим этой истине». В производных же знаниях «наши исходные посылки должны иметь некоторую степень самоочевидности», при этом «определенной степенью самоочевидности должна обладать и связь этих посылок с выведенными из них заключениями». Если же какое-то ментальное образование является тем или же выводится из того, что не обладает признаком достаточной самоочевидности, оно обретает статус не истинного знания, а всего лишь «вероятного мнения». В установлении степени вероятности его истинности большую роль, по мнению Б. Рассела, играет признак «согласованности». Этот признак отвергается как способ непосредственного определения истины, но им в принципе можно пользоваться как критерием. Ведь «совокупность индивидуальных вероятных мнений, если они взаимно согласованы, становится более вероятной, чем каждое из них в отдельности. Именно таким путем многие научные гипотезы приобретают свою вероятность. Они входят в согласованную систему вероятных мнений и, таким образом, становятся более вероятными, чем тогда, когда они были в отдельности. Это положение применимо и к общим философским гипотезам. Часто в отдельном случае такие гипотезы могут показаться весьма сомнительными, но если учесть порядок и согласованность, кото-

рые они придают массе вероятных мнений, то они становятся почти что достоверными» [Джеймс 2000: 257-260]. Впоследствии такой подход к пониманию истинности получил в науке название когерентной концепции истины.

На уровне обыденного сознания и наивной картины мира человек зачастую осмысливает как истинное не то, что является объективно истинным, а то, что с его точки зрения представляется правдоподобным. А правдоподобно выглядит обычно то, что человек хорошо понимает, что не противоречит его убеждениям, не выходит за рамки его мировоззрения, его картины мира. Поэтому заблуждение здесь часто вытесняет истину, побеждает её в силу того, что отвечает индивидуальным критериям приемлемости [Мигунов 2001: 79].

Помимо общей согласованности с уже имеющимися гностическими представлениями, причинами восприятия тех или иных мыслей как безусловных истин могут выступать согласие с ними того микросоциума, что окружает человека, общее ощущение интеллектуальной комфортности, доставляемое отдельными мыслями, наконец, соображения простой прагматической выгоды определенных убеждений. В контексте религиозных представлений и в рамках религиозной картины мира безусловно истинным представляется все исходящее от Бога, все заключающееся в его словах, а также в словах и поучениях пророков и апостолов.

Независимо от того, каким способом и каким путем у людей формируются гностические структуры, расцениваемые как знания, все в конечном счете сводится к одному смысловому знаменателю – к появлению внутренней убежденности человека в истинности образующихся у него ментальных образований с модальностью индикатива. Не будь у таких образований ассоциируемой с ними субъективно-модальной семы уверенности в их истинности, они, наверное, никогда не смогли бы выступать в роли виртуальных критериев критериальных истинностных оценок.

В современной науке под истинностными оценками понимаются семантические феномены трех типов. Прежде всего, это только что упомянутая нами субъективная уверенность в истинности собственных гностических представлений, выступающая как непрменный атрибут любой индивидуальной виртуальной

картины мира. По мнению некоторых исследователей концепта истины, на уровне общей субъективной картины мира «она вездесуща, эксплицитно или имплицитно присутствует в каждом акте сознания в виде истинностной оценки» [Гостева 2004: 75; см. также: Рябцева 1995]. Далее, как проявления истинностной оценки рассматриваются и значения истинности и ложности, эксплицитно или имплицитно представленные во всех речевым высказываниях, обладающих индикативной модальностью [Гостева 2004: 64, 108; Лакофф 1987: 154]. Но чаще всего под истинностной оценкой подразумевают соотнесение содержания чьей-то мысли или чьего-то высказывания с какими-либо другими более или менее устойчивыми представлениями об истине [Новосельцева 1996; Лукин 1993: 69; Шатуновский 1991: 37]. Учитывая последнее обстоятельство, Н.Д. Арутюнова предложила в одной из своих работ различать первичные и вторичные истинностные оценки. Согласно её утверждению, «предикаты *истинно* и *ложно* имеют в качестве своего субъекта пропозицию, в которой уже присутствует значение истинности. Они выражают, таким образом, вторичную оценку, которая не всегда совпадает с первичной» [Арутюнова 1993: 67]. Первичные истинностные оценки заключаются в субъективной уверенности людей в истинности их представлений о действительности. И когда эти представления начинают использоваться в качестве критериев оценивания каких-то иных так или иначе отражающих действительность ментальных или артефактных объектов, тогда можно говорить об осуществлении вторичных истинностных оценок. Вот эти-то вторичные оценки мы и будем рассматривать в качестве критерияльных истинностных оценок, предварительно отметив при этом, что количество лексических средств их выражения отнюдь не ограничивается одними только словами *истинно* и *ложно*, *истинный* и *ложный*.

Прилагательными *истинный* и *ложный*, используемыми в полной или краткой форме, выражаются самые общие истинностные оценки, реализуемые в значениях, толкуемых как простое соответствие / несоответствие объекта оценки истине или действительности, без каких-либо дополнительных смысловых «довесков» [СРЯ, т. 1: 689; т. 2: 197; БТС: 403, 503]. Такая семан-

тическая широта по идее должна была бы обеспечивать данным прилагательным предельно широкую и приблизительно одинаковую лексическую сочетаемость, возможность употребляться в сочетании практически со всеми существительными, обозначающими различные человеческие мысли, ментальные образования и речевые произведения. Однако реально дело обстоит несколько иначе: в современной русской речи, в текстах разного содержания и различной жанровой принадлежности слово *истинный* обнаруживает возможности лексической сочетаемости значительно более низкие, нежели сочетаемостная валентность прилагательного *ложный*.

Определение *истинный* с истинностно-оценочным значением чаще всего используется в научных трудах и учебниках по философии и логике, особенно в тех разделах, где затрагивается вопрос об истинности выводов, получаемых в итоге сложных логических рассуждений – умозаключений и доказательств. Здесь речь может идти об истинных и ложных посылах, аргументах, суждениях, утверждениях и положениях, об истинности или ложности всех «логических форм», включая развернутые умозаключения и теории. Как истинные или ложные могут характеризоваться также человеческие мысли вообще, а также знания, предположения, гипотезы и даже отдельные «предложения», рассматриваемые в плане их смыслового содержания, например: *Истинные и ложные мысли возникают не только в процессе глубоко абстрактного, научно-теоретического мышления...; Значение формальной логики в поступательном развитии истинных знаний...; Логическую форму, как и любую другую, можно наполнить как истинным, так и ложным содержанием; Такие различия во мнениях всегда неоправданны, так как они не содержат ни отрицания какого-либо предложения, которое необходимо истинно, ни утверждения какого-либо предложения, которое необходимо ложно* [Андреев 1985: 259, 260, 269]. Примечательно, что в подобных случаях для прилагательных *истинный* и *ложный* все же более характерна роль не определения, а присвязочной части составного именного сказуемого или причастного оборота: *Суждение – мысль, выраженная в форме повествовательного предложения... и являющаяся объективно либо истин-*

ной, либо ложной; *Гипотеза* также представляет собой суждение и является объективно либо истинной, либо ложной, хотя она еще и не доказана, и не опровергнута [ФС: 401]. В повседневной речи словосочетания *истинная мысль, истинная гипотеза, истинное предложение* и им подобные практически не встречаются, тогда как выражения типа *истинное суждение* или *истинное утверждение*, возможно, в силу их широкого употребления в философии и логике представляются нам вполне приемлемыми.

Знание, характеризуемое в повседневной речи как истинное, может трактоваться только как «подлинное, настоящее», а не как «соответствующее действительности». В последнем случае выражение *истинное знание* являло бы собой пример типичнейшего плеоназма (формального дублирование одного и того же смысла), поскольку никаким иным, кроме как истинным, знание быть не может: неистинное знание – это уже никакое не знание, а заблуждение.

Как уже было отмечено выше, слово *ложный* демонстрирует гораздо более свободную сочетаемость, нежели прилагательное *истинный*. И в разговорном употреблении, и в современной художественной литературе определение *ложный* может прилагаться к очень широкому кругу имен существительных, обозначающих самые разные ментальные образования и речевые произведения. Причем к этому кругу относятся и многие такие имена, которые просто немыслимы в сочетании с прилагательным *истинный*: *Нам кажется, что древние переходили из области теории в практическую область, но это ложный взгляд...* (Л. Шестов. На весах Иова); *А потом оказывается, что это ложный вызов* (В. Валеева. Скорая помощь); *Пусть и не ложный, но все-таки донос...* (В. Гроссман. Жизнь и судьба); *Разоблачить ложный миф нельзя, его можно только заменить настоящим...* (А. Генис. Довлатов и окрестности); *Наши бы еще и оштрафовали за ложный сигнал* (Т. Соломатина. Сони́на Америка); *Но это был ложный слух, распространяемый ради интересов высшей политики* (И. Грачева. Сердце Переяславля Рязанского); *Кожамкулов пожатием плеч дал понять, что не намерен оспаривать этот ложный тезис* (А. Щербаков. Пах антилопы).

Помимо слов *истинный* и *ложный*, значения общей истинностной оценки как таковой могут выражаться в русском языке еще прилагательными *правильный* – *неправильный*, *верный* – *неверный* и *справедливый* – *несправедливый*. У всех этих прилагательных истинностно-оценочные значения являются вторичными, производными от тех или иных первичных значений, не имеющих прямого отношения к истинностным оценкам. Однако, как это иногда случается в семасиологии, при анализе семантики многозначных слов может возникать некоторая интерференция (смещение, наложение) их значений. С такой интерференцией мы сталкиваемся, например, при интерпретации семантики прилагательных *правильный* и *неправильный*, когда этим словам приписываются некие единые, искусственно-гибридные оценочные значения, сочетающее в себе семантические признаки истинностной и нормативной оценок. Так, Н.Д. Арутюнова, справедливо характеризуя интересующие нас слова как предикаты вторичной истинностной оценки, замечает при этом, что суждения с такими предикатами «верифицируются относительно некоторой модели мира», которая «может быть построена в форме эксплицированных законов, правил, общих схем и норм» [Арутюнова 1993: 70]. Однако, на наш взгляд, если гностические представления об истине в роли оценочных критериев подменяются какими-либо законами, правилами и нормами, сама оценка перестает тогда быть истинностной и превращается в оценку другого типа – нормативную.

Соединение в одном оценочном значении черт истинностной и нормативной оценок приводит Н.Д. Арутюнову к утверждению о том, что, «даже получая значение истинностной оценки, предикаты *правильный* и *правильно* уместны только в применении к ментальным действиям и их результатам», что истинностно-оценочный «концепт правильности», соотносимый только с целенаправленными ментальными действиями, «ориентирован преимущественно на результат: правильность характеризует логические следствия, выводы, заключения, итоги, диагнозы, решения» [Арутюнова 1993: 72, 78]. Не отрицая факта широкого использования прилагательных *правильный* и *неправильный* для оценочной характеристики ментальных образований выводного харак-

тера, мы считаем необходимым, тем не менее, отметить и возможность употребления этих слов для выражения истинностных оценок каких-то первичных гностических представлений, а также выражающих их речевых высказываний: *Таким образом возникает правильное представление, которое и является неосознанным непосредственным знанием* (И.М. Савельева, А.В. Полетаева. Знание о прошлом: теория и история); *Я убедился, что имел не-правильное представление о женских формах* (В. Бережков. Рядом со Сталиным); *Можно и здесь увидеть наивный, но в целом правильный с точки зрения науки взгляд на мир* (В. Горбачев. Концепции современного естествознания); *Он составил себе правильное суждение о современном мире...* (Ю. Безелянский. Герой. Бунтарь. Анархист); *Он воображает, что правильное утверждение лучше неправильного* (И. Ефимов. Сергей Довлатов как зеркало Александра Гениса); *Я ему говорил: «Ты сам правильный лозунг выдвинул, что кадры решают все»* (А.И. Микоян. Так было); *Казалось бы, правильный аргумент: если что-то нам прирождено, то это всегда присутствует в нашей мысли* (М. Мамардашвили. Картезианские размышления); *Сашкин репортаж правильный. Он представил факты такими, какими мы их видим сейчас* (М. Бакониная. Девять граммов пластита); *У вас неправильная информация, – возразил адвокат* (М. Милованов. Рынок тщеславия); *Слух про то, что броня его весит пять тысяч сиклей, а щит три тысячи... правильный* (М. Попов. Любимец).

Истинностная оценка верности / неверности ориентируется, по мнению Н.Д. Арутюновой, «на другую модель мира и на иной способ его постижения сравнительно с понятием правильности». Эта оценка «соотносит суждения с сущностью бытия, его глубинными основаниями. Здесь действует оппозиция не *правильности* / *неправильности*, а *подлинности* / *мнимости*». Причем «подлинность отделяется от мнимости не столько знанием правил, сколько интуицией». И хотя оба рассматриваемые здесь противопоставления одинаково подводимы под общую оппозицию истинности/ложности, «правильность ближе к практике, верность – к истине» [Арутюнова 1993: 74, 75]. В конечном же итоге основное различие между правильностью и верностью сводится к тому, что концепт правильности относит объект истинностной

оценки «к миру как выстроенному человеком дому, в котором следует соблюдать правила поведения», а концепт верности относит этот объект «к миру как воплощению замысла Творца» [Арутюнова 1993: 78].

Думается, Н.Д. Арутюнова безусловно права в том, что концепты *верный* и *неверный* могут иметь прямое отношение к истинностной оценке ментальных образований, образующихся путем интуитивного постижения действительности, например в сфере художественного творчества, что в общем-то мало свойственно «предикатам» *правильный* и *неправильный*. Ведь действительно, следует согласиться с тем, что художественный образ может быть только верным, а правильным бывает чертеж, диаграмма, график, схема, план местности [Арутюнова 1993: 77]. Однако утверждение о том, что в истинностно-оценочных значениях прилагательных *верный* и *неверный* имплицитно заключается оценка только свойственного художественному мышлению «непосредственного (т. е. интуитивного) отношения к жизни» [Арутюнова 1993: 76], представляется нам неоправданно категоричным. В современной художественной литературе и публицистике данные прилагательные способны употребляться практически в тех же самых контекстах и в сочетании с теми же самыми существительными, что и выражающие истинностные оценки слова *правильный* и *неправильный*: *Думаю, мне было два года, когда я получил первое, и как оказалось, довольно верное представление об армии* (С. Алешин. Встречи на грешной земле); *Германское командование имело неверное представление о силе Красной Армии* (Г. Лятиев. Два агрессора); *Обилие нюансов, щедрость деталей, верное понимание социального значения своих персонажей...* (Э. Рязанов. Подведенные итоги); *Неверное понимание явлений наследственности или эндокринологии неоднократно приводило к витализму* (В.А. Гиляровский. Психиатрия); *Какая верная мысль: решивший умереть не станет врать для самозащиты* (В. Дудинцев. Белые одежды); *Это была светлая, но неверная мысль* (В. Шаламов. О Колыме); *Не каждое верное утверждение должно быть приятно* (И.В. Яценко. Парадоксы теории множеств); *В той же статье есть неверное утверждение, будто делать пенящуюся пасту ни к чему* (А. Гришин, В. Воробьев.

Зубы); *И только 21% студентов ответили, что это неверное суждение* (А. Ваганов. Нужна ли наука для популяризации науки?); *Ответ верный, а перед ним идут бессмысленные строки* (В. Скворцов. Хлеб есть у того, кто справляется с тестом); *Это не совсем верная концепция, и даже совсем неверная* С. Городецкий. О Сергее Есенине); *Часто неверная предпосылка приводит к удачному опыту и неверная теория способствует раскрытию истины* (И. Ефремов. Лезвие бритвы); *Началась война всего мира против Германии. Верное замечание!* (В. Вишневский. Дневники военных лет).

Как уже было отмечено, семантика общей истинностной оценки может быть представлена и в производных значениях прилагательных *справедливый* и *несправедливый*. От других (рассмотренных выше) прилагательных с производными истинностно-оценочными значениями данные слова отличаются, пожалуй, только более узкой сочетаемостью. Они выражают истинностные оценки обычно в сочетаниях с существительными, обозначающими различные речевые акты, такими как *замечание, утверждение, суждение, обвинение, упрек, комментарий, ответ* и т. д. С другой стороны, в современных и не очень современных художественных текстах можно обнаружить отдельные случаи сочетания прилагательных *справедливый – несправедливый* со словами, обозначающими некоторые ментальные действия: *В чужой беде всегда есть нечто нам приятное. – Справедливая мысль* (Ф.М. Достоевский. Бесы); *Лишний раз приходила справедливая мысль: «Пока внешние условия не повернутся в благоприятную сторону, до тех пор ни за что не следует приниматься...»* (П. Романов. Русь); *Как тебе может прийти в голову такая несправедливая мысль?* (А. Алексин. Дым без огня); *Венн поневоле сделал вывод – справедливый, наверное, но от этого не менее обидный...* (М. Семенова. Волкодав); *И опять Рубин обозлил его, высказав справедливое подозрение, которое всегда оскорбительней и тяжелее несправедливого* В. Гроссман. Жизнь и судьба).

Общие значения позитивной и негативной истинностной оценки могут быть присущи также прилагательным *адекватный* и *неадекватный*, но в этом случае они выступают уже не как самостоятельные, отдельные словарные значения, а всего лишь как

контекстуально обусловленные проявления, частные случаи еще более общих значений, фиксируемых и определяемых в толковых словарях как «вполне соответствующий чему-либо, совпадающий с чем-либо» и «не совпадающий с чем-либо, лишенный адекватности» [СРЯ, т. 1: 25; БТС: 29, 611]. Вполне естественно, что истинностно-оценочный характер значения соответствия / несоответствия, свойственные словам *адекватный* и *неадекватный*, обретают тогда, когда эти прилагательные сочетаются с определенным, относительно узким кругом существительных, представленным в основном именами, обозначающими различные ментальные образования и действия, такими как *представление, идея, гипотеза, суждение, вывод, теория, классификация, формула, виртуальная модель*. Понятно, что речь в подобных случаях может идти исключительно о соответствии / несоответствии тех или иных ментальных феноменов действительности.

Еще более ограниченной сочетаемостью обладает выражающее переносное истинностно-оценочное значение ложности прилагательное *пустой*. Выступая в таком значении, данное прилагательное оказывается способным сочетаться только с существительными типа *опасение, надежда, иллюзия, слух, сплетня, наговор*: *Такое изменение закона чревато очень серьезными негативными последствиями... И это не пустые опасения* (А. Никитин. Кто тоскует по палате №6?); *Я уверена, что Аня так думала, а на папашу возлагала пустые надежды* (Д. Симонова. Сорванная слива); *Если нравственный миропорядок не пустая иллюзия, тогда и вселенная так устроена, чтобы человек мог в ней выполнить свое высшее назначение* (Л. Лопатин. Теоретические основы сознательной нравственной жизни); *Сейчас она видела – Саша совершенно уверен, что это не пустые слухи* (Т. Устинова. Персональный ангел); *Это пустые сплетни: тайных иезуитов не существует* (Н. Шпанов. Ученик чародея); *При свете ясных и бесспорных фактов распадается пустой наговор, измышленный врагами* (Е. Чижова. Лавра).

Поисками истины и формированием самых различных знаний с древнейших времен занимается наука. Поскольку поиск истины является главной функцией и основным предназначением науки, гностические представления, которым наше сознание при-

писывает свойство истинности, могут именоваться научными или даже подлинно научными. Прилагательное *научный* в этом случае осмысливается уже не как «имеющий отношение к науке» или «основанный на принципах науки» и «отвечающий её требованиям» [СРЯ, т. 2: 410; БТС: 403], а скорее как «доказанный наукой», т. е. «истинный», что, конечно, представляется не совсем логичным, поскольку в науке, как известно, всегда имеют место противоречащие друг другу концепции, которые не могут быть истинными одновременно. И тем не менее, вера людей в непреложную конечную истинность научного познания позволяет использовать слово *научный* в значении «истинный»: *Только подлинно научное диалектико-материалистическое воззрение на природу и общество дало возможность основоположникам марксизма разрешить проблему становления человека* (М.С. Плисецкий. Борьба материализма против идеализма в науке о человеке); *Анализ психологических теорий мышления, исходящих из буржуазных философских взглядов, показывает, что они не в состоянии дать подлинно научные ответы даже на наиболее кардинальные вопросы* (А.Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность); *Первые подлинно научные сведения в этой области добыли генетики* (А.Л. Рылов. Злые демоны мозга).

В свете причин, о которых было сказано выше, гностические образования и речевые конструкты, не соответствующие нашим представлениям об истине, могут характеризоваться как антинаучные. И это бывает возможно даже тогда, когда такие образования и конструкты продуцируются теми или иными учеными в лоне самой науки, например: *Получение данных, подтверждающих антинаучные догмы, было, напротив, крайне выгодно* (В.Я. Александров. Трудные годы советской биологии); *Разоблачить и разгромить до конца антинаучные концепции менделистов-морганистов-вейсманистов...* (В. Дудинцев. Белые одежды); *Наш преподаватель дарвинизма излагал основы менделевской генетики только для того, чтобы потом заявить, что все это антинаучная чепуха...* (С. Мейен. Кто первым бросит камень?); *Долгое время в области этих вопросов имела распространение антинаучная теория, созданная еще в XVIII в.* (Н.Г. Порфиридов. Древний Новгород); *Да это ж антинаучный*

вздор, воскликнули бы физики (В. Лебедев. Философия и свобода).

Для характеристики гностических и речевых построений, имеющих наукообразный облик, но не считающихся истинными, в русском языке имеются особые, созданные специально для этой цели истинностно-оценочные определения *лженаучный* и *псевдонаучный*: *Советские ученые в своих лекциях разоблачают лженаучные положения менделеевско-моргановской формальной генетики (А.И. Опарин. Знания – народу); Лженаучные утверждения и теории часто оказываются, так сказать, историческими категориями (В.Л. Гинзбург. Астрология и лженаука); Единственный мотив, который мне известен в качестве оправдания публикаций лженаучного бреда в газетах, – это мнимая забота о привлечении большого числа читателей (В.Л. Гинзбург, П.Г. Годлевский. Переписка); Административно-карательными методами продвигалась псевдонаучная теория Т.Д. Лысенко (Ж. Василенко, Э. Кушнир. Надеюсь на свет...); В атмосфере недоверия к общественным наукам (истории в том числе) возникли псевдонаучные версии, опрокидывающие хронологию исторического развития (Н. Иванова. В полоску, клеточку и мелкий горошек); Идеология растворилась в научно-популярной и псевдонаучной болтовне (А. Зиновьев. Русская судьба).*

Помимо ссылки на данные науки, значения истинностной оценки могут распространяться и другими семантическими признаками, среди которых обязательно следует отметить семы, указывающие на причины истинности или ложности тех или иных ментальных образований и речевых произведений, и в первую очередь – на преднамеренность и непреднамеренность этого. Все истинностно-оценочные прилагательные, рассмотренные выше, не несут в своих значениях указаний на причинность соответствия или несоответствия действительности характеризуемых ими ментальных и речевых объектов. Определение какого-либо мнения или высказывания как истинного или ложного, верного или неверного, научного или антинаучного означает только то, что такое мнение или высказывание считается объективно соответствующим или не соответствующим реальному положению дел, но преднамеренности или непреднамеренности этого подоб-

ные определения не фиксируют. А между тем то обстоятельство, является ли истинность или ложность объекта истинностной оценки преднамеренной или нет, может представляться довольно значимым с коммуникативной точки зрения.

Общее значение непреднамеренной ложности какого-либо гностического образования или речевого акта выражается в русском языке с помощью прилагательного *ошибочный*. Сама внутренняя форма данного слова говорит о том, что выражаемая им ложность определенного ментального или речевого объекта мыслится как результат ошибки, т. е. непреднамеренной неправильности в восприятии действительности, мыслительной и, как следствие, речевой деятельности. Ложность объектов такого рода считается объективным фактом, однако при этом предполагается, что сам автор ложного ментального или речевого образования считает его истинным.

Принципиально важным здесь представляется то, что определение *ошибочный* является универсальным в плане лексической сочетаемости. Оно способно сочетаться со всеми существительными, обозначающими ментальные образования гностического характера и выражающие их речевые конструкторы: *У него были ошибочные представления о своих сыновьях, о делах в государстве* (Г. Козинцев. Наш современник Вильям Шекспир); *Существует распространенное ошибочное мнение, что лень – двигатель прогресса* (Д. Смирнова. Херлуф); *В трех важнейших резолюции съезда определенно обнаруживаются ошибочные взгляды прежней фракции «меньшевиков»* В. Аксенов. Любовь к электричеству); *Русские ученые... дополнили учение Дарвина новыми положениями, подвергнув критике его слабые места и ошибочные выводы* (А.И. Опарин. Наука – враг догматизма); *Красота относительна, и задача художника открывать её новые формы – это глубоко ошибочное суждение* (И. Ефремов. Лезвие бритвы); *На страницы отечественной литературы по кораблестроению и морской практике иногда попадают запоздалые сведения и ошибочные утверждения* (Л.Н. Скрыгин. Книга о якорях); *Его «памфлет» на латинском языке... содержал в нескольких строках описание наблюдаемого явления, а на остальном пространстве – ошибочное объяснение его* (В.П. Карцев. Приключения ве-

ликих уравнений); *В основе отождествления видов памяти с генетическими её ступенями лежит ошибочная концепция развития психики* (С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии); *За ошибочные теории и фальшивые идеи... платят чужими жизнями и чужими смертями* (Б. Васильев. Были и небыли).

Ошибочные гностические образования, выступающие в таком случае как заблуждения, непосредственно обуславливают непреднамеренную ложность отражающих их речевых произведений. Ошибочность же самих этих образований может вызываться самыми разными причинами, из которых русское языковое сознание особо выделяет две, по-видимому, основные — неадекватность непосредственного восприятия действительности и неправильность работы механизмов человеческого мышления. Ошибочность первого рода означает такими прилагательными, как *искаженный* и *иллюзорный*, ошибочность второго рода — прилагательными *надуманный* и *завиральный*. Посредством первых двух слов характеризуются обычно существительные, обозначающие относительно простые ментальные продукты непосредственного чувственного опыта. Прилагательные же *надуманный* и *завиральный* используются для выражения негативной истинностной оценки каких-то более или менее сложных логических построений. Сравним:

1. *Среди населения все еще распространены суеверия, искаженные представления о змеях и степени их опасности* (Я. Туракулов, Л. Юкельсон. Примите яд на здоровье); *Это ж служба наша, самая гуманная в мире. О ней у многих искаженные представления* (А. Кабаков. Путешествие экстраполятора); *Любое построение человеческого сознания есть не сама Реальность, а лишь её искаженный образ, скроенный по мерке данного индивидуального сознания* (С. Яржембовский. Смех и грех); *Игнорирование этих неоспоримых положений и создает те иллюзорные представления о мышлении, в которых все выступает в перевернутом виде* (А.Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность); *Они образуют вполне реальные социальные факторы, а вовсе не иллюзорные мнимости* (Н. Плискевич. Российский социум девяностых); *Попутно я решил осветить вопрос о дисперсии и указать, почему и фотометрические наблюдения дают иллюзорные*

результаты (П.Н. Лебедев. Письма); В каждый данный момент... иллюзорное сознание свободы – реальная сила (М. Мамардашвили. Картезианские размышления).

2. Нечего и говорить, что «концепция» эта надуманная (В. Дорофеев. П.В. Анненков и его воспоминания); Надуманные концепции часто рушатся сами собой, если рассматривать последовательный ход истории (А. Алексеев. Возвращение к фактам, или как восстановить единство истории); Тешик-ташская находка опровергла и эту надуманную теорию (М.С. Плисецкий. Борьба материализма против идеализма в науке о человеке); Они упорно защищают свои слишком скоропалительно надуманные гипотезы, не считаясь с фактическими данными (В.А. Обручев. Видение в Гоби); И никакие надуманные кухонные философии не изменят этого прозрачного для разумного человека положения вещей (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений»); Илья Иосифович... защищал свои самые завиральные идеи с большой страстью и быстро переходил границы корректного научного спора (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); Ты эти завиральные мысли брось. Какой же ты иждивенец? (В. Богомолов. Момент истины); Потом объяснимся раз и навсегда, и ты навсегда перестанешь применять ко мне свою завиральную теорию (В. Дудинцев. Белые одежды). Так накиньте сверху что-нибудь. – По вашей завиральной теории? – Ага... (В. Дудинцев. Белые одежды).

Прилагательных, выражающих значение непреднамеренной истинности, в русском языке не существует, хотя это отнюдь не значит, что они невозможны в принципе, вообще. Некоторые авторы полагают, что одно из основных отличий истинности от ложности заключается в том, что ложность может быть «скрытой и даже неосознанной», а истинность, напротив, «всегда основывается на активности говорящего, на его готовности поделиться имеющейся у него информацией» [Болинджер 1987: 30]. Таким образом, «естественноязыковое выражение истины всегда преднамеренно, т. е. говорящий истину всегда говорит с целью сказать именно истину» [Лукин 1993: 74]. С утверждениями подобного рода вряд ли можно согласиться. О возможности непреднамеренной истинности речевого высказывания свидетельствует

хотя бы наличие в русском языке таких глаголов, как *проговориться* и *проболтаться*, общее значение которых толкуется как «нечаянно сказать то, чего не следовало говорить» [СРЯ, т. 3: 475; БТС: 1003]. Ну а то, что непреднамеренно и нецеленаправленно могут образовываться обладающие свойством истинности ментальные структуры, специально доказывать, думается, нет особой необходимости.

Значения преднамеренной истинности и ложности выражаются в русском языке прилагательными *правдивый*, *лживый*, а также *обманный*, *лицемерный* и *клеветнический*. Все они используются в основном для определения тех существительных, которые обозначают различные речевые произведения. Исключение здесь составляют слова *лживый* и *клеветнический*, которые в составе словосочетаний типа *лживые домыслы* и *клеветнические измышления* оказываются способными характеризовать и определенные образования ментального характера, предназначенные, правда, не для «внутреннего» использования в сфере познания и мышления, а для введения в заблуждение других людей посредством заведомо ложных высказываний. Кроме того, прилагательные *правдивый* и *лживый* часто используются для характеристики таких духовных артефактов, как фильм, спектакль, изображение, образ и т. п.

В отличие от значений прилагательных общей истинностной оценки (типа *истинный* и *ложный*) значения всех перечисленных выше слов имеют неэлементарный, комплексный характер и складываются как минимум из двух семантических блоков, достаточно четко вычленяемых современной семасиологией. Так, прилагательное *правдивый*, по словам И.Б. Шатуновского, «определяя наименования речевых произведений, значит то же, что *правда* в позиции предиката (с тем синтаксическим отличием, что прилагательное может быть транспонировано в позицию определения при свертке предложения в именную группу: *рассказ правдив* (= *правда*) → *правдивый рассказ*)». [Шатуновский 1991: 34]. В современных словарях слово *правдивый* толкуется как «содержащий в себе правду, основанный на правде» [СРЯ, т. 3: 352; БТС: 952] или как «содержащий, выражающий правду» [Ожегов 1984: 510; Лопатин 2011: 556]. Значение же существительного

правда трактуется как сумма двух семантических составляющих, двух относительно самостоятельных смысловых компонентов: «соответствие S (высказывания, речи) действительности представлено в нем как результат того, что выполнены два условия такого соответствия, а именно: 1) то, что имеет в уме Г (говорящий), соответствует тому, что имеет место в действительности, и 2) то, что говорит Г, соответствует тому, что он имеет в уме» [Шатуновский 1991: 33]. Со своей стороны, характеризуя значение прилагательного *правдивый*, к двум отмеченным здесь семантическим признакам мы бы добавили еще сему осознанности и контролируемости (= преднамеренности) соответствия речевого сообщения представлениям его автора об истине. Иными словами, определяя какие-либо высказывания, тексты (или какие-то другие информационные артефакты) как правдивые, обязательно нужно учитывать, преднамеренно или непреднамеренно их авторы излагают то, что считают истинным.

Преднамеренность изложения того, что человек считает истинным, выражается понятиями *искренность* и *откровенность*. Однако прилагательные *искренний* и *откровенный* нельзя считать истинностно-оценочными в полном смысле слова, поскольку искренние и откровенные высказывания и тексты могут быть правдивыми, а следовательно и истинными, только в том случае, если то, что излагается в них как истинное, является таковым на самом деле. Однако так бывает далеко не всегда: вполне искренне и откровенно людьми могут вербализоваться и объективно ложные сведения, ошибочно считающиеся истинными, различные ложные представления, являющиеся добросовестными заблуждениями. В таком случае знака равенства между понятиями правдивости и искренности / откровенности ставить нельзя.

Еще одной проблемой, непосредственно связанной с содержанием понятия правдивости, является вопрос о речевом использовании и сочетаемости слова *правдивый*. Как показывают наблюдения, в современных художественных и публицистических текстах это прилагательное применяется обычно для истинностно-оценочной характеристики речевых произведений и духовных артефактов, так или иначе затрагивающих в своем содержании жизнь людей, сферы экономики, политики, военного дела,

религии, морали и нравственности, повседневных человеческих взаимоотношений. То же самое относится и к употреблению слова *правда*, что существенно отличает его, например, от слова *истина*. По утверждению Н.Д. Арутюновой, «основные различия между правдой и истиной коренятся в том, что эти концепты локализованы в принципиально разных пространствах: Истина относится к Божественному миру, истина и истинность – к эпистемическому (логическому) пространству, правда – к миру человека» [Арутюнова 1991: 30].

И, казалось бы, действительно: «Правда касается только одушевленного мира. Мы узнаем *правду о войне*, но не *правду об атомах и молекулах*. *Правда о землетрясении* повествует о человеческих бедах и жертвах, а *истина* – о геофизических причинах неуравновешенности природы. Сколько бы человек ни одушевлял природу, он не говорит о ней языком правды» [Арутюнова 1991: 26]. Таким образом, понятия правды и правдивости оказываются малоприменимы для оценки информации, касающейся природы, взятой в отрыве от мира человека. Но причины того кроются, скорее всего, не в изначальной закреплённости этих понятий за сферой человеческой жизнедеятельности и миром людей вообще, а в чем-то другом. И ответ на этот вопрос мы находим у самой Н.Д. Арутюновой, там где она пишет о том, что «правда разделяет с истиной посылку сокровенности», но «истина скрыта от человека по природе вещей, правда – по воле человека», поэтому «истина сокровенна, правда укрываема; истина есть тайна, оберегаемая миром, правда – секрет, хранимый человеком». И далее: «Человек же хранит в секрете преимущественно отрицательные факты своей жизни, отрицательные аспекты своей деятельности, то, что грозит посрамлением или возмездием. Выражение “все тайное становится явным” подразумевает утаенную правду, а не сокровенную истину» [Арутюнова 1991: 28].

Из приведенных рассуждений явственно следует, что речь о правде и, соответственно, о правдивости каких-либо речевых произведений и других информационных артефактов может идти преимущественно тогда, когда людям есть что скрывать, когда на уровне пресуппозиции истинностно-оценочного высказывания фигурирует реальная возможность преднамеренной ложности то-

го речевого или духовно-артефактного объекта, который выступает в роли объекта истинностной оценки. А ложность в данном случае может сопровождать речевые произведения и духовные артефакты, касающиеся в основном жизни людей. Те же высказывания, тексты, фильмы, картины, изображения и пр., где обрисовываются явления неживой природы или факты из мира животных, обычно не мыслятся как могущие быть преднамеренно ложными, и определение *правдивый* как правило не используются для их характеристики. Хотя данное правило является скорее узуальной речевой закономерностью, а не строгой языковой нормой, о чем наглядно свидетельствуют примеры: *Стало быть, вели правдивый рассказ о вероятностях разных квантовых пере-скоков по верхним ступенькам энергетической лестницы в атоме водорода...* (Д. Данин. Нильс Бор); *Вот тут-то и оказывается, что правдивая на первый взгляд гипотеза на самом деле не так уж хороша* (Е. Левитан. Как зарождалась Солнечная система); *Значит, все предусмотрено и все подготовлено тем миропорядком, который выразил себя всем сущим и в том числе – биномом Ньютона, правдивым, честным, безвариантным* (А. Азольский. Лопушок); *Сколько откликов в душе зрителя рождает эта правдивая картинка русской природы!* (В.Н. Бакшеев. Пейзаж в русской живописи); *Сочетания красок в школьной тетради были правдивым изображением неба Дальнего Севера, краски которого необычайно чисты и ясны и не имеют полутонов* (В. Шаламов. Колымские рассказы).

Значение преднамеренной ложности какого-либо речевого конструкта или духовного артефакта выражается прежде всего прилагательным *ложивый*. В современных словарях значение этого прилагательного толкуется как «содержащий в себе ложь» [СРЯ, т. 2: 181; БТС: 495; Ожегов 1984: 286], а ложь определяется как «намеренное искажение истины» [СРЯ, т. 2: 197; БТС: 504; Ожегов 1984: 291]. Правда, некоторые авторы полагают, что ложь в принципе может быть непреднамеренной и неосознанной [Лукин 1993: 74], однако в этом случае имеет место элементарное неразличение понятий *ложь* и *ложность*. Напомним, что ложность представляет собой простое несоответствие объекта истинностной оценки объективной истине, причиной которого может быть

и добросовестное заблуждение; ложь же — это преднамеренное искажение истины, и его непременным условием является известность последней автору оцениваемого речевого сообщения или духовного артефакта.

В современной художественной литературе и публицистике обозначающее ложь прилагательное *лживый* сочетается с такими существительными, как *речь, фраза, утверждение, сообщение, изложение, версия, донос, отписка, книга, статья, фильм, спектакль, изображение, образ, окоlesiца, белиберда, вздор, чепуха* и многие другие им подобные. Особый интерес в этом плане вызывает проблема возможности существования того, что называют лживыми словами.

То, что существуют ложные понятия, содержание которых не соответствует действительности, науке известно давно. К их числу относят такие ментальные образования, как образы различных сказочных и мифологических персонажей (*дракон, гидра, водяной, леший, домовый* и пр.), понятия о тех или иных волшебных предметах (*скатерть-самобранка, шапка-невидимка, сапоги-скороходы* и т. п.), некоторые научные понятия, отражающие какие-то не подтвердившиеся наукой гипотезы (*эфир, флогистон, теплород*). Сюда же могут быть причислены и многие из так называемых эмпирических понятий, фиксирующих ошибки нашего чувственного восприятия, такие, например, как *восход и заход солнца* или понятия о цветах, звуках и запахах. Все эти понятия и соответствующие им слова не имеют реально существующих денотатов и считаются ложными постольку, поскольку являются понятиями и словами о том, чего нет в действительности. Здесь все обстоит просто и ясно.

Иное дело — лживые, т. е. преднамеренно лгущие, слова, механизм ложности которых совершенно иной. Такого рода слова редко попадают в поле зрения исследователей, и даже их коммуникативный (языковой или речевой) статус представляется далеко не определенным. В отличие от ложных слов и понятий, лживые слова обычно имеют реальные денотаты, так или иначе отраженные в понятийном содержании. Ложность же возникает тогда, когда этими словами обозначаются конкретные референты (отдельные предметы и явления), не имеющие никакого отноше-

ния к понятийному содержанию и денотатам данных слов. Так, когда военное министерство какой-нибудь агрессивной страны называют министерством обороны (а не нападения), когда лживая и политически ангажированная газета получает название «Правда», когда экономика, построенная на эксплуатации человека человеком, именуется не капиталистической или буржуазной, а всего лишь рыночной, все это и будет тем, что может быть означено термином «лживые слова». Наглядным примером лживого словоупотребления может служить описанный Джорджем Оруэллом насквозь идеологизированный тоталитарный «новояз», где среди лексем, специально сконструированных для политических нужд, «многие являлись эвфемизмами». К их числу относились «такие слова, например, как "радлаг" (лагерь радости, т. е. каторжный лагерь) или "минимир" (министерство мира, т. е. министерство войны)» (Дж. Оруэлл. 1984). Согласно утверждению Х. Вайнриха, многие расхожие слова из тех, что постоянно фигурируют в современном политическом дискурсе, такие как, к примеру, *свобода, равенство, справедливость, терпимость, вера, честь* и т. п., давно уже «плавают под карантинным флагом» лживости, поскольку все они «все вместе и каждое в отдельности отравлены идеологией, прагматизмом и всякого рода инсинуациями» [Вайнрих 1987: 61].

Помимо определения *лживый*, значение преднамеренной ложности тех или иных речевых произведений и некоторых других феноменов может выражаться, с определенными смысловыми довесками, еще и прилагательными *обманный, лицемерный и клеветнический*. Слово *обманный*, передавая информацию о лживости объекта истинностной оценки, вместе с этим особенно выделяет и как бы подчеркивает то обстоятельство, что преднамеренная ложь имеет в данном случае вполне определенную и четко осознаваемую цель — именно обман, т. е. заранее спланированное и рассчитанное введение кого-либо в заблуждение, чаще всего в расчете на обретение таким путем каких-то личных выгод и преимуществ. Именно данным обстоятельством обман выделяется среди других форм лжи, которая, даже будучи преднамеренной, может быть в то же время бесцельной и бескорыстной, какой была, например, ложь гоголевского Хлестакова, не преследо-

вавшего своим враньем никаких далеко идущих целей, а сочинявшего бог знает что то ли по привычке, то ли, как говорится, из любви к искусству.

Довольно наглядно отмеченная семантическая особенность прилагательного *обманный* проявляется в следующих примерах: *В школах – высших и низших – обязательно преподаются обманные катехизисы, в которых внушается детям, что убивать на войне и по суду не только можно, но и должно... все, что может раскрыть обман, строго воспрещается и казнится...* (Л.Н. Толстой. Послесловие к книге Е.И. Попова «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина»); *Ей (контрреволюции) прежде всего было необходимо обмануть хотя бы часть широких народных масс... подорвать, таким образом, крепость Советской власти обманным лозунгом «демократии» и «учредилки»* (Н.И. Бухарин. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз); *Сегодня у нас первое января, а не первое апреля, Михаил Михайлович, и ваши обманные шутки не по святым пришлись* (А.Ф. Кошко. Очерки уголовного мира царской России); *Все срывало покровы с запятанного прошлого, разоблачая обманную генеалогию отвергнутого режима* (В.М. Живов. Наука выживания и выживание науки). Еще более явственно значение целенаправленного введения в заблуждение проявляется у слова *обманный*, когда оно сочетается с существительными, обозначающими какие-либо физические действия: *Выражение «троянский конь» стало нарицательным, означая обманные действия* (Л. Леонов. Русский лес); *Эдуард сделал обманное движение и закатил Мишке апперкот в живот* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); *И вдруг – обманный финт, еще финт* (М. Казаков. Актерская книга); *Точно такие же обманные мероприятия будут осуществлены и в полосе соседнего фронта* (В. Богомолов. Момент истины).

Специфика прилагательных *лицемерный* и *клеветнический* как средств выражения истинностной оценки заключается в том, что в их семантике истинностно-оценочное значение преднамеренной лжivosti (лживости) объекта оценки сочетается с указанием на характер той информации, которая является или представляется лживой, т. е. преднамеренно искаженной. В современных словарях слово *лицемерный* толкуется как «проникнутый ли-

цемерием», а *клеветнический* – как «содержащий в себе клевету»; при этом лицемерие определяется как «несоответствие слов, поступков человека истинным чувствам, убеждениям, намерениям», а клевета – как «ложное обвинение, заведомо ложный слух, позорящий кого-либо» [СРЯ, т. 2: 56, 191; БТС: 431, 501].

На наш взгляд, лицемерное (а им бывает не только речь, но и поведение) может быть определено как то, что передает преднамеренно ложную информацию о личностных качествах, жизненных целях, симпатиях и антипатиях того человека, в речи и поведении которого все это отражается. Предполагается, что воспринимаемые как лицемерные речевые акты и формы поведения говорят о содержании человеческой личности или внутреннем отношении человека к кому-то из других людей что-то не то, что есть на самом деле, причем ложность этой информации обуславливается сознательным стремлением создать у других ошибочное представление о самом себе, ввести кого-либо в заблуждение относительно самого себя. Об этом могут свидетельствовать следующие примеры: *Это заявление Сталина было затем истолковано как лицемерное теми, кто относился к марксизму как к вершине премудрости...* (А. Зиновьев. Русская судьба); *Все это лицемерная болтовня, которой правители прикрывают жажду власти* (Л. Аннинский. Руки творца); *Принесли подарки, купленные на мои деньги, и под выпивку и яства, купленные на мои деньги тоже, будут говорить лицемерные слова...* (В. Скворцов. Каникулы вне закона); *Впереди – лицемерное смирение, доходящее до готовности «лучше помереть», сзади ропот...* (В.Г. Короленко. В голодный год); *Экстаз (искренний и лицемерный) наполнил возгласы приглашенных* (Ю.П. Анненков. Дневник моих встреч); *Он «сдал» экономическую программу «500 дней» под лицемерное «одобрям» большевистского лобби* (А. Яковлев. Омут памяти).

Клеветнические речевые произведения, а также измышления, выдумки и духовные артефакты трактуются как содержащие преднамеренно ложную (лживую) информацию не о себе, а о других людях и человеческих сообществах, причем эта информация обязательно должна иметь порочащий характер, содержать в себе сведения о предосудительных с точки зрения морали и не-

допустимых с точки зрения права вещах, например: *После того как обвинители произнесли свои клеветнические речи, слово предоставили обвиняемому* (В. Каганов. Можно ли жить своим умом?); *Клеветническое утверждение Е. Эткинда о характере развития нашей литературы в советский период... не может не вызвать у меня возмущения* (С. Довлатов. Ремесло); *Она пошла к Буревестнику революции и заставила его принять самому меры для прекращения клеветнического слуха* (И. Дьяконов. Книга воспоминаний); *Сборник носит название «Слона застрелили» и содержит грязные, клеветнические измышления автора о советской литературе* (А. Блюм. Английский писатель в стране большевиков); *С еще большей решительностью я отвергаю клеветнические, пасквильные выдумки, будто в первые дни войны у руководства – у Сталина была растерянность* (Л.М. Каганович. Памятные записки); *По этой догме коллективы были правы даже тогда, когда формировали откровенно клеветнические «коллективные мнения»* (Г. Гусев. Мы за социализм без родимых пятен); *Особенно обрушились критики на автора пьесы Маяковского, считая его главным виновником «клеветнического» спектакля* (Ю. Елагин. Темный гений).

Помимо указания на причину и характер соответствия или несоответствия объекта истинностной оценки действительности, еще одним семантическим признаком, могущим распространять общие значения истинности или ложности в семантике истинностно-оценочных прилагательных, является субъективно-модальный признак уверенности / неуверенности оценивающего субъекта в результате произведенной им истинностной оценки.

Уверенность человека в истинности оцениваемой им информации передается в русском языке при помощи прилагательных *надежный* и *достоверный*, из которых первое сочетается только с такими существительными, как *вывод*, *прогноз*, *доказательство*, *данные*, *сведения*, *информация*, второе же имеет гораздо более широкую сочетаемость, например: *Абсолютно достоверный ответ будет получен лишь в ходе демонстрационного эксперимента, надо надеяться – в этом десятилетии* (А.Д. Сахаров. Воспоминания); *Я не могу утверждать это как достоверный тезис...* (Н.В. Крыленко. Процесс Ивана Окладского); *У нас ходил*

неясный, но достоверный слух, что жена его некоторое время находилась в связи с Николаем Ставрогиным в Париже... (Ф.М. Достоевский. Бесы); Есть достоверный рассказ, в котором события двух дней объединены в одну сцену (Д. Данин. Нильс Бор); Это был, пожалуй, единственный достоверный документ в руках следствия (В. Ломов. Музей); В общем, Дневник достоверный и в сущности совпадает с «Теленком», только «точка зрения» другая (Л. Чуковская. Александр Солженицын); Дать достоверный ответ пока не представляется возможным (Е. Душечкина. Легенда о человеке, подарившем елку советским детям); Он сначала показал бы эти марки, а уже потом развел бы вокруг них более или менее достоверный треп (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. За миллиард лет до конца света); Потом, в виде литии, прочли «полный и достоверный список сочинений Григория Данилевского» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия); Наиболее достоверный портрет Шекспира помещен в первом издании его пьес, вышедшем в 1623 году (М.М. Морозов. Вильям Шекспир); И рискну, опираясь на явные факты, дать не столько достоверный портрет его, сколько этюд о нем (А.И. Солженицын. Бодался теленок с дубом).

Значение субъективной неуверенности в истинности тех или иных ментальных образований, речевых произведений и духовных артефактов выражается такими прилагательными, как *ненадежный* и *недостоверный*, а также *малодостоверный*, *сомнительный* и *спорный*, причем последние три из них выражают такую высокую степень сомнения в истинности чего-либо, которая приближается уже к полному её отрицанию и может быть определена формулой «скорее ложно, чем истинно».

Помимо приведенных выше слов, значение истинностной неуверенности может быть присуще также прилагательным *правдоподобный* и *неправдоподобный*. Их понятийное содержание толкуются в словарях как «похожий на правду» [СРЯ, т. 3: 352; БТС: 952] и «лишенный правдоподобия» [СРЯ, т. 2: 467; БТС: 634], и именно с этими значениями они фигурируют в большинстве современных контекстов. Однако в некоторых конситуативных условиях семантика данных слов может интерпретироваться и как 1) наличие определенных сомнений в истинности того, что

только «похоже на правду», но таковой, может быть, и не является, и 2) неуверенность в ложности того, что представляется «лишенным правдоподобия»: *По существу, это единственный атом, который физик знает сейчас во всех деталях и может представить себе его правдоподобный образ* (Л. Пономарев. Атомы, лучи, кванты); *Так что тайна гибели динозавров, похоже, нашла вполне правдоподобное объяснение* (В. Родиков. Нет, это метеориты); *И вот тут математик Тарталья делает не строгое, а лишь правдоподобное предположение...* (Г. Котлов. Задача веронского канонира); *Самое тонкое, хитрое и в то же время правдоподобное толкование оставалось за несколькими серьезными сплетниками...* (Ф.М. Достоевский. Идиот); *Вывод второй, правдоподобный: он хотел быть арестованным и оскорбленным именно там, где все напряженно ждут самозванца...* (А. Архангельский. Александр I); *Больно уж неправдоподобное получается повествование – не каждый поверит* (С. Погодаев. Письмо другу об афганской войне); *Репетиция затянулась, и мой сосед принялся рассказывать нечто фантастическое, замысловатое и неправдоподобное* (А. Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь).

Все рассмотренные выше истинностно-оценочные прилагательные отражают в своей семантике значения истинности или ложности всего содержания тех ментальных образований, речевых произведений и иных информационных артефактов, которые выступают в роли объектов истинностной оценки. Однако в составе таких объектов, если они обладают некоторой структурной сложностью, истинными или ложными могут быть (или считаться) не сразу все составляющие их элементы в целом, а только некоторые из них. В этом случае можно говорить лишь о частичной, неполной истинности или ложности. Причем лексическими средствами языка означает только первая, да и то только тогда, когда истинной представляется наиболее существенная часть объекта истинностной оценки. Такая ущербная истинность, предполагающая неистинность некоторых отдельных деталей, находит свое отражение в значениях прилагательных *неточный* и *приблизительный*, сочетающихся с такими существительными,

как *представление, воспроизведение, изображение, изложение, описание, перечень, вывод, модель, образ, картина, план* и т. п.

Воспроизведение некоторых черт отражаемого или изображаемого предмета в искаженно-преувеличенном виде трактуется как утрированность, а объекты истинностной оценки, содержащие в себе элементы такого воспроизведения, определяются как утрированные: *В женском представлении (несколько утрированном, конечно) это человек, который хватает её за руку и тащит туда, куда ей хочется* (А. Лебедев. Львиная женская доля); *Оно пришло, наконец, и содержало как раз то, что нужно: утрированную картину её душевного состояния...* (Н. Ахшарумов. Концы в воду); *Его автор перенес сюда приемы составителей фарсов... стремление рассмешить зрителя утрированным изображением и нередко скабрёзностью намеков* (М.Б. Барро. Пьер-Огюст Бомарше); *Утрированное и усиленное отражение реально существующего идеала?* И. Ефремов. Лезвие бритвы).

Ментальные образования, речевые и артефактные произведения, верно отражающие предмет во всех его чертах и деталях, расцениваются и характеризуются как точные. И это определение также принадлежит к числу средств словесного выражения истинностных оценок, что прекрасно видно из приводимых ниже примеров: *Эта картина... дает нам достаточно точное представление о том религиозном хаосе, в котором барахтался Древний мир до Константина* (Б. Фаликов. Будда на Кавказе и «Христос» в Сибири); *Спешим дать нашим читателям точное изложение событий в Центральном парке* (В.Г. Короленко. Без языка); *Это документ, точная картина того, что было* (А. Кузнецов. Бабий яр); *Вот это и есть её точный поясной портрет* (М. Шишкин. Венерин волос); *Наука больше не претендует на абсолютно точное описание мира* (О. Клейн. Чайная хроника).

Как было отмечено в начале данного параграфа, истинностные оценки, даже во всем богатстве и многообразии их вариантов, отнюдь не исчерпывают собой всю семантическую сферу гностической оценочности. Русскими прилагательными могут выражаться и некоторые другие разновидности критериальных оценок, осуществляемых через соотнесение оцениваемого объекта с гностическими ментальными образованиями как оценочны-

ми критериями. В качестве одного из видов оценочности такого рода (гностической, но не истинностной) выступают, например, оценки, могущие быть охарактеризованными как оценки полноты информации. Их специфика заключается в том, что в качестве оценочного основания здесь выступает уже не все оцениваемое ментальное или речевое образование как таковое, а только один его признак – полнота отражения всех более или менее значительных качеств, черт и деталей соотносимого с ним предмета или явления. Языковыми средствами выражения таких гностических оценок выступают прилагательные *полный, неполный, все-сторонний и исчерпывающий*. Слова *полный, всесторонний и исчерпывающий* эксплицируют значение отражения оцениваемым объектом всех существенных особенностей отображаемых ими вещей. Определение же *неполный* указывает на то, что объект оценки отражает не все существенные черты и детали отображаемого им предмета или явления. Сравним:

1. *Здесь можно увидеть изделия различных стилей, дающие полное представление о продукции итальянских фирм* (А. Осинская. У итальянского камелька); *В руках у руководителей советского атомного проекта имелось полное описание первого испытания американской атомной бомбы* (И.М. Халатников. Гроссмейстер); *Конечно, как всякие воспоминания, все нижеследующее – не более чем штрихи, ни в коем случае не полная картина* (А.Д. Сахаров. Воспоминания); *Шаламов дает всестороннее описание предмета, демонстрирует разнообразные срезы колымской «зачеловеческой» жизни* (И. Сухих. Жить после Колымы); *Когда мы проводим прикладные исследования для клиента, мы стараемся проводить их таким образом, чтобы получить всестороннюю информацию* (В. Козырев. Порождать знания, несмотря на сопротивление среды); *Глубокий и всесторонний образ Чехова дан в очерке Горького...* (А.К. Котов. Предисловие); *На предприятии собрана исчерпывающая статистика по этим запускам...* (Д. Сафонов. «Стилет» для губернатора); *Полное и исчерпывающее определение жизни наука дать пока не может* (В. Горбачев. Концепции современного естествознания); *Пушкин сам дает мотивированное и исчерпывающее объяснение развязки трагедии* (А.А. Ахматова. «Каменный гость» Пушкина).

2. *Оставляя в стороне житейские размолвки с друзьями, о которых имеем смутное, неполное представление, обращаюсь к разноголосице их в области мысли (П.В. Анненков. Литературные воспоминания); Понимание мысли собеседника без понимания мотива, который им движет, представляет собой неполное, оскудненное понимание (А.Г. Асмолов. Назад – к методологии психологии); Сократ, правда, утверждал, что совершенное знание свойственно только Богу, что знание человека есть знание неполное (Л.И. Шестов. Афины и Иерусалим); У вас неполная информация. Я чуть ли не ежедневно читаю сводки ГУВД (М. Баконина. Школа двойников); Но даже и неполная правда заставила отца сильно разочароваться в младшем сыне (В. Тучков. Смерть приходит по Интернету); Читая даже это отрывочное и неполное описание правительственных преследований, невольно утомляешься этим бесконечным рядом арестов, ссылок, казней... (Народная воля. Социально-революционное обозрение); И это лишь неполный перечень того, что определяет корректность и объективность построенного рейтинга (М.А. Николаева, О.Ф. Юнцевич. Методы и алгоритмы построения рейтингов).*

Помимо признака полноты / неполноты информации об отражаемом предмете, ментальные и речевые образования могут подвергаться гностическим оценкам, осуществляемым по признаку фиксации или нефиксации сущностных черт того, что данные образования отражают. Такие оценки по своему характеру в чем-то близки к истинностным, но все же не идентичны с ними. Сущностными чертами тех или иных вещей принято считать их наиболее существенные свойства, выступающие в роли определяющих по отношению к другим, менее существенным свойствам. Взятые вместе, сущностные черты образуют сущность вещей, понимаемую как «совокупность глубинных связей, отношений и внутренних законов, определяющих основные черты и тенденции развития материальной системы». Они далеко не всегда бывают доступны непосредственному восприятию и выступают как самоочевидные. Поэтому в теории познания категория сущности противопоставляется категории явления, под которой понимаются «конкретные события, свойства или процессы, выражающие внешние стороны действительности и представляющие

форму проявления и обнаружения некоторой сущности». Данные категории неразрывно связаны между собой. «В мире нет такой сущности, которая не обнаруживалась бы вовне и была непознаваемой, как нет и явления, которое не заключало бы в себе никакой информации о сущности». Однако «единство сущности и явления не означает их совпадения, так как сущность всегда скрыта за поверхностью явления, и чем глубже она лежит, тем более трудным и длительным оказывается её познание в теории» [ФС: 402]. Думается, что именно последним обстоятельством обуславливается противопоставление таких гностико-оценочных определений, как *глубокий* и *глубокомысленный*, с одной стороны, и *неглубокий*, *поверхностный*, *легковесный*, с другой. При помощи первых осуществляется характеристика тех ментальных образований и речевых произведений, которые представляются нам выражающими сущность отражаемых ими предметов, вторые же характеризуют те ментальные и речевые образования, которые расцениваются как отражающие внешние и несущественные признаки вещей, существующие лишь на уровне явлений. Например:

1. *Язык – народ, в нашем языке это синонимы, и какая в этом богатая и глубокая мысль!* (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя); *Франциск Ассизский торжественно провозглашен покровителем экологов за его отношение к природе – глубокое понимание связи человека со всеми Творениями Божьими* (А. Егорова. Франциск Ассизский); *Про этому поводу Писарев делает глубокое замечание, что все схоластическое гнездится в кружковщине* (Е.А. Соловьев-Андреевич. Дмитрий Писарев); *Самая тонкая и глубокая теория всегда приводит к практике* (А.Л. Чижевский. Вся жизнь); *Я прорабатывал вашу статью насчет аэродинамических коэффициентов. Глубокая статья* (И. Грекова. На испытаниях); *Г-н Кошанский забыл глубокомысленное выражение Бюффона: в слоге весь человек* (В.Г. Белинский. Общая риторика Н.Ф. Кошанского); *«Не по хорошу мил – по милу хорош», – говорит глубокомысленная русская пословица* (Д.В. Григорович. Не по хорошу мил – по милу хорош); *Именно в этом месте мы находим самое глубокомысленное из высказываний Ромео* (М.М. Морозов. О динамике созданных Шекспиром образов); *Но ей пришлось очень скоро вспомнить глубокомысленные сен-*

тенции дяди о непрочности привязанностей «великих мира сего» (В.В. Огарков. Екатерина Дашкова).

2. Спор – вещь неглубокая, по-моему, гораздо плодотворнее обмениваться идеями (М. Анчаров. Сода-солнце); Мне даже и не почетна, а тошна эта салонная трескотня – неглубокая, ни к чему не ведущая... (А.И. Солженицын. Бодался теленок с дубом); Оставляя в стороне поверхностную мысль, будто для «свободного досуга» немногих, которые «возделывали бы науки и художества», нужен подавляющий, чрезмерный труд остальных... (В.В. Розанов. Легенда о великом инквизиторе Ф.М. Достоевского); Возможно, это поверхностное суждение и я не учитываю других, неизвестных мне факторов (М. Захаров. Суперпрофессия); И без Сталина мы могли бы победить. Вывод, на наш взгляд, поверхностный (Г. Попов, Н. Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева); Маришка Фаюм пишет: «Лихо, мол, написано». Определение по меньшей мере легковесное (Ю. Даниэль. Письма из заключения); Все журналы, кроме «Нового ЛЕФа», где О. Брик написал легковесную статью «Разгром Фадеева», поддерживали новое произведение (В. Шаламов. Начало); Бурный рост популярности «блатной» музыки – слишком серьезный социальный феномен, чтобы можно было давать легковесные объяснения типа «да у нас культуры не было и нет» или «в России половина страны сидела» и т. д. (И. Лабазов. «Интернет-лабазь» ЮКОС и окрестности).

Совершенно особую группу имен прилагательных с гностико-оценочными значениями составляют слова, группирующиеся вокруг понятий *абсурд* и *абсурдный*. Данные понятия фигурируют в философии и логике еще со времен Античности. Широкое применение они обрели в науке и культуре XX века. И тем не менее в сфере современного гуманитарного знания, пожалуй, нет понятий, менее определенных, чем эти. Более того, некоторые авторы полагают, что даже «попытка дать категориальное определение абсурда невыполнима и сама по себе абсурдна, поскольку абсурд не улавливается в сети ни здравого смысла, ни понятий рассудка, ни идей разума» [НФЭ: 21]. Отзвуки такого подхода к трактовке интересующих нас понятий находят отражение и в лексикографической практике. Здесь мы почти нигде не встреча-

ем каких-либо вразумительных логических дефиниций их содержания. В современных словарях значение слова *абсурд* толкуется обычно через отсылку к более употребительным синонимам *нелепость* и *бессмыслица*, а прилагательное *абсурдный*, соответственно, толкуется через синонимы *нелепый* и *бессмысленный*, причем такие определения характерны не только для общих толковых, но и для некоторых специализированных философских словарей [СРЯ, т. 1: 20; Ожегов 1984: 20; Лопатин 2011: 15; ФЭС: 8]. И только в одном из толковых словарей – «Большом...» под редакцией П.С. Кузнецова – предлагаются хоть какие-то дефиниции. *Абсурд* определяется здесь как «то, что противоречит здравому смыслу», а *абсурдный* – как «противоречащий здравому смыслу» [БТС: 24]. Такие определения, на наш взгляд, совершенно отчетливо указывают на критериальный, гностико-оценочный характер семантики слов *абсурд* и *абсурдный*. Из этих определений вполне очевидно вытекает, что данные слова выражают критериальные оценки гностического типа, где в роли оценочного критерия выступает некое сложное ментальное образование, которое трактуется в данном случае как здравый смысл.

Думается, что понятие здравого смысла здесь следует трактовать не в узком, утилитарно-практическом значении – не как совокупность представлений о том, что выгодно или полезно, а более широко – как систему смыслов, отражающих все то, что представляется нам нормальным, закономерным, естественно-предопределенным и логически оправданным. М.А. Кронгауз в одной из телепередач на канале «Культура» определил абсурд как «выпадение из действительности». Мы бы со своей стороны немного уточнили данную формулировку, определив понятие абсурда как «выпадение чего-либо из наших устоявшихся представлений о действительности», т. е. как то, что, говоря языком философии, «лежит за границами объективно-идеального мира смыслов, выявленного в человеческих дискурсах» [НФЭ: 21].

Особо важным нам представляется тот факт, что при таком понимании абсурда как абсурдные могут расцениваться не только гностические мемориальные структуры и отражающие их речевые произведения, но и многие другие, не гностические по содержанию ментальные и речевые образования – мечты, планы,

проекты, вопросы, требования, указания, нормативные предписания и т. п. Более того, абсурдными могут казаться и какие-то реальные факты, связи и отношения, те или иные положения вещей, которые «выламываются» из устойчивой парадигмы наших привычных представлений о сущем, должном и потенциально возможном, не говоря уже о различных духовных артефактах, подводимых под понятие эстетики абсурда. Все эти моменты закономерно предопределяют относительно высокие возможности лексической сочетаемости прилагательного *абсурдный*. Сравним:

1. *Само предположение такого блока есть абсурдное предположение* (Н.И. Бухарин. Новое откровение о советской экономике); *Неужто «демон» действительно существовал? Абсурдная мысль!* (Ю. Росциус. Загадочный Сирано); *Теперь и археологию пытаются поднять на щит, чтобы доказать этот абсурдный тезис* (М. Дорфман, Д. Верхотуров. Время собирать камни); *Я категорически отвергаю это абсурдное утверждение, которое ни на чем не основано и является следствием крайней субъективности восприятия* (Г. Алексеев. Зеленые берега);

2. *И приобретение загородного дома, и проект кругосветного путешествия, и все остальное – это был праздный вздор, абсурдные иллюзии, глупейший мираж* (Г. Газданов. Пробуждение); *Абсурдный на первый взгляд, этот вопрос имеет свою логику* (Б. Езерская. Дым отечества); *Последовательная борьба за изначально абсурдные цели должна приводить к последствиям, этих целей достойным* (Ю. Неретин. ЕГЭ: перспективы и эволюция); *Протестующие на волне эмоций часто выдвигают невыполнимые и абсурдные требования* (В. Лейбин. Парадоксы национализма); *Спустя месяц-два принятые в Кагалыме решения кассационные инстанции отменяют как абсурдные* (Е. Толстых. Пивка для рывка).

3. *Иногда возникают и абсурдные с точки зрения здравого смысла ситуации* (В. Михайлова. Страна без чемпионов); *Я складывался как человек в условиях торжествующего абсурда, среди людей, ведущих абсурдное существование* (А. Ким. Мое прошлое); *Секты пытаются справиться с абсурдностями и опасностями нашего существования такими способами, которые превращают наш мир в еще более абсурдный и еще более опасный*

(Б. Вахтин. Гибель Джонстауна); *Советские комедии времен застоя держались главным образом на том, что его реалии, достаточно абсурдные сами по себе, были уже в значительной степени одомашнены и освоены* (Ю. Богомолов. Астрахан-кино).

4. Какой-то критик на репетиции сказал: «*Это абсурдная пьеса. Нам непонятен абсурдный театр*» (Э. Радзинский. Репетиция); *Вот со следующим фильмом уже возникли проблемы – он очень глупый и одновременно совершенно абсурдный* (Роб Шнайдер: «Смех должен идти изнутри»); *Он рассказывал не только притчи, но и анекдоты, брутальные, абсурдные, утонченные* (М. Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию); *Абсурдные лжепамятники 3. Церетели не только оскверняют уличный ландшафт, но наносят унизительное оскорбление истории великого государства* (Т. Савельева. Долой царя!).

В соответствии с современным пониманием абсурда его ни в коем случае нельзя отождествлять с бессмыслицей. Если абсурдное есть нечто такое, что не соответствует устоявшемуся «объективно-идеальному миру смыслов», то бессмысленное просто-напросто не имеет никакого смысла. Так высказывание «*Яблоко разделено на три неравные половины*» еще может быть признано абсурдным, а суждение «*Если идет дождь, то трамвай*» – это уже полная бессмыслица. Учитывая данное соображение, вряд ли можно считать оправданным имеющее место в современных словарях толкование прилагательного *абсурдный* при помощи слова *бессмысленный*, тем более что последнее по природе своей является скорее дескрипционным, нежели критериально-оценочным.

К числу критериально-оценочных прилагательных, близких по своей семантике к слову *абсурдный*, могут быть отнесены такие лексемы, как *нелепый*, *несуразный*, *вздорный* и *бредовый*. В словарных толкованиях последних трех из них наличествует прилагательное *нелепый*, которое, как мы помним, выступает в роли семантического дескриптора и при толковании слова *абсурдный*. А само это прилагательное толкуется как «*лишенный здравого смысла*» [СРЯ, т. 2: 452; БТС: 626], «*не оправдываемый здравым смыслом*» [Ожегов 1984: 357], что, на наш взгляд, правильнее было бы сформулировать как «*не соответствующий, противоречащий здравому смыслу*».

Из рассматриваемых сейчас гностико-оценочных прилагательных слова *нелепый* и *несуразный* обладают предельно широкой лексической сочетаемостью и могут выступать в роли оценочных определений при самых разных именах существительных, обозначающих не только ментальные образования, речевые произведения и духовные артефакты, но и какие-то события, жизненные ситуации, связи и отношения, различные материальные объекты, людей и животных. Например: *Мне пришла в голову нелепая мысль, что она говорит о сегодняшней газете* (В. Белюсова. Второй выстрел); *Упаси Боже, если когда-нибудь этот несуразный закон все же вступит в силу* А. Кучерена. Бал беззакония); *У меня в лаборатории можно снять самый нелепый научно-фантастический фильм* (В. Аксенов. Звездный билет); *Каждая несуразная выходка вызывала лишь легкий смех и веселье* (В. Личутин. Любостай); *Может быть, разорвать этот нелепый брак, уехать?* (И. Грекова. Перелом); *Исчез бесследно нелепый безобразный клык, и кривоглазие оказалось фальшивым* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Над головами показалась несуразная кепка – не кавказская, а «шотландка», уместная где-нибудь в зимнем Лондоне* (Е. Прошкин. Механика вечности); *И вот этот нелепый человек, успевший изрядно напиться, встал и заорал, перекрывая все голоса и шумы* (А. Слаповский. Большая Книга Перемени).

А вот определения *вздорный* и *бредовый* используются преимущественно для гностико-оценочной характеристики одних только ментальных и речевых образований, а также артефактов духовного характера: *Мысль была, конечно, по-русски вздорная и глобальная...* (Э. Дорожкин. Ближний свет); *Деньги помогают воплотить в жизнь любые мечты – прекрасные и вздорные* (М. Каминарская. Дом с привидениями); *И вечная бредовая идея русских – отвоевать Константинополь назад – это порыв ребенка* (А. Терехов. Коммуналка); *Внешний вид Пятакова ошеломил Н.И. еще в большей степени, чем его вздорные наветы* (А. Ларина. Незабываемое); *Приходили журналы с материалами дискуссий, там красовались бредовые выступления Презента и прочих* (Д. Гранин. Зубр); *Появились пьяные кролики, которые горланили свои вздорные песенки...* (Ф. Искандер. Кролики и удавы); «Бес-

конечность прогресса» есть бредовая мифология (А.И. Солженицын. Письмо вождям Советского Союза). Кроме того, прилагательное бредовый используется иногда для определения существительных, обозначающих те или иные события, ситуации, положения вещей: Ставятся бредовые опыты, пишутся опусы, опровергающие Павлова с его рефлексам (И. Бояшов. Путь Мури); «Совершенно бредовая ситуация!» – пронеслось у меня в голове (В. Белоусова. По субботам не стреляю); То, что у нас проводилось как бредовые рывки, там шло последовательным царством ужаса и зла (Н.И. Гаген-Торн. Memoria); Иная зима... хозяйничала, как выжившая из ума старая помещица, диктуя всем свои бредовые порядки (М. Валеева. Кусаки, рыжий бес).

3. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОТРАЖАЮЩИЕ ОЦЕНКИ ПО СУБЪЕКТИВНЫМ КРИТЕРИЯМ

3.1. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОТРАЖАЮЩИЕ ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

Оценки, называемые телеологическими, составляют наиболее простую и самоочевидную разновидность тех критериальных оценок, которые осуществляются по субъективным критериям. Последние, как мы помним, представляют собой ментальные образования исключительно субъективного характера, каковыми являются феномены человеческого сознания, не имеющие в реальной действительности коррелятов, обладающих независимым от них существованием. При телеологических оценках такими субъективными оценочными критериями выступают представления, заключающие в своем содержании так или иначе осознаваемые цели сознательной, контролируемой волей человека деятельности (греч. *telos* означает «цель», *logos* – «слово», а телеология – это философское учение о целесообразности).

В философии понятие цели определяется как «предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия», при этом отмечается, что «в качестве непосредственного мотива цель направляет и регулирует действия, пронизывает практику как внутренний закон, которому человек подчиняет свою волю» [ФС: 452]. Целеполагание считается важнейшим и характернейшим атрибутом человеческой жизнедеятельности, принципиально отличающим её от поведения животных, которое может обуславливаться какими-то иными мотивами, но отнюдь не целями. Специфика целей как компонентов деятельности человека заключается прежде всего в их осознанности – в наличном присутствии их в человеческом сознании в виде более или менее отчетливых представлений о результатах планируемых действий. Это представления о тех предметах, явлениях, состояниях или положениях вещей, к появлению или сохранению которых люди сознательно стремятся, приступая к осуществлению той или иной деятельности. Именно данный признак явственно выделяет цели

на фоне всех остальных психических феноменов, способных так или иначе мотивировать человеческую деятельность.

Почти все авторы, касавшиеся телеологических оценок в своих работах, относили эти оценки к разряду «рационалистических», подчеркивая тем самым их исключительно рациональный, рассудочный характер, в противоположность оценкам «сенсорно-гедонистическим», «эмоциональным» и «сублимированным» [Арутюнова 1984; Арутюнова 1988; Глущенко 2002; Горяева 2003; Сергеева 2004; Сергеева 2009; Шкиль 2010]. В самом общем виде рационалистические оценки были определены как формы «логического осмысления ценности рассматриваемого объекта» [Околелова 2010: 24]. Однако Н.Д. Арутюнова, впервые предложившая выделять рационалистические оценки в качестве особого разряда частных оценок, связывала их «рационалистичность» с использованием при их осуществлении особых оценочных критериев. В качестве же критерия телеологических оценок Н.Д. Арутюновой была указана «направленность на достижение определенной цели» [Арутюнова 1984: 15; Арутюнова 1988: 76]. Впоследствии предпринимались попытки несколько расширить круг критериев, используемых при осуществлении оценок интересующего нас типа. Так, Л.А. Сергеева, к примеру, предлагала относить к числу телеологических и те оценки, которые характеризуют деятельность человека не только «в соответствии с поставленной или намеченной целью», но и в связи «с разумностью, достижением полезного результата» [Сергеева 2009: 183]. На наш взгляд, подобное расширение функциональной сферы телеологической оценочности не может считаться оправданным. Понятие разумности не является собственно телеологическим по своей сути, ведь разумными или неразумными могут быть не только человеческие действия, но и потребности, влечения, интересы и, наконец, сами цели. Полезность же результатов какой-либо деятельности может быть значимым элементом отнюдь не телеологической, а утилитарной оценки, которая, как уже отмечалось нами в первой главе, вообще-то является не оценкой, а дескрипцией.

Таким образом, единственно возможными критериями оценок, именуемых телеологическими, могут быть только цели че-

ловеческих действий, а точнее – представления субъекта телеологической оценки о данных целях. При этом цели могут мыслиться как принадлежащие самому производящему телеологическую оценку субъекту – автору выражающего её сообщения, как относящиеся к адресатам такого сообщения или приписываемые какому-то третьим, не участвующим в процессе общения лицам, включая те или иные человеческие сообщества (вспомним хотя бы памятный советский лозунг *Наша цель – коммунизм*). Наконец, обретя значение универсализма, цели могут преподноситься как присущие всем людям вообще естественные атрибуты тех или иных видов осуществляемой ими деятельности: *Цель познания – приращение истинного знания; Конечная цель всякой войны – мир* и т. п.

Деятельность, осуществляемая ради достижения заранее поставленной и четко осознаваемой цели, характеризуется как целенаправленная. Однако само определение *целенаправленный* следует считать не телеолого-оценочным, а дескриптивным. Понятие цели выступает в его содержании не в качестве оценочного критерия, а только как элемент дескрипции – описания какого-либо действия через указание на его обусловленность определенной целью. В этом описании отсутствует такой необходимейший компонент критериальной оценочности, как основание оценки, соотносимое с оценочным критерием.

Поскольку критерием телеологической оценки всегда является цель какого-либо действия, в качестве оценочного основания здесь всегда выступает результат этого действия, который один только и может непосредственно сопоставляться с целью. С учетом данного обстоятельства следует предполагать, что объектами оценок телеологического типа должны быть те предметы, которые обладают какой-то связью с результатом действия как признаком, способным выступать в роли оценочного основания. Вполне естественно, что в качестве таких «предметов» указываются обычно различные человеческие действия. С другой стороны, О.О. Шкиль, автором единственной диссертации, посвященной языковой репрезентации оценок целенаправленной деятельности, последовательно проводится мысль о том, что основным объектом телеологических оценок является человек – правда,

взятый как «человек практический, деятельный, действующий», противопоставленный «аналитику», человеку рациональному, анализирующему и оценивающему [Шкиль 2010: 176]. Признавая, что объектами оценок интересующего нас типа являются прежде всего те или иные формы человеческой деятельности, и не отрицая возможности применения таких оценок по отношению к действующим лицам, мы считаем необходимым отметить и то, что оценки телеологического характера вполне могут использоваться и в приложении к другим объектам, так или иначе связанным с действиями людей, – к средствам и способам осуществления этих действий, к тем временным периодам, в которые эти действия производятся, и еще ко многим другим вещам.

И все же основными объектами телеологических оценок следует признать различные формы человеческой деятельности. Оценки именно таких объектов отражаются большинством имен прилагательных с телеолого-оценочными значениями, хотя некоторые из них параллельно с оценками тех или иных человеческих действий способны выражать и оценки других объектов.

Прилагательные, отражающие телеологические оценки производимых людьми действий, могут быть классифицированы по целому ряду свойственных их значениям дифференциальных семантических признаков, среди которых прежде всего следует выделить признак реального достижения или недостижения цели оцениваемого действия. По этому признаку на фоне большинства телеолого-оценочных прилагательных, отражающих оценки действий только по уже достигнутым и известным оценивающему субъекту результатам, отчетливо выделяется группа слов, у которых общее значение соответствия или несоответствия результата действия его цели может сочетаться (в зависимости от контекста) как с семой реальности, так и с семой предпологаемости этого результата.

Телеологические оценки, могущие исходить из учета как реального, так и предполагаемого результата действия, выражаются прилагательными *целесообразный*, *нецелесообразный*, *бессмысленный* и *безнадежный*. Первое из них означает или реальное достижение соответствующего цели действия результата (когда говорят, что действие оказалось целесообразным), или предполо-

жение о возможности достижения такого результата (когда о планируемом или только начавшемся действии говорят, что оно представляется целесообразным). Остальные же из названных нами слов выражают уверенность или в отсутствии, или в принципиальной недостижимости искомого результата.

Современные толковые словари не фиксируют у перечисленных выше прилагательных возможности варьирования семантических признаков реальности и предполагаемости результатов действия. Поэтому телеолого-оценочное значение слова *целесообразный* определяется просто как «соответствующий поставленной или намеченной цели», без указания на возможную предполагаемость результата действия как основание такого оценочного вывода [СРЯ, т. 4: 636; БТС: 1459; Ожегов 1984: 776; Лопатин 2011: 861]. Значения других прилагательных, принадлежащих к рассматриваемой группе, также толкуются без каких-либо намеков на универсализм выражаемых ими телеологических оценок. А между тем именно на основе отмеченной семантической специфики значения «целесообразно» и «нецелесообразно» однозначно трактуются как заключающие в себе «основной телеологический оценочный смысл» [Сергеева 2009: 182].

Если говорить о лексической сочетаемости слов *целесообразный*, *нецелесообразный*, *бессмысленный* и *безнадежный*, то здесь, конечно же, следует отметить, что все они прекрасно сочетаются с именами существительными, обозначающими целенаправленные действия как основные объекты телеологических оценок. Причем это могут быть и обобщенные обозначения человеческой деятельности, и наименования каких-то конкретных её видов:

1. *Сальери действует в пьесе (убивает Моцарта), потому что действие, целесообразная активность, есть вообще его стихия* (М.О. Гершензон. Мудрость Пушкина); *Бессмысленное и капризное, оно (темное царство) убивает здравый смысл и всякую способность к разумной, целесообразной деятельности* (Н.А. Добролюбов. Темное царство); *Подобная историческая цель достигается... усилиями целого ряда поколений, их прямыми и косвенными, совершенно даже иногда нецелесообразными действиями* (К.Н. Леонтьев. Письма о восточных делах); *На бессмысленные действия людей толкают аффективные мотивы,*

некомпетентность, поспешность и многое другое (Р.Х. Шакуров. Психология смыслов); Поучительна сама судьба этих людей с их первоначальными, почти безнадежными тогда усилиями (А.Л. Казем-бек. Из речи «Первые итоги»).

2. Целесообразное воспитание требует прежде всего устранения всего, что путем внушения может вредить ребенку (В.М. Бехтерев. Внушение и воспитание); Восстание есть, в сущности, самый энергичный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству (В.И. Ленин. Что делать?); Обследование остатков «Аргуса» показало, что судно конструктивно разрушено, и снятие его с рифов признали нецелесообразным (В. Конецкий. Вчерашние заботы); Дальнейший разговор показался мне абсолютно бессмысленным (С. Довлатов. Чемодан); Террор, бессмысленный в мирные годы, в условиях нарастающей революции начинает «работать» (Г. Попов. Ошибка в проекте); Мы уже не одиноки в наших исканиях, и они не кажутся нам столь безнадежными, как прежде (С.Л. Франк. Смысл жизни); Судебный протест был бы безнадежен. Напрашивался протест общественный (А. Солженицын. Бодался теленок с дубом).

Телеологическая оценка человека (как субъекта целенаправленной деятельности, не способного осуществить её цель) может быть выражена прилагательным *безнадежный*: «Челюсти» был аспирант, заваливший три раза подряд диалектический и исторический материализм и, как безнадежный тупица, отчисленный из аспирантуры (А. Солженицын. В круге первом); Окончательный диагноз: практически безнадежен. Это, конечно, не Зоценко и не Жванецкий (А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев); Я, хихикая, снял брюки, и Поппея заметила, что я не совсем безнадежен (И. Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя); Пыльников снова начинает свою роль, пищит тоненьким бабьим голоском... и Япончик убеждается, что Сашка безнадежен (Г. Белых, А. Пантелеев. Республика ШКИД).

Помимо этого, практически всеми прилагательными, принадлежащими к рассматриваемой группе, могут выражаться телеологические оценки конкретных приемов и способов человеческой деятельности, различных средств и атрибутов её осуществления, соответствующих замыслов и проектов, каких-то частных при-

знаков и характеристик как самой деятельности, так и её средств. Все это обуславливает довольно широкие возможности интересующих нас слов в плане их сочетаемости с различными группами имен существительных:

1. *Единственный целесообразный прием, при помощи которого мы можем прийти к какому-нибудь результату, представляют ежовые рукавицы* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Сказки. Вяленая вобла); *ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь... как совершенно правильный и целесообразный метод* (Р. Медведев. О Сталине и сталинизме); *Каббалисты отвергают путь Христов, как непрактичный и нецелесообразный* (В.С. Соловьев. Еврейство и христианский вопрос); *В том же восьмом томе... осуждается мораль исправления как безнадежный способ спасти безнадежно погибших людей* (Л. Шестов. Достоевский и Ницше).

2. *Если символ, как целесообразный, достигает своей цели, то он реально неотделим от цели – от высшей реальности, им являемой* (П.А. Флоренский. Иконостас); *Целесообразная одежда, а также и величайшая опрятность чрезвычайно важны для горного рабочего* (Ф.Ф. Эрисман. Профессиональная гигиена); *Там везде трудятся над преобразованием нездорового устройства школ и над улучшением нецелесообразной школьной мебели* (Ф.Ф. Эрисман. Школьная гигиена); *Гибридный автомобиль – это совершенно бессмысленный аппарат, поскольку затраты энергии на его изготовление и утилизацию сведут на нет всю экономию топлива («За рулем». Коротко); Нателла пела по очереди с еще одним солистом, совсем мальчишкой, голос которого был изначально безнадежен* (А. Берсенева. Полет над разлукой).

3. *Единая федеральная сеть GSM одного оператора – экономически наиболее целесообразное решение* (С. Потресов. Конкуренция избранных); *Предложение признано нецелесообразным, – холодно оборвал Гуревич* (С. Данилюк. Рублевая зона); *Что-то заронило в голову Софьи бессмысленный план и пагубное намерение* (Е. Салиас. Фрейлина императрицы); *Это совершенно безнадежный проект* (А. Клейн. Мы же не козлы?).

4. *С помощью теоретической установки становится возможным придать мышлению целевое и целесообразное направле-*

ние (А.А. Девяткин. Явление социальной установки в психологии XX века); *Опыт Франции, Германии и Австрии... заставляет раз и навсегда признать подобную организацию санитарного дела нецелесообразной* (Ф.Ф. Эрисман. Общественная гигиена); *Больше всего свидетелей – газетчиков и телекорреспондентов – поражала бессмысленная жестокость, с которой киргизы и таджики расправлялись друг с другом* (Л. Синицына. Жена тополя)

5. *Абсолютная невозможность поддерживать чистоту есть следствие нецелесообразного устройства отхожих мест* (Ф.Ф. Эрисман. Коммунальная гигиена); *Всюду новые печи, и всюду – бессмысленная красивость* (В. Панюшкин. Общепит); *Поражала, однако, необыкновенная, бессмысленная красота отдельных снимков, особенно в соотношении с записями безумного времелетчика* (А. Битов. Фотография Пушкина).

Значения целесообразности и нецелесообразности осуществленной или только планируемой деятельности могут выражаться, помимо рассмотренных выше лексем, еще и прилагательными *правильный* и *неправильный*. В предшествующей главе нами рассматривались случаи использования этих слов как средств речевой репрезентации истинностных оценок. Однако, будучи многозначными, данные прилагательные оказываются вполне способными выражать и телеолого-оценочные значения, которые иногда фиксируются в словарях и толкуются как «такой, какой нужен; приводящий к нужным результатам» и «не такой, какой нужен» [СРЯ, т. 3: 353; т. 2:]. Выступая в таких значениях, слова *правильный* и *неправильный* сочетаются обычно с именами существительными, обозначающими различные производимые людьми действия, а также те или иные способы и методы их совершения, например:

1. *Правильный выбор компонентов... предопределяет консистенцию и вкус готового продукта* (И. Смыков. Нанотехнологии в стакане молока); *Одним правильным ударом можно не только вырубить, но и убить человека, не оставив практически никаких следов* (Г. Садулаев. Шалинский рейд); *Надо было... рассчитать правильные действия до секунды* (С. Лесков. Притяжение Земли); *Думая, мы приняли правильные меры для оздоровления нашей экономики* (И. Пылаев, Л. Реггиг. Предприятия Германии подо-

шли к кризису в хорошей форме); Изменение условий вызывает затруднения и неправильные действия больных (Б.Ф. Зейгарник. Патопсихология); Развитие демократических институтов откроет возможность поправлять и даже предотвращать неправильные решения (Г. Арбатов. Человек Системы).

2. И это, дескать, будет правильным способом финансирования нашей экономики (В.В. Ивантер. Влияние технологического прогресса на перспективную структуру российской экономики); Здесь очень важно, чтобы мы, православные, имели бы к этому правильный подход (И. Мейендорф. Православное свидетельство в современном мире); Не знаю, я применял правильные приемы (А.С. Макаренко. Некоторые выводы из моего педагогического опыта); Очевидные примеры насилия и зла объясняются чем угодно: паранойей вождей и фанатизмом исполнителей, объективными обстоятельствами и неправильными методами (Н. Крышук. Расписание); Я должен, откровенно говоря, очень сожалеть, что столь долгое время шел неправильным путем и, что еще хуже, без всякой пользы (С.В. Евгенов. Дагер, Ньепс, Тальбот – создатели фотографии).

Большую часть русских прилагательных с телеолого-оценочными значениями составляют, как уже говорилось, слова, выражающие оценки производимых людьми действий, осуществленные на основе учета полученных и известных оценивающему субъекту результатов этих действий. Среди слов такого рода как лексемы, обладающие наименее специализированными значениями, обычно выделяются прилагательные *результативный*, *нерезультативный* и *безрезультатный*, *эффективный*, *неэффективный* и *малоэффективный*, *успешный*, *неуспешный*, *безуспешный* и *малоуспешный*, *действенный* и *недейственный*. Им приписываются неконкретизированные смыслы результативной оценки, т. е. значения оценки по достигнутому результату без указания на какие-либо привходящие обстоятельства [Сергеева 2009: 184].

В современных словарях значения большинства этих слов толкуются сходным образом. Так, значение прилагательного *результативный* (для тех случаев, когда оно характеризует человеческие действия) определяется как «дающий, приносящий положительный (или хороший) результат» [СРЯ, т. 3: 700; БТС: 1114;

Лопатин 2011: 660]. Прилагательное *эффективный* толкуется не только как «дающий эффект», что представляется нам не совсем точным, но и как «приводящий к нужным результатам» [СРЯ, т. 4: 772; ТСРЯ: 906]. Значение же слова *успешный* во всех словарях определяется через соотнесение с понятием *успех*, причем само это понятие чаще всего толкуется как «положительный результат, удачное завершение чего-либо» [СРЯ, т. 4: 522; БТС: 1400; Лопатин 2011: 829]. Думается, нет особой нужды специально доказывать, что фигурирующий во всех приведенных нами определениях семантический дескриптор «положительный (хороший, нужный) результат» означает не что иное, как «результат действия, вполне соответствующий поставленной цели». В таком случае значения всех трех рассмотренных выше прилагательных можно было бы определить одинаково – как «приводящий или приведший к результату, совпадающему с поставленной целью». Если же для характеристики каких-то действий привлекаются слова *нерезультативный*, *безрезультатный*, *неэффективный*, *малоэффективный*, *неуспешный*, *безуспешный* и *малоуспешный*, то в этих случаях речь может идти о несоответствии результатов этих действий их целям (естественно, с различием каких-то степеней приближения к ним).

Прилагательное *действенный* во всех современных словарях толкуется только как «способный активно действовать, воздействовать на что-либо» [СРЯ, т. 1: 378; БТС: 246; Ожегов 1984: 140; Лопатин 2011: 144]. Однако это определение отражает только одно, не связанное с телеологией значение данного прилагательного. Другое же, не менее важное телеолого-оценочное значение слова *действенный* можно определить точно так же, как и значения прилагательных *результативный*, *эффективный* и *успешный*. Соответственно и прилагательное *недейственный* может толковаться так же, как слова *нерезультативный*, *безрезультатный*, *неэффективный*, *малоэффективный*, *неуспешный*, *безуспешный* и *малоуспешный*.

Имея аналогичные значения, прилагательные, относящиеся к рассматриваемой сейчас группе, обладают, тем не менее, далеко не одинаковой лексической сочетаемостью. Все они, выражая телеологические оценки тех или иных форм человеческой деятель-

ности, способны сочетаться с очень многими существительными, обозначающими самые разные производимые людьми действия. Однако, когда дело касается оценок действующих лиц, в сочетаемости интересующих нас прилагательных наблюдаются определенные, иногда довольно значительные различия.

Прилагательные *действенный* и *недейственный* никогда не сочетаются с существительными, обозначающими людей, и, следовательно, не используются как средства выражения телеологических оценок тех, кто совершает какие-то действия. То же самое относится и к словам *безрезультатный* и *безуспешный*. Однако первые два из названных нами слов оказываются вполне способными выражать телеолого-оценочные характеристики различных коллективных субъектов, осуществляющих ту или иную деятельность, например: *Владимиру Путину удалось... создать пусть не абсолютно, но все же достаточно действенный институт политического и экономического контроля* (С. Сергиевский. Федеративная контрреволюция); *Сегодня особенно необходим действенный орган-координатор, способствующий решению задач, предусмотренных в проекте* (Логистика Поволжья: настоящее и будущее); *«Коминтерн» не без успеха выполнял функции русского министерства иностранных дел, которое в прежнем виде... было бы абсолютно недейственным* (М.В. Вишняк. Два пути. Февраль и Октябрь); *Образ МВД как малоэффективной и коррумпированной организации продолжает оставаться негативным* (Т. Становая. Большое наступление Бориса Грызлова); *Если настоящего Госужаса нет, а есть только малоэффективная контора, то и пугало оказывается не устрашающим символом, а всего лишь злой насмешкой* (М. Соколов. Пугало).

Крайне редко телеологические оценки производящих какие-либо действия лиц выражаются при помощи прилагательных *эффективный*, *неэффективный* и *малоэффективный*. Случаи употребления этих слов в сочетании с существительными, имеющими личное значение, единичны и встречаются в основном в публицистических текстах, созданных в последнее время. По-видимому, можно сказать, что такие случаи – это своего рода лексико-комбинаторные (сочетаемостные) неологизмы: *Он интересовался качествами бюрократа: эффективный ли работник,*

умеет ли много и четко работать... (Г. Попов, Н. Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева); Даже если их кто-то когда-то назначил быть олигархами, то все равно остались только те, кто эффективен (Е. Костюк. Сверхбедные против сверхбогатых); Чем же оказались неэффективны и непрофессиональны председатели этих комитетов? (А. Садчиков. Коммунистов превращают в маргиналов); В подавляющем большинстве случаев моральные политики неэффективны (Е. Гайдар, А. Кох. Беседы с Гайдаром); Не исключено, что, когда выяснится, что на новом посту экс-губернатор оказался малоэффективен, его снимут (Б. Вишневский. Вицемэрие).

В то же время сочетания существительных, обозначающих лиц, с прилагательными *успешный, неуспешный, малоуспешный, результативный и малорезультативный* довольно широко распространены в современной литературе и публицистике. И ни у кого они не вызывают ощущения какой-то непривычности и новизны. Более того, в Малом академическом словаре русского языка использование слова *успешный* как средства телеологической оценки людей характеризуется даже как «устарелое», а для иллюстрирования такого использования данного слова приводится цитата из Л.Н. Толстого: *Иван Миронов стал ловким, смелым и успешным конокрадом* (Л. Толстой. Фальшивый купон). В современных текстах можно найти множество случаев аналогичного применения как прилагательного *успешный*, так и слов *неуспешный* и *малоуспешный*. Приведем лишь некоторые из них: *Вы, успешный адвокат, ведете общественно значимые процессы* (А. Андреев. Будущее принадлежит нам); *После службы успешные и неуспешные, верующие и не очень иммигранты прикладываются к иконе и выстраиваются в очередь за благословением* (И. Франс. СССР отца Арсения); *Зотовы и им подобные давят тех, кто реально строит экономику страны, они грабят самых успешных и инициативных. Потому что с неуспешных нечего взять* (М. Хайруллин. Пирамида Мавроди); *Дневной эфир на телевидении называют временем неуспешных людей. <...> Итак, успешные люди делают телевидение для неуспешных* (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия); *Васнецов – малоуспешный семейный психоаналитик, которого бросила жена* (Е. Пищикова. Пяти-

этажная Россия); *Это конкретное наше призвание, то, что дано нам как задача. Но почему же мы так малоуспешны?* (Митрополит Антоний (Блум). О призвании человека).

С не меньшей продуктивностью для телеолого-оценочной характеристики осуществляющих ту или иную деятельность лиц в современной литературе и публицистике используется и прилагательное *результативный*, например: *Проблему не решил только один, самый способный и результативный исследователь Папка Биденко* (М. Анчаров. Сода-солнце); *Дора Борисовна была удивительно результативным педагогом. Часто ей передавали безнадежных студентов* (Г. Васильев. Роли, которые нас выбирают); *Это неважно, что его во всем мире, как самого результативного, называли Дипломатом Номер Один* (С. Алешин. Встречи на грешной земле); *А. Казаков – самый результативный небесный боец* (Л. Южанинов. Ахтунг! Ахтунг! В небе Покрышкин); *Один экземпляр продали в Англию богатому, но малорезультативному гонщику Остину Добсону* (Л. Шугуров. Истребитель танков).

Прилагательные *успешный*, *результативный* и все, производные от них, никогда не применяются для выражения телеологических оценок тех предметов, которые служат средствами, орудиями и инструментами совершения тех или иных действий. Однако некоторые из этих слов часто используются для телеолого-оценочной характеристики способов, методов и приемов какой-либо деятельности, планов, проектов и установок её осуществления, а также тех временных периодов, в которые она совершается:

1. *В иных случаях это даже самый удобный и успешный образ действия* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Тихое пристанище); *Более успешный метод охоты – постоянные погружения охотника в надежде, что вот-вот из-за камней выскочит стайка* (В. Башенко. Охота в районе Бетты); *Хорошо известно, что LBO – высокорискованный и далеко не всегда успешный способ поглощения других компаний* (В. Миронов, Г. Выгон. За и против); *Это самый результативный способ поимки в полевых условиях, – говорит он* (В. Богомолов. Момент истины); *Такой подход казался ло-*

гичным и более результативным (В. Павлов. По страницам журналов издательства «Наука»).

2. Собранным был представлен успешный проект по созданию системы управления в Сибирской лизинговой компании (Е. Шашенкова. Лизинг на голодном пайке); Используются апробированные, коммерчески успешные схемы (В. Коломиец. Рейтинговая доля); В расчет берутся... одобренные этим сообществом успешные модели (О. Славникова. Город и лес); Их успешная или неуспешная стратегия зависит не только от их собственных усилий, но и от структурных характеристик национальной экономики (Конкурентоспособность национальной экономики: проблемы статистического сопровождения); Проект, основанный на российских технологиях, более дешевый, менее амбициозный и, как мы рассчитываем, более результативный (Л. Горшков. Полет человека на Марс); Некоторые позиции закона, на наш взгляд, оказались нерезультативными (Е. Григорьева, В. Степанков. Местные власти недооценивают угрозу терроризма).

3. Утренний велосипедный путь... настраивает на успешный и продуктивный рабочий день (О. Иванова. Солнце на спицах); В тот её первый успешный сезон 1924 года у неё был ангажемент до середины июля (В. Вульф. Судьба Ольги Чеховой); Даже традиционно успешный для отрасли декабрь в 2002 году оказался почти провальным (И. Коломейская. На пределе возможного); За «неуспешный» последний год туда положено 11 миллиардов (Д. Дондурей, И. Прусс. Великая виртуальная революция); Самым результативным оказался период 1780–1790 годов, когда появилось 9 пароходов (О. Бережной. А был ли Фултон первым?); Рабочий день получился длинным и нерезультативным, с большими потерями (В. Скворцов. Каникулы вне закона).

Прилагательное *эффективный*, *действенный* и их производные не способны передавать телеологические оценки временных отрезков, в течение которых осуществляются те или иные действия. Зато закономерными объектами выражаемых этими словами оценок, помимо всего прочего, бывают и вещи, используемые как средства (орудия, инструменты) осуществляемой кем-то деятельности, и даже отдельные свойства этих вещей, так или иначе

влияющие на эффективность человеческих действий. И именно в этом состоит иногда отмечаемая в научных работах функционально-семантическая и комбинаторно-валентностная специфика данных прилагательных:

1. *НПО «Астрофизика» пообещало создать эффективный космический лазер (И. Сафронов. Пальцем с неба); Был создан уникальный и эффективный автоматизированный комплекс (А. Докучаев. Огонь среди звезд); Из лекарств вам, скорее всего, предложат эффективный и безопасный гормональный препарат андриол (Л. Сомов. Прощай оружие?); «Единая Россия» предложила простой и эффективный механизм учета интересов различных социальных слоев (П. Пирогов. Новая общественно-политическая культура); В интеллектуальной свободе Сахаров видел эффективный инструмент конвергенции (Г. Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода); Преуспевающее немецкое рекламное агентство ASR... выпустило абсолютно неэффективный рекламный ролик лимонада Рипика (Н. Клименюк. Просто наклейте ярлык); Когда в 1937 году начали широко использовать колхицин, его пытались применить и к кукурузе, но он оказался малоэффективным (В. Шумный, В. Рудь. Вторжение в растительную клетку); Все чаще и чаще стрептоцид оказывался недейственным (В.И. Любимов. Изменяемость микробов под влиянием лекарственных веществ); В решение этого вопроса вступили более мощные силы, более действенные рычаги (Б. Ефимов. Десять десятилетий); Необходимо создать действенные механизмы преодоления конфликта интересов на государственной службе (Б. Немцов. Стратегия России).*

2. *Эффективный объем, занимаемый системой в случае странного аттрактора, будет существенно больше, чем в случае обычного (В. Горбачев. Концепции современного естествознания); Эффективный радиус равен минимальному расстоянию, на которое можно приблизиться к атому (О. Карпов. Молекулы, как они есть); Недобросовестные производители могут... подменить среднее эффективное значение максимальным (В. Коляда. Без шума и пыли); Признаками недостаточного внимания кредитных учреждений к данным вопросам являются: отсутствие у многих банков четких программ развития, низкий уровень фи-*

нансового планирования, неэффективная организационная структура (Т.Н. Данилова. Структура банка и организация управления филиальной сетью); *Наименьшая действенная концентрация щелочи была установлена эмпирически* (С. Владимиров. Капрон из бензола); *При известных обстоятельствах и жест, и выражение лица могут оказаться недействительными* (Л.В. Щерба. Из речи, произнесенной на научной сессии Ленинградского государственного университета по случаю 120-летия его существования).

Среди имеющихся в русском языке телеолого-оценочных прилагательных со значениями оценки по достигнутому результату наименьшими возможностями лексической сочетаемости обладают слова, специализирующиеся на негативных телеологических оценках осуществляемых людьми действий. К их числу относятся прилагательные, *бесплодный напрасный, тщетный, зряшний и пустой* (последние два – в своих производных значениях). Эти лексемы не используются для выражения телеологических оценок действующих лиц, временных отрезков, способов и средств осуществления человеческой деятельности. Выражаемые ими оценки касаются различных действий, а кроме того, предшествующих этим действиям замыслов и планов. Последнее осуществляется чаще всего с использованием существительного *затея* (причем сочетания с этим существительным явно обретают устойчивый фразеологический характер), хотя не исключается сочетаемость и с другими словами, обладающими аналогичными значениями:

1. *Переупрямить меня? Напрасная затея* (Д. Гранин. Иду на грозу); *Французская версия многополюсного мира – это напрасная затея* (С. Лурье. Доктрина госпожи Райс); *Он старался убедить гитлеровские верхи в необходимости германо-русского союза, а русских привлечь к сотрудничеству с Германией. Обоесторонне тщетная затея!* (А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ); *Вы хотите инсценировать «Ивана Денисовича». Помоему, затея зряшная* (М. Козаков. Актерская книга); *Отговорить от хирургического вмешательства – вовсе зряшная затея* (С. Корепанова. Не лучше ли остаться сносом?); *Планер задумал строить! Пустая затея* (А.С. Яковлев. Помастерье в авиации);

Конечно, многие понимали, что вся история с договором – пустая затея (О. Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича).

2. Куда мы залезли, куда нас несет нелегкая! Зря, зряшная выдумка (В. Розов. Удивление перед жизнью); Выходит, что идея о коммунизме не одна только пустая идея, не глас вопиющего в пустыне (Т. Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали); Оно (правительство) может запутать государство в пространные и тщетные планы (Н.И. Новиков. О торговле вообще).

Телеолого-оценочное значение недостижения поставленной цели может быть выражено и прилагательным *бесполезный*. Для него данное значение (особо не выделяемое в словарях) является вторичным, производным от основного и регулярно отмечаемого значения «не приносящий пользы». Выступая в этом вторичном и производном значении, слово *бесполезный*, тем не менее, способно выражать телеологические (бенефактивные) оценки и производимых людьми действий как таковых, и способов их производства, и действующих лиц, и замыслов, и средств осуществления какой-либо деятельности, например:

1. Визит его оказался бесполезным – позиции сторон только ужесточились (О. Гриневский. Восток – дело тонкое); Они не хотят тратить времени на бесполезный и неблагодарный труд объяснять нам фонетику своей родной речи (Г. Садулаев. Таблетка).

2. Самый легкий и самый бесполезный способ «заботы о людях» – наслаивать одна на другую разные «привилегии», которые при тотальном дефиците не обеспечивают даже прожиточного минимума (С. Яковлев. Где искать ответы?).

3. Каждый офицер, носивший мундир Генерального штаба, считался бесполезным теоретиком (Д.А. Милютин. Дневник); Ну, я бесполезный, я балласт, но ты ведь у меня полезная, активная, будешь представлять нашу фирму в единственном числе (П. Проскурин. Полуденные сны).

4. Мы говорили вам, что это бесполезная затея – связываться с этим чудаком (Ю. Елагин. Укрощение искусств); В этом го-

ду РАМФ намеревалась претворить в жизнь новый и бесполезный проект (Ю. Дудь. Мини-история).

5. Он отбросил в сторону бесполезный топор и взялся собирать и ломать ногами валявшиеся кругом сучья (В. Распутин. Прощание с Матерой); Бросив бесполезный наган в голову Султана, я рванул дверь (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь).

Возможность использования прилагательного *бесполезный* в качестве средства выражения телеологических оценок вполне согласуется с особенностями семантического наполнения существительного *польза*, которое, помимо утилитарно-дескрипционного значения «нечто благоприятное для кого-либо», способно также репрезентировать и телеолого-оценочное значение «что-то такое, что способствует достижению поставленной цели». Такое значение слова *польза* реализуется, например, в таких устойчивых фразеологизованных словосочетаниях, как *для пользы дела* и *с пользой для дела*. В соответствии с этим и прилагательное *полезный* также оказывается способным не только характеризовать что-то как «приносящее пользу», но и выступать средством репрезентации телеологической оценки, выражая при этом фиксируемое в некоторых словарях как вполне самостоятельное значение «пригодный для определенной цели, идущий в дело» [БТС: 899; Ожегов 1984: 489; ТСРЯ: 544]. Для выражения же телеолого-оценочного значения «мешающий, препятствующий достижению цели» вполне закономерно используется прилагательное *вредный*. Отмеченное значение данного слова остается практически не замеченным в современной лексикографии, и это несмотря на то, что оно довольно отчетливо проявляется в некоторых контекстах, скажем, в таком словосочетании, как *вредный для дела*. Выступая со значениями телеологической оценки, прилагательные *полезный* и *вредный* могут сочетаться как с существительными, обозначающими человеческие действия, так и со словами, обозначающими многие другие объекты, не исключая и людей, так или иначе способствующие или препятствующие достижению каких-то целей: *Есть даже странное убеждение, что религия есть только известные слова о будущей жизни, о Боге, известные обряды, очень полезные для спасения души* (Л. Толстой. В чем моя вера?); *Она (крестьянская партия) будет холить*

и лелеять эти колебания крестьянства, вредные для дела социалистического строительства (Н. Бухарин. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз); В первой «научной» биографии Ленина этот вредный для канонизации образа вождя факт не фигурировал (Е. Меламед. Отректись иудейской веры); Несомненно, будут появляться все более чувствительные и полезные для диагностики приборы (Ю. Гуляев, С. Никитов. Телемедицина третьего поколения в третьем тысячелетии); Некоторые сырые и даже вредные для обороны страны документы, представляемые Верховному Главнокомандующему министром обороны, тут же «подмахиваются» (В. Баранец. Генштаб без тайн); Он понимал, что люди, полезные для осуществления такого плана, – это не бывшие царские сановники, не представители правых, а левые популисты (В. Абаринов. А был ли Рейли?).

Средствами выражения телеологических оценок в определенных контекстуальных условиях могут выступать также прилагательные *нужный, необходимый и надобный*. В своих основных, первичных значениях эти слова выражают не критериально-оценочные, а дезидеративно-реляционные характеристики каких-то предметов – тех, которые становятся объектами чьих-либо желаний, влечений, потребностей, т. е. отношений исключительно дезидеративного свойства, соответствующих значению существительного *нужда* (*Ей нужны (необходимы, надобны) слава, успех, обожание поклонников*). Помимо этого, перечисленные выше прилагательные могут выражать и деонтическое значение необходимости каких-либо действий с точки зрения требований той или иной нормативной системы (когда говорят, к примеру: *Данные формальности нужны (необходимы) в соответствии с действующими правилами*). При помощи этих слов может выражаться и идея необходимости чего-либо как обязательного условия или средства осуществления какого-либо процесса (например: *Минеральные вещества нужны (необходимы, надобны) для питания и роста растений*). Думается, что где-то в рамках этого лексического значения может быть выделено и еще одно, более специализированное, телеолого-оценочное значение (скорее даже, семантический оттенок) «являющийся неперенным услови-

ем или необходимым средством для достижения той или иной цели».

Потенциальный круг объектов телеологических оценок, характеризующихся посредством определений *нужный, необходимый и надобный*, довольно широк: в качестве таковых могут выступать действия, ведущие к достижению цели, условия и средства её осуществления, необходимые для этого лица-исполнители:

1. *Лобачевский получил от Совета университета наказ «принимать нужные меры для сохранения здоровья казенных воспитанников»* (Л. Гумилевский. Зинин); *В январе 1999 года президент Клинтон, наконец, сделал необходимый первый шаг к ратификации – направил конвенцию в Сенат* (В. Абаринов. Валтасаров пир); *Должно иметь в виду прежде всего судьбы истинного высшего просвещения, настоятельно надобного для блага России* (Д.И. Менделеев. Заветные мысли).

2. *Они – всего лишь политтехнологи, цель которых – добывать из электората нужный процент* (М. Соколов. Разжалованные политтехнологи); *Россия должна сохранить статус великой державы и воспроизводить необходимый для этого демографический потенциал* (Я. Астафьев. Кто будет работать в России в 2015 году?). *Заказчик обеспечивает исполнителю свободный доступ к компьютерам, необходимый для успешного выполнения договора* (Договор об оказании сервисных услуг).

3. *Он уверял, что трамваи его не любят: нужный номер никогда не приходит* (В. Катаев. Алмазный мой венец); *Уйдя из милиции, он стал банкиром и, скопив необходимый капитал, открыл фирму* (Л. Кислинская. Венок для коммерсанта); *Никакой художник или ремесленник не может ничего сделать без надобных ему орудий* (Н.И. Новиков. О воспитании и наставлении детей).

4. *Сегодня Глазьев – нужный человек на нужном месте* (Л. Радзиховский. Интрига-2003: проект «Глазьев»); *Какой я, оказываюсь, банку необходимый человек* (С. Данилюк. Бизнес-класс); *В поисках надобных людей Петр цеплялся за все наличные средства, то пренебрегая сословными предрассудками, то им покорствуя* (В.О. Ключевский. Русская история).

Прилагательное *ненужный*, выступая как средство выражения телеологической оценки, передает информацию о том, что оцениваемый объект ни в коей мере не является не только необходимым для достижения какой-либо цели, но даже и тем, что может как-то способствовать этому: *Маргарита, совершив этот ненужный поступок, расхохоталась* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Нужным мыслям разрешалось развиваться в идеи, ненужные изгонялись в никуда* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет); *В гражданский шрифт не вошли некоторые греческие буквы, ненужные для передачи русской речи* (Д. Рохленко. Первая русская печатная книга); *Рабочие то и дело бросали на улице ненужные куски свинцового телефонного кабеля* (Б. Кинжеев. Из Книги счастья); *Каллисфен, как ненужный государю человек, отправился, по его повелению, в обозе с ненужными вещами* (Д. Фонвизин. Каллисфен).

В русском языке имеются и другие прилагательные, у которых общее значение телеологической оценки отягощается указаниями на те или иные, иногда довольно существенные, дополнительные обстоятельства достижения или недостижения поставленных целей. Так, слово *благополучный*, помимо значения общей успешности определенного действия, передает также добавочную информацию о его завершении «без каких-либо осложнений» [Сергеева 2009: 185], что означает, что искомый (желаемый, планируемый) результат достигается без особых потерь или какого-то ущерба для действующего лица. Прилагательное же *неблагополучный*, наоборот, выражает общее значение недостижения поставленной цели, сопровождаемое при этом информацией о каких-то сопутствующих тому осложнениях, бедах и потерях.

Описанные нами телеолого-оценочные значения являются у слов *благополучный* и *неблагополучный* вторичными, и проявляются они обычно в довольно ограниченных контекстуальных условиях – чаще всего в сочетаниях с существительным, обозначающими завершающую фазу какого-либо действия (*конец, окончание, завершение, исход, итог, финал, разрешение* и т. п.). Хотя не исключена и возможность сочетаемости интересующих нас прилагательных с существительными, обозначающими соб-

ственно действия как таковые: *Первого, впрочем, скоро выслали из Вологды в уездный городишко Грязовец, откуда ему... был устроен благополучный побег в Швейцарию* (В. Гиляровский. Мои скитания); *В третий раз благополучный переезд ночью через железную дорогу между станциями Малороссийской и Мирской* (А.И. Деникин. Очерки русской смуты); *Проходившие этой дорогой клали их здесь в качестве жертвы божеству в благодарность за благополучный переход трудного перевала* (Е.Е. Холодовский. По горной Абхазии); *Собрание проходит насчет неблагополучного сенокоса* (Г. Николаева. Битва в пути); *И он... получает отказ, поскольку банк видит один лишь неблагополучный бизнес* (М. Попов. Денег куры не клюют?). В других контекстах, в сочетаниях с другими существительными прилагательные *благополучный* и *неблагополучный* выступают обычно в своих основных значениях, которые связываются с пониманием благополучия как «спокойного и счастливого существования, жизни в достатке» [БТС: 82], а неблагополучия – как отсутствия всего этого.

Иные моменты, сопутствующие достижению или недостижению целей какой-либо деятельности, фиксируются в значениях слов *удачный* и *неудачный*. Эти моменты достаточно точно раскрываются в словарных толкованиях значения существительного *удача*, которое определяется как «совокупность благоприятных, способствующих успеху обстоятельств» [СРЯ, т. 4: 465] или как «счастливое, благоприятное стечение обстоятельств, способствовавшее желательному, нужному исходу дела» [БТС: 1373]. С учетом такого понимания слова *удача*, думается, будет вполне логично охарактеризовать удачное действие как действие, достигшее своей цели благодаря способствовавшим этому внешним обстоятельствам. Соответственно неудачное действие может быть определено как такое действие, которое не достигло своей цели из-за обстоятельств, препятствовавших её достижению. В словарные же толкования прилагательных *удачный* и *неудачный*, которые строятся обычно по формуле «завершившийся удачей или неудачей», можно было бы ввести небольшие, но весьма существенные уточнения – «благодаря способствовавшим тому обстоятельствам» и «из-за препятствовавших тому обстоятельств».

Выражая такие специализированные телеолого-оценочные значения, слова *удачный* и *неудачный* получают довольно ограниченную лексическую сочетаемость. Они, конечно же, изначально способны выступать как средства оценочной характеристики различных производимых людьми действий, закономерно сочетаясь при этом с самыми разными именами существительными, обозначающими человеческие действия, например: *Я выдержал небольшую паузу, предвкушая удачный удар* (Г. Садулаев. Когда проснулись танки); *Сразу заметим, это не самый удачный бой для зенитных ракетных войск* (30 июня 1970 г., Суэцкий канал); *Конечно, мог сказаться удачный визит Ельцина в Татарстан* (М. Гликин. Сто ведущих политиков России в феврале (2003)); *это очень удачный пиар перед выборами* (Е. Ясин. Последствия событий вокруг «ЮКОСА» могут оказаться весьма долгосрочными); *В этом случае можно будет действительно закрыть глаза на Ирак, как на неудачный эксперимент* (С. Лурье. Жесткий разговор о любви); *Она, помнится, сильно переживала тогда какой-то свой неудачный роман* (А. Городницкий. И жить еще надежде); *Потом был неудачный побег из тюрьмы и – новый срок* (Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание); *Царь и впрямь был метким стрелком, но один неудачный выстрел принес ему больше славы, чем сотни безошибочных* (Т. Мамаладзе. Здравствуй, осел!).

Помимо этого, прилагательные *удачный* и *неудачный* могут иметь телеолого-оценочную семантику, сочетаясь с существительными, обозначающими различные временные отрезки. В таких случаях им бывают присущи значения «сопровождающийся удачами» и «сопровождающийся неудачами», которые вполне могут быть отнесены к разряду телеолого-оценочных: *В удачный день со всего состава можно набрать целую горсть вывалившихся из карманов монет* (С. Мухин. Психи подземелья); *Это был хороший, удачный год. Цех, где работал Евдоким, занял на заводе первое место* (В. Панова. Евдокия); *Это был, пожалуй, самый неудачный период в истории МХАТа* (В. Давыдов. Театр моей мечты); *Не собирался гонщик и брать на себя всю вину за неудачный сезон* (И. Постнов, Б. Мурадов. Кто виноват?). Сочетаясь со всеми остальными существительными, интересующие

нас прилагательные выражают значения не телеологической, а, скорее, общей оценки. Это значения, которые в современных словарях толкуются при помощи дескрипторов «отвечающий необходимым требованиям», «хороший», «не такой, каким должен быть», «неудовлетворительный», «плохой». И проявляются они в словосочетаниях типа *удачный обед, удачный фильм, удачная книга, удачные дети, удачный способ решения проблемы* и т. д.

Для выражения телеологических оценок лиц, которым «улыбается» или постоянно сопутствует удача, а также тех, от кого она «отвернулась», в русском языке существуют особые лексические средства, коими являются телеолого-оценочные прилагательные *удачливый* и *неудачливый*. Их мы находим в следующих предложениях: *О содержимом мешка удачливый кладоискатель рассказывать наотрез отказался* (Т. Белоусова. Достояние республики); *Хед – наверное, самый удачливый конструктор в истории Формулы-1: на счету построенных под его руководством машин семь чемпионских титулов* (В. Маккавеев. Интервью: Патрик Хед); *Уже в конце XX века удачливый брокер Майкл Блумберг сумел найти нишу для еще одного финансового агентства* (Д. Волков. Империя зла: краткий курс); *Вообще отец был лучше, умнее братьев, человек неплохой. Только неудачливый* (Ю. Трифонов. Обмен); *Выяснилось, что на трибунах для почетных гостей могут одновременно оказаться и нынешний президент Жак Ширак, и его неудачливый соперник на последних выборах* (Э. Гусейнов. Тарпищев обещал водку и икру от Ельцина).

К числу прилагательных, выражающих специализированные телеолого-оценочные значения, относятся и такие слова, как *рациональный* и *нерациональный*. На телеолого-оценочный характер этих слов указывает хотя бы то, что в словарных толкованиях их значений в качестве одного из основных семантических дескрипторов обычно присутствует чисто телеологическое определение «целесообразный» или «нецелесообразный». Хотя одним только этим определением семантическое содержание интересующих нас прилагательных не исчерпывается: общее телеологическое значение целесообразности или нецелесообразности дополняется здесь указанием на такие обстоятельства совершения человеческой деятельности, как её разумная или неразумная организация,

разумность или неразумность способа её осуществления. Поэтому слово *рациональный*, например, толкуется не только как «целесообразный», но и как «организованный наиболее разумным способом» [СРЯ, т. 3: 686; БТС: 1106], а определение «лишенный рациональности», применяемое по отношению к слову *нерациональный*, безусловно, подразумевает семантический признак неразумности способа совершения какого-либо действия [СРЯ, т. 2: 475; БТС: 638]. Под разумностью же и неразумностью способов и форм осуществления какой-либо деятельности следует понимать то, насколько эффективно производится эта деятельность, насколько рискованны, затратны и трудоемки пути достижения результатов, соответствующих поставленным целям.

Вполне естественно, что, выступая в описанных здесь значениях, прилагательные *рациональный* и *нерациональный* выступают прежде всего как средства телеолого-оценочной характеристики человеческих действий как таковых. Ну а кроме существительных, обозначающих действия людей, данные прилагательные прекрасно сочетаются со словами, обозначающими конкретные способы и приемы совершения тех или иных действий, какие-то привлекаемые для этого средства и орудия, планы и замыслы, отдельные (обычно структурно-организационные) признаки различных видов деятельности, коллективных субъектов и средств её осуществления, например:

1. *Перед ней стояла задача разработать наиболее рациональные методы освоения песчаных полупустынь* (Е.А. Малюгин. Растениеводство в полупустыне); *Больные... не могли спланировать рациональные приемы или видоизменить предложенные им извне, чтобы закрепить или ускорить работу* (Б.В. Зейгарник. Патофизиология); *В ОАО «Рудоавтоматика» исследуют рациональные пути решения этого вопроса* (ОАО «Рудоавтоматика». Новый взгляд на экскаваторный электропривод); *Порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок* (С. Чернышев. Фермопилы. ru);

2. *На столько ран, упоминаемый в «Иллиаде», ни одного заговора, исключительно рациональные средства лечения* (Ф.Ф. Зелинский. История античной культуры); *Паровые плуги, к сожа-*

лению, являются совершенно нерациональными и ненормальными, или, лучше сказать, аномальными (А. Эртель. Записки Степняка); При замене углов овалами квартира становится нерациональной и не может быть использована во всем своем метраже (Н.С. Хрущев. Воспоминания).

3. Она (мусульманская культура) проводит прогрессивный по тому времени и рациональный замысел: дать исход свободе развития племенных и бытовых различий единого государства, что и осуществлено в автономиях (А. Белый. Между двух революций).

4. К числу отрицательных внешних факторов причисляют также плохие условия труда, его нерациональную организацию (Е. Гвоздева. Особенности национальной работы); «АЛРОСА» унаследовала, кроме уникальных месторождений, весьма нерациональную систему их эксплуатации (В. Черенков. «АЛРОСА» стремится стать равной De Beers); Подобный бред происходил по всей стране – и все из-за глупого распределения бюджета и нерациональной структуры власти (А. Тарасов. Миллионер).

Телеологические оценки совершенно особого – временного – характера могут выражаться прилагательными *своевременный, несвоевременный, преждевременный и запоздалый*. Специфика этих оценок заключается в том, что при их осуществлении в качестве оценочного критерия выступает не цель совершенного или планируемого действия, а тот момент или временной период, в который действие должно быть осуществлено, чтобы иметь наибольшие шансы достигнуть поставленной цели. Действие, характеризующееся как своевременное, осуществляется именно тогда, когда это необходимо для того, чтобы добиться планируемого результата, действия же, расцениваемые как несвоевременные, преждевременные и запоздалые, совершаются не тогда, когда это нужно для гарантированного достижения цели, а раньше или позже этого времени. Обратимся к примерам: *Его жизнь была спасена благодаря своевременной помощи страхующих* (В.И. Тюрин. О причинах потери сознания при нырянии в комплекте №1); *Своевременные действия рулем позволяют при этом не только вернуть машину на курс, но и разогнаться, двигаясь «веером»* (А. Будкин. «Лиана» в краю берез); *Мартов по-прежнему считал*

несвоевременными решительную атаку и курс на немедленную коренную ликвидацию керенищины (Н.Н. Суханов. Записки о революции); Даже несмотря на несвоевременные поставки проектно-сметной документации... в прошлом году был построен и сдан в эксплуатацию первый жилой дом (С. Амелин, А. Чувиллин. Обновление Переславля); Однако все попытки спасти ситуацию были то ли преждевременными (например, союз с монголами), то ли запоздалыми (Э. Вирапян. Ожидание).

Рассмотренные в данном параграфе слова в большинстве своем являются теми средствами выражения телеологических оценок, которые, даже при возможности самой широкой лексической сочетаемости, применяются в первую очередь для характеристики различных форм человеческой деятельности. Однако в русском языке имеются и такие прилагательные, которые специализируются на выражении телеолого-оценочных значений, характеризующих не производимые людьми действия, а прежде всего условия и средства их осуществления. Это прилагательные *годный, пригодный, подходящий* и, соответственно, *негодный, непригодный, малоприспособленный и неподходящий*.

Значения первых трех из приведенных нами слов толкуются в словарях как «могущий быть употребленным на что-либо, удовлетворяющий определенным требованиям», «такой, который годится для чего-либо», «такой, который отвечает каким-либо требованиям» [СРЯ, т. 1: 324, т. 3: 228, 402; БТС: 214, 885, 975]. Не оспаривая семантической адекватности всех этих словарных определений, тем не менее, отметим, что к «чему-либо», предъявляющему определенные требования к тем объектам, которые характеризуются как годные или подходящие, помимо самых разных по природе процессов, несомненно, относятся и цели совершаемых людьми действий. Именно благодаря данному обстоятельству интересующие нас прилагательные в определенных контекстуальных условиях могут выступать как средства выражения телеологических оценок, заключающихся в признании возможности использования каких-либо объектов для достижения определенных целей. Оцениваемыми же объектами при этом могут быть различные условия и материальные средства осуществления поставленных целей, какие-то пригодные для этого

ментальные образования, а также используемые при этом люди. Обратимся к примерам:

1. *На Зее имеются громадные пространства земли, годные для переселения* (П.А. Столыпин. Речь о сооружении Амурской железной дороги); *Столичные архитекторы уже определили зоны Москвы, пригодные для строительства высотных зданий* (Г. Косарева. Столичные небоскребы набирают высоту); *Там не менее, а гораздо более подходящие условия для развития земской самодеятельности, чем даже, может быть, в коренных земских губерниях России* (П.А. Столыпин. Речь о земских учреждениях в Западном крае).

2. *Леса, годного, чтобы восстановить прежний рангоут «Катти Сарк», не нашлось* (И. Ефремов. «Катти Сарк»); *Будут выпускаться и специальные черные несмываемые чернила, пригодные для заполнения важных документов* (Г. Фаизова. Чернила); *В-52 сочли в Белом доме самым подходящим средством для того, чтобы заставить руководство ДРВ возобновить переговоры в Париже* (А. Михайлов. Одиннадцатидневная кампания).

3. *К сожалению, такой материал, годный для научных и практических выводов, находится при фабриках разве только в исключительных случаях* (Ф. Эрисман. Профессиональная гигиена); *Не всякий сюжет, годный, скажем, для реалистической драмы, подойдет для условных приемов оперы* (Л. Кассиль. Дело вкуса); *Зачем, спрашивается, будущему математику решать задачи, пригодные для образования учителя начальной школы?* (В. Рыжик. Страсти вокруг ЕГЭ).

4. *Для него народ существовал только... как материал, годный для построения государства* (Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей); *Когда в XVIII в. начались у нас нововведения по западным образцам и для них понадобились пригодные люди, правительство ухватило за столичное дворянство как за ближайшее свое орудие* (В.О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций). *Бандиты сами находят подходящих людей, дают ориентировку, вооружают киллеров* (А. Троицкий. Удар из прошлого).

Выступая в телеолого-оценочных значениях, прилагательные, относящиеся к рассматриваемой нами группе, оказываются

способными также сочетаться с существительными типа *способ, метод, прием*, выражая тем самым оценки различных способов человеческой деятельности как возможных путей достижения тех или иных целей: *Все способы, пригодные для восстановления других металлов, в этом случае не дали желаемых результатов* (Ф. Перельман. Элемент № 55: цезий); *Это обстоятельство позволило им быстро найти подходящие методы определения или, как говорят, детектирования частиц* (Б. Павлов, В. Веденеев. Скрещенные молекулярные пучки: новый путь изучения химических реакций); *Им пришлось... самим создавать себе и сферу действия, и подходящие приемы* (В. Огарков. Демидовы. Их жизнь и деятельность); *Есть много способов достижения цели, Леисо подстрахует своих клиентов, укажет самый подходящий путь* (Лидера станкостроения демонстрируют новые идеи).

Что касается прилагательных *негодный, непригодный, мало-пригодный* и *неподходящий*, то они могут употребляться для выражения телеолого-оценочного значения невозможности или неэффективности использования каких-либо объектов как условий, средств и способов достижения каких-то целей.

У прилагательных *надежный, ненадежный* и *верный* значения телеологической оценки являются вторичными, производными от значений типа «такой, на которого можно (нельзя) положиться». Выступая в таких вторичных телеолого-оценочных значениях, данные прилагательные могут сочетаться с существительными *способ, метод, прием, путь*, с существительным *средство* и со словами, обозначающими конкретные средства и орудия осуществления какой-то деятельности. Во всех этих случаях интересующие нас прилагательные выражают значения надежности и ненадежности способов и средств производимых людьми действий как чего-то такого, что гарантирует или, наоборот, не гарантирует достижение планируемого результата, например:

1. *Неплохо будет вспомнить старый, но очень надежный способ защиты от удара саперной лопаткой* (В. Авилов. Сибирский кулак); *И ни в коем случае не следует усердствовать, чтобы завоевать дружеское расположение. Это довольно ненадежный способ сделать карьеру* (А. Шубин. Путь к благополучию); *Самый верный способ получить ответ – это задать вопрос*

(Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости); *Единственно надежный метод поиска истины – это дискуссии, споры, открытое сопоставление позиций* (А. Яковлев. Омут памяти); *Письма – это ненадежный прием. Она получает их, но может не читать* (А.П. Чехов. Леший); *В таких условиях эксплуатация простейших общественных инстинктов – надежный путь к политическому успеху* (Е. Гайдар. Гибель империи).

2. *С начала XIX лайм непременно входил в рацион моряков военных британских судов как надежное средство профилактики цинги* (И. Сокольский, Н. Замятина. Золотые плоды Гесперид); *Лазерные авиационные бомбы зарекомендовали себя как надежное средство поражения точечных целей* (С. Беляков. Промях – минимальный); *Вообще у меня имелось верное средство борьбы с любой душевной горячкой* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости).

3. *От хандры единственное и самое верное лекарство – это карты* (А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов); *Трамваи и троллейбусы в условиях пробок – транспорт медленный и ненадежный* (В. Шулаев. Увидеть Санкт-Петербург и начать жить); *Если у предполагаемых пользователей ненадежный канал, то необходимо максимально сократить размеры графических файлов* (А.О. Кривошеев, П.В. Гусев. Методологические и технологические основы разработки интернет-учебника).

3.2. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОТРАЖАЮЩИЕ НОРМАТИВНЫЕ ОЦЕНКИ

Общее понимание роли норм при осуществлении тех или иных оценок в современной науке далеко не однозначно. При самом широком подходе к решению данного вопроса утверждается, что какая-то опора на нормы свойственна всем оценкам без исключения. В таком случае предполагается, что любая оценка «в первую очередь ориентируется на норму, понимаемую как соответствие правилам, образцам, предписаниям, оценочным стереотипам». Совершенно очевидно, что и сами нормы понимаются здесь тоже довольно широко – как что-то такое, что «граничит с концептами обыденности, предсказуемости, ординарности, привычности» [Околелова 2010: 25]. При такой трактовке соотноше-

ния понятий *оценка* и *норма* нормативные оценки в качестве особого типа среди многообразия оценок конкретного характера, даже при признании факта существования таковых, вполне естественно, не выделяются.

На наш взгляд, гораздо ближе к истине те ученые, которые видят в нормативных оценках отдельную, совершенно самостоятельную сферу оценочности, специфика и сущность которой предопределяются сущностной спецификой норм как используемых здесь оценочных критериев. Правда, осознание того, что такая оценочность носит критериальный характер, у авторов, пишущих о нормативных оценках, прослеживается далеко не всегда. Довольно проблематичными остаются и само понимание нормы, и общий круг подводимых под понятие нормативной оценки явлений.

Н.Д. Арутюнова, рассматривавшая нормативные оценки как разновидность рационалистических, полагала, что основным критерием, используемым при их осуществлении, является соответствие некоему «установленному стандарту». Однако точного определения сущности стандартов такого рода дано не было, и это привело к тому, что в приблизительном перечне языковых средств выражения нормативных оценок рядом были поставлены слова, отражающие оценки, совершенно разные по своей природе. А вот слова, выражающие оценки этического характера, не были включены в данный ряд, и это несмотря на то, что каждая такая оценка, по словам самой Н.Д. Арутюновой, «требуется ориентации на этическую норму» [Арутюнова 1988: 75-77].

Согласно утверждению, высказанному Л.А. Сергеевой, каждое нормативно-оценочное значение «выражает идею соответствия (несоответствия) чего-либо норме», которая в любом случае представляет собой «социальный стандарт» [Сергеева 2009: 145, 147]. Правда, стандарты, используемые при оценках нормативного характера, могут иметь двоякую природу, в соответствии с чем следует различать и два относительно самостоятельных типа нормативных оценок. Им соответствуют два основных, базовых значения, «интерпретирующих (т. е. конкретизирующих и уточняющих) смысл нормативной оценки». В самом общем виде эти значения предстают в концепции Л.А. Сергеевой как соответ-

ствующие понятиям, выражаемым словами *нормальный* и *правильный*. Основное же концептуальное различие между ними исследовательница видит в том, что «первая лексема употребляется преимущественно для обозначения процессов и состояний, лишенных целеполагания, в то время как вторая обычно оценивает сознательно управляемые процессы, нормативность которых носит расчетный характер или имеет морально-этическую основу». Ну а кроме того, «правильное характеризует выполнение чего-либо в ходе практической деятельности, в то время как нормальное в большей степени предполагает сравнение с идеальной картиной мира» [Сергеева 2009: 148].

Анализируя данные утверждения, думается, прежде всего следует поправить их автора в том, что объектами оценок, выражаемых словом *нормальный*, бывают преимущественно «процессы и состояния, лишенные целеполагания». Любой носитель русского языка без особого труда сможет создать какое угодно количество контекстов, где это прилагательное будет выступать в роли оценочного определения многих других вещей – от целенаправленных человеческих действий до чисто предметных объектов.

Далее, как не соответствующая реальному положению дел, должна быть отмечена связь нормальности с идеализированной картиной мира: критериями оценок, выражаемых словом *нормальный* бывают не призрачные идеалы, редко когда имеющие какие-то корреляты в действительности, а комплексы представлений о тех признаках, которые мыслятся как реально типичные для того или иного предметного класса. Эти представления образуют не нормы, а мысленные стереотипы, выступающие в роли оценочных критериев в оценках того довольно специфического типа, который, именуется экзистенциальным. К числу нормативных оценки такого рода не могут быть отнесены просто по определению: исследователей здесь сбивает с толку чисто формальная этимолого-словообразовательная связь слов *нормальный* и *норма*, между тем как требование научной точности в трактовках и определениях обязывает четко различать такие вещи, как *нормальность* и *нормативность*.

Только слово *правильный* может претендовать на статус лексического средства выражения критериальных оценок нормативного типа. Однако значение критериально-нормативной оценки является у этого слова отнюдь не единственным. Помимо данного значения прилагательное *правильный*, равно как и его антоним *неправильный*, способно выражать еще и другие критериально-оценочные значения: экзистенциальное (*правильные / неправильные пропорции, правильная / неправильная фигура*), истинностное (*правильное / неправильное утверждение, правильный / неправильный ответ*), телеологическое (*правильный / неправильный метод, правильные / неправильные действия*). Такая оценочная многозначность слов *правильный* и *неправильный* довольно последовательно фиксируется современными словарями, однако приписываемые этим словам в числе прочих критериально-нормативные оценочные значения далеко не всегда определяются исчерпывающе и точно. Наиболее адекватные определения интересующих нас значений даются в Большом толковом словаре русского языка, где они толкуются как «соответствующий установленным правилам, не отступающий от существующих правил, норм, порядка» и «не отвечающий каким-либо правилам, нормам» [БТС: 952, 634]. На наш взгляд, эти в принципе верные толкования можно было бы несколько сократить и переформулировать, придав им более оптимальный вид – «соответствующий / не соответствующий тем или иным деонтическим предписаниям», не отмечая конкретно, каким именно предписаниям должен соответствовать объект, характеризующийся как *правильный* или *неправильный*, поскольку указания на это не содержится в значениях данных слов.

Возможность использования прилагательных *правильный* и *неправильный* в критериальных нормативно-оценочных значениях наглядно иллюстрируется следующими примерами: *Суды принимали правильные решения, но лишь незначительная часть их исполнялась* (А. Кацва. Россия 1990-х. Протестное движение); *Правильные похороны. Захоронение царских останков предполагает... активное участие в них высших иерархов церкви* (В. Дорофеев. Происки церкви); *За неправильное поведение за границей объявить выговор* (В. Давыдов. Театр моей мечты); *Вот честный*

коммунист, он видит, что допускались неправильные аресты, возмущается этим (Н.С. Хрущев. Воспоминания); Правильные люди живут по правилам, а неправильные ими правят и определяют, что правильно (Е. Зубарев. Граждане России недостойны себя защищать).

Многие авторы к числу средств выражения нормативных оценок ошибочно относят слова, эксплицирующие не критериально-нормативные, а реляционно-деонтические значения. Это значения различных деонтических оценок, которые свойственны тем прилагательным, что 1) выражают идею строгой долженствовательности (*должный, надлежащий, необходимый, обязательный, подобающий*), 2) означают принципиальную или ситуативную допустимость чего-либо (*допустимый, дозволенный, позволительный, уместный*), 3) жестко указывают на недопустимость, недозволенность чего-то (*недопустимый, недозволенный, непозволительный, неподобающий, запретный, неуместный*). Перечисленные прилагательные исчерпывающе выражают все три возможные значения деонтической модальности, которые представляют собой не что иное, как конституирующие категорию деонтической оценочности разновидности образующих её деонтических отношений. Причем отношения эти эксплицируются интересующими нас словами без ссылок на те или иные нормативные системы, фиксирующие данные отношения в виде конкретных нормативных установлений. Именно поэтому приведенные выше слова не могут рассматриваться как средства выражения нормативных (критериальных по своей сути) оценок: они не содержат в своих значениях указания на какие-либо нормы как оценочные критерии.

В числе слов с критериальными нормативно-оценочными значениями отчетливо выделяются несколько групп имен прилагательных, отражающих оценки, осуществляемые через соотнесение с какими-то конкретными нормативными системами как оценочными критериями. Среди слов такого рода наиболее простой и ясной для понимания семантикой обладают прилагательные *законный, незаконный* и их синонимы. Их значения в современных словарях определяются обычно сходным образом, однако и здесь имеются некоторые семантические нюансы, требующие

особого рассмотрения. Так, у слова *законный* в качестве основного и производного выделяется одно значение, которое толкуется одновременно и как «соответствующий закону», «согласный с законом» или «предписанный законом», и как «основанный на законе» [СРЯ, т. 1: 530; БТС: 327; Ожегов 1984: 186; Лопатин 2011: 219]. По существу мы имеем в данном случае не одно лексическое значение, а два (или, по крайней мере, два смысловых оттенка), из которых критериально-оценочным как таковым может быть признано только первое – «соответствующий закону». А второе значение – «основанный на законе» – является значением гибридного типа, сочетающим в себе элементы критериальной оценочности и чистой описательности (дескриптивности). Выступая в первом значении, прилагательное *законный* указывает только лишь на объективное соответствие чего-либо каким-либо законам. Во втором же значении интересующее нас прилагательное передает дескрипционную информацию о том, что какое-то действие, решение, указание сознательно осуществляется или уже осуществлено с учетом или, как говорится, в свете соответствующих законов, что осуществляющие ту или иную деятельность лица руководствуются в этой своей деятельности прежде всего «духом и буквой» законодательства. Отмеченные смысловые различия могут быть проиллюстрированы следующими примерами:

1. *Князья Шуйские вели свою родословную от князя Владимира и считали свои притязания на престол вполне законными* (Л.А. Муравьева. Смутное время в России); *Они укрываются от налогов вполне законными, но по существу антинародными методами* (П. Яковлев, О. Жунусов. Как правильно разделать рыбу); *Это возможный вариант, вполне законный с правовой точки зрения* (А. Яковлев. Омут памяти).

2. *Никто не в праве ограничивать законные меры предосторожности, и всякий честный офицер должен блюсти за исполнением оных* (А.Н. Райк. Записки об убиении Каподистрии); *Это убийца и грабитель, достойный казни или другого законного наказания* (П.П. Каратыгин. Временщики и фаворитки 16, 17 и 18 столетий); *Узнав ожесточение татар... я решился действовать лично и остановил законные действия губернатора* (Э.Н. Стогов.

Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I); *Никто не в праве вмешиваться в законные действия должностных лиц и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность* (Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Ну а что же представляет собой «чистое» критериально-оценочное значение слова *законный*? Что конкретно означает быть соответствующим закону? Ведь все законы и прочие правовые установления (нормы) представляют собой особого рода деонтические суждения, которым могут быть свойственны модальные значения долженствовательности, допустимости и запретности, и необходимо выбрать, какие же из этих конкретных деонтических значений могут ассоциироваться с интересующим нас прилагательным. Думается, что, когда мы характеризуем что-то как законное, мы тем самым чаще всего подспудно выражаем идею незапрещенности, а следовательно, возможной долженствовательности или допустимости этого с точки зрения тех или иных законодательно оформленных правовых норм. А вот определение *незаконный* указывает обычно на то, что характеризуемое этим словом является запрещенным, не допускаемым определенными правовыми установлениями, обладающими соответствующей модальностью.

Такие же критериально-нормативные оценочные значения выражаются прилагательными *правомерный* и *неправомерный*. И точно так же, как слова *законный* и *незаконный*, эти прилагательные обладают способностью сочетаться не только с существительными, обозначающими человеческие действия, но и со словами, обозначающими лица, организации, конкретные предметы, отдельные признаки, связи и отношения – словом, все, что может быть как-то охарактеризовано по соотносительности с теми или иными законами и правовыми нормами, например:

1. *Им дали «добро» плохие ли хорошие, но законные представители налогоплательщиков – депутаты Госсовета РТ (Р. Вафин. Любопытство – не порок. Порок – это другое); Все выявленные незаконные мигранты будут выдворяться или депортироваться (В. Куликов. Законный брак); В некоторых случаях правомерный потребитель конфиденциальной информации предприятия... может одновременно принадлежать к группе непра-*

вомерных потребителей информации, снабжающих конкурентов предприятия информацией о его финансовом состоянии и деятельности (А.Л. Беседин, В.В. Беляев. Экономическая безопасность предприятия).

2. Центр власти снова перемещается в ЦК, и незаконные партийные органы опять возвышаются над законными государственными (Н. Анисин. Кабала хапуг); Москва не раз заявляла, что незаконные бандформирования в Чечне продолжают поддерживать определенные круги ряда стран (В.И. Трубников. Интервью агентству Интерфакс по проблемам борьбы с терроризмом); Идея такой правомерной власти и внесена в легенду о призвании (В.О. Ключевский. Русская история); В его правомерном государстве рядом с властью и законом не оказалось всеоживляющего элемента, свободного лица, гражданина (В.О. Ключевский. Русская история).

3. Нет, видимо, не успеем, не успеем сдать свои трудовые, законные рубли в доход государству (А. Гладилин. Большой беговой день); Слава богу, «незаконные объекты» удалены, справедливость восторжествовала (А. Старобинец. Падение чудаграда); Правомерной или законной собственностью другого будет лишь та собственность, относительно которой ты согласен, что она его собственность (Г.В. Плеханов. Анархизм и социализм).

4. Все законные гарантии соблюдены, презумпция невиновности – вот она (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); Используя незаконные схемы продажи квартир, компания практически подставляла своих покупателей (А. Горянов, А. Жуков. Балтийский банк дошел до арестов); Очевидно, мысль о правомерном представительстве... еще не зародилась ни в правительстве, ни в обществе (В.О. Ключевский. Русская история); Как к одному из вполне правомерных вариантов общественно-политического устройства... (С. Станкевич, Н. Владимирова. Мы – граждане!).

5. Теперь она вступила в законные права... оформила бумаги... хочет продать (А. Волос. Недвижимость); Копия программы для ЭВМ или базы данных... должна быть уничтожена в случае, если владение экземпляром этой программы или базы данных

перестает быть правомерным (Закон «Об авторском праве и смежных правах»); Материалы и сообщения о неправомерных связях Яковлева с иностранными представителями в отдел не поступали, об их существовании свидетелю ничего не известно (А. Яковлев. Омут памяти).

Прилагательные *противозаконный* и *противоправный*, толкуемые в словарях как «противоречащий закону» и «противоречащий праву» [СРЯ, т. 3: 534, 535; БТС: 1031, 1032] и означающие обычно запретность чего-либо с точки зрения закона и права, чаще всего сочетаются с существительными типа *действие, деяние, поведение, поступок, практика, мера*. Хотя совершенно не исключается и возможность сочетания этих прилагательных с теми словами, которые обозначают какие-то конкретные человеческие действия, способы, цели и средства их осуществления, отдельные признаки совершаемых кем-то действий:

1. *Букмекерство на ипподроме – противозаконный бизнес (А. Словьев. Аркан для букмекера); Запашный не однажды ставил противозаконные опыты на тех алкоголиках, что у него лечились (Н. Леонов. Лекарство от жизни); В системах сбора, обработки, хранения и передачи финансовой, биржевой, налоговой, таможенной информации наиболее опасно противоправное копирование информации и её искажение (Доктрина информационной безопасности Российской Федерации); Он из тех тиранов-мужей, которые подвергают жен регулярному харассменту, как теперь и у нас именуют противоправные домогательства (Ю. Гладильщиков. Новая амазонка).*

2. *Правительство, действительно, достигает внешнего порядка, но достигает его способами противозаконными (П.А. Столыпин. Речь о прерогативах правительства в деле организации вооруженных сил); Предприниматели должны отказаться от противозаконных методов ведения дел с употреблением насилия и угрозы силой (Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании); Делаются ли вооружения частными людьми противозаконным образом во вред обществу (С.Д. Толь. «Русская правда» Павла Пестеля); Тоталитарные державы противоправными способами уничтожили независимость трех небольших Балтийских стран (П. Банковскис. Чем больше меня бранят*

советские учреждения...); *А это и есть противоправные принципы и методы* (С. Ландау. На краю круга девятого).

3. *Преступно было бы бездействие власти по отношению к лицам, прикрывающимся благотворительностью в целях противозаконных* (П.А. Столыпин. Ответ на запрос Государственной думы об оказании помощи голодающим); *А вот с помощью милиции власть научилась выжимать голоса на выборах, превращая МВД в противоправный инструмент* (Перед бурей. Диалог Г. Зюганова и А. Проханова).

4. *«Необходимая оборона» и «крайняя необходимость» снимают с преступления его противозаконные черты* (М.В. Вишняк. Два пути. Февраль и Октябрь); *По роду деятельности управление занималось наиболее сложными противоправными финансовыми схемами* (О. Нечипоренко. Две ипостаси российского «бизнесмена»).

Прилагательное *противозаконный*, помимо всего прочего, оказывается способным еще выражать нормативные оценки тех или иных человеческих сообществ и даже конкретных артефактных предметов, что еще больше расширяет возможности его лексической сочетаемости, например:

1. *И польский король, и польские паны, объявивши шайки самозванных казаков противозаконными скопищами, сами употребляли их в войнах с Москвой, Швецией и Турцией* (Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей); *Правительство обыкновенно... объявляет хунты и все их распоряжения противозаконными* (В.П. Боткин. Письма об Испании); *Нельзя не считать противозаконным... состав общих собраний из подставных акционеров* (П.А. Александров. Речь в защиту Нотовича).

2. *Теперь крыльцо в кабаке прямо с улицы, и если мерить от станции до крыльца, то кабак будет противозаконный* (Г.И. Успенский. Письма с дороги); *На нем оказался жилет – в то время совершенно противозаконный атрибут туалета, изобличавший... чуть ли не революционный дух* (П.А. Висковатый. Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова); *Если Майнов и виновен в чем-нибудь, так только в случайном имени у себя противоза-*

конных сочинений (Народная воля. Социально-революционное обозрение).

К словам *противозаконный* и *противоправный* семантически и функционально примыкает сравнительно недавно появившееся в нашем лексиконе прилагательное *антиконституционный*. Специфика этого прилагательного как средства выражения нормативной оценочности состоит в том, что с его помощью передаются такие оценки, в которых роль оценочных критериев выполняют не какие-то неопределенные законы и правовые нормы, а нормы и установления, составляющие содержание конституции как основного закона государства. Выражая чаще всего нормативные оценки тех или иных видов человеческой деятельности, слово *антиконституционный* может использоваться и для нормативно-оценочной характеристики многих других, так или иначе соотносимых с конституционными нормами объектов, например: *Мысли, мягко говоря, антиконституционные, призывы подстрекаТЕЛЬские* (В. Николаев. Хамством по перестройке); *В любом случае решение является незаконным и антиконституционным* (А.Д. Сахаров. Тревожное время); *Их пастве антиконституционный радикализм, как правило, не свойствен* (А. Верховский. Между паствой и электоратом); *Если формирующееся гражданское общество движется по антиконституционному пути клерикализации, то угроза диктатуры становится вполне реальной* (С. Мозговой. Силовики благочестия); *В августовские дни руководство партии оказалось на стороне антиконституционных сил* (А. Яковлев. Омут памяти); *Никто и ничто не сможет заставить меня встать при исполнении антиконституционного текста гимна* (Странная дорога к храму. Обратная связь).

Отдельного рассмотрения заслуживают те случаи, когда слова *законный*, *незаконный*, *правомерный*, *неправомерный*, *противозаконный*, *противоправный* и *антиконституционный* выражают оценки различных правовых актов, договоров, указов и постановлений, выступая в сочетаниях с обозначающими их существительными, как, например, в следующих предложениях: *Законное постановление и передавать надо под расписку, документом* (Б. Можаяев. Живой); *Прокуроры опротестовывали незаконные правовые акты исполнительной власти, приговоры и решения су-*

дов (И. Петрухин. Исторический очерк деятельности прокуратуры); *Помимо этого, парламент... мог отменять незаконные указы президента* (Б. Вишневский. Появится ли в Белом доме правительство большинства?); *Мы проведем... четкую границу между правомерным, обоснованным, каким является договор, и морально неприемлемым, каким является протокол* (А. Яковлев. Омут памяти); *Разумеется, неправомерный акт был отменен в порядке надзора* (Реализация судебных решений посредством административных актов и действий); *Указ явился противоправным актом, противоречащим как Конституции ЧИ АССР, так и Конституции СССР (1936 г. Национально-государственное устройство); Претворение в жизнь антиконституционных и противозаконных указов и постановлений правительства так и не привело к успеху* (В. Яковлев. Опять помещики); *Отражением этого явились, в частности, антиконституционные законы, направленные против свободы митингов и демонстраций* (А.Д. Сахаров. Горький, Москва, далее везде).

Во всех отмеченных перед этим случаях объектами выражаемых интересующими нас словами нормативных оценок были предметы, сами по себе не обладающие никакими модальными значениями и мыслимые как долженствующие, допустимые или запретные только в свете тех или иных нормативных установлений. В отличие от них, нормативно оцениваемые правовые акты (указы, постановления и пр.) являются объектами, содержащими в себе определенные деонтические предписания, которые могут соответствовать или противоречить установлениям, зафиксированным в других, более значительных нормативных документах. Скажем, то, что определяется в некоем указе или постановлении как однозначно недопустимое, в каком-то авторитетном правовом кодексе (скажем, в конституции или ином своде законов) может быть определено как допустимое или даже долженствующее, и наоборот, то, что утверждается в каком-то нормативном акте как долженствующее или допустимое, в более значительном и авторитетном источнике может рассматриваться как запретное. С отношениями именно такого рода мы сталкиваемся в тех случаях, когда прилагательные типа *законный, незаконный, проти-*

возаконный и т. д. сочетаются с существительными, обозначающими нормативные установления.

А вот слова *легитимный* и *нелегитимный* никогда не используются для выражения нормативных оценок каких-либо правовых актов, хотя при характеристике всех остальных потенциально возможных объектов таких оценок они оказываются вполне уместными: *Легитимная деятельность по поддержанию правопорядка включает все действия граждан, не нарушающие принцип государственного суверенитета* (Ю. Кузнецов. Правопорядок как экономическое благо); *Принятые в таких условиях решения оказываются нелегитимными* С. Франк. Нам нужна четкая координация действий); *Конечно, можно воспользоваться легитимными методами. Но нужно иметь в резерве и другие варианты* (Р. Костилов. Роман с президентом); *Формирование финансово-экономической базы этих групп осуществлялось нелегитимными способами* (О. Митрошенков. Граждане не заметили диктатуры закона); *Небезупречно легитимными оказываются все последующие престолонаследники* (А. Архангельский. Александр I); *Такая власть была и остается в России нелегитимной* (Е. Холмогоров. Русский горизонт); *Республика имеет собственные органы власти, которые в ближайшее время станут полностью легитимными* (С. Михеев. Чечня: консервация противоречий во имя выборов).

Крайне ограниченной сочетаемостью обладают нормативно-оценочные прилагательные *правосудный* и *неправосудный*. Они употребляются сейчас в очень небольшом диапазоне контекстов – в основном при существительных, означающих результаты тех или иных судебных разбирательств, например: *Суд – независимая инстанция, и диктовать ему, что он должен сделать для достижения правосудного результата, нельзя* (Ю. Квартин. Регламентация независимости); *Один судья затребовал справку о состоянии жилья ответчика (износ дома 71 процент) и вынес в результате грамотное и правосудное решение* (И. Бутин. Битый небитого везет); *В России пока еще не существует прецедентов, когда бы судью увольняли за заведомо неправосудное решение* (А. Крутов. Будет ли уволен неправый судья?); *Доказательства обвинения в суде могут частично утратить свою силу, а это, в*

свою очередь, может повлечь вынесение неправосудного приговора (В. Гаврилов. УПК Российской Федерации). Хотя еще в XVIII–XIX веках слова *правосудный* и *неправосудный* довольно часто использовались для оценочной характеристики различных инстанций и лиц, осуществляющих суд и принимающих судебные решения.

К числу лексических средств выражения нормативных оценок может быть отнесено и прилагательное *преступный*. Специфика этого слова заключается прежде всего в том, что, характеризуя какое-либо действие, оно не только указывает на незаконность этого действия, но и выражает дополнительную информацию о том, что за совершение последнего предусматривается уголовная ответственность. В словарях значение интересующего нас прилагательного толкуется через соотнесение с понятием *преступление*, само же это понятие определяется не только как «противозаконное» и «нарушающее существующий правопорядок» действие, но и как действие, «подлежащее уголовной ответственности» [СРЯ, т. 3: 385; БТС: 967; Ожегов 1984: 519]. Такое хоть и специализированное, но все же прозрачное нормативно-оценочное значение проявляется у прилагательного *преступный* в основном в тех случаях, когда оно характеризует именно производимые людьми действия или другие формы человеческого поведения, как, к примеру, в словосочетаниях *преступное деяние*, *преступное бездействие*, *преступная халатность* и т. п. Когда же данное прилагательное используется для характеристики других объектов, оно чаще всего просто указывает на наличие какой-то связи определяемого объекта с каким-то преступлением или преступлениями: *Народы мира... сорвут преступные замыслы обанкротившихся хищников* (И. Стефен. Реклама разоблачает); *Все эти преступные планы держались, конечно, в строгой тайне* (Ф. Сологуб. Королева Ортруда); *Что такое ОПГ? – Организованная преступная группировка. Банда* (А. Слаповский. Синдром Феникса); *Коммунисты – это такая же преступная партия, как нацисты* (В. Аксенов. Тайнственная страсть); *Я в руках мафии. Вот она, подпольная преступная Америка* (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп); *Так похоже она это сказала: так говорила далекая преступная Люсьен* (В. Шукшин. Калина красная).

Устанавливаемые государством законы и вытекающие из них правовые нормы являются далеко не единственными формами правил и предписаний, регулирующих жизнь и деятельность отдельных людей и человеческих сообществ. Помимо государственного законодательства и норм права, определяющее и регулирующее воздействие на человеческое поведение оказывают и многие другие нормативные системы (от правил дорожного движения до инструкций по эксплуатации бытовых приборов), среди которых далеко не последнюю роль играют нормы морали. И так же, как и принимаемые государством законы, эти нормы вполне закономерно используются в качестве оценочных критериев критериальных нормативных оценок. Среди средств выражения оценок этого типа, прилагательные, отражающие критериальные моральные оценки, в количественном отношении не уступают прилагательным, репрезентирующим те оценки, где в роли оценочных критериев выступают законы.

Среди слов с морально-оценочными значениями наиболее простой и прозрачной критериально-оценочной семантикой обладают прилагательные *этичный* и *неэтичный*. В абсолютном большинстве случаев своего употребления они означают простое соответствие или несоответствие чего-либо определенным моральным нормам, причем под соответствием следует понимать допустимость или даже долженствовательность каких-то вещей с точки зрения морали, а под несоответствием – их моральную недопустимость, запретность. Важно отметить, что оценки, выражаемые словами *этичный* и *неэтичный*, оказываются применимыми не только к различным действиям и формам поведения людей, но и к конкретным способам и методам совершения действий, ментальным образованиям и речевым произведениям, интеллектуальным артефактам, а иногда даже и к лицам, осуществляющим те или иные действия, например:

1. *За столом он подшучивал или критиковал кого-либо из нас за участие в не очень, по его мнению, этических поступках* (Воспоминания о Шкловском); *Было бы этичным сначала сообщить об этом мне и творческому коллективу* (Е. Бирюкова. Спиваков виртуозно хлопнул дверью); *Комитет палаты общин признал поведение депутатов неэтичным: их временно отстранили* (Ю.

Феофанов. Искушение взяткой); *Даже если и обматерят за неэтичную игру, то очень мило и совсем необидно* (В. Гарин. Божий дар и яичница); *Казалось как-то неэтичным вести переговоры одновременно с двумя поставщиками* (Г. Горелик. Рождение дела).

2. *Готовность... к этичным методам ведения бизнеса характеризует потенциально более устойчивое положение компании на рынке* (Рейтинговый статус как критерий управленческого потенциала); *Применение незаконных и неэтичных методов борьбы стоит на втором месте в списке причин, по которым россияне считают выборы нечестными* (Г. Ильичев. Мы верим только железу); *Не то чтобы Лелюш считал этот прием неэтичным, скорее просто ненужным* (Н. Колесников. Как снималась белая Олимпиада).

3. *Гипотеза помимо прочего обязана быть этичной и политкорректной* (Б. Козловский. Хомячки и принцип фальсификации); *Но решение – не слишком этичное, ибо следовало принять его раньше, до событий 14 декабря* (А. Архангельский. Александр I).

4. *Стороны договорились... не допускать в средствах массовой информации «неэтичных оценок друг друга»* (О. Стулов. Дело U.S.S.U. Arts Group); *Председатель: Вопрос неэтичный!* (А. Арканов. Скорая помощь); *Слово «продавать» по отношению к святыням считалось неэтичным* (И. Грачева. Город мал, да много повидал...).

5. *Считаю эту рекламу неэтичной, – говорит Константин Самойлов, директор по маркетингу компании «Трансмарк»* (А. Мельников. Требуйте отстоя рекламной пены); *Абсолютно неэтичный, на наш взгляд, микс развеселой рекламы и кадров с трагическими событиями сентября* (Е. Алексеева. Реклама в ситуации форс мажора).

6. *Этика существует только для того, кто хочет быть этичным* (С.Н. Булгаков. Свет невечерний); *По-видимому, вы неэтичный человек* (Л. Гинзбург. Записные книжки); *На сцене было устроено чествование театра, при участии только английской прессы, которая пришла... чтоб быть этичной* (Н.Ф. Балиев. Письмо Юрию Ракитину).

Аналогичные, то есть чисто критериальные, морально-оценочные значения могут выражаться также прилагательными *достойный* и *недостойный*. Такие значения наглядно проявляются у этих в целом многозначных слов в сочетаниях с существительными *поведение, поступок, деяние* и некоторыми другими. От семантики определений *этичный* и *неэтичный* семантическое функционирование прилагательных *достойный* и *недостойный* отличается в основном только лишь тем, что они довольно часто отражают такие моральные оценки, в которых в качестве оценочных критериев используются не нормы общечеловеческой нравственности, а предписания, предполагаемые какими-то особыми социально ориентированными, кастовыми, профессиональными, корпоративными и даже ролевыми моральными кодексами. В таких случаях значение соответствия каким-то социально ориентированным моральным нормам тесно переплетается с изначально присущими словам *достойный* и *недостойный* значениями моральной совместимости или несовместимости каких-то форм поведения с социальным, профессиональным или ролевым статусом осуществляющего их лица.

Особенно наглядно отмеченная семантическая специфика интересующих нас прилагательных проявляется в следующих примерах: *От сына знатного человека и рабыни вряд ли можно ожидать разумного и достойного поведения, как от сына того же человека, рожденного в равном и законном браке* (А.Я. Гуревич. Категории средневековой культуры); *Да, эти погоны обязывают всякого, кто имеет честь их носить, к достойным поступкам, порядочности и приличию* (В. Трубецкой. Записки красира); *Он... приводил в полное безгласие захудалых сельских батюшек, когда они являлись к нему получать разнос за недостойные поступки* (К. Паустовский. Книга о жизни); *Про «недостойное поведение» депутата в Кремле писали и говорили все СМИ* (М. Озерова. Депутатская вендетта); *Достойным поведением рожавшей считается спокойствие и молчание, и недостойным – крики, слезы, требования, отказ лежать на спине* (Т. Арефьева. Схватки с папой). С другой стороны, во многих художественных и публицистических текстах слова *достойный* и *недостойный* выступают и как средства выражения оценок, осу-

ществляемых по общечеловеческим моральным критериям, например: *Он думает, что достойный поступок лучше недостойного, и страдает, когда обстоятельства и собственная слабость вынуждают его к какой-нибудь гнусности* (И. Ефимов. Сергей Довлатов как зеркало Александра Гениса); *Тогда я совершила недостойный поступок. Как только она вышла зачем-то из моей комнаты, я открыла её сумочку... и списала адрес, вернее, номер почтового ящика* (Э. Герштейн. Лишняя любовь); *Перед лицом великих духовных достижений прошлого восхищение – более достойная реакция, чем прокурорское умничанье по поводу того, чего не сумели учесть несчастные старики* (С. Аверинцев. Похвальное слово филологии).

Более сложным семантическим содержанием, нежели выражение чисто критериальной моральной оценки, обладает прилагательное *моральный*. В большинстве речевых контекстов оно выступает в своем основном и производном значении «имеющий отношение к морали», которое в современных словарях толкуется по формуле «см. мораль» или «прил. к мораль» и реализуется в словосочетаниях типа *моральные нормы, моральные принципы, моральное сознание* и т. п. Однако в таких сочетаниях, как *моральное поведение, моральная деятельность, моральные поступки*, интересующее нас прилагательное выражает какое-то явно иное, более конкретизированное значение. В некоторых словарях оно толкуется как простое критериально-оценочное – «соответствующий правилам морали» [Ожегов 1984: 319; Лопатин 2011: 343]. Хотя в работах по этике слову *моральный*, определяющему существительные *поведение, деятельность, поступок*, придается несколько иное, более глубокое содержание, которое могло бы быть определено как «не только соответствующий моральным предписаниям, но и обусловливаемый, мотивируемый ими». Так, например, в «Этике» А.А. Гусейнова и Р.Г. Апресяна утверждается, что в человеческом сообществе моральное поведение его членов имеет место только тогда, когда мораль выступает «неотчуждаемой первоосновой сознательной жизни, её реальным смыслом» [Гусейнов 1998: 40]. А такое понятие, как *моральная личность*, трактуется в этой книге как личность, которая «учреждает моральный закон в качестве идеально-

го проекта и делает это для того, чтобы избрать его в качестве нормы собственного поведения» [Гусейнов 1998: 26]. Думается, что именно с предложенным выше (не чисто оценочным, а оценочно-дескрипционным) пониманием прилагательного *моральный* мы сталкиваемся в следующих примерах: *Античные образцы морального поведения в культуре Европы оказались столь устойчивыми, что стремление следовать им обнаруживается в европейских странах и в Новое время* (И.М. Савельева, А.В. Полетаев. Знание о прошлом: теория и история); *Гордись не моральным поступком... пусть толпа подчиняется законам разума, гордиться вправе перед нею тот, кто ощущает в себе беззаконность стихийной воли* (М.Г. Гершензон. Мудрость Пушкина); *Проклято время, где существует необходимость моральной деятельности без действительной в ней нужды, где общество возлагает на вас обязанности, которые само презирает* (А.В. Никитенко. Дневник); *Создавая определенные установки, мы ориентируем общество на какие-то моральные поступки* (А.М. Кашпировский, Это не я вас программирую, это вы сами программируете себя).

Отмеченное выше значение, определяемое как «обусловливаемый моральными предписаниями», может выражаться также прилагательным *нравственный*. В толковых словарях этому прилагательному, как и слову *моральный*, в числе прочих приписывается простое критериально-оценочное значение «соответствующий нормам нравственности (морали)» [СРЯ, т. 2: 513; БТС: 659; Лопатин 2011: 401]. Однако в очень многих случаях прилагательное *нравственный* указывает не только на объективное соответствие человеческого поведения определенным моральным нормам, но и на то, что оно непосредственно обуславливается сознательным следованием этим нормам: *Дело шло о том, возможно ли в наше время основывать нравственное поведение не на религиозных догматах, а на началах чистого разума* (И.И. Мечников. Этюды оптимизма); *Систематически побуждая человека поступать определенным образом, мировоззрение, мораль как бы оседают и закрепляются в его характере в виде привычных способов нравственного поведения* (С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии); *Нравственная деятельность состоит в осу-*

ществлении всеобщего, для всех пригодного, разумного закона, и она не имеет никакой связи со служением своему личному, случайному счастью (Л.М. Лопатин. Нравственное учение Канта); Нравственная деятельность может быть для нас обоснована только абсолютным, т. е. религиозным идеалом (Л.П. Карсавин. О сущности православия); Каждый раз, когда мы отсекаем помысел греховный, мы совершаем нравственный поступок (Протоиерей Д. Смирнов. Проповеди); Всякий истинно нравственный поступок,двигающий вперед нравственность, будет всегда нарушением привычек общества (Л. Толстой. Религия и нравственность); На той ступени, до которой человеческое сознание достигает в христианстве, нравственная жизнь открывается как задача всеобщая и всеобъемлющая (В. Соловьев. Оправдание добра); Без идеи о самодеятельности нашей воли нравственная жизнь не мыслима (Л.М. Лопатин. Вопрос о свободе воли); Признаком отклонения от нормы психического здоровья... является неспособность самостоятельно делать нравственный выбор (в просторечии – «малодушие») (А.В. Шувалов. Гуманитарно-антропологические основы теории психологического здоровья).

В свете описанной нами специфики оценочной семантики слов *моральный* и *нравственный* оценочное значение, выражаемое прилагательными *аморальный* и *безнравственный*, должно быть определено не просто как «противоречащий морали, нормам (требованиям) нравственности», а как «основывающийся на сознательном нарушении моральных (нравственных) норм». Важно отметить, что, выступая в этом значении, слова *аморальный* и *безнравственный*, в отличие от своих антонимов *моральный* и *нравственный*, могут сочетаться не только с существительными *поведение, деятельность, жизнь, поступок*, но и со многими другими словами, обладающими более определенными лексическими значениями. В их число входят наименования конкретными действий, способов и приемов их осуществления, образа жизни, различных жизненных условий и ситуаций, артефактных объектов, речевых произведений:

1. *Я говорил, что и вообще издание газеты – вполне себе занятие аморальное, род предательства и ренегатства (Н. Климонтович. Последняя газета); Многие чувствовали себя оскорб-*

ленными тем, что вынуждены были подчиняться такому глупому и аморальному руководству (А. Зиновьев. Русская судьба); Лишь 50% респондентов США считают гомосексуализм аморальным (М. Чебатко. Россияне против геев); Если это наказание, то... это жестокое, безнравственное наказание! (А.П. Чехов. Безотцовщина); Ею запрещается не ложь вообще, а лишь вполне определенный и всегда безнравственный вид лжи (В. Соловьев. Оправдание добра).

2. Такой технологический и, по существу, аморальный подход игнорирует людей с их проблемами и ценностями (Ю. Кимилев. Культура контроля); Коварство и буйная фантазия тайного советника породили простой и при этом абсолютно аморальный способ проверки (Э. Рязанов. Подведение итогов); Те, кто в своих избирательных программах, скрыто или явно, исповедуют безнравственные приемы достижения и сохранения власти (Б. Вахтин. Этот спорный русский опыт); В доме моего родителя я составил себе о женщинах образ мыслей довольно безнравственный (А. Ахматова. «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина).

3. Аскетизм, который освобождает дух от страстей постыдных (плотских) лишь для того, чтобы тем крепче связать его страстями злыми (духовными), есть ложный или безнравственный аскетизм (В. Соловьев. Оправдание добра); Забота только о своей семье в ущерб всем другим людям расценивается как безнравственный расширенный эгоизм (Н.С. Трубецкой. Об идее-правительнице идеократического государства).

4. Трансцендентные начала противопоставлялись казарменному коллективизму, насилию, аморальному укладу жизни страны (Ю. Азаров. Подозреваемый); Толстой, например, считал безнравственной ту роскошь, в которой живут высшие классы (А. Латынина. «Патент на благородство»: выдаст ли его литература капиталу?).

5. Никому нельзя было простить аморальный, лакейский, душевно-лакейский *opus* (Я. Рубенчик. Портрет композитора); Какое грубое, безнравственное, пошлое и бессмысленное произведение – «Гамлет» (А. Мариенгоф. Это вам, потомки!).

6. *Причем присовокупил безнравственное выражение в смысле простонародного ругательства, о чем и имею честь донести* (А.П. Чехов. Затмение Луны); *Он не разрешал гимназистам ходить в публичную библиотеку, потому что она имела безнравственное название* (В. Астафьев. Зрячий посох).

В тех случаях, когда прилагательные моральный и нравственный, аморальный и безнравственный сочетаются с существительными, обозначающими людей (в словосочетаниях типа моральная личность, нравственный человек, аморальный политик, безнравственный делец), они выражают значения «следующий моральным предписаниям» и «нарушающий требования морали». Оба эти значения, на наш взгляд, также следует интерпретировать уже не как собственно критериально-оценочные, а как оценочно-дескрипционные.

К группе прилагательных, отражающих в своих значениях моральные оценки, тесно примыкают слова, выражающие такие оценки, в которых в роли оценочных критериев выступают принципы справедливости. Семантически и функционально эти слова очень близки к морально-оценочным, а само понятие *справедливость* традиционно рассматривается в качестве одной из основополагающих категорий морали как особой формы человеческого сознания.

Основными лексическими средствами выражения критериальных оценок справедливости являются прилагательные *справедливый* и *несправедливый*. Как и слова *моральный* и *нравственный*, *аморальный* и *безнравственный*, данные прилагательные так же могут использоваться для характеристики людей, означая при этом их склонности соблюдать или не соблюдать принципы справедливости. Однако значение психического свойства является у прилагательных *справедливый* и *несправедливый* вторичным, производным, а в основном своем значении они выступают обычно как выражающие оценочную характеристику некоторых форм человеческой деятельности и различных социальных отношений. Очень важным обстоятельством здесь представляется то, что интересующие нас слова используются для характеристики далеко не всех человеческих действий и форм социального взаимодействия, а только в применении к тем из них, которые заклю-

чаются или в наделении кого-либо какими-то материальными благами, правами и полномочиями, или в поощрении и наказании тех или иных людей за совершенные ими хорошие или дурные поступки. Учитывая эти два аспекта использования слов *справедливый* и *несправедливый*, этики и правоведы начиная со второй половины XIX века различают справедливость распределительную и справедливость воздаяния. Думается, что к названным разновидностям справедливой деятельности следовало бы добавить еще одну – справедливость суждений и оценок. Но эта форма справедливости, будучи принципиально отличной от первых двух, требует особого рассмотрения, и она рассматривалась нами в предыдущей главе. Что же касается справедливости, относящейся к распределению и воздаянию, то она с древнейших времен осмысливается людьми как соответствие человеческих действий определенным жизненным принципам, воспринимаемым в качестве безусловно правильных и должных быть реализованными в практике человеческих отношений.

В европейской философии и этике такое понимание справедливости стало утверждаться еще в V веке до н. э., когда Протагор определил ее, по свидетельству Платона, как правильность поступков [Платон 1968: 323]. Под правильностью следовало понимать соответствие поступков людей определенным требованиям. Однако, в чем состоит сущность тех требований, которые предъявляются к людям справедливостью, было неясно. Некоторые философы видели специфику этих требований в том, что они каким-то образом связаны с законами природы и обуславливаются последними. Однако, согласно пониманию большинства мыслителей древности и Нового времени, различие между справедливым и несправедливым существует не в природе, а только в человеческих мнениях. Для Сократа, например, мерилom справедливого и несправедливого выступало интуитивное нежелание человека видеть несправедливое и поступать несправедливо. Но первым философом, кому удалось дать более или менее адекватное определение справедливости, стал Эпикур. По словам Эпикура, «справедливость сама по себе не есть нечто, но в сношениях людей друг с другом в каких бы то ни было местах всегда она есть

некоторый договор о том, чтобы не вредить и не терпеть вреда» [Материалисты 1955: 217].

Конечно, с современной точки зрения сама справедливость как таковая уже не может рассматриваться как договор. Результатом какого-то гипотетического «договора» могут считаться только принципы справедливости, признаваемые и разделяемые большинством членов того или иного человеческого сообщества. И соответствие и несоответствие этим принципам представляет собой то, что составляет справедливость или несправедливость наших поступков. Однако мысль Эпикура о том, что принципы справедливости создаются путем некоего условного соглашения ради всеобщего блага, представляется нам вполне приемлемой. Сам Эпикур выразил эту мысль следующим образом: «В общем справедливость для всех одна и та же, потому что она есть нечто полезное в отношениях людей друг с другом», но «по отношению ко всем живым существам, которые не могут заключать договоры о том, чтобы не вредить друг другу и не терпеть вреда, нет ничего справедливого и несправедливого; точно так же и по отношению ко всем народам, которые не могут или не хотят заключать договоры о том, чтобы не вредить и не терпеть вреда» [Материалисты 1955: 217].

Понимание справедливого как чего-то соответствующего принципам, вытекающим из некоего негласного общественного договора, разрабатывалось впоследствии многими европейскими и американскими философами. И всегда логическим обоснованием существующих в сознании людей принципов справедливости считались соображения общей пользы и общественной безопасности. Но наиболее верная, на наш взгляд, трактовка справедливого и несправедливого сложилась в советской этике. Здесь справедливость стала рассматриваться уже не как свойство или характеристика человеческой деятельности вообще, а только как общественно одобряемая мера в распределении материальных благ, прав и обязанностей (дистрибутивная справедливость), а также как мера в воздаянии за совершение тех или иных поступков (справедливость воздаяния). Аналогичное понимание справедливости характерно и для работ современных правоведов, психоло-

гов и этиков [Алексеев 1999: 119; Бербешкина 1984: 25, 26; Гулевич 2004: 53; Роулс 1990: 231, 232].

Проанализировав использование прилагательных *справедливый* и *несправедливый* в роли средств выражения нормативных оценок в современных текстах, можно прийти к выводу, что употребляются эти слова преимущественно для означения оценок человеческих действий или каких-то других объектов, связанных, как и следовало ожидать, 1) с распределением материальных ценностей, 2) с наделением какими-то правами, полномочиями и функциями и, конечно же, 3) с воздаянием (вознаграждением или наказанием) за те или иные хорошие или дурные поступки, например:

1. *Кто будет ответственным за содержание вклада, за его изъятие и справедливый дележ?* (Л. Дворецкий. Шакалы); *Нужно не только внедрить справедливый механизм распределения денег, но и изменить сам механизм финансирования* (О. Карпова, А. Починок. Концепция льготного государства бессмысленна); *Восставший «пролетариат» установил «справедливый» распределительный режим красных кхмеров* (В. Вельков. Блажен, кто посетил сей мир...); *Одной из форм хищения является несправедливое распределение плодов труда среди партнеров и работников* (Свод нравственных принципов и правил хозяйствования); *Нам надо поменять те несправедливые законы, которые превратили сельские территории в зону сплошного бедствия, а нас всех сделали обездоленными и бесправными* (Аграрная партия России: выбирай родное, голосуй за своих!).

2. *Каждая из Договаривающихся Сторон обеспечивает на своей территории справедливый и равноправный режим для капиталовложений, осуществленных инвесторами другой Договаривающейся Стороны* (Н. Ерпылева. Правовой статус юридических лиц как субъектов международного частного права); *Если здесь будет справедливый порядок, можно не бояться за судьбу надежного, несуетливого работника* (Л.А. Гордон и др. «Требуется работник...» Какой?) *Станет ясно, что избран некий общий для всех принцип, в конечном счете справедливый* (А.Д. Сахаров. Степень свободы); *Руководство альянса постоянно диктовало нам унижительные и несправедливые условия сотрудничества с*

блоком (В. Баранец. Генштаб без тайн); *Ранят душу несправедливые отношения между Москвой и нашим городом* (А. Андреев. Будущее принадлежит нам!); *Раньше были еще и налоги с оборота – несправедливые и демотивирующие* (Л. Усыкин. Люди первых миллионов).

3. *Соревновательность, гласность, отсутствие привилегий обеспечивают целесообразное и справедливое поощрение труда, способностей и инициативы всех граждан* (В. Белецкая. Судьба и совесть); *Что должно делать в земной жизни, чтобы получить справедливое воздаяние после смерти* (История восточной философии); *Например, письмо в газету: «Мы, вся наша семья такая-то, поддерживаем справедливый суд над бандой меньшевиков!»* (Р. Солнцев. Полураспад); *Ему было жалко чужую несправедливую душу, которой предстоит держать справедливый ответ за свои низкие поступки* (Е. Радов. Змеесос); *Судьба Сергея Ковалева, жестокий и несправедливый приговор ему вызвал сильную реакцию мирового общественного мнения* (А.Д. Сахаров. Воспоминания); *Книги отымут у всей камеры или лишат прогулки – жестокое и несправедливое наказание* (А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ); *Исход (матча) решил пенальти – «несправедливый», как утверждали одни, – «справедливый», не соглашались другие* (Ю. Буйда. По имени Лев).

Поскольку в России понятие справедливости всегда отождествлялось с понятием правды (этому вопросу посвящена довольно обширная литература, к примеру: Арановский 2003, Василенко 1998, Знаков 1998, Печерская 2001), критериальные оценки по этому оценочному критерию могут выражаться и такими этимологически связанными со словом *правда* прилагательными, как *праведный* и *неправедный*, *правый* и *неправый*. Несмотря на менее широкие возможности лексической сочетаемости, эти прилагательные могут означать те же самые формы проявления справедливости и несправедливости, что и слова *справедливый* и *несправедливый*:

1. *У евреев благополучие было праведное, а у греков – прекрасное* (К.И. Чуковский. О лекции г. Минского); *В одно мгновение мне представилась вся его жизнь: кутежи и неправедная нажива денег, распутство, разврат* (Г. Успенский. Новые вре-

мена); *Мзда, несправедливые нажитки ослепили!* (П.И. Мельников-Печерский. В лесах); *И состояние Михаила Ходорковского, и состояние Романа Абрамовича... воспринимается в России подавляющим большинством населения как «ворованная», «несправедливая» собственность* (В. Иванов. Свободу олигархам!); *Если такую операцию повторить много раз, незначительный рост становится очень даже значительным, что позволяет «нажить» несправедливый капитал* (А. Майорова. Виртуальное отечество в опасности); *Бабеф хотел силой, то есть властью, ... разгромить несправое стяжание* (А. Герцен. Былое и думы); *Мне весьма странно мне думается, когда слышу, кому на отчину в приказе несправая дача учинена* (В.Н. Татищев. Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся оной).

2. *Приобретение власти, праведное или несправедное, сохранение или распространение приобретенной власти, возвращение власти утраченной – вот главное её содержание* (В.А. Жуковский. О происшествии 1848 года); *Если какой-нибудь государь установит тяжёлые для народа законы, наложит несправедливые дани, поборы, монополии, кабаки, тот и сам будет тираном, и преемников своих сделает тиранами* (Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей); *Установления властей, зачастую несправедливые, не грех и нарушить, когда власти забыли о них или просто «на минуту» отвернулись* (С. Цирель. Какие силы могут создать гражданское общество в России?); *Как тяжело мне правый закон отца или деда моего нарушить* (И.И. Голиков. Статьи, заключающие в себе характеристику Петра Великого); *Ничего святого, ничего чистого, ничего правого в этом темном мире: господствующее над ним самодурство, дикое, безумное, несправое, прогнало из него всякое сознание чести и права* (Н. Добролюбов. Темное царство); *Ведро водки, обещанное сельскому сходу, нередко решало несправое общественное дело* (Н. Тяпугин. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе).

3. *И все обнаружится на всенародном суде и принесет вам невыносимый срам и осуждение праведное* (Иоанн Кронштадтский. Дневники); *А теперь, други мои, подумаем о том, как свершить праведное возмездие над остальными гнидами* (А. Ро-

стовский. По законам волчьей стаи); *Но может, этим и должна закончиться праведная месть* (А. Лиханов. Кикимора); *И обрушился на него несправедливый гнев из Кремля и МИДа, там громко заворчали, затопали ногами* (В. Баранец. Генштаб без тайн); *От принципа он не отступал, давно окупив несправедливый штраф* (В. Щепоткин. Принцип Козодоева); *Он обязательно заедет на гауптвахту и произведет короткий и правый суд* (А. Хейдок. Безумие желтых пустынь); *Вряд ли изображение Дадона может относиться и к Александру I, с которым Пушкин уже в 1825 году «помирился», «простив ему несправедливое гонение»* (Ф. Раскольников. Статьи о русской литературе); *Горька несправедливая укоризна в устах людей, которых любишь* (И.С. Тургенев. Стихотворения в прозе).

Одними только нормами морали и принципами справедливости набор неофициальных предписаний, регулирующих жизнь и деятельность человека, отнюдь не ограничивается. Как отмечают современные этики, наряду с этими безусловно важными и необходимыми для любого человеческого сообщества установлениями существует еще и особая «внешняя культура», представляющая собой набор определенных правил и требований, не имеющих прямого отношения ни к морали, ни к справедливости. В самом общем виде эта культура означает понятие *правила приличия* или просто одним словом *приличия*. В словарях данное слово (точнее, форма множественного числа существительного *приличие*) толкуется как «правила поведения, принятые в какой-либо общественной среде» [СРЯ, т. 3: 420; БТС: 981]. На наш взгляд, такое толкование представляется слишком узким, не охватывающим всего круга тех деонтических предписаний, которые могут рассматриваться как требования приличия. Ведь эти требования отнюдь не ограничиваются одними лишь поведенческими нормами, регулирующие осознанные человеческие действия, они распространяются и на внешний вид людей, используемые ими предметы (включая одежду, посуду, жилища и пр.), на производимые ими высказывания, тексты и духовные артефакты. О широте приложения требований приличия наглядно свидетельствует лексическая сочетаемость слов, выражающих оценки по этим требованиям как оценочным критериям. К числу таких слов относятся прилагательные *приличный, неприличный, пристойный,*

непристойный, благопристойный, неблагопристойный, а также непотребный. Все эти слова, выражая критериальные оценки приличности и неприличности, способны сочетаться не только с существительными, означающими то или иное поведение, но и со многими другими словами, обозначающими другие объекты из числа перечисленных нами:

1. Приличная внешность обоих, должно быть, успокоила её (А. Куприн. Гранатовый браслет); Здесь на Дунае – жалкий пролетариат эмиграции... старые сюртуки без пуговиц, оборванные тулупы, худые сапоги, худые лица, неприличный вид (К.Н. Леонтьев. Из воспоминаний консула); Президент Аткин давно испытывал желание убраться от ночного соседства жены по многим причинам, главной из которых была неприличная удобка президентии (Б. Лавренев. Крушение республики Итль); Общение с людьми предполагало пристойный внешний вид, демонстрацию ухоженности (Т. Соломатина. Девять месяцев); Было неприятно, что взрослая дочь видела его в трусах... и даже как бы не замечала отцовского непристойного вида (Ю. Трифонов. Дом на набережной); В нем есть та же уклончивость, благопристойная внешность при нежелании что-либо менять (Е. Демьянова, А. Каменский. Миттеран и его эпоха); Шевырев, несмотря на сеньскую свою благопристойную физиономию, почтения к себе не внушает (Т. Шевченко. Дневник); Во время Собрания посторонних не пускать одетых неблагопристойным образом (М.В. Ломоносов. Проект регламента Академии наук); В «Ротонду» приходили исключительно иностранцы, художники и просто бродяги, люди непотребной наружности (И. Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито).

2. У неё один приличный свитер, и тот я когда-то на Ягуне видела (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона); И потом, – продолжал Семен Семенович, – купите вы, наконец, приличный сервис, а то подаете уже черт знает на чем (И. Ильф, Е. Петров. Широкий размах); Мысленным взором увидел я по-европейски приличный, незагаженный подъезд (Б. Грищенко. Посторонний в Кремле); Жене говорит, чтоб заначку с книжки снимала, гроб заказывала приличный, с музыкой (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки); Я давно хотела переменить воротник на

этой рубашке, тот был совершенно неприличный, ветхий, сыпался по сгибу (Ю. Трифонов. Утоление жажды); Брюки дошли до того, что при одном из обходов в пятницу помощник коменданта изволил обратить внимание на мой неприличный костюм (Р.В. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки); Его артисты заслужили себе кулисы и оркестровую яму, а их публика – пристойный зал (Е. Бирюкова. Певцы «Геликон-оперы» скоро почернеют); Непристойными считались шорты и открытые майки (А. Ростовский. По законам волчьей стаи); Что значила в сравнении с грозным тибетским божеством... благопристойная брошь из японского жемчуга? (Е. Парнов. Третий глаз Шивы); Она имела при себе любимца своего... человека, взрослого в трактирах и в неблагопристойных домах (М.М. Щербатов. О повреждении нравов в России); Он арендовал несколько прилавков в одном из центральных универмагов, прибыльно продавал всякое непотребное барахло (А. Троицкий. Удар из прошлого); Приходилось врать, что непотребная машина едет в ремонт и окраску (Э. Рязанов, Э. Брагинский. Тихие омуты).

3. Я рассказал Смерти один не совсем приличный анекдот (И. Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя); Она... сама говорит иногда неприличные вещи, когда дочери нет в комнате (М. Лермонтов. Герой нашего времени); Замужняя женщина, больше того – мать, и вдруг неприличные письма пишите (Э. Рязанов, Э. Брагинский. Служебный роман); На то ты и поэт, чтобы придумать пристойный псевдоним (А. Найман. Рассказы об Анне Ахматовой); Уже выпили и по третьей, и по четвертой – под какой-то совершенно непристойный тост (А. Лазарчук. Все, способные держать оружие...); Есть такой непристойный роман, который в Париже под портиками у Одеона из-под прилавков продается (А. Амфитеатров. Марья Лусьева за границей); Благопристойная, тактичная поэзия Ахматовой казалась... чем-то хрустально-заиндевелившим (В. Бондаренко. Покаяние грешного Глебушки); Никогда не позволял он себе в речи неблагопристойного слова (Н.В. Гоголь. Имертвые души); Дальше шел уже совершенно непотребный текст (Т. Тренина. Никогда не говори «навсегда»).

4. Он испытал страх и смущение, точно ненароком заглянул в книжку с неприличными картинками (Б. Хазанов. Я воскресенье и жизнь); Обычно Иван там, где заставало его безделье, оставлял неприличные веселые рисуночки (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки); Довольно неприличный фильм «Кошка с двумя головами» сделал француз Жак Ноло (А. Мокроусов. Ты в кино! А я на дачу...); Жителя Великобритании чуть не уперли в тюрьму за неприличные садовые скульптуры (С. Грибоедова. Хулиганские новости); Володя, чтобы не подвести Татьяну, сознательно выбрал вполне пристойный репертуар (Д. Карапетян, Владимир Высоцкий); Это непристойный, неприятный спектакль (В. Давыдов, Театр моей мечты); Примерный семьянин тайком идет на непристойный сайт (Идет война безродная. Фишки. Интернет); При папе давали «Мандрагору» Макиавелли, пьесу не совсем благопристойную (Т.Н. Грановский. Лекции по истории позднего Средневековья); Я предложил им поехать в хороший ресторан... и затем в театр, где показывали вполне благопристойный мюзикл (О. Трояновский. Через годы и расстояния); Шекспир не тем велик, что Офелия поет у него неблагопристойную песню, Фальстаф ругается и нянька Юлии говорит двусмысленности (Н.Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы).

Помимо рассмотренных выше случаев, интересующие нас прилагательные могут использоваться для оценочной характеристики людей и даже целых человеческих сообществ, внешний вид и поведение которых мыслятся как соответствующие или не соответствующие каким-то приличиям:

1. И мужик приличный, с портфелем. Какой-то юбилей, говорит, отмечали. Переборщил (Р. Сенчин. Елтышевы); А сам по себе он совершенно не антисемит. И вообще – приличный, интеллигентный человек (М. Александер. Сережа. Быль); Без сякого труда познакомился с ней и один молодой чиновник, по фамилии Фердыщенко, очень неприличный и сальный шут (Ф.М. Достоевский. Идиот); Её «украли», когда Иван ушел покурить... уже изрядно подвыпивший, но еще вполне пристойный в своем влитом костюме (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки); Соул – это непристойный священник Джеймс

Браун, отплясывающий на паперти дикий танец (В. Соловьев. Первое заведение Кертиса Мэйфилда); С каждым может случиться «лунный удар», когда благопристойный человек превращается в преступника (А. Приставкин. Долина смертной тени); Сей же самый неблагопристойный и неприличный дворянин посягнул притом на мою родовую, полученную мною после родителя моего (Н.В. Гоголь. Повесть о том, как поссорились Иван Иванович); Вишь, держит благородную барышню, как какую-нибудь, прости Господи, девку непотребную (Т. Шевченко. Несчастный).

2. Мы изначально приличный клуб, не Госдума какая-нибудь и не кабинет министров (А. Слаповский. 100 лет спустя); Если бы в эмиграции существовал культурный и пристойный музыкальный коллектив, ... то из нескольких стихотворений можно было бы сделать хорошие песни (А. Генис. Довлатов и окрестности); Ветренник и вертопрах, шокирующий благопристойную публику своим экстравагантным видом и запутанной любовной жизнью (А. Гоголь. Спутница романтиков и олигархов); Приходилось с вашими петербургскими сталкиваться – непотребный народ! (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели); Сие непотребное сонмище поведет с собою в спектакль, а из спектакля возьмет с собою свою девку и теряет свои деньги с здоровьем невосвратно (Д.Н. Фонвизин. К родным).

Критериально-оценочные значения соответствия или несоответствия правилам приличия могут быть выражены также прилагательными *культурный* и *некультурный*. Однако в большинстве своих употреблений данные прилагательные выражают чисто дескрипционные значения наличия или отсутствия какой-либо связи характеризуемого объекта с культурой. Критериальные же оценки приличности и неприличности выражаются словами *культурный* и *некультурный* обычно тогда, когда те употребляются в сочетаниях с существительными, обозначающими какие-то формы человеческого поведения, или просто когда речь идет о поведении людей: *Твердые навыки вождения, культурное поведение за рулем делают даму-автомобилистку привлекательнее (А. Ставрова. Дамская агрессия); Колбаска, хлеб, культурное обслуживание (Ю. Коваль. Чайник); Виной тому – не музыка, а некультурное обращение людей с ней и друг с другом (В. Леви.*

Искусство быть собой); *Пора нам идти, Серега, а то я что-нибудь такое некультурное совершу* (Л. Леонов. Русский лес).

Значения оценок по критериям приличий могут проявляться у интересующих нас слов и в других контекстах, например, в сочетаниях с существительными, обозначающими лиц или какие-то общественные заведения: *И вообще, сразу видно, милая, приличная, культурная женщина* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен); *Я на те выкрики сказал, что так ведут себя невоспитанные люди, что тот, кто кричал, – некультурный человек* (Е. Весник. Дарю, что помню); *Сняли бы шляпу! Небось в культурное заведение пришли!* (А. Арканов. Скорая помощь); *Это было не кафе, а как бы культурная пивная* (Л. Гурченко. Аплодисменты). Однако семантика соответствия или несоответствия, следования или не следования каким-то правилам приличия в контекстах такого рода присутствует достаточно редко, а если и присутствует, то проявляется далеко не так отчетливо, как в приведенных нами примерах.

Прилагательные *вежливый* и *невежливый* выражают значения, на наш взгляд, более узкие и более конкретизированные по сравнению со значениями рассмотренных выше лексических единиц. Отличие здесь заключается в том, что человеческая вежливость осмысливается не как склонность соблюдать правила приличного поведения вообще, а как предрасположенность придерживаться тех требований этикета, которые касаются только общения с другими людьми. С этой точки зрения человек, ходящий в театр в мятых джинсах или вытирающий руки об себя за столом, не может считаться невежливым. Поскольку такое поведение не затрагивает других людей, этот человеческий индивид может быть назван только невоспитанным и некультурным. Невежливыми же мы называем лишь тех, кто нарушает этикетные нормы общения с окружающими.

Люди всегда придавали большое значение соблюдению этих норм, хотя ни для кого не являлось секретом то, что существует немало личностей, в поведении которых внешняя вежливость и светский лоск сочетаются с глубочайшим внутренним аморализмом. С другой стороны, бывает и так, что за внешней грубостью и неотесанностью может скрываться большая душа и подлинное

благородство. И тем не менее вежливость с древнейших времен считается важнейшим компонентом человеческих взаимоотношений. Конфуций, к примеру, утверждал, что все свойственные людям добродетели имеют своим источником поведенческий этикет и соблюдение церемоний. На весь мир стало известным изречение Мигеля Сервантеса: «Ничто не стоит так дешево и не ценится людьми так дорого, как вежливость». И даже Иммануил Кант, выше всего ставивший приверженность человека своему моральному долгу, вынужден был признать, что вежливость тоже заслуживает поощрения, поскольку способствует «добродетельному образу мыслей» [Кант 1965: 417]. В современной этике существование в обществе этикетных норм вежливости связывается с понятием человеческого достоинства. С этой точки зрения ценность вежливого поведения усматривается в том, что «его правила в наибольшей степени призваны утвердить такие общие нравственные принципы, как равенство, безусловное уважение достоинства личности, права человека» [Этика 2001: 598].

Сочетаясь с именами существительными, обозначающими лиц, прилагательные *вежливый* и *невежливый* означают свойственные тем или иным людям склонности к соблюдению или несоблюдению правил вежливости как внутренние психические диспозиции – личностные свойства. В сочетании с другими существительными интересующие нас прилагательные выражают не только формальное соответствие или несоответствие каких-то объектов нормам вежливого поведения, но и то, что эти объекты (человеческие поступки, высказывания, тексты) являются продуктами сознательного следования этим нормам или их сознательного нарушения. Думается, что в обоих случаях значения слов *вежливый* и *невежливый* носят не собственно оценочный, а оценочно-дескрипционный характер. Все это в полной мере относится к семантике и употреблению прилагательных *корректный* и *некорректный*:

1. *Такой хороший мальчик, красивый, вежливый, культурный, из порядочной семьи* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Народ там, не в пример норвежцам, тертый, невежливый* (А. Некрасов. Приключения капитана Врунгеля); *Чрезвычайно корректный, с усами, по-столыпински закрученными кверху, Ва-*

сильный Шульгин вырос твердым сторонником самодержавия (А. Алексеев. Падение монархии в России); А некорректный делега-фуфлыжник и старый развратник Пицункер пожалеет еще обо всем (Ф. Чернин. Вячик Слонимиров и его путешествие в непонятное).

2. Не ответив на вежливый поклон пана Душкевича, он поманил его пальцем (В. Кожевников. Щит и меч); В горах считается невежливым плясться друг на друга (В. Скворцов. Каникулы вне закона); Корректное поведение омовцев не распространялось на тех, кто ожидал воров у ресторана (А. Ростовский. По законам волчьей стаи); Ваш поступок более чем некорректный, он наглый (В. Шишков. Пейпус-озеро).

3. Я пожал плечами и вымучил вежливый ответ (В. Астафьев. Обертон); И вдобавок тебя потчуют невежливыми, безграмотными письмами (И.С. Никитин. Письма); А мне думается, вы не совсем правильно сформулировали вопрос, – последовал корректный ответ консультанта (Ю. Мелентьев. О гончарах, красоте и градостроительстве); Извините за некорректный вопрос: на что вы жили (В. Ерофеев. Интервью).

Формы поведения и речевые акты, предполагающие сознательное нарушение правил вежливости, могут быть охарактеризованы при помощи прилагательных *бесцеремонный, беспардонный и развязный*: *Сергея могло задеть неловкое слово, небрежная интонация, бесцеремонный жест (А. Генис. Довлатов и окрестности); И в этот момент – бесцеремонный стук в дверь (Р. Киреев. Картошка); Вопрос был в высшей степени бесцеремонный (Т. Тренина. Русалка для интимных встреч); Её беспардонное поведение в Царском Селе возмутило императора (Б. Васильев. Были и небыли); Сталин расценил бы такое предложение как беспардонный подхалимаж (Г. Фукс. Двое в барабане); Компания шумная, разговор за столом развязный (А. Терехов. Каменный мост); Это был очерк Шпанова о Яковлеве... легкомысленно придуманный, развязный и пошловатый (Л. Гумилевский. Судьба и жизнь).* Этими же прилагательными могут характеризоваться и люди, пренебрегающие правилами вежливого поведения в своих отношениях с окружающими.

Следование тем или иным принципам, правилам и нормам предполагается не только в межличностных отношениях, но и в каждой конкретной форме человеческой деятельности, в том числе и в деятельности профессиональной. Однако соблюдение и несоблюдение людьми каких-то конкретных деятельностных предписаний репрезентируется лексическими средствами русского языка применительно всего лишь к одному-единственному виду профессиональной деятельности – воспитанию. Соответствие каких-либо воспитательных действий требованиям педагогики означает прилагательным *педагогичный*, а несоответствие – словом *непедагогичный*. Интересно отметить, что в современных литературных текстах как педагогичные и непедагогичные могут характеризоваться не только человеческие действия, включая и различные речевые акты, но и какие-то ментальные образования, мысли и даже не контролируемые человеческой волей эмоциональные переживания и чувства:

1. *Надо было, пускай и против материнской природы, возвыситься до педагогичных и благоразумных мер* (Б. Пастернак. Детство Люверс); *Напридумывали чепухи: можно, нельзя, педагогично, непедагогично... Самое педагогичное: не стареть, остаться собой* (Л. Кабо. Повесть о Борисе Беклешове); *Поить школьников водкой представлялось непедагогичным* (М. Веллер. Белый ослик).

2. *Формулы Христа были преувеличенными, педагогичными* (Митрополит Антоний (Блум). Диалог верующего с неверующими); *Если же эпизод ему нравился, он не боялся похвалить и не считал это непедагогичным* (Э. Рязанов. Подведенные итоги).

3. *Ребенок... отправлен на эту «живодерню ума и души», чтобы долгие годы получать противоречивый опыт отнюдь не самого педагогичного свойства* (Проблемы многодетной семьи сегодня); *Эта предпосылка рождала выводы, непедагогичные и далеко идущие* (Г. Полонский. Доживем до понедельника).

4. *Софья Андреевна нисколько не стыдилась непедагогичной ненависти* (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки); *И учительница Александра Николаевна... вдруг с яростью, вероятно непедагогичной, схватила меня за плечи и стала трясти* (Д. Самойлов. Общий дневник); *Их обоих никто не лю-*

бил непедagogичной, слепой, всепрощающей, сумасшедшей любовью (М. Варденга. Лохматое счастье Кейт Бланшетт).

Важнейшими деонтическими предписаниями, без которых немислима жизнь современного общества, являются нормы правильной устной и письменной литературной речи. Речь, соответствующая этим предписаниям, определяется посредством прилагательного *грамотный*, а высказывания, тексты и отдельные словоупотребления, не соответствующие нормам литературной речи, характеризуются при помощи определений *неграмотный* и *безграмотный*: *Письмо было не шибко грамотное, но самоуверенное* (А. Сурикова. Любовь со второго взгляда); *Написал я одно, кажется, грамотное стихотворение* (С. Довлатов. Армейские письма к отцу); *Для жаренного в масле колечка остается единственное грамотное название – пышка* (С. Логинов. Пышка, пончик и «аладья»); *И тогда вырвалось громкое и грубо неграмотное: «Ах, мыша!»* Л. Гурченко. Аплодисменты); *Кроме того, он писал неграмотные стихи* (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь); *Соколов любил иногда посмеяться над глупой статейкой или безграмотной речью* (В. Гроссман. Жизнь и судьба); *Вера без особого интереса пробежала глазами безграмотные строчки* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Выступая в роли определений при именах существительных, обозначающих людей, интересующие нас прилагательные, помимо простой фиксации чьего-либо умения или неумения читать и писать, могут выражать критериальные оценки речевой культуры каких-то лиц или характеризовать общий уровень их профессиональной и общекультурной компетентности: *Этот не очень грамотный, не очень нравящийся или вовсе не нравящийся Джордж Буш-младший умеет раскручивать свою Америку* (В. Молчанов. Консуэло Сегура); *Я вспомнил слова Фuffy: «Опять у нас неграмотное правительство!»* (А. Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь); *Ну, ясное дело, кто писал – приبلудное отребье, обозленные безграмотные подонки общества* (М. Гамбург. Рассказы).

Помимо оценок, связанных с речевыми нормами как оценочными критериями, слова *грамотный*, *неграмотный* и *безграмотный* способны также выражать критериально-оценочные значе-

ния, основанные на учете каких-то иных, чаще всего профессионально ориентированных правил и предписаний, например: *Грамотный монтаж, даже в самых простых фильмах, предполагает соблюдение целого набора правил* (Правила монтажа кадров «по Кулешову»); *И, по-моему, я делаю что-то методологически очень грамотное* (Т. Москвина. Пускай безумствует мечта); *Считалось, что это мажорный, политически грамотный финал* (И. Кио. Иллюзии без иллюзий); *АПС не может предотвратить вылет, если неграмотные действия пилота приведут к срыву заднего моста* (Б. Мурадов. Контроль снят); *Ты, прежде чем позориться на людях, указания свои безграмотные раздавать, закрылся бы на денек да хоть инструкцию, что ли, прочитал* (С. Данилюк. Рублевая зона).

Одним из существеннейших феноменов общественного сознания, регулирующих повседневную жизнь людей, является мода. В современной науке это явление не получило еще достойного осмысления и описания, однако совершенно очевидным представляется то, мода как социально-психологическое явление включает в себе, помимо всего прочего, и определенный набор деонтических предписаний, касающихся самых разных сторон человеческого бытия — от приобретения каких-то предметов одежды и аксессуаров до манер поведения и профессий. Деонтическая (предписывающая) модальность моды как специфического феномена сознания отчетливо проявляется в таких выражениях, как *требования моды, предписания моды, мода диктует, мода навязывает* и т. п. Вполне естественно, что, как и любые другие предписания деонтического характера, требования моды могут выступать в качестве критериев особых нормативно-критериальных оценок, которые выражаются при помощи прилагательных *модный, немодный, старомодный, новомодный, стильный, модерновый*: *Джекки переоделась, сейчас на ней было прелестное платье и модный пиджак* (Э. Рязанов, Э. Брагинский. Тихие омуты); *Жена писателя — немодная профессия* (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия); *Какая старомодная учтивость, — говорю...* (С. Довлатов. Заповедник); *В политологии существует такая новомодная теория по поводу столкновения цивилизаций* (А. Шарон. Во главе коалиции террора стоит арафат); *Плетеные*

кроссовки сочетают в себе стильный дизайн и «дышащую» структуру (Фокусы и покусы); Помпезное и бессмысленное зрелище, к тому же слизанное с какого-то английского модернового спектакля (М. Казаков. Актерская книга).

Нормативные критериально-оценочные значения могут быть свойственны и таким прилагательным, как *своевременный, несвоевременный, преждевременный и запоздалый*. Это имеет место тогда, когда перечисленные слова выражают оценки каких-либо действий с точки зрения тех сроков, которые для данных действий считаются долженствующими. Именно те временные периоды, в которые согласно тем или иным установлениям должны осуществляться какие-либо действия, выступают в подобных случаях в роли оценочных критериев, например: *Своевременный и качественный выпуск продукции, полная отдача в работе коллектива даже в самые трудные времена избавляли предприятие от перебоев в выдаче зарплаты (Л. Зорин. Гасан Набиев: жизнь – это сценарий, написанный Судьбой); Ответственность за несвоевременный отход катера (шлюпки) после доклада ложится на лицо, задержавшее катер (шлюпку) (Корабельный устав Военно-морского флота Российской Федерации); За опоздание, преждевременный уход с работы, превышение времени на перерывы – штрафы (Г. Садулаев. Таблетка); Прошу Вас принять и мое запоздалое приветствие (Н. Галкина. Вилла Рено).*

Критериально-нормативный характер могут носить и оценки, выражаемые словами *достаточный, недостаточный, излишний, избыточный, чрезмерный*. Оценочными критериями здесь могут быть количественные показатели, признаваемые кем-либо долженствующими. Однако эти случаи уже были рассмотрены нами в параграфе, посвященном описанию прилагательных с количественно-оценочными значениями.

3.3. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОТРАЖАЮЩИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

Несмотря на многовековую историю научной разработки этой проблематики, определение сущностной природы эстетических оценок все еще остается одной из нерешенных проблем эс-

тетики и других, связанных с ней гуманитарных наук. В языкознании эстетические оценки трактуются в настоящее время как оценки сублемированные, «вытекающие из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок». Они мыслятся как возвышающиеся над сенсорно-вкусовыми оценками и гуманизирующие последние, поскольку представляются связанными с удовлетворением чувства прекрасного [Арутюнова 1988: 75, 76; см. также: Писанова 1997б: 5, 20; Сергеева 2009: 29].

Сложный, комплексный характер эстетических оценок неоднократно отмечали и ученые, специализирующиеся в области эстетики. Так, к примеру, Л.Н. Столович утверждал, что «в эстетическом отношении человека к действительности слиты воедино мышление, воля, чувства-эмоции и чувства-ощущения», поэтому данное отношение «является целостным чувственно-образным и идейно-эмоциональным отношением, духовно утверждающим человека» [Столович 1961: 69]. Вместе с тем указывалось и на то, что важнейшим, основополагающим компонентом эстетического отношения к различным природным или артефактным объектам является чувство эстетического наслаждения. Прекрасное, по мнению Л.Н. Столовича, «выражает общественно-практическую ценность явления в той мере, в какой оно в своей чувственно-конкретной целостности и совершенстве выступает как общественно-человеческая ценность». Однако, «когда человек воспринимает прекрасные явления, обо всем этом он специально не думает. Он просто испытывает удивительное чувство радости духовного наслаждения». И «задача эстетики как философии красоты заключается в том, чтобы постигнуть природу этого человеческого переживания и его истоки» [Столович 1978: 29].

На эмоциональную или сенсорно-гедонистическую составляющую как на чувственную первооснову эстетических оценок указывают многие современные ученые – философы, психологи, искусствоведы, языковеды. С предельной прямоотой данная мысль выражается, например, Т.В. Кузнецовой, утверждающей, что сущность эстетической оценки какого-либо предмета заключается в том, что «данный предмет просто нравится или не нравится. И этот факт принимается как безусловный, без всякого анализа

или обоснования». Такое отношение человека к миру следует называть эстетическим [Кузнецова 2013: 193].

С другой стороны, некоторые авторы связывают своеобразие эстетических оценок с использованием некоторых специфических ментальных образований, способных выступать в роли особых эстетических оценочных критериев. Образования такого рода называют по-разному – эстетическими представлениями [Богуславский 1995], идеалами [Столович 1978; Арская 2002], нормами [Сизова 1985; Писанова 1997а, 1997б; Арутюнова 2004], оценочными стереотипами [Ли Хуа 2006, 2007]. При этом напрямую высказывается или подразумевается мысль о том, что эстетическое переживание, представляющее собой эмоциональное содержание эстетической оценки, выступает как следствие мысленного соотнесения оцениваемого объекта с эстетическим идеалом, нормой, стереотипом. Правда, каким образом, какими путями и на основе чего формируются подобные идеалы, нормы и стереотипы и в чем их принципиальное отличие от всех остальных возможных типов оценочных критериев, остается неясным.

На наш взгляд, в подобных теоретических построениях реальное положение вещей трактуется несколько превратно – здесь, как иногда говорят, телега явно ставится впереди лошади. Ведь специфика используемых при эстетических оценках логических критериев (можно называть их эстетическими оценочными стереотипами) как раз и состоит в том, что они создаются исключительно на основе эмоциональных переживаний, подводимых под отражающее их сенсорно-гедонистическую сущность понятие эстетического наслаждения. В самом общем виде дело обстоит, по видимому, так: образы восприятия и сформированные на их основе представления тех предметов, которые своим видом вызывают позитивные эстетические переживания, генерализуются нашим мозгом в виде каких-то обобщенных ментальных образований – абстрактных моделей, которые затем оказываются способными выступать в качестве критериев вторичных, уже не непосредственно эмоциональных (или гедонистических), а чисто мыслительных критериальных эстетических оценок. Понятно, что все эти процессы и образования имеют преимущественно подсознательный характер и потому не поддаются непосред-

ственному наблюдению, что в свою очередь затрудняет их адекватное описание. Между тем на уровне языковых и в первую очередь лексических репрезентаций первичные сенсорно-гедонистические и вторичные критериальные эстетические оценки различаются довольно последовательно. Первые выражаются при помощи прилагательных *красивый* и *некрасивый* и их многочисленных синонимов, полный перечень которых приводится в некоторых работах [см., например: Лифшиц 2001; Писанова 1997]. Лексические средства представления вторых будут рассмотрены нами ниже.

Довольно простыми и показательными примерами вторичных эстетических оценок, осуществляемых с использованием особых эстетических критериев, могут служить оценки, выражаемые словами *гармоничный*, *гармонический*, *дисгармоничный*, *дисгармонический* и *диссонансный*. Будучи используемы как средства характеристики сложных звуковых комплексов, и прежде всего различных музыкальных произведений, эти слова отражают в своих значениях такие оценки, при которых в качестве оценочных критериев выступают человеческие представления о звуковой гармонии (благозвучии), основывающиеся в свою очередь на чувстве эстетического наслаждения, сопровождающего восприятие тех или иных звукосочетаний или звукорядов. Звуковые комплексы, соответствующие критериям такого рода, характеризуются как *гармоничные* или *гармонические*, звуки и мелодии, не соответствующие этим критериям, – как *дисгармоничные*, *дисгармонические* или *диссонансные*, например:

1. *Это какие-то высокие, необыкновенно звучные и гармоничные стоны, издаваемые целыми десятками голосов* (А.И. Куприн. На глухарей); *Он старался выдавить из неё (фисгармонии) стройные, гармоничные звуки и подпевал* (А.П. Чехов. Анна на шее); *Как пианист, нажимая на одни клавиши и отпуская другие, создает гармоничные аккорды, так и клетка разыгрывает мелодию жизни с помощью «клавиатуры» репрессоров* (Л. Григорьев, Л. Мархасев. Повесть о ежах и молекулах); *Говор разноречивой толпы, крик, стук, плеск весел – все сливалось в общий гармонический гул* (А. Вышеславцев. С мыса Доброй Надежды); *Русские люди еще в глубокой древности обращали внимание на*

гармоническое сочетание колокольного звона (А.И. Цветаева. Сказ о звонаре Московском); Каданс – гармонический оборот, завершающий музыкальное построение и сопровождающийся ритмической остановкой (С. Васильева. Первый встречный); Затем я начал импровизировать и сыграл несколько квадратов (гармоническая схема, соответствующая теме) в свой микрофон (А. Козлов. Козел на саксе).

2. Он менее страдал от дисгармоничных звуков, но тишина доставляла ему громадное удовольствие (И.И. Мечников. Этюды оптимизма); Дисгармоничный шум оркестра усиливается, доходит до какофонии (В. Катаев. Театр); В среднем регистре дисгармонические трепыхания изображали шум работающих станков (Л. Утесов. Спасибо, сердце); На гневный волевой призыв-аккорд, утонувший в огромной паузе, ответил диссонансами дисгармонический аккорд в контроктаве (И. Полянская. Прохождение тени); В короткое замедление адажио вплелись учащавшиеся диссонансные звучания каких-то ударных инструментов (И. Ефремов. Туманность Андромеды); Из зала раздается взрыв воплей и свист попеременно с грохотом отдельных, пока еще диссонансных аккордов электрогитары (М. Палей. Long Distance, или Славянский акцент); Именно на этой постановке возникло сильнейшее несогласие актеров с его попыткой оркестровки диссонансной музыки (О. Яковлева. Так было не только со мной).

Понятия гармонии и дисгармонии (диссонанса) оказываются вполне применимыми и для характеристики зрительно воспринимаемых признаков эстетически оцениваемых объектов. В таких случаях эстетические оценки могут производиться с помощью оценочных критериев двух типов – таких, которые применяются для оценки расцветки объектов эстетической оценки, и тех, что используются для характеристики их внешних контуров, строения, пропорций. Критерии первого типа основываются на чувствах удовольствия и неудовольствия, возникающих при восприятии гармонирующих и не гармонирующих цветов. Критерии второго типа являются производными от непосредственного эстетического восприятия физических форм различных материальных предметов, и в первую очередь – человеческого лица и тела:

1. *Гармоническое сочетание красок веселило глаз, радостная мажорная музыка ласкала слух (Я. Ларри. Страна счастливых); Расцветку они все же предпочитают азиатскую – диссонансную, яркую, непривычную нам: розовые брюки, петушиные костюмы (К. Преображенский. Дело вкуса).*

2. *Карты, их гармоничные линии и строго обдуманнные цвета, ничего не говорят нам о прошлом, не владеют чарой атавистических воспоминаний (Н. Гумилев. Карты); Может быть, южнорусский домонгольский храм, гармоничный и стройный, не является еще совершенным образцом русской идеи храма, достигнутым на Владимирском и Новгородском севере (Г.П. Федотов. Три столицы); Гармоническое сочетание линий, изящество форм, не исключавшие некоторой полноты, – таковы были отличительные черты этой удивительной женщины (Н. Гейнце. Князь Тавриды); Волосы, глаза, нос, рот, шея, грудь и все движения молодого тела слились вместе в один цельный, гармонический аккорд, в котором природа не ошиблась ни на одну малейшую черту (А.П. Чехов. Красавицы); Вблизи это лицо не казалось таким красивым, как издали: что-то в нем было бешеное, дисгармоничное (И. Грекова. Перелом).*

В роли критериев оценок, выражаемых словами *гармоничный* и *гармонический*, могут выступать также представления о доставляющих удовольствие определенным образом сбалансированных вкусах и запахах, например: *Дегустаторы отметили гармоничный вкус и букет и явные тона выдержки (А. Савин. И ты, брют!); Высокий стройный бокал усиливает интенсивный аромат и гармоничный вкус, великолепно балансирует фруктовость и кислотность, подчеркивает минеральный финиш (М. Умнов. Форма определяет содержание); К запахам естественных душистых растений он добавляет другие, в природе не встречающиеся, но дающие с ними гармоническое сочетание (Р. Фридман. Искусство парфюмера).* Однако в подобных случаях вряд ли можно говорить о выражении именно эстетических оценок, несмотря на то, что все признаки критериальной оценочности здесь налицо. Точно так же не могут считаться эстетическими оценки гармоничности человеческих характеров, межличностных и социальных отношений, различных экономических моделей, научных

теорий и вероучений, мироустройства вообще: в качестве критериев здесь выступают не эстетические стереотипы, а разного рода идеалы.

Средствами выражения эстетических оценок, осуществляемых с помощью критериев, связанных со зрительным восприятием, являются такие прилагательные, как *ладный*, *изящный*, *грациозный*. Все эти слова выражают соответствие определенных внешних признаков оцениваемых объектов эстетическим стереотипам, сформировавшимся путем генерализации образов зрительного восприятия того, что при созерцании тех или иных предметов доставляет нам чувство эстетического наслаждения. Так, определение *ладный* включает в себе идею сообразности с соответствующим эстетическим стереотипом признаков внешней формы, размерности и размерной соотнесенности составных частей характеризуемого объекта. В современных толковых словарях такое критериально-оценочное значение слова *ладный* определяется двояко – и как «хорошо сложенный», и как «хорошо устроенный» или «хорошо сделанный» [СРЯ, т. 2: 160; БТС: 485; Лопатин 2011: 300]. Первое толкование относится обычно к тем случаям, когда прилагательное *ладный* выступает как средство оценочной характеристики людей и животных (*ладный парень*, *ладный конь*, *ладная фигура*, *ладный стан* и т. п.), второе же толкование вполне применимо к тем контекстам, где интересующее нас слово выражает эстетическую оценку каких-то артефактных предметов, например: *Я вынул из кобуры маленький, ладный, чистенький, хорошо смазанный маузер* (В. Катаев. Виадук); *Первый ладный и бравый сноп стал с краю поля* (Н. Богданов. Враг); *Он каждому дал удобный, ладный, красивый молоток* Ю. Дружков. Волшебная школа); *Она отошла в сторонку, уселась в плетеное креслице, такое же ладное, как и она сама* Л. Карелин. Подснежник); *Наткнулись на самогонные инструменты в истопке – казан и ладный, выгнутый из медного патрубка змеевик* (В. Быков. Знак беды); *Он приехал «с петухами», позавтракал... и, выйдя из-за стола, взял в руки свой ладный топорик* (В. Титов. Краеугольный камень); *Ничего себе, ладный домишко будет, одних окон восемь* (Г. Марков. Строговы). В других контекстах, скажем, в словосочетаниях типа *ладный праздник*, *ладный заработок*, *лад-*

ное хозяйство, ладное пиво и т. п., прилагательному *ладный* может быть приписано просто значение «хороший», не имеющее отношения к критериальным оценкам эстетического характера.

Прилагательное *изящный* во всех современных словарях толкуется одинаково – как «обладающий изяществом», а вот в толкованиях слова *изящество* имеются некоторые расхождения. Общим местом здесь является использование семантического дескриптора «соразмерность», который указывает на то, что основанием оценки в данном случае выступает форма и строение оцениваемого объекта. Однако источники человеческих представлений об эстетической соразмерности форм тех или иных предметов в словарных определениях понятия *изящество* указываются не всегда. Если же эти источники упоминаются, то изящество трактуется как соразмерность, «отвечающая требованиям художественного вкуса» [СРЯ, т. 1: 658; Ожегов 1984: 219; Лопатин 2011: 237]. Таким образом, критериями оценки соразмерности форм, позволяющими характеризовать какие-то предметы как изящные или не изящные, провозглашаются требования художественного вкуса, которые, на наш взгляд, представляют собой не что иное, как определенные, прикладываемые к тем или иным предметным классам эстетические стереотипы.

Специфичной функциональной и семантической особенностью прилагательного *изящный*, отличающей его, например, от слова *ладный*, является то, что интересующее нас прилагательное может использоваться только для характеристики относительно небольших по толщине и охвату предметов и не применяется для выражения эстетической оценки вещей объемных, крупных, больших в диаметре или поперечнике. Думается, можно согласиться с Е.В. Урысон, которая, описывая языковое выражение эстетических оценок человеческого тела, отметила, что определение *изящный* «указывает на то, что объем тела субъекта меньше среднего». При этом «*изящный* – это еще и тонкий в кости», поэтому нормально выглядит словосочетание *изящная тоненькая брюнетка*, несколько странно – *крепкая изящная брюнетка*, и совсем уж плохо – *изящная пышная красавица*. В то же время «слово *изящный* не содержит никакого указания на рост субъекта; поэтому одинаково допустимо *высокая изящная шатенка* и *невысо-*

кая изящная шатенка». Далее: «Это слово предполагает скорее гибкость, нежели физическую силу и связанное с ней здоровье субъекта; поэтому нормально *изящные гибкие танцовщицы, слабые изящные руки* и гораздо менее стандартно *изящные сильные танцовщицы (руки)*». Кроме того, «изящный предполагает красоту и тонкость не только линии тела как таковой, но и его осанки, движений и т. п. Поэтому странно *Она изящная, но сутулится, ходит некрасиво, вразвалку*; ср. более приемлемое *Она стройная, но сутулится, ходит некрасиво, вразвалку*». В целом же определение *изящный* «выражает максимально высокую эстетическую оценку субъекта, указывая на то, что весь его физический облик удовлетворяет требованиям самого строгого художественного вкуса» [Урысон 2004: 483].

Все, что было сказано Е.В. Урысон о передаче словом *изящный* эстетических оценок человеческого тела, может быть отнесено и к выражаемым этим словом характеристикам многих других предметов – различных артефактных объектов, живых существ и растений, например:

1. *Потом он зашел в цветочный магазин, подобрал букет, небольшой, но изящный: флоксы, немного зелени* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); *Недели две спустя он отправляет ей с рабочими изящный шкафчик, счет, конечно, приложен* (В. Маканин. Отдушина); *Красный изящный домик Голицыных. Напротив – Аничков дворец, Потемкин тут жил* (В. Попов. Свободное плавание).

2. *Изящный гнедой жеребец просовывает морду между перекладинами и облизывает мне руку* (В. Михайлова. Кавалерия нашего времени); *Их хищной мохнатой гусеницы появился легкий, изящный мотылек, минуя стадию куколки* (Н. Рубан. Тельняшка для киборга).

3. *Этот невысокий изящный кустик цветет ранней весной собранными в пучки сиреневыми цветками – напоминает миниатюрную сирень* (А. Анашина. Опасная красота); *Эта изящная лиана переносит частичное затенение* (Ш. Марчинский. Король вашего сада).

Прилагательное *изящный* может использоваться и как средство оценочной характеристики различных действий, физиче-

ских, интеллектуальных, речевых, которые должны, однако, отличаться известной легкостью, относительной простотой, отсутствием излишних ходов и ненужной детализации: *Изящный жест тонкой, в браслетах и кольцах, руки в сторону незаметной двери в стене* (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона); *Сделав изящный полупоклон, он сокрушенно развел руками* (Л. Зорин. Казанские истории); *Замминистра сделал изящный ход* (А. Литвинов. Президент отказался от Грефа); *Оказалось, что уравнения его теории допускают простое и изящное решение* (Р. Нудельман. Космология: конец или продолжение?); *Не случайно упоминание в этом стихотворении слова «четки» – еще один изящный кивок в сторону Ахматовой* (М. Кралин. Двух голосов перекличка); *Теперь следовало смотреть во все глаза и не просмотреть того, ради чего он и затеял весь этот изящный диалог об искусстве* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости). То же самое относится и к качествам характеризуемых как изящные ментальных образований и текстов: *Он лично разработал изящный план устранения генерала: с помощью бескомпромиссного пера журналистки Синицыной* (В. Синицына. Муза и генерал); *Вот изящный четырехстрочный набоковский палиндром с античными аллитерациями* (М. Голубовский. Анаграммные вариации: состукивание слов); *Или другой его изящный анаграммный каламбур: Ты грустно восклицаешь: ТА ЛИИ Я?* (М. Голубовский. Анаграммные вариации: состукивание слов).

Изящные действия, осуществляемые людьми или животными, могут характеризоваться и как грациозные. Думается, что именно оценка действий, соотносимых с соответствующими эстетическими стереотипами, является первичной семантической функций прилагательного *грациозный*. В таких случаях обычно говорят о грациозных жестах, поклонах, танцах, прыжках, беге, походке и т. д. С другой стороны, при помощи слова *грациозный* может быть выражена и эстетическая оценка человека или животного, однако при этом за основание оценки принимается не внешний вид оцениваемого объекта вообще, а изящество производимых им движений, осанки, принимаемых поз (что, к стати, последовательно отмечается во всех толковых словарях русского языка). То, что определяющую роль при определении объекта как

грациозного играют именно его движения, а не что-либо другое, хорошо видно из следующих примеров: *Стройная, грациозная, нужно было видеть, как она преклоняла колени, подымалась, крестилась* (В.В. Вересаев. Воспоминания); *Посмотрите, не правда ли, я грациозная?* – она стала разводить руками, склонять голову (К. Вагинов. Козлиная песнь); *Бесспорно, «Сирано» красив... идеально четкий в манипуляциях с зонтами и мечами, грациозный в медленной чайной церемонии со святыми блудницами* (Т. Сузуки. Артисту нужно быть литератором, прошедшим балетную школу); *Ворона, она такая грациозная, так гордо ступает, прямо умница* (С. Шаргунов. Ура!); *За ними с берега хищно следил длинный, тонкий, грациозный хорек... грации и легкости его забавных пробегов, кувырканий, прыжков, клянусь, я не знаю ничего равного* (В. Чернов. Перед бурей).

Чтобы считаться или казаться грациозным, оцениваемому объекту (человеку, например) даже не обязательно обладать особым телесным изяществом, стройностью форм, тонкостью линий и т. п. – достаточно быть способным производить более или менее изящные движения: *Это была красивая пара, особенно Ахтур, широкоплечий, сильный, как буйвол, и грациозный, как козочка* (В. Жаботинский. Самсон Назорей); *Чем похожи тяжелый, грузный Горный... и лихой Низинский, грациозный и взрывной, несмотря на двухметровый рост и внушительную комплекцию* (Е. Козырева. Дамская охота). С другой стороны, даже самое утонченное изящество тела не дает человеку права называться грациозным, если в его движениях отсутствует необходимая грация: *Вытянулась Катя, а все такая же. Тоненькая, но не грациозная, скорей неуклюжая* (И. Грекова. Под фонарем).

Существуют и такие контексты, где слово *грациозный* является практически синонимичным прилагательному *изящный*. В таких случаях интересующее нас слово выступает в качестве эстетически-оценочного определения при существительных, обозначающих различные неодушевленные природные и артефактные объекты, например: *Князь Горчаков любовался ими, как любит грациозный нарцисс, склоненный над водою, своими красивыми формами* (В.П. Мещерский. Мои воспоминания); *А мастерски приколотый цветок или грациозный локон определяют*

число побед на бале (И. Кокорев. Публикации и вывески); У самой дороги возвышался необычайно грациозный древний храмик Дианы (П.В. Анненков. Литературные воспоминания); Легкий, грациозный висячий мост соорудил Львов, инженер и музыкант (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны); Недавно я кончил «Валентину», роман, грациозный при всей его глубине (А.В. Дружинин. Дневник); Она прочла детям коротенький, но очень грациозный рассказ (К.Д. Ушинский. Педагогическая поездка по Швейцарии); Какая грациозная конструкция: экранизация романа, отсылающего к созданию романа, который читают и одновременно пишут (Н. Цыркун. Жизнь взаимы).

Оценочное значение несовпадения формы оцениваемого объекта с соответствующим эстетическим стереотипом выражается прилагательными *нескладный*, *неуклюжий* и *аляповатый*. Причем, если слово *нескладный* просто указывает на несоответствие строения объекта эстетическому критерию формы, то прилагательные *неуклюжий* и *аляповатый* выражают еще и дополнительную информацию о том, что общие размеры оцениваемого предмета явно выходят за рамки, предусматриваемые содержанием соответствующего эстетического стереотипа. Сравним:

1. *У Тихикова треугольная голова, высокий лоб, коротенькая, нескладная фигура (Г. Белых, Л. Пантелеев. Республика ШКИД); Подошел американец, лауреат Нобелевской премии, нескладный, длиннорукий (Д. Гранин. Зубр); Лошадь старая, умом не уступающая человеку, нескладная и машистая (И. Бунин. Хороших кровей); Одет он был в нескладный вицмундир и в уродливейшую, казенную, серо-синюю шинель (А. Писемский. Взбаламученное море); Поздно вечером за мной пришло, дуднув во дворе, маршрутное такси, нескладный, с высокой крышей автобусик на 10 пассажиров (М. Зайчик. В нашем регионе).*

2. *Шла она стороной, в неуклюжей, нескладной, по колени длинной, грузной стеганке ватной. Неуклюжий наряд, неуклюжа фигура. Только синим был взгляд. Да коса белокура (К. Ваншенкин. Писательский клуб); Мы над ним смеялись – он такой неуклюжий был, большой, белобрысый (Т. Устинова. Подруга особого назначения); Он был очень затейлив, этот огромный ларец, неуклюжий и сквозной, весь увешанный деревянными кружевами и*

полотенцами (Ю. Домбровский. Хранитель древностей); Длинный, неуклюжий диван, обитый потертой тисненой кожей, со львами, вырезанными из черного дерева, по краям... (Л. Разгон. Непридуманное).

3. Нос большой, довольно аляповатый и довольно красный (Т. Шавченко. Прогулка с удовольствием и не без морали); И нечто снисходительно-сонное появилось на его круглом, аляповатом без очков лице (Ю. Бондарев. Берег); То ли доярка-рекордистка, то ли стахановка, со звездой Героя Соцтруда, бесформенная, аляповатая... (Н. Шлиппенбах. И явил нам Довлатов Петра); Ярko осветилась тяжелая, аляповатая мебель (П. Краснов. Ложь); Я с изумлением заметил на его запястье аляповатый золотой браслет (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет); Роскошь была грубая, аляповатая, бьющая в глаза, безвкусная (П. Краснов. От двуглавого орла к красному знамени).

Прилагательное *аляповатый*, помимо эстетических оценок, осуществляемых по основанию формы и размерности оцениваемого объекта, способно также выражать оценки, основанные на учете его расцветки: тот или иной предмет может быть охарактеризован как аляповатый еще и в том случае, когда его цвета не соответствуют представлениям о цветовой гармонии, присущим для соответствующего эстетического стереотипа, например: *Неудачен ковер, которым завешено окно во второй картине: аляповатая расцветка его не вяжется с остальной обстановкой, подобранной с большим вкусом (Ю. Нехорошев. Удачный дебют); Попробуй теперь кто-нибудь надень чулок с черной пяткой – покажется некрасивым, аляповатым (В. Солоухин. Письма из Русского музея); Огромный черный сапог на голубом или другом ярком фоне означал сапожную мастерскую, аляповатый красносиний мячик и труба – игрушечный магазин И. Дьяконов. Книга воспоминаний); Картина привлекала мое внимание. Аляповатая, в общем-то мазня. Но было в ней что-то трогательное (А. Жигулин. Обломки «Черных камней»); Около часа Никитин добросовестно переходил от нарочито примитивных портретов к аляповатым индустриальным пейзажам (В. Пронин. Концерт в Сан-Франциско).*

Слово *неуклюжий* зачастую используется для характеристики какого-либо объекта с точки зрения степени изящества, а вернее, если быть совсем точным, — отсутствия изящества в совершаемых им движениях: *Им что-то плохо верится, что их конкретный левша — такой неуклюжий, вечно все бьющий и проливающий, с таким ужасным почерком — когда-нибудь подкует не то что блоху, хотя бы лошадь* (Н. Коршунова. Одной левой); *Давным-давно он, неуклюжий буйволенок, вместе с матерью и отцом когда-то первый раз вошел в море* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема); *Легковая машина пошла резвее, оставив далеко позади неуклюжий автобус* (П. Сиркес. Труба исхода). В современных толковых словарях такое значение интерпретируется или как оттенок уже рассмотренного выше основного значения прилагательного *неуклюжий* — «нескладный» [СРЯ, т. 2: 489], или вообще никак не отграничивается от последнего. [Ожегов 1984: 364; Лопатин 2011: 393]. Только в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова значение «неловкий в движениях» трактуется как самостоятельное лексическое значение слова *неуклюжий* [БТС: 645]. И это, думается, вполне оправданно, поскольку рассматриваемые нами оценочные значения выражают эстетические оценки, выносимые по разным основаниям и с учетом различных оценочных критериев.

В качестве особого оценочного значения, как нам представляется, должно выделяться и приписываемое слову *неуклюжий* в «Большом толковом словаре» значение «лишенный легкости и изящества (о движениях)». Уже из его толкования видно, что данное значение бывает присуще интересующему нас прилагательному в тех случаях, когда последнее выступает в сочетании с именами существительными, обозначающими те или иные движения, причем движения эти никак не могут быть охарактеризованы как изящные, например: *«Неотложка» сделала неуклюжий рывок* (С. Шаргунов. Приключения черни); *Неуклюжий танец под тубу, эта маскировка народного творчества...* (В. Аксенов. Актерская книга); *Благая попытка упредить «черный пиар» превращается в очередной неуклюжий маневр власти по созданию определенной психологической атмосферы в индустрии средств массовой информации* (Д. Волгин. Поправки к закону «О СМИ»

усилят региональную власть). Такое оценочное значение может с успехом выражаться и прилагательным *нескладный*: *Внешне нескладный вроде бы танец... служил на самом деле весьма ухищренной и действенной подготовкой к поединкам* (И. Лебедев. Невидимое оружие); *Угрюмый, нескладный вой «Интернационала» доносился с теплеющим ветром* (П. Краснов. Ложь).

Различные не отличающиеся изяществом стиля формы речи и тексты также могут быть характеризованы при посредстве прилагательных *нескладный*, *неуклюжий* и даже *аляповатый*: *Речь, построенная на красивых, понятных образах, текущая ритмично и плавно, всегда убедительнее, понятнее, чем сухая и нескладная* (Б. Плюснин-Кронин. Новый этап); *И самые обороты фраз, которыми он передавал свои военные воспоминания, принимали у него невольно странный, неуклюжий, несколько книжный характер* (А. Куприн. Гранатовый браслет); *Внизу плаката помещался неуклюжий стишок в четыре строчки* (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом); *Вообще самый аляповатый стилистический разнбой нисколько не коробит его, и от него всегда можно ждать сочетания высокого стиля с вульгарным* (К. Чуковский. Высокое искусство). Как нескладные и неуклюжие могут характеризоваться даже отдельные не потрафляющие чьему-либо эстетическому вкусу слова: *Фамилия у него была нескладная, тройная* (А.П. Чехов. Расстройство компенсации); *Язык мой не в силах произнести неуклюжий термин «инсталляция», щедро пропахивший засорившимся сортиром* (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания); *Здесь мы вынуждены ввести несколько неуклюжий термин «равноизносимость» – аналог понятия «равнопрочность»* (Л.Г. Коварский. Износ и ремонт). Однако чаще всего при использовании прилагательных *нескладный* и *неуклюжий* в роли определений при существительных, обозначающих какие-то формы речи и тексты, данными прилагательными выражается все-таки не эстетическая оценка стиля того или иного речевого произведения, а информация о какой-то свойственной ему содержательной нелепости, нелогичности, непоследовательности, что больше соответствует понятию дескрипции, нежели критериальной оценочности.

В особую функционально-семантическую группу могут быть выделены прилагательные, нацеленные преимущественно на выражение критериальных эстетических оценок различных артефактных объектов. Это такие слова, как *элегантный, шикарный, безвкусный, вычурный, художественный, высокохудожественный, малохудожественный и антихудожественный*.

Прилагательное *элегантный* толкуется в современных словарях чаще всего как «изысканный, изящный» [Ожегов 1984: 806; Лопатин 2011: 896] или «изысканно-изящный» [ТСРЯ: 902; СРЯ, т. 4: 755]. Тем самым его значение в определенной мере отождествляется со значением слова *изящный*, хотя дескриптор «изысканный», т. е. «утонченный», указывает на прямую связь расцениваемого как *элегантный* предмета с человеческой деятельностью: в природе, как известно, не отмечается ничего изысканного или утонченного, в то время как изящного там может быть обнаружено предостаточно. По-видимому, правы были авторы «Большого толкового словаря русского языка», когда расширили толкование прилагательного *элегантный*, добавив к дескрипторам «изысканный» и «изящный» определение «строгого художественного вкуса», которое может быть соотносимо только лишь с артефактными объектами [БТС: 1518]. Именно требования эстетического вкуса, прилагаемые к различным производимым людьми предметам, и являются теми оценочными стереотипами, которые выступают в роли критериев эстетических оценок, выражаемых словом *элегантный*. При этом диапазон артефактов, могущих быть охарактеризованными как *элегантные*, предельно широк – от каких-то мелких безделушек, предметов одежды и аксессуаров до довольно значительных по размерам и масштабных объектов, как, к примеру, в следующих предложениях: *Спортивный и в то же время элегантный интерьер получил отделку из высококачественных материалов* (Д. Панов. В поиске новых форм); *Вход в дом украсит элегантный розарий* (К. Котикова. Цветники в ландшафтном дизайне); *Два морских буксира осторожно вели «за усы» элегантный четырехмачтовый корабль «Жаклин»* (С. Аксентьев. Жизнь на маяках); *И очень часто при этом на все лады склонялось слово «элегантный» – элегантная площадь, элегантный собор, элегантная улица, словом, с третье-*

го раза я уже твердо усвоила, что Рим – город элегантный (Л. Костюкова. О странах и народах. Рим на бегу и навсегда).

Помимо существительных, обозначающих различные артефактные предметы, прилагательное *элегантный* может сочетаться со словами, обозначающими лиц. В этом случае оно выражает значение «со вкусом, изысканно одетый», которое трактуется в некоторых толковых словарях как особый семантический оттенок его основного значения «изысканно-изящный» [СРЯ, т. 4: 755; БТС: 1518]. А кроме того, выступая в переносном значении, не отмечаемом современными словарями, определение *элегантный* может использоваться и как средство характеристики каких-то отличающихся простотой и логичностью человеческих действий, которые в полной мере могли бы быть определяемы и как изящные: *Яркая партия, красивая комбинация, элегантный эндшпиль* (Е. Гик. Поединки за шахматную корону); *Придумать такой элегантный маневр пока в состоянии только человек* (Е. Гик. Вундеркинд обогнал трех королей); *Соединение консолей в единое целое – чрезвычайно красивый, даже элегантный процесс* (Б. Руденко. Мост вдоль Москвы-реки); *Там существовал очень элегантный механизм мягкого управления многочисленными редакциями* (Г. Павловский. Агитпроп или самиздат).

Прилагательное *шикарный*, помимо идеи общего соответствия какого-либо артефакта требованиям эстетического вкуса, выражает еще и значение относительно большой стоимости эстетически оцениваемого объекта. Можно сказать, что в данном случае на семантику критериальной эстетической оценки накладывается дополнительное количественно-оценочное значение дороговизны, богатства, роскошности, что неизменно фиксируется во всех словарных толкованиях слова *шикарный*. Объектами оценок такого рода могут быть самые разные артефактные предметы – от каких-то элементов гардероба и мелких аксессуаров до различных строений и прочих масштабных произведений рук человеческих, включая даже целые городские районы: *У Ролана новый шикарный галстук, только очень длинный* (А. Сурикова. Любовь со второго взгляда); *Шикарный костюм Алика – тройка серебристого цвета – оказался Савелию в пору* (В. Доценко. Срок для Бешеного); *Гурову показалось, что свой шикарный кейс адво-*

кат держит теперь легко, как перышко (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша); Накрахмаленные салфеточки, шикарный фарфор, все подобрано по цветам (С. Спивакова. Не все); Кое-что стало проясняться в моей голове, когда за мной приехал шикарный, блестящий старинный «Роллс-Ройс» бордового цвета (А. Тарасов. Миллионер); Лучшие всего виден шикарный трехэтажный особняк с зимним садом на крыше (В. Дятликович. Не говорить по-сербски); С севера подступает шикарный Биверли-Хиллз, с юга – забубенная Санта-Моника (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп).

В сочетаниях с именами существительными, обозначающими людей, прилагательное *шикарный* может выражать значение «обладающий шиком», т. е. «шикарно одетый» или «владеющий шикарными вещами»: *Он – шикарный богач, живет в отеле, подбирает на улице проститутку, влюбляется по уши, и – хэппи энд (М. Головинская. Противоречие по сути); Шикарная женщина: мягкое платье, черный длинный обезьяний мех на шее и на подоле, под мышкой – ручка зонтика из слоновой кости толщиной в полена, маленькая шляпа парижской соломки – на семьдесят пять долларов без обману (А. Толстой. Черная пятница); Шикарная блондинка, одетая от Gucci and Christian Dior, ввела меня в хоромы, небрежно бросив норковое манто на антикварные стулья (Н. Щербак. Самая престижная школа в Лондоне); В субботу на открытии у меня был «весь Шанхай». Самая шикарная публика (Л. Вертинская. Синяя птица любви).*

Сочетаясь с абстрактными существительными, слово *шикарный* обычно теряет эстетико-оценочный компонент своей семантики и предстает в более простом и тривиальном значении «богатый, роскошный, дорогостоящий», например: *Он закатил шикарный ужин с испанской мадерой, смирновской водкой и солеными грибами (В. Конецкий. Вчерашние заботы); В самой Академии был устроен шикарный банкет с самыми дорогими деликатесами (А. Сурикова. Любовь со второго взгляда); И обедневший инженер Коган с протянутой рукой стоял у подъезда оперы в дни великосветских премьер, наблюдая шикарный выезд своих детей (Д. Самойлов. Общий дневник); Все-таки позволь мне описать этот шикарный праздник, на котором я случайно оказался*

(С. Осипов. Страсти по Фоме); *По слухам, в кабинете начальника РОВД был сделан вообще шикарный ремонт* (М. Спиричева. Такие разные бюджетники). Кроме того, в огромном количестве контекстов прилагательное *шикарный* выражает вторичное общеоценочное значение «очень хороший», выступая синонимом таких слов, как *прекрасный, замечательный* и им подобных. Однако речь об этом еще впереди.

Артефактные объекты, не соответствующие соотносимым с ними эстетическим оценочным стереотипам, однозначно характеризуются как безвкусовые, независимо от того, какие конкретные качества принимаются за основания эстетической оценки. Если в роли оцениваемого объекта выступает какой-то материальный предмет, определение *безвкусовый* может выражать негативные оценки, основанные на учете или формы, или расцветки данного объекта, или и того и другого одновременно:

1. *Катя села подле резного безвкусового дубового письменного стола* (В. Катаев. Время, вперед!); *Грех воздвигать рядом с храмом Христа Спасителя такой скверный и безвкусовый памятник* (Т. Савельева. Долой царя!); *Внутри был новенький, довольно безвкусовый серебряный портсигар* (В. Набоков. Звонок).

2. *В пестроте и грязных тонах его окраски было что-то скучное, надоедливое и безвкусовое* (Л. Андреев. В тумане); *С ярко-красным зонтиком, в пестром безвкусовом наряде я мечтаю быть генеральшей* (Л. Чарская. Мой принц); *Живи здесь другой человек, квартира, может, казалась бы безвкусовой: обои в огромных оранжевых цветах, такие же яркие кресла, тахта* (С. Каледин. Записки гробокопателя).

3. *Что-то зеленое с красным, новое, дешевое и безвкусовое на старом, дорогом и тоже безвкусовом – таково было общее впечатление от залы заседаний Конвента в бывшем дворце французских королей* (М. Алданов. Девятое термидора); *Большой безвкусовый кабинет плыл и качался в глазах Яконова* (А. Солженицын. В круге первом); *Под сырые гитарные взрывы группы Sonic Youth в стиле хэви-металл выходили модели – в чем-то несусветно безвкусовом* (А. Карабаш. Человек-утро).

Когда как безвкусовые характеризуются какие-либо высказывания, тексты, литературные произведения, за основания эстети-

ческой оценки принимаются совершенно иные, специфические именно для этих объектов признаки, которые могут носить как информационно-содержательный, так и чисто формалистический (языковой, стилистический) характер. О потенциальном многообразии этих признаков, а следовательно, и о содержательном многообразии критериев эстетической оценки различных форм речи и речевых произведений, на наш взгляд, могут свидетельствовать следующие примеры: *В ту пору какого-то ориентального, безвкусного краснбайства Перкель среди своих считался плохим оратором* (С. Липкин. Записки жильца); *Есть нечто безвкусное в этой манере философствования, нечто от философского и научного полусвета* (Н.В. Устрялов. Из письма); *Осталась одна риторика, и притом безвкусная. Официальные формулы об «опасности» и «спасении»... нисколько не ласкали слух* (Н. Суханов. Записки о революции); *В стихотворении «Всадница» действительно «сугубая проза» одерживает верх над «сугубой поэзией», создавая ощущение чего-то безвкусного и аляповатого* (А. Терехов. Бабаев); *Вступление, безвкусное, выспренное, уж очень затянулось* (Э. Радзинский. Наш Декамерон); *Галицкий же написал текст плоский, сусальный и безвкусный, изобилующий самыми трафаретными оборотами* (Ю. Келдыш. «Дарвазское ущелье». Оперный театр им. Станиславского); *Я мог бы сознаться, что нахожу эту книгу плохой – безвкусной, вычурной, претенциозной* (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания).

При характеристике как безвкусных различных произведений тех или иных видов искусства прилагаемые к ним эстетические оценочные критерии могут быть самыми разными, причем и такими, которые бывают известны и понятны только самому оценивающему субъекту, будучи производными только от его собственных художественных вкусов. И зачастую бывает непонятно, что именно, какие именно признаки оцениваемого объекта человек имел в виду, когда расценивал то или иное произведение как безвкусное, например: *Я увидел мелкобуржуазное безвкусное искусство, почему-то именующее себя реализмом, да еще социалистическим* (Е. Евтушенко. Волчий паспорт); *Фильм вышел плохой и безвкусный, и среди интеллигентной московской публики не имел никакого успеха* (Ю. Елагин. Укрощение искусств); *Он же*

(Горький) написал безвкусного «Буревестника» (что никогда не случилось, например, с Достоевским) (Ю. Анненков. Дневник моих встреч).

Наиболее явным и очевидным, сразу бросающимся в глаза проявлением безвкусия является эстетическое свойство, именуемое вычурностью. Думается, что именно благодаря такой самоочевидной проявленности оно и получило в русском языке особые средства своего лексического значения. Отражающее данное свойство прилагательное *вычурный* толкуется в современных словарях как «излишне затейливый, чрезмерно украшенный, нарочито усложненный, замысловатый» [СРЯ, т. 1: 291; БТС: 188; Ожегов 1984: 111; Лопатин 2011: 112]. Тем самым подчеркивается мысль, что объекты, характеризующиеся как вычурные, содержат в себе слишком много излишних элементов, могущих быть интерпретируемыми как разного рода «красивости», однако при этом нелишним было бы особо отметить, что ненужность всех этих элементов предопределяется исключительно требованиями художественного вкуса и содержанием соответствующих стереотипов эстетической оценки. Объекты, подвергаемые оценкам такого рода, могут иметь самую разную природу, правда, не выходящую за рамки материальной и духовной артефактности. Обратимся к примерам: *Графа «Хочу» – для тех, кто не желает отказаться от мечты найти какую-нибудь экзотическую вещь, например вычурный наряд от Иссея Мияке* (О. Спирина. Дышите дважды); *Переводчик увлек меня на вычурный, весь раззолоченный мост Александра Третьего, и я увидел легендарную Сену* (В. Арро. Дом прибежища); *Неразборчивая вычурная подпись. Слово «совершенная» подчеркнуто трижды* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Жук в муравейнике); *Конецкий избегал стилистических изысков, а Баунов мог искусно сплести вычурный триптих «Собаки»* (И. Кузьмичев. Дом на канале); *Эта вычурная галиматья имеет лишь один реальный смысл* (Ю.А. Жданов. Во мгле противоречий); *Нечистый дернул меня сказать – не нравится мне, мол, его язык: вычурный, много иностранных слов* (О. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца); *Бальмонт ненавидит американского барда... навязывает ему свои бальмонтизмы, свой вычурный стиль модерн* (К. Чуковский. Высокое

искусство); *Отрывистые, суетливые движения тела составляли вычурный танец* (А. Иличевский. Ай-Петри).

Определение *художественный* и прилагательные, производные от него, используются в основном для выражения эстетических оценок тех предметов, которые относятся к сфере искусства. В отдельных случаях они могут выступать и как средства оценочной характеристики некоторых артефактных объектов, приближающихся по своей природе к произведениям искусства, например: *Но, быть может, все платья хороши, художественны, а творцы их – торгаши и ремесленники* (А. Бенуа. «Французик из Бордо» или художник?); *К этому я и стремлюсь, чтобы все мои статьи были художественны как по смыслу, так и по содержанию* (В.Н. Гельфанд. Дневники 1941–1943 гг.). Но основными объектами оценок, выражаемых при помощи слов *художественный, высокохудожественный, малохудожественный и антихудожественный*, являются именно произведения искусства. И в роли критериев оценок такого рода выступают эстетические оценочные стереотипы, относящиеся к сфере искусства.

Что касается прилагательного *художественный*, то здесь прежде всего следует отметить, что слово это, отличаясь довольно значительной многозначностью, выступает в большинстве современных текстов в значениях, ничего общего не имеющих с феноменом критериальной эстетической оценки, – в таких как «относящийся к искусству», «свойственный произведениям искусства», «содержащий в себе элемент искусства» и т. д. А критериально-оценочное значение, толкуемое обычно как «отвечающий требованиям искусства, эстетического вкуса» [БТС: 1456; Ожегов 1984: 774; Лопатин 2011: 858], проявляется у интересующего нас прилагательного относительно редко, и чаще всего тогда, когда данное прилагательное выступает в предикативной функции: *Карикатура в исполнении Бунина была молниеносна, художественна и беспощадна* (Дон Аминадо. Поезд на третьем пути); *И несправедливо упрекать скромного художника за то, что он пишет всю жизнь только этюды с натуры, если его этюды художественны* (И.Е. Репин. Далекое близкое); *Стихи не художественны, неудачны, от них веет смертью* (Г. Чулков. Годы странствий); *Пусть правда на сцене будет реалистична, но*

пусть она будет художественна (К.С. Станиславский. Работа актера над собой).

Особенно явственно значение критериальной эстетической оценки выступает у слова *художественный*, если оно подчеркивается наречиями типа *истинно, вполне, максимально, очень, безусловно* и т. п.: *Стоит только не заботиться о сказочном интересе, чтоб создать рассказ истинно художественный* (В. Майков. Стихотворения Кольцова); *Дочитал до конца все три листа, снял очки... и сказал: – Ну что ж, вполне художественно* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей); *На карте вопрос о подлинной советской детской книге, о книге, которая была бы... максимально художественна* (К.И. Чуковский. О докладе в ГИЗе); *Американец говорил, что фигуры очень художественны* (В. Набоков. Король, дама, валет); *Безупречно художественен любой эпизод* (В. Сердюченко. Солженицын: непреклонный пророк); *А вдруг художественные его тексты не столь уж художественны* (А. Слаповский. День денег). Все перечисленные выше наречия так или иначе отражают меру приближения художественных качеств оцениваемого объекта к тому или иному выступающему в роли оценочного критерия эстетическому стереотипу, что представляется совершенно неуместным для тех случаев, где слово *художественный* выступает не в критериально-оценочном, а в каком-либо одном из своих дескрипционных значений.

Для прилагательных *высокохудожественный, малохудожественный* и *антихудожественный* значения критериальной эстетической оценки являются единственно возможными, никаких дескрипционных, равно как и каких-либо иных лексических значений они выражать не могут, и это последовательно фиксируется во всех современных толковых словарях.

Слово *высокохудожественный* используется для характеристики таких произведений искусства, которые по своим художественным качествам превышают уровень, задаваемый общепринятыми эстетическими стереотипами, и приближаются к уровню самых высоких эстетических идеалов, например: *Особенно хороши были его портреты хозяина и хозяйки дома – Нечитайловых... Это было по колориту нечто высокохудожественное*

(И.Е. Репин. Далекое близкое); *Редактор прочел короткую сказку, нашел её высокохудожественной, глубоконравственной, захватывающей и поучительной* (Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты); *Мне нужен высокохудожественный клип, поэтому я не работаю с клипмейкерами – это не для меня* (А. Розенбаум. Бультерьер).

Что же касается прилагательных *малохудожественный* и *антихудожественный*, то совершенно очевидно, что с их помощью выражаются эстетические оценки тех объектов, которые не соответствуют тем или иным стереотипным представлениям, относящимся к сфере искусства. Причем, если определение *малохудожественный* чаще всего выражает элементарное «недотягивание» оцениваемого объекта до уровня соответствующего эстетического стереотипа, то с помощью слова *антихудожественный* могут выражаться оценки произведений искусства, явно противоречащих эстетическим вкусам оценивающего субъекта, воплощающих художественные принципы, чуждые субъекту, не разделяемые им. Сравним:

1 *Ковер приобретал совершенное сходство с цветной репродукцией... но результаты получались крайне малохудожественными* (М. Чегодаева. Соцреализм: мифы и реальность); *Мы услышали ряд малохудожественных обработок, слабо отражающих и дух народной песни, и индивидуальность композитора* (Ю. Шапорин. Большое событие. Всесоюзный конкурс вокалистов); *Это – неправда: он только воспротивился печатанию некоторых глав из второго тома «Мертвых душ», как малохудожественных* (А. Воронский. Гоголь); *Параджанов – монстр, умеющий, не слезая с грязной постели, обливать малохудожественной грязью своих друзей* (В. Смехов. Театр моей памяти).

2. *Ложно понимаемая правдивость исполнения приводит к излишнему натурализму, грубым антихудожественным деталям* (Г. Еленина. На конкурсе вокалистов); *Г. Нижинский ударился в крайность, дал нечто грубое, антихудожественное, и за это ему досталось* (Неизвестный. Эскизы и кроки); *На последних художественных выставках... можно было встретить работы, несущие в себе пережитки формализма, натурализма, примитивизма и стилизаторства, работы антихудожественные, ремес-*

ленные (М. Чегодаева. Соцреализм: мифы и реальность); *Снова замелькали выражения «о джазовой стряпне», о недоброкачественности, судорожности, грубости джазовой музыки... об «антихудожественной какофонии»* (Л. Утесов. Спасибо, сердце!)

Помимо рассмотренных выше слов, значения критериальной эстетической оценки могут также передаваться прилагательными *нелепый* и *несуразный*, основной семантической функцией которых является выражение оценок не эстетического, а гностического характера. В последнем параграфе предшествующей главы нами рассматривались случаи, где данные прилагательные используются для характеристики тех вещей (предметов, действий, отношений и пр.), существование или осуществление которых представляется неоправданным с точки зрения логики и здравого смысла. Завершая же данную главу, считаем необходимым отметить, что посредством определений *нелепый* и *несуразный* могут характеризоваться и такие объекты, которые представляются не соответствующими каким-то эстетическим стереотипам. Думается, что круг потенциальных объектов такого рода практически неограничен: как нелепые или несуразные могут определяться практически все природные и артефактные предметы, живые существа, лица, движения и процессы, в принципе способные подвергаться эстетическим оценкам:

1. *Из ствола дерева – кажется, это был тополь – тянулся вверх нелепый прут с несколькими глянцевыми листиками* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана); *И то, что природа обделила его хвостом, оставив нелепый обрубок, представляет этого хищника в каком-то даже легкомысленном, несерьезном свете* (А. Валентинов. Разорвать цепь); *На верхней губе у меня неожиданно вырос какой-то несуразный пушок* (К.И. Чуковский. Серебряный герб).

2. *Старикашка был облачен в нелепый синий двубортный пиджак* (Г. Садулаев. Таблетка); *Нелепый розовый дождевик светился на фоне моря все на том же камне* (М. Шишкин. Венерин волос); *Корявый мужичонко, ровняясь время от времени с пешеходами, иногда приподнимал свой несуразный малахай* (В. Крестовский. Панургово стадо); *В результате возник довольно несущ-*

разный по обличию домина (В. Аксенов. Новый сладостный стиль).

3. *И помогает ему в этом последняя из всех лошадок – нелепый и некрасивый Конек-Горбунок* (Д.С. Лихачев. Заметки о русском); *И разве не смешон знаменитый «гадкий утенок» – такой несуразный на земле, – пока он не вырос в прекрасного белого лебедя?* (В. Бианки. Рассказы).

4. *Длинноволосый, нелепый и тощий, он производил впечатление шизофреника-симулянта* (С. Довлатов. Заповедник); *Несуразный он был парень: приземистый, голова какая-то плоская, нос крошечный с пережабиной* (Н.С. Лесков. Житие одной бабы); *Это был необычайно рослый волосатый человек, угрюмый и несуразный* (А. Фадеев. Рождение Амгуньского полка).

5. *Я показал, что хочу вымыть руки, сделал нелепый кукольный жест и почему-то на цыпочках, вбирая голову в плечи, отправился в ванную* (М. Голованивская. Противоречие по сути); *Мы все бросились отплясывать несуразный танец сумасшедшего счастья* (А. Белянин. Свирепый ландграф).

3.4. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОТРАЖАЮЩИЕ СТАНДАРТНЫЕ ОЦЕНКИ

Стандартными мы называем такие критериальные оценки, при которых в качестве оценочных критериев выступают различные стандарты, понимаемые как определенные совокупности требований качественного характера, предъявляемые людьми к самым разным материальным, идеальным, социальным, культурным и иным объектам, так или иначе вовлеченным в сферу человеческой деятельности.

В современных словарях слово *стандарт* толкуется обычно как «типовой образец, которому должно удовлетворять что-либо по размерам, форме, качеству» [СРЯ, т. 4: 247; БТС: 1259]. Ключевым семантическим дескриптором в этом толковании выступает словосочетание *типовой образец*, которое в некоторых словарях дополняется существительным *вид* [Ожегов 1984: 678; Лопатин 2011: 845]. Такое дополнение представляется нам довольно важным, существенно уточняющим смысловую суть всей дефиниции. Ведь под образцами понимаются обычно какие-то мате-

риальные предметы, представляющиеся нам эталонными по отношению к тем или иным предметным классам (образцы производимой продукции, образцы горных пород и т. д.). В случае же осуществления стандартных оценок мы чаще всего имеем дело не с какими-то материальными эталонами (хотя и это не исключено), а с различными выступающими в роли оценочных критериев стереотипными представлениями, имеющими идеальный (ментальный) характер. Содержание такого рода представлений (стереотипов стандартных оценок) составляют более конкретные человеческие представления о тех свойствах и качествах различных вещей, которые делают данные вещи более или менее подходящими для человеческого потребления или использования в деятельности. В этом, собственно говоря, и заключается специфика тех оценок, которые мы предлагаем именовать стандартными.

В научной литературе по аксиологии оценки стандартного характера в качестве какого-то особого типа или вида оценок никогда и никем не выделялись. Н.Д. Арутюнова рассматривала оценки такого рода в составе нормативных рационалистических оценок [Арутюнова 1984: 13, 15; Арутюнова 1988: 75, 77], несмотря на то, что деонтические модальные значения, являющиеся конституирующими для критериев собственно нормативных оценок, в содержании критериев стандартных оценок могут присутствовать только факультативно – лишь там, где речь идет о требованиях, предъявляемых к каким-то артефактным объектам. В.М. Богуславский трактовал свойства стандартности и нестандартности как проявления экзистенциальной оценочности и отождествлял эти свойства с обычностью / необычностью, типичностью / нетипичностью, оригинальностью / заурядностью и т. д. [Богуславский 1995: 23]. В очень многих работах, где стандартные оценки как таковые не вычленяются, какие-то стандарты упоминаются в перечнях возможных критериев («оснований») оценок общего типа, наряду с нормами, эталонами, идеалами, ценностными представлениями, фрагментами «идеализированной картины мира» и пр. [Ивин 1970: 31–44; Шрамм 1979: 39–42; Вольф 1985: 54; Сергеева 2009: 28; Герасименко 2002; Касторнова 2002; Токарева 2005]. В нашем же понимании стандартные оценки представляют собой особый тип критериальных оценок,

принципиально отличающихся по характеру своих критериев от всех остальных видов оценок, не исключая нормативных и экзистенциальных.

Среди языковых средств выражения оценочных значений интересующего нас типа на первое место, конечно же, должны быть поставлены слова *стандартный* и *нестандартный*. Значение прилагательного *стандартный* толкуется в словарях прежде всего как «соответствующий стандарту» или «удовлетворяющий стандарту» [СРЯ, т. 4: 247; Ожегов 1984: 678; Лопатин 2011: 845]. Правда, в современных научных, публицистических и художественных текстах данное прилагательное часто используется в другом своем значении, которое определяется как «лишенный оригинальности, своеобразия» [СРЯ, т. 4: 247; БТС: 1259], например: *Лучше заменить стандартный диффузный экран про-светным, системы Reversa* (Д. Лысак. Представительский класс); *Стандартный завтрак – вермишель с котлетой, салат, чай* (М. Елизаров. Библиотекарь); *Не хотите ли вы сделать заявление? – задал я стандартный вопрос* (П. Михненко. Этикет). *Лицо негра окаменело: перед ним стоял стандартный белый* (Е. Велтистов. Ноктюрн пустоты). Однако это значение, могущее в принципе быть интерпретированным как экзистенциально-оценочное, является у слова *стандартный* вторичным, производным от основного стандартно-оценочного его значения.

Выступая в своем основном значении стандартной оценки, прилагательное *стандартный* сочетается преимущественно с существительными, обозначающими какие-либо материальные объекты – те, к которым прикладываются какие-то стандарты в виде оценочных стереотипов. Такими объектами могут быть предметы не только артефактного, но природного происхождения, так или иначе вовлекаемые в сферу человеческой деятельности. Сама необходимость приложения к такого рода объектам каких-то выработанных людьми стандартов обусловливается именно вовлеченностью этих объектов в деятельность, в производство. Стандарты в данном случае отражают параметры наибольшей пригодности тех или иных природных предметов для использования в производственной деятельности. Соответствие объекта этим параметрам напрямую выражается прилагательным

стандартный, например: Посадку дуба надо осуществлять сортовыми и обычными стандартными сеянцами (Смешанные дубовые насаждения в Донской области); Стандартный однолетний саженец имеет ствол длиной 1,0–1,3 м, толщина его на расстоянии 10 см от корневой шейки – 1,0–1,2 см, корневая система состоит из 3–5 корней длиной 20–25 см (В. Концевой. Сорвать и съесть).

В абсолютном большинстве случаев выражаемая интересующим нас словом оценка стандартности бывает соотнесена с тем или иным материальным артефактным объектом – каким-либо материальным продуктом, создаваемым в процессе производства. И это не случайно: ведь само явление стандартизации имеет отношение прежде всего к производству различных материальных ценностей. Прежде чем производить какую-либо продукцию, вначале следует определиться со всеми её будущими параметрами – требуемыми показателями по тем или иным потребительским свойствам. В противном же случае, если эти параметры не определены и не ясны, само производство становится бессмысленным: производимая продукция может оказаться ни на что не годной и никому не нужной. Многие производственные стандарты определяются особыми утверждаемыми государством документами – ГОСТами, и этот факт иногда фиксируется в тех контекстах, где употребляется и слово *стандартный*, например: *Нами предусмотрена возможность изготовления кирпича трех типоразмеров – стандартный ГОСТовский (одинарный), полнотелый и облицовочный (И. Логинова. Взгляд изобретателя); Если прессов нет, можно использовать стандартные гнутые уголки (ГОСТ 8276-63) (С. Киевский. Детский «конструктор» для взрослых химиков).*

Помимо артефактных и природных предметов, взятых в целом виде, в качестве объектов стандартных оценок могут выступать и отдельные признаки и свойства этих предметов: *Все мини-клубни имеют «стандартную» массу и размеры (5–7 г и 20–25 мм в поперечнике – в зависимости от сорта) (К. Ушаков. Русское поле); Стандартный размер дверцы 65 х 120 мм (П. Михайлов. Печь в загородном доме); Стандартный дорожный просвет*

устанавливается на уровне 120 мм, при желании машину можно поднять до 145 мм (В. Чусов. Восемь пишем, четыре в уме).

Кроме того, объектами оценок стандартного типа могут быть и какие-либо регламентируемые теми или иными стандартами действия и процедуры, например: *Чтобы попасть в число участников, надо пройти... трехчасовое стандартное американское тестирование и собеседование* (П. Трояновская. Стратегическая задача: взять языка); *Но желательно за этот стандартный сервис не переплачивать* (П. Александров. Банки для бизнеса).

Что же касается прилагательного *нестандартный*, то оно, выступая в стандартно-оценочном значении, выражает несоответствие устанавливаемым людьми стандартам тех же групп объектов, которые могут характеризоваться при помощи прилагательного *стандартный*.

К словам *стандартный* и *нестандартный*, доминантным среди лексических средств выражения стандартных оценок, тесно примыкает группа имен прилагательных, отражающих оценки тех или иных вещей с точки зрения их соответствия или несоответствия стандартам качественной пригодности для человеческого потребления или использования в производственной деятельности. К данной группе могут быть отнесены такие слова, как *качественный, высококачественный, доброкачественный*, с одной стороны, и *некачественный, низкокачественный, недоброкачественный, бракованный*, с другой. Стандартно-оценочный характер семантики этих прилагательных осознается и фиксируется далеко не всегда. Некоторые ученые относят их к числу средств выражения оценок нормативного характера [Арутюнова 1984: 13; Арутюнова 1988: 75; Лифшиц 2001: 38, 195, 196], однако большинством авторов, пишущих о проблемах оценочности, слова, принадлежащие к рассматриваемой группе, не рассматриваются вообще. Проанализируем семантику и употребление каждого из этих слов, начиная, как всегда, с анализа их словарных толкований.

Значение прилагательного *качественный* определяется в современных словарях как «обладающий высоким качеством» [СРЯ, т. 2: 42; БТС: 423] или как «лучший, высокий по качеству» [Ожегов 1984: 241; Лопатин 2011: 260]. Однако, на наш взгляд,

такое определение является не совсем точным – хотя бы потому, что значение, соответствующее данному толкованию, выражается в русском языке словом *высококачественный*. Это прилагательное совершенно справедливо толкуется словарями как «отличающийся высоким качеством» [СРЯ, т. 1: 281; БТС: 183]. Значение же слова *качественный* должно определяться как «отвечающий определенному стандарту качества как оценочному критерию». Объектами же выражаемых данным словом оценок могут быть и используемые людьми природные предметы, и самые разнообразные материальные артефакты, и различные речевые произведения (тексты), и произведения различных видов искусства, и какие-то социально значимые формы человеческой деятельности:

1. *Николай Михайлович заметил, что из своего губернаторского фонда он готов оказать помощь качественными семенами зерновых и сои (У других – успех, у облученцев – хуже всех); В процессе этих манипуляций даже качественный чайный лист теряет большую часть своего аромата, вкуса и витаминов (О. Цыбульская. Чай без церемоний); Аккуратно вырубленный, здоровый, качественный и, главное, недешевый лес (В. Антипин, А. Рудницкая. Горит все огнем).*

2. *Мы можем подковать микрон, но не умеем произвести качественный радиоприемник (Г. Бовт, В. Волков. Нас не поставить на колени); Купите какой-нибудь качественный инструмент, и тогда работа в саду будет доставлять вам еще больше удовольствия (А. Рязанов. Весна не за горами); Металлургические предприятия работают эффективно и поставляют нам качественный металл (С. Млодик. Своя ниша на рынке).*

3. *Только так, по нашему мнению, можно получить качественный нормативный акт (С. Женетль. Несогласованность некоторых норм в новых законах); Компания, имеющая качественный сайт, привлекает к себе внимание и формирует положительное общественное мнение (Ю. Мамаев. Торгуем ради имиджа); В общем, синтез мелодрамы и того интеллектуального усилия, без которого невозможен сегодня качественный бестселлер (А. Мокроусов. Ну а если с книгой плохо? Хорошо, что рядом Леха!).*

4. *Живут они в городе Екатеринбурге, играют качественный нуово-металл* (Д. Здомский. Индустриальные киборги из Юбурга); *Качественный ужастик в духе «Шестого чувства» интригует не только атмосферой, но и сюжетом* (Как зима, так хочешь лета); *Вопреки многочисленным, неизбежно изматывающим нервы трудностям делать дело, создавать качественный художественный продукт* (Е. Вольгуст. Театр).

5. *Своевременный и качественный процесс диагностики и контроля параметров двигателя позволяет осуществлять его эффективную эксплуатацию* (С. Жернаков. Идентификация параметров авиационного двигателя на основе нейронных сетей); *Наладить между ними качественный обмен информацией из разных секторов экономики и стран – задача не из легких* (Е. Басманов. За финансистами усилят надзор); *На протяжении отдельных игровых отрезков «Урал-Грейту» удавалось показывать качественный скоростной баскетбол* (Е. Чежегов. Молодой и наглый. «Урал-Грейт» меняет курс, но сохраняет цель).

При таком разнообразии подвергаемых стандартным оценкам объектов, естественно, не приходится говорить о каком-то содержательном единстве используемых при этом критериев. Оценочные критерии, привлекаемые при оценках, выражаемых прилагательным *качественный*, сильно различаются не только по сути входящих в оценочные стереотипы требований к качеству оцениваемых объектов, но и по степени конкретности этих требований. И если при оценке материальных предметов оценочные стереотипы носят обычно довольно конкретный, качественно определенный характер, то в оценках человеческих действий, высказываний, текстов и особенно произведений искусства задеваются стереотипы, заключающие в себе порой весьма и весьма размытые, не поддающиеся строгому определению требования.

Все, что было сказано нами о стандартно-оценочной семантике и употреблении слова *качественный*, в равной мере относится и к тем случаям, где оценки стандартного типа выражаются прилагательным *доброкачественный*. Точно так же, выступая в стандартно-оценочном значении, оно может сочетаться с существительными, обозначающими природные и артефактные пред-

меты, действия людей, их высказывания, тексты и т. д. Специфической же особенностью слова *доброкачественный* является то, что, помимо существительных, относящихся ко всем этим группам, оно довольно часто встречается и в сочетании со словами, обозначающими отдельных людей и даже группы лиц, например: *Карл Иванович, как доброкачественный подчиненный, радушно и разумно снисходил к отношениям патрона и своей Луизы Андреевны* (В. Крестовский. Петербургские трущобы); *Счастье моей жизни, что наставляла меня в вере мама, человек простой и исключительно доброкачественный* (Л. Улицкая. Медя и её дети); *Жаль, не дал ему господь образования, но человек он удивительно доброкачественный и красивый* (Л. Гурченко. Аплодисменты); *Народ все доброкачественный, немножко пустоголовый и ограниченный* (А.С. Аксаков. Письма к родным); *Но доброкачественный боевой материал был небольшой частью того, что шло тогда за большевиками* (Н. Суханов. Записки о революции). Уже из приведенных примеров видно, что качественные требования, составляющие содержание критериев оценок «доброкачественности» тех или иных людей, могут быть самыми разными в зависимости от воли и интересов осуществляющих такие оценки субъектов.

Стандартно-оценочное значение несоответствия вовлекаемых в потребление и деятельность объектов соответствующим стандартам качества выражается прилагательными *некачественный, низкокачественный, недоброкачественный*. К этой же группе слов примыкает и прилагательное *бракованный*. Его оценочное значение толкуется в современных словарях как «содержащий брак, составляющий брак» [БТС: 94] или «с браком, с изъяном» [СРЯ, т. 1: 111]. Под браком же, как известно, понимают или какое-то несоответствие производимого продукта существующим стандартам качества (толкуемое как изъян), или, в собирательном смысле, «недоброкачественные, с изъяном предметы производства» [СРЯ, т. 1: 111], «испорченные или не соответствующие стандарту изделия, товары» [БТС: 94]. В последнем случае довольно показательным нам представляется наличие в толковании слова *брак* семантического дескриптора *стандарт*, непосред-

ственно отражающего стандартно-оценочную сущность понятий *брак и бракованный*.

Что касается сочетаемости прилагательного *бракованный*, то она ограничивается в основном именами существительными, обозначающими различные виды продукции промышленного производства, например: *Он принял бракованный шоколад, пропахший керосином, тоже за взятку* (В. Каверин. Два капитана); *По чертежам Карандаша изготовили бракованный шкаф* (Ю. Никулин. Как я стал клоуном); *Дом наш будет косой, бракованный, и жить в нем будет плохо* (А. Эфрос. Профессия: режиссер); *И ты хочешь купить у меня бракованный кирпич?* (М. Загоскин. Москва и москвичи). В некоторых случаях слово *бракованный* может использоваться и для оценочной характеристики людей, выражая при этом значение, близкое к значению прилагательного *неполноценный*: *Проходил обоз, бывало, идут молодец к молодцу, а теперь больше бабы да старики, да какой-нибудь бракованный* (М. Пришвин. Дневники); *Афанас, ты теперь не цельный человек, а бракованный!* (А. Платонов. Сокровенный человек).

Стандартно-оценочные значения могут выражаться также прилагательными *настоящий* и *истинный*. Правда, для них, как уже отмечалось в первой главе, более свойственна оценочная семантика экзистенциального характера. С экзистенциально-оценочными значениями эти прилагательные выступают в таких словосочетаниях, как *настоящая зима, настоящий шторм, настоящая боевая машина, настоящий уголовник, истинный француз, истинный сын своего времени* и т. д. А стандартно-оценочные значения наглядно проявляются в сочетаниях типа *настоящий / истинный ученый, настоящий / истинный боец, настоящее / истинное искусство, настоящая / истинная демократия* и т. п. Обо всем этом уже говорилось нами. Сейчас же следует добавить, что со значением стандартной оценки может выступать и синонимичное словам *настоящий* и *истинный* прилагательное *подлинный*. Употребляясь в таком значении, данное прилагательное означает общее соответствие оцениваемого объекта некоему оценочному стереотипу (стандарту), представляющему собой определенный набор качественных требований к

объекту. При этом в роли характеризуемых объектов обычно выступают или лица, оцениваемые по каким-то профессиональным и социально-психологическим признакам, или различные формы человеческой деятельности, к которым могут предъявляться самые разные, иногда очень субъективные, требования. Приведем некоторые примеры:

1. *Дело в том, что для Горького именно Павел – подлинный лидер и герой, умный, смелый и решительный, чуждый сомнениям и колебаниям* (Ф. Раскольников. Статьи о русской литературе); *Подлинный художник, Мастер не может, не имеет права быть с властью, творящей насилие и зло* (В. Молчанов, К. Сегура. И дольше века...); *Да и какой подлинный поэт, в сущности, не диссидент?* (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания); *«Подлинный интеллигент»... не вступает в партию и не занимает руководящих постов* (К. Азадовский. Судьбы его печальней нет в России...); *Человек большого опыта и культуры, подлинный русский интеллигент, он чутко воспринимал театральную ситуацию времени* (Л. Щеглов. Годы учебы).

2. *Подлинный суд возможен только в условиях гарантированной свободы (в противном случае он вырождается в собственную противоположность...)* (М. Краснов. Совесть пробуждается); *Сегодня Кремль, отвергая подлинный переговорный процесс... ведет «диалоги» исключительно с собственными назначенцами* (В. Кара-Мурза-младший. Способность к диалогу – признак сильной власти); *И подлинный диалог общества и церкви здесь только налаживается – не считать же в самом деле таким диалогом общение государственной и церковной номенклатур?* (В. Портников. Кирилл и Мефодий); *Подлинный интернационализм – это совсем иное. Это когда, без «диалектических» ухищрений, народы, распри позабыв, сохраняют возможность свободного и достойного существования* (С. Резников. Подвиг честного человека).

Довольно отчетливо стандартно-оценочное значение прилагательного *подлинный* проявляется в его сочетаниях с такими существительными, как *демократия, культура, искусство, литература, поэзия, театр* и т. п. Понимание стандартно-оценочной «подлинности» всех этих вещей бывает весьма и весьма субъек-

тивным и может зависеть от очень разных и очень субъективных по своему содержанию стандартов-критериев. Об этом наглядно свидетельствуют приведенные ниже толкования и трактовки понятия *подлинное искусство*: *Всякое подлинное искусство, являющее красоту, имеет в себе нечто вечное, открывает высшую действительность* (С. Булгаков. Свет невечерний); *Всякое подлинное искусство символично – оно есть мост между двумя мирами, оно ознаменовывает более глубокую действительность, которая есть подлинная реальность* (Н. Бердяев. Миросозерцание Достоевского); *Символизм – вечное в искусстве, ибо всякое подлинное искусство есть путь к новому бытию, мост к новому миру* (Н. Бердяев. Смысл творчества); *Дело Пушкина есть подлинное искусство – обнаружение сущностей в явлениях* (М. Гершензон. Мудрость Пушкина); *Подлинное искусство трагично. Трагическое создается насилием массы в жизни...* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); *Нельзя принимать простое зрелище, проповедь или агитацию за подлинное искусство* (К.С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве); *Подлинное искусство и игра «вообще» несовместимы. Одно уничтожает другое* (К.С. Станиславский. Работа актера над собой); *Подлинное искусство берет обычное, простое, несложное, элементарное и показывает, насколько оно необычно, сложно, универсально* (Г. Козинцев. Тут начинается уже не хронология, а эпоха); *Подлинное искусство – это не новаторство ради моды, ради эффектов, а бескорыстное служение человеку* (С. Коненков. Незабываемое...); *Подлинное искусство всегда опиралось на нравственную необходимость и, стало быть, строилось по законам внутренней жизни* (В. Каверин. Перед зеркалом); *Подлинное искусство – это всегда чудо. Потому и необъяснимо, неповторимо оно* (Г. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды); *Подлинное искусство никогда не копирует образы эпохи* (Ю. Елагин. Темный гений); *Подлинное искусство – только и исключительно преступление нормы, всегда экстрим и обязательно провокация, хулиганство, вызов и выпад* (С. Чупринин. Свободные радикалы); *А подлинное искусство – это и есть настоящая свобода* (Ю. Азаров. Подозреваемый).

Некоторые стандартно-оценочные прилагательные отражают оценки, производимые по каким-то очень конкретным основани-

ям, представляющим собой только отдельные, особо выделяемые признаки и качества оцениваемых объектов. Оценочные критерии (стандарты) в таких случаях также содержат в себе какие-то конкретизированные требования к объектам.

К числу прилагательных, выражающих такие конкретизированные стандартные оценки, могут быть отнесены, например, слова *презентабельный* и *непрезентабельный*. В словарях их значения толкуются обычно как «видный, представительный» [СРЯ, т. 3: 375; БТС: 963; Ожегов 1984: 516] и «непредставительный» [СРЯ, т. 2: 468; БТС: 635], что в конечном счете означает «производящий выгодное впечатление своим внешним видом» или «не производящий такового» [СРЯ, т. 3: 468; БТС: 961]. Таким образом интересующим нас прилагательным приписывается семантический статус реляционно-оценочных слов, выражающих какое-то субъективное отношение к характеризваемым ими объектам. На наш взгляд, появление такого отношения, конечно же, может сопровождать восприятие тех предметов, которые характеризуются как презентабельные или непрезентабельные, однако отношение это (выгодное или невыгодное впечатление) в данном случае не может быть и не чем иным, как следствием определенной мыслительной операции – критериальной оценки стандартного типа, где в роли оценочного критерия (стандарта) выступает ментальный стереотип, содержащий в себе какие-то требования к внешности, внешней, видимой стороне оцениваемого объекта.

Исходя из этих соображений, мы считаем возможным трактовать прилагательные *презентабельный* и *непрезентабельный* как стандартно-оценочные слова, специализирующиеся на выражения оценки внешности объекта с точки зрения того, как он должен выглядеть, что и составляет содержание соответствующих оценочных стандартов. Фактическим подтверждением данного положения может служить существование и широкое использование таких устойчивых (фразеологизованных) сочетаний, как *презентабельный* и *непрезентабельный вид*, *презентабельный* и *непрезентабельный внешний облик*, *презентабельная* и *непрезентабельная внешность*. Кроме данных словосочетаний, интересующие нас прилагательные могут также употребляться в сочетании с именами существительными, обозначающими мате-

риальные (чаще всего артефактные) предметы и оцениваемых по внешнему виду людей, например:

1. *Дом оказался вполне презентабельный – типичный дачный дом, деревянный, с высоким крыльцом и крашеными наличниками (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания); Цветочное оформление сделает даже самое крохотное патио нарядным и презентабельным (Еще не дом, но уже не улица); В качестве одежды подсудимым выдавали списанную солдатскую одежду, хотя для появления на суде они получали нечто более презентабельное (О. Трояновский. Через годы и расстояния); У входа в сад дирекция театра самостоятельно установила непрезентабельные светильники, похожие на самоделки (О. Ведерникова. В саду «Аквариум» премьера); Остерегайтесь неряшливого и непрезентабельного офиса – в таком месте вряд ли бывает много клиентов (Н. Захарочкина. Красота на кончике иглы).*

2. *Я отдал свою карточку презентабельному на вид лакею и через пять минут был введен в большой кабинет (К. Станюкович. Похождения одного благонамеренного молодого человека); С виду Расплюев в исполнении Бурлака был вполне «презентабельный» господин: бывший военный с большими, отвислыми усами (М. Морозов. Василий Николаевич Андреев-Бурлак); Вместо красотики явился мужчина, и к тому же мужчина весьма непрезентабельный – в выдавшей виды куртке, с волосами, стянутыми в нелепый хвостик, покрасневшими от мороза ушами и беспокойным взглядом (В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный); Его постоянно окружали какие-то непрезентабельные личности. Хотя сам он был вполне порядочным человеком (С. Довлатов. Наши).*

Специфической особенностью стандартно-оценочного прилагательного *добротный* является то, что в его семантике общее значение соответствия определенному стандарту качества может дополняться особым семантическим признаком высокой прочности оцениваемого объекта. Эта семантическая особенность последовательно фиксируется во всех словарных толкованиях данного прилагательного. Однако, судя по нашим наблюдениям, дополнительная сема «повышенная прочность» может проявляться в значении интересующего нас слова только тогда, ко-

гда оно используется для характеристики каких-либо артефактных предметов, например: *Дом был добротный, с толстыми каменными стенами, с дубовыми перекрытиями и с тяжелыми плотными дверями* (М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все); *Тяжелая резная оболочка, годившаяся на добротный китайский гроб, глушила музыку* (В. Скворцов. Сингапурский квартет); *Вместо сарайчика из сгнивших досок – добротный кирпичный гараж* (М. Милованов. Рынок тщеславия); *Тяжелый, добротный замок, стальная дужка всунута в толстые кольца* (В. Тендряков. Тройка, семерка, туз).

Во всех остальных случаях прилагательным *добротный* выражается обычное стандартно-оценочное значение, идентичное значению, выражаемому словами *качественный* и *доброкачественный*: *Работник производства, перерабатывающего природные ресурсы в нечто непотребное, должен... еще и приплатить за «удовольствие» испоганить добротный исходный продукт* (С. Лопатников. Продолжение следует...); *Возможно, что удалось бы привить добротный европейский дичок к нашей холодной бурятской почве* (Л. Зорин. Медный закат); *Самых высоких оценок заслуживает добротный обзор... представленный в статье Р. Формизано* (А. Самохвалов. Российские интеллектуальные журналы); *А уж о добропорядочности и говорить нечего. Добротный человек во всех смыслах* (Д. Гранин. Зубр); *Лена – хороший, добротный, уверенный в себе профессионал* (А. Филиппов. И нет старушки. Премьера «Преступления и наказания» во МХАТе).

Интересно отметить, что в сочетании с существительными, обозначающими произведения литературы и искусства, выражаемое словом *добротный* общее стандартно-оценочное значение соответствия объекта определенному стандарту качества может распространяться дополнительным смысловым оттенком, характеризующим объект как «не представляющий собой ничего особо выдающегося», например: *Вообще мы все были не готовы к такому шквалу – делали обычный добротный фильм* (Ю. Кантор. Вячеслав Тихонов: «Я ушел совсем в другую жизнь»); *Фильм средний, добротный. Ну, разумеется, Софи Лорен...* (Ю. Даниэль. Письма из заключения); *В итоге – как обычно у Валова –*

скучноватый, но добротный и отлично звучащий диск для тех, кто уже и без того в теме (Х. Ботаник. Байда: Музыка); Но «Криминальные любовники» – вполне себе добротный триллер (А. Старобинец. Три озоновых слоя).

Словами, способными выражать узко конкретизированную стандартно-оценочную семантику, являются также прилагательные *грубый* и *топорный*. Выступая в стандартно-оценочных значениях, эти прилагательные, наряду с информацией о том, что характеризуемые ими объекты не отвечают общим требованиям определенных качественных стандартов, однозначно указывают, что данное несоответствие заключается именно в грубости, т. е. примитивности, недостаточной обработанности, плохой выделанности, недоведенности до состояния «как надо» подвергаемых оценке объектов. Все это в равной мере относится ко всем тем случаям, когда интересующие нас прилагательные сочетаются с существительными, обозначающими те или иные материальные артефакты, речевые произведения (тексты), человеческие действия и произведения искусства, например:

1. *В прошлом году Зойка не очень дорого купила у пожилой турчанки грубый кустарный серебряный браслет (А. Лазарчук. Все, способные держать оружие...); Закрылись убыточные предприятия, перестали выпускать грубые, неконкурентные изделия (Е. Кудрявцева. Городу нужны инженеры); Сооружение оказалось до того неказистым и топорным, что даже автор удивился его несуразности (Н. Дубов. Небо с овчинку); Мебель в зале была топорная. Зато в простенках стояли прекрасные горки (И. Бунин. Грамматика любви).*

2. *«Протоколы» суть подделка, грубый плагиат брошюры Жоли под названием «Диалоги в аду между Маккиавели и Монтескье» (В. Бурцев. Протоколы сионских мудрецов – доказанный подлог); Это грубый подстрочник. В оригинале это отличные стихи, песня с четкой мелодией (Д. Гранин. Месяц вверх ногами); Я заметил, как покоробил Володю топорный комплимент, сделанный им Марине (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания); Он был топорным и негибким, этот закон (Л. Улицкая. Медея и её дети).*

3. *Получается или нарочитый и грубый эксперимент над героем, или символическое действие* (М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского); *Подштопали мы с вами теорию, грубая работа, нитки другого цвета* (В. Гроссман. Жизнь и судьба); *Бросается в глаза топорная игра актеров, а уши вянут от картонных диалогов* (В. Кичин. Целеустремленное кино); *Другой уникальный исторический документ пострадал не только от времени, но и от крайне топорной реставрации* (В. Люблинский, Д. Эрастов. Лабораторная реставрация и консервация документов).

4. *Художественная продукция в Риме, если только это не грубый кич, стоит немало* (Л. Костюкова. О странах и народах. Рим на бегу и навсегда); *В это время один из удэхейцев принес в юрту грубое изображение лисы, сделанное из травы* (В. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня); *Топорный, безобразный эстамп. Поругано, обезображено гениальное произведение* (Т. Шевченко. Дневник); *Она была похожа на героиню фильма «Никита», но только не топорного немецкого сериала, а оригинальной версии – французского фильма* (Э. Лимонов. Книга воды).

В других контекстах, в словосочетаниях типа *грубые черты, грубый голос, грубые почвы, топорная фигура, топорное лицо* – там где прилагательные *грубый* и *топорный* используются для характеристики не артефактных, а естественно-природных объектов, данным прилагательным бывают свойственны не стандартно-оценочные, а, скорее, экзистенциально-оценочные значения. В роли оценочных критериев здесь выступают уже не субъективно обусловленные стандарты, представляющие собой определенные совокупности качественных требований к производимым предметам и действиям, а экзистенциальные оценочные стереотипы, содержащие в себе представления о среднем уровне «грубости», объективно присущем тому или иному предметному классу.

Особое место среди лексических средств выражения стандартных оценок занимают прилагательные *современный* и *устарелый*. То, что в семантике этих прилагательных имеются значения, которым свойствен стандартно-оценочный характер, явствует уже из предлагаемых толковыми словарями дефиниций. Так, у слова *современный*, наряду с основным значением «относящийся к одному времени с кем-, чем-либо», словари выделяют и произ-

водное лексическое значение «стоящий на уровне своего века, отвечающий требованиям своего времени» [СРЯ, т. 4: 177; БТС: 1227]. У слова же *устарелый* отмечается производное значение «вышедший из употребления, из моды, не отвечающий современным требованиям, запросам» [СРЯ, т. 4: 524; БТС: 1402]. Наличие в приведенных толкованиях семантических дескрипторов «отвечающий» и «не отвечающий каким-то требованиям» свидетельствует о том, что в основе рассматриваемых нами значений лежит мысленное соотнесение тех или иных предметов и явлений с какими-то состоящими из определенных требований ментальными стереотипами, которые не могут интерпретироваться иначе, как качественные стандарты. Специфика же этих стандартов заключается в том, что они носят темпорально обусловленный характер, Стандарты, служащие критериями оценок современности и устарелости, суть качественные стереотипы, характерные для определенного периода времени, определенной эпохи. Предметы и явления, соответствующие стереотипам, диктуемым данной эпохой, характеризуются как современные ей, а те вещи, качества которых отвечают стандартам каких-то предшествующих времен, определяются как устарелые.

В роли объектов, оцениваемых как современные и устарелые, могут выступать самые разные предметные и не предметные сущности, так или иначе связанные с осуществляемой людьми деятельностью. Это могут быть, прежде всего, сами человеческие действия, к которым предъявляются те или иные требования, затем – конкретные методы, способы и приемы осуществления деятельности, различные ментальные образования, артефактные предметы в целом и их отдельные признаки, какие-то тексты и произведения искусства, политические и государственные образования, а также люди, оцениваемые с точки зрения осуществляемых ими функций в их профессиональной деятельности:

1. *Луазо привносит в ресторанное дело элементы современного маркетинга* (Э. Гусейнов. Чисто французское самоубийство); *Авторы овладели приемами современного менеджмента* (В. Кичин. А. Журбин: «Москва будет экспортировать мюзиклы»); *Котлы у вас новые, а управление устарелое* (Д. Гранин. Искатели); *Мы почти испорчены вконец и навсегда навязанной нам*

устарелой академической рутинной (И.Е. Репин. Далекое близкое).

2. *Непрерывная разливка – действительно современный метод получения из жидкой стали заготовки для дальнейшего проката (На пути интенсивного роста); В биохимии есть современные методики для анализа нуклеидного состава РНК (Л. Максимовский. Клетка на операционном столе); Нет, это примитивный, устарелый способ передвижения (А. Бек. Талант); Это было в конце шестидесятых годов уже устарелым приемом (А.Ф. Кони. Иван Александрович Гончаров); Необходимо отречься от устарелого метафизического образа мышления (Г.В. Плеханов. Анархизм и социализм).*

3. *Анисимов, человек прагматичный, был режиссером рациональным и, как принято говорить, с современными взглядами (Т. Шмыга. Счастье мне улыбалось...); Все представления о войне как о лихих кавалерийских набегах, необыкновенных маршах и героических подвигах... оказались устарелыми (А. Толстой. Хождение по мукам); Фашистская Германия научно выродилась, вернувшись к устарелым и реакционным расовым теориям (О.М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра).*

4. *Предприятиями нашей промышленности разработана современная техника, соответствующая мировым стандартам (А. Шрамченко, О. Литвинов. Поиск новых подходов); В России сегодня можно взять напрокат современный автомобиль по цене даже меньшей, чем за границей (И. Маржаретто. Напрокат); Что касается винтовки, то ваш устарелый «лебел» много проще нашей трехлинейки (А.А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю); В описаниях вооруженных сил Японии подчеркивалось устарелое и слабое артиллерийское вооружение (А.А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).*

5. *Такой линолеум отличается не только современным дизайном, но и высокими прочностными характеристиками (Е. Волкова. Тот самый линолеум); Опытный глаз, конечно, мог бы найти кой-какие изъяны в смысле фасона – складку не на месте, излишнюю пуговку на рукаве, устарелой формы галстук (И. Потапенко. Не герой); И все это происходит лишь благодаря*

ветхости государственного весового парка, устарелой конструкции весов (А. Платонов. Счастливая Москва).

6. *(А современный роман, где бы действовали люди разных поколений, и старушки, и наше, и молодежь, ой как нужен (В. Астафьев. Зрячий посох); Количество страниц современной повести или романа не должно превышать предела человеческого века – цифры сто (К. Воробьев. Вот пришел великан); Брошюра эта казалась нам в некоторых чертах устарелой и нуждающейся в исправлениях (В.М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания); Такие открытия, как X-лучи и радий, не делают ли устарелыми прежние учебники физики и химии? (А.Ф. Кони. Некоторые вопросы авторского права).*

7. *Как сделать академическое искусство модным и современным? (С. Денисова. Манга в опере); Современный театр – суп, который еще не сварен (С. Юрский. Вспышки); Всех объединяла одна идея – играть современную музыку (А. Козлов. Козел на саксе); Портреты его называли уже сухими, казенными, живопись – устарелой... (И.Е. Репин. Далекое близкое); Давали давно забытый балет «Зефир и Флора», утомительный, скучный, с устарелой музыкой (М.А. Корф. Записки).*

8. *Оказалось, что Израиль – демократическое и вполне современное государство (А. Городницкий. И жить еще надежде); «Лоскутная империя» была учреждением, во многих отношениях весьма устарелым (П.М. Бицилли. Проблема русско-украинских отношений в свете истории); Тут вся беда в самом управлении страной, в её устарелом, жестоком строе (В. Шишков. Угрюм-река); Насильственная ломка устарелой политической надстройки... (В.И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции).*

9. *Современный политик западного типа просто обязан мелькать на телеэкране, раздавая интервью и выступая с речами по поводу и без повода (И. Пыхалов. Впадал ли Сталин в прострацию 22 июня 1941 года?); Изящная словесность уместна в любые времена, в таких случаях художнику нет нужды меняться, чтобы быть современным (О свойствах постоянных величин); Можно ли стать успешным современным режиссером и сохранить принципы? (С. Денисова, М. Карбаускис. Поколение*

компромиссов); *Классики – значит освоенное, устарелое* (Д. Гранин. Зубр); *Несколько раз он старался убедить меня, что Гончаров – устарелый и скучный писатель* (С. Елпатьевский. Антон Павлович Чехов); *В своих статьях он... сделал попытку развенчать и «устарелого кумира» – Александра Пушкина* (Ю. Белянский. В садах любви).

Одной из специфических особенностей стандартных оценок является довольно часто используемая в практике человеческой деятельности возможность распределения вовлекаемых в деятельность и потребление предметов по различным разрядам и сортам в зависимости от тех или иных качественных характеристик этих предметов. Оценки разрядности и сортности являются типичнейшими проявлениями оценочности стандартного типа, поскольку при осуществлении такого рода оценок в качестве оценочных критериев выступают определенные требования к качеству оцениваемых объектов, образующие в своей совокупности особые стандарты качества. Понятно, что для каждого разряда или сорта, соотносимого с тем или иным предметным классом, создается свой собственный качественный стандарт, определяющий степень потребительской пригодности предметов, относящихся к данному классу.

Самыми распространенными среди стандартных оценок качественной разрядности являются оценки, выражаемые прилагательными *первосортный, второсортный и третьесортный*. Стандартно-оценочные значения, присущие этим прилагательным, могут варьироваться. В наиболее простом и очевидном случае данные значения являют собой оценки, осуществляемые по тем довольно определенным по своему содержанию стандартам, которые создаются уполномоченными на то организациями и применяются затем вполне официально. С оценками такого типа мы сталкиваемся, например, в следующих предложениях: *Небольшая ошибка, крохотное отклонение от заданного угла – и камень запорот, из него уже не получится первосортный бриллиант* (Е. Парнов. Третий глаз Шивы); *А кругом малахит первосортный* (П. Бажов. Приказчиковы подошвы); *Гораздо чаще плавили второсортные сыры или внешне некондиционный и даже еще не очень созревший сыр* (А. Мельников. Сыр или сырок?);

Беспрестанно икалось и отдавалось изо рта третьесортной дубоватой капустой (Н. Никандров. Проклятые зажигалки). Вполне естественно, что в подобных случаях в качестве оцениваемых объектов выступают или артефактные предметы – продукты, производимые людьми, или используемые в качестве объектов потребления и производственного сырья природные предметы и материалы.

Гораздо более широкую сочетаемость слова *первосортный*, *второсортный* и *третьесортный* обретают тогда, когда выражают какие-то субъективные человеческие оценки, выносимые по субъективным (индивидуальным) оценочным критериям, не связанным с официально принятыми стандартами качества. В таких случаях интересующие нас прилагательные выражают значения, близкие к понятиям *хороший*, *не очень хороший* и *плохой*, а объектами оценок такого рода могут быть не только природные и артефактные объекты, но и человеческие действия, произведения литературы и искусства и даже люди, оцениваемые чаще всего по их функциональным признакам, в том числе и целые человеческие коллективы, например:

1. *Лунный грунт – сам по себе первосортный детектор* (Б. Козловский. Страпелька на Луне); *Для санных кошевок прут нужен длинный, первосортный* (Б. Можаяев. Живой); *Ну что мы со своей нефтью третьесортной делать станем: она ведь суцце копейки стоит* (Раскол).

2. *Я пригубил – это был первосортный сок, даже слегка не отравленный алкогольными частицами* (Е. Евтушенко. Волчий паспорт); *Второсортный двигатель Supertec был слишком тяжел и проигрывал порядка 90 л. с. моторам Mercedes-Benz и Ferrari* (И. Постнов, Б. Мурадов. Кто виноват?); *Какой кутеж был позавчера в Мулен Руж, а потом за старым базаром в третьесортном бистро* (Р. Гуль. Азеф).

3. *[Марат] Да... Первосортный удар. [Лица] Вот дураки!* (А. Арбузов. Мой бедный Марат); *Кому нужны эти второсортные гонки! Нам вполне достаточно 16 Гран При чемпионата мира* (В. Маккавеев. Тени Королевы).

4. *«Лукоморье» печатало на лучшей бумаге второсортные стихи о Реймском соборе под портретами главнокомандующих*

(В. Чернявский. Три эпохи встреч); *Пьесы – это Любовь Андреевна отлично понимала – были третьесортными* (Е. Книпович. Об Александре Блоке); *Америка экспортирует «мегатонны» своего искусства во все концы света... но при этом искусство это второсортное, третьесортное или десятисортное* (А. Журбин. Как это делалось в Америке).

5. *Часто неправильно смотрят, что инженер-конструктор есть как бы настоящий, первосортный инженер, а инженер-технолог есть как бы второсортный* (А.Н. Крылов. О подготовке специалистов); *Он уважал себя, свое дело, своего читателя, а потому второсортных и третьесортных сотрудников у него не было* (В. Ходасевич. О меценатах); *Павел Лукницкий был лично-стью с незаурядной биографией, но третьесортным писателем* (И. Дьяконов. Книга воспоминаний).

6. *Была одобрена программа военной бюрократии, согласно которой армия будет разделена на две части – элитную и третьесортную* (О. Тропкина, М. Никифорова. До военной реформы – как до коммунизма); *Появится гибрид, где есть... части постоянной боевой готовности и второсортные линейные войска* (Е. Гайдар. Армия первой и второй свежести); *Из твоих трахтибидошек мог бы выйти третьесортный бордель, а из моих мужиков – лучший театр в Европе* (В. Рецепт. Ностальгия по Японии).

Предметы и материалы, чьи качественные показатели превосходят уровень стандартов первого сорта, могут быть отнесены к высшему сорту или даже к классу «экстра». Все вместе эти объекты – относящиеся к сортам «первый», «высший» и «экстра» – могут характеризоваться посредством определения *высокосортные*. А объекты, оцениваемые как второ- и третьесортные, могут быть также охарактеризованы как *низкосортные*. Предметы же и материалы, качество которых не дотягивает даже до стандартов третьего сорта, определяются обычно как *несортные*.

Те же стандартно-оценочные значения, что свойственны словам *первосортный, второсортный и третьесортный*, выражаются и прилагательными *перворазрядный, второразрядный и третьеразрядный*. Правда, оценки, осуществляемые в соответствии с какими-то официально устанавливаемыми стандартами,

отражаются в значениях данных прилагательных крайне редко. Случаи их использования со значениями такого типа единичны: *Если третьеразрядный спортсмен может стать перворазрядником, то дом третьей категории не перейдет в первую* (Э. Рязанов, Э. Брагинский. Старики-разбойники); *В XVIII веке монастырь приходит в полный упадок, при екатерининской реформе занимает последнее место в списке уцелевших (100-й номер среди третьеразрядных)* (С.А. Еремеева. Лекции по русскому искусству). В абсолютном же большинстве своих употреблений слова *перворазрядный*, *второразрядный* и *третьеразрядный* имеют значения, близкие к понятиям *хороший*, *не очень хороший* и *плохой*. И сочетаются они с такими же именами существительными, как и прилагательные *первосортный*, *второсортный* и *третьесортный*, выступающие в этих значениях. Довольно часто интересующие нас слова используются как средства стандартно-оценочной характеристики различного рода учреждений, учебных, торговых, увеселительных и иных заведений, а бывает – и целых стран:

1. *Это был процветающий магазин. И, судя по ценам, перворазрядный* (Д. Рубина. Высокая вода венецианцев); *Он поначалу открыл в Питере перворазрядный трактир* (В. Шишков. Емельян Пугачев); *Так называемые современные средние школы заведомо должны стать второразрядными учебными заведениями в отличие от перворазрядных – грамматических школ* (В. Овчинников. Корни дуба); *Такое пышное название носил обыкновенный второразрядный НИИ* (Л. Минц. Не щадя живота своего); *Почему-то отец выбрал дешевый, второразрядный «Новый театр»* (В. Катаев. Театр); *Он хоть и понимал, что ресторанчик этот – третьеразрядный, а все-таки было ему хорошо и легко* (Ю. Казаков. Арбат был завален обломками); *В третьеразрядных бильярдных, называемых «гопницкими», ставят на партию несколько червонцев, а нередко обходятся кружкой пива* (В. Степаков. Роковые страсти).

2. *Италия, Турция и Россия после имперского величия «трех Римов» стали второразрядными государствами* (С. Новопрудский. Империя Добра); *Как результат – сползание России – и качественно, и количественно – на уровень третьеразрядных по*

мировой шкале обществ (В. Хорос. Полупериферия в контексте глобализации); До того, чтобы так напичкать телесетку голливудским вторсырьем, еще не опускалась ни одна третьеразрядная страна (А. Ефремов. Вертолет); Каждая из бывших союзных республик стала третьеразрядной страной и международной побирушкой (М. Шаров. Государства должно быть столько, сколько необходимо); В нашей огромной стране, но с годовым бюджетом в 70 млрд долларов – как у третьеразрядной колонии... не может быть никакой наемной армии (Патриоты, объединяйтесь!).

Значения соответствия относительно высоким стандартам качества, аналогичные значениям слов *первосортный* и *перво-разрядный*, могут выражаться прилагательными *первоклассный*, *высококлассный* и *первостатейный*. Однако если прилагательные *первоклассный* и *высококлассный* в плане семантики и сочетаемости мало чем отличаются от слов *первосортный* и *перво-разрядный*, то в функционировании прилагательного *первостатейный* имеется целый ряд специфических особенностей, отличающих его от этих слов.

Прежде всего, следует отметить, что значение стандартной оценки не является у слова *первостатейный* исходным, исторически первичным. Таковым у этого прилагательного было чисто дескрипционное значение «принадлежащий, относящийся к первой статье, к первому разряду в иерархическом делении сословий» [БТС: 792]. Выступая в таком значении, интересующее нас прилагательное обычно указывало на принадлежность характеризуемых им людей к верхним слоям, к своего рода «сливкам» каких-либо престижных социальных групп, например: *Выбирать во всех городах из гостей и из гостиной сотни и из гостиных детей и из граждан первостатейных, добрых, пожиточных и умных людей* (Петр I. Регламент или устав главного магистрата); *Дворскую прислугу князя Адама Вишневецкого составляли не только бедные дворяне, но и юноши богатых родов, которые отдаваемы были родителями в дома первостатейных вельмож* (Ф. Булгарин. Димитрий Самозванец); *Политические стремления столичного гвардейского дворянства, вооружившегося против олигархических замыслов первостатейной знати* (В.О. Ключев-

ский. Русская история); *Это не город, а главное кочевье... и местопребывание двух первостатейных мандаринов* (Ф.Ф. Вигель. Записки); *Впрочем, Попов вовсе не из первостатейных богачей* (И.С. Аксаков. Письма к родным); *А общество какое – Первостатейное! Ну, истинно банкет!* (М. Загоскин. Москва и москвичи).

Когда речь заходила о купцах, семантическое наполнение прилагательного *первостатейный* могло суживаться до значения «принадлежащий к первой купеческой гильдии», о чем свидетельствует, например, такой контекст: *Членов магистрата по регламенту выбирали только бургомистры и «первые мирские люди» и только из «первостатейных», из первой гильдии* (Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей).

В одном из производных своих значений слово *первостатейный* может характеризовать какой-нибудь предмет или какое-либо лицо как «превосходящее другие, себе подобные, по тем или иным существенным признакам». Но такое значение следует интерпретировать, скорее, не как стандартно-, а как экзистенциально-оценочное: ведь вряд ли можно представить себе существование каких-то стандартных оценочных стереотипов, содержащих в себе определенные качественные требования к тем или иным явно негативным, дурным вещам, как в приведенных ниже предложениях:

1. *Костян не знал английского языка и, заслушавшись переводчиков, купил первостатейной дряни* (А. Терехов. Бабаев); *Ленинградская «Смена» откликнулась на его сенсационное выступление в Доме искусств на Невском первостатейным зубодробительным фельетоном* (В. Аксенов. Таинственная страсть); *А его фильм «Граф Монте-Кристо» – первостатейная лабуда* (В. Катанян. Лоскутное одеяло); *Скандал первостатейный... Шел домой и всю дорогу хохотал* (А.П. Чехов. Тапер).

2. *Будь я красив, я уже давно был бы первостатейным мерзавцем* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); *Тут-то я сообразил, что намертво заблудился, обозвал себя первостатейным ослом и побрел наугад* (В. Санин. Не говори Арктике – прощай); *Люди постарше помнили, что он с детства был хулиганом и пер-*

востатейным лодырем (Н. Дубов. Небо с овчинку); Сокращала ваша Аврора. Перестраховщица, между нами говоря, первостатейная (О. Новикова. Женский роман); Вы не воспитатель, Афанасий Владимирович, а пройдоха первостатейный (Г. Белых, А. Пантелеев. Республика ШКИД); Вы – первостатейный подлец. Мне стыдно, что я обнимала вас! (А. Грин. Дорога Никуда); Он был настоящий, первостатейный вор, из тех, которые называют себя «вор в законе» (Ю. Трифонов. Утоление жажды).

Однако во многих контекстах прилагательное *первостатейный* выступает в стандартно-оценочных значениях, идентичным значениям, выражаемым словами *первосортный, перворазрядный* и *первоклассный*, например:

1. *Мебель купил настоящую ореховую, обивки первостатейной (А.Ф. Писемский. Питерщик); У Самоквасовых дом первостатейный (П.И. Мельников-Печерский. В лесах).*

2. *Наш авторитет в первостатейных магазинах признается законом (П.П. Вяземский. Письма и записки Оммер де Гелль); У нас в первостатейных заведениях уже не половые, а лакеи – не в русских рубашках, а во фраках, в сюртуках (Ф. Булгарин. Русская ресторация).*

3. *Англия... с таковыми учреждениями поставила себя в число первостатейных государств в Европе (А.Н. Радищев. Письмо о китайском торге); На востоке Европы расцветает первостатейное государство (Ю. Черниченко. Небесная глина).*

4. *Знал я сильную сторону Коробова: доменщик он был действительно первостатейный (Л.И. Брежнев. Возрождение); Отец мой первостатейным гравером слыл на всю Россию (Ю. Арват. Звонкое чудо); Я тебе сварщика пришлю первостатейного, Чмырева Шурку (Г. Владимов. Три минуты молчания); Грозный учитель образовал много первостатейных танцовщиц и танцоров, а также превосходный кордебалет (А. Панаева. Воспоминания); Ну и он, надо сказать, имел дело с первостатейными артистами (А. Грин. Золотая цепь).*

Значение соответствия оцениваемого объекта высшим качественным стандартам, обусловливаемым самыми тонкими вкусами, выражается прилагательным *изысканный*. Круг объектов, могущих быть охарактеризованными при помощи этого прилага-

тельного, очень велик. Как изысканные могут определяться очень и очень многие вещи и лица, имеющие отношение к тем или иным аспектам человеческого потребления: продукты питания, предметы одежды и аксессуаров, предметы мебели и интерьера, различные здания и жилища, произведения литературы и искусства, речевые действия, отдельные признаки и качества всех перечисленных выше объектов и, наконец, люди, оцениваемые как по их внешности, так и по каким-то функциональным достоинствам. Это наглядно демонстрируют приводимые ниже примеры:

1. *Второй раз Елена Владимировна купила изысканный пражский торт* (А. Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь); *Для вящей изысканности можно заменить первые два компонента, скажем, на хороший коньяк и изысканный шоколад* (О. Тверитина. Кто ходит в гости с «Кюрасо» – тот поступает мудро); *Террине и спаржу оттеняет изысканный соус – слегка взбитые сливки, лимонный сок и черная икра* (Д. Цивина. Ресторанная критика).

2. *Изысканный камзол, синий бархат, золотые позументы, тут же шляпа с пером, алая перевязь, тусклая шпага* (А. Гаррос, А. Евдокимов. Головоломка); *Джинсы и футболка сделали то, чего, возможно, не добился бы изысканный костюм* (Л. Стоцкая. Как одеться от «Эр Франс»); *Изысканный браслет Stefan Hafner из белого золота с бриллиантами и сапфирами необязательно хранить в шкатулке в ожидании светского приема* (Модные новости).

3. *Изысканный журнальный столик и четыре кресла с синей обивкой – вот, пожалуй, и все, что помещается здесь* (А. Поводова. Здесь живут архитекторы); *Сам по себе этот рояль – очень изысканный предмет интерьера* (М. Максакова. В этом доме я надолго, навсегда).

4. *Мао перебрался в Пекин, в изысканный дворец династии Цинь, построенный в XVII веке* (Ю. Безелянский. В садах любви); *Эта квартира рассматривалась как изысканный, комфортабельный и весьма необычный по планировке и декору вариант холостяцкой квартиры* (Интерьер-трансформер в серии мужских игрушек).

5. Пусть и изысканный, а все же детектив вышел из-под пера господина Акунина-Чхартишвили (Б. Денисов. Ступень популярности); В.Э. создал из «Учителя Бубуса» изысканный и элегантный, очень западный по духу спектакль (Ю. Елагин. Темный гений); В других аудиториях его изысканный репертуар навел, если честно, иногда скуку (А. Слаповский. Гибель гитариста).

6. Потом один капитан зашел к нам в купе и завел невероятно изысканный разговор о литературе, о живописи, о Сартре и сюрреалистах (Н. Катерли. Сквозь сумрак бытия); Его первый диалог с Джульеттой, изысканный и витиеватый, написан в форме сонета (М. Морозов. Язык и стиль Шекспира).

7. Молодые нежные листья листовой горчицы имеют тонкий, нежный и одновременно слегка острый изысканный вкус (И. Сокольский. Родственники горчицы); Сушеные листья розмарина придают пище изысканный аромат, напоминающий запах сосны (И. Сокольский. Морская роса и трава, дарующая приятные сны); У елецких кружев тонкий изысканный рисунок (И. Константинов. Красота ручной работы); Новая модель предлагает российскому пользователю изысканный дизайн и отличные характеристики (В. Логинов. Черная жемчужина).

8. Она — родовитая красавица-южанка, он — изысканный джентльмен с севера, самый модный писатель поколения (А. Иванова. Песни о главном); А изысканный Бассо в замшевой курточке и твидовом кепи очень похож на Солонина, учителя в винницкой художественной школе (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы); Политически в одном лагере были и невежественный поп, и изысканный философ-славянофил, и агент третьего отделения (Г. Козинцев. Тут начинается уже не хронология, а эпоха); Очень изысканный, но в то же время простой и свежий — прекрасный художник (М. Чегодаева. Соцреализм: мифы и реальность).

Особую, семантически специализированную группу в числе прочих стандартно-оценочных прилагательных образуют слова, специализирующиеся на выражении критериальных оценок профессиональной квалификации тех или иных лиц — специалистов в различных сферах человеческой деятельности. Критериями при оценках такого рода выступают стереотипные представления о

тех знаниях и умениях, которые необходимы людям для успешного осуществления ими их профессиональных обязанностей. Специалисты, обладающие этими знаниями и умениями, считаются компетентными, грамотными, знающими, квалифицированными и даже высококвалифицированными. А люди, не обладающие необходимыми для того, чтобы быть хорошими специалистами, знаниями и умениями, характеризуются как некомпетентные, безграмотные и неквалифицированные или, в лучшем случае, как малокомпетентные, малограмотные и малоквалифицированные. Приведем некоторые примеры:

1. *Он профессионал, человек компетентный* (В. Лихачев. Наши интервью); *Если на стороне потерпевшего есть грамотный адвокат, то он может заставить следователя поработать* (И. Каляпин, Ш. Буртин. Мы работаем вместо следователей); *Индивидуальность своего пути, которого не знает никто – ни один психотерапевт, какой бы он ни был глубокий и знающий* (М. Варденга, Г. Тюнина. Фрагменты белого стиха); *Мой папа был простой рабочий-скорняк, но очень хороший, квалифицированный скорняк* (Ю. Трифионов. Обмен); *Библиотеке им. Горького нужен высококвалифицированный программист* (М. Хайруллин. Богачей контролировать не будут

2. *Абсолютно некомпетентный Берия ведет дело далеко не так, как надо* (В. Бродянский. Кислородная эпопея); *Неквалифицированный второй режиссер О. Макарихин сбежал самовольно со съемок* (Э. Рязанов. Подведенные итоги); *Самолечение поддерживают самодеятельные, медицински безграмотные «советчики»* (К.Г. Уманский. Самолечение: не навреди самому себе); *Неграмотный психолог способен довести клиента до самоубийства* (М.А. Степанова. Практическая психология образования); *Не о военных ошибках наших возьмусь судить я, малокомпетентный в этом деле человек* (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя); *Такой же малограмотный, как и Трапезников, он считал себя специалистом по аграрному вопросу* (Г. Арбатов. Человек Системы); *Народ здесь обитал малоквалифицированный* (А.С. Макаренко. Книга для родителей).

4. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕОЦЕНОЧНОГО ТИПА

4.1. СОБСТВЕННО ОБЩЕОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Критериальный характер оценок, выражаемых так называемыми общеоценочными прилагательными, прямо или косвенно признается большинством современных ученых. Исключение составляют только те авторы, которые рассматривают общеоценочные значения «хороший» и «плохой» в качестве особых, не поддающихся дальнейшему разложению и потому принципиально неопределяемых смыслов – семантических примитивов [Вежбицкая 1996: 334; Вежбицкая 1999: 24; Добровольский 1986: 25; Апресян 1995: 480; Апресян 2005: 12]. Однако такая интерпретация значений общей оценки никогда не была и по сей день не является в науке господствующей. Ведь даже тогда, когда этим значениям приписывают некий общекатегориальный статус – статус предельно общих понятийных категорий, покрывающих собой все возможные проявления оценок частного характера, все равно критериальность общеоценочных значений не отрицается, а рассматривается чаще всего как своеобразный семантический (смыслообразующий) архетип.

Многими исследователями неоднократно указывалось на возможность использования общеоценочных слов для выражения оценок самого разного характера. При этом в качестве наиболее принципиального отмечалось различие между оценками рациональными (т. е. критериальными) и эмоциональными. Так, к примеру, Ш. Балли, рассматривая наиболее типичные случаи речевого употребления прилагательных *bon* и *mauvais*, писал, что здесь «каждый раз перед нами встает вопрос: что лежит в основе разграничения – логическое суждение или эмоциональная реакция?» [Балли 1961: 209]. Л. Витгинштейн также проводил принципиальное различие между двумя смыслами слова *good* – относительным и абсолютным, которые он называл еще обыденным и этическим. Быть хорошим в относительном (обыденном) смысле значит, согласно Л. Витгинштейну, приближаться к определенному оценочному стандарту (т. е. критерию). А вот хорошее в абсолютном (или этическом) смысле означает то, что нечто являет-

ся объектом какого-то позитивного оценочного отношения [Wittgenstein 1965: 3-6].

Основоположник отечественной логики оценок А.А. Ивин различал у общеоценочных слов две семантических функции – замещения и выражения. Если первая, по его мнению, состоит в замещении тех или иных совокупностей эмпирических свойств оцениваемых объектов, то вторая заключается в выражении разнообразных психических состояний производящих оценки субъектов. В первом случае «обычное употребление предложений типа “это хороший нож”... это употребление их с намерением указать, что рассматриваемые предметы обладают вполне определенными свойствами» (связываемыми с содержанием соответствующих оценочных стереотипов – добавим мы от себя). Во втором же случае «человек может утверждать о яблоке, что оно является хорошим, подразумевая, что яблоко доставляет ему удовольствие своим вкусом; он может назвать поведение некоторых людей плохим, желая выразить чувство возмущения, вызываемое у него этим поведением, и т. д.» [Ивин 1970: 36, 37]. Те оценки, где слова *хороший*, *плохой* и им подобные выполняют функцию замещения, могут быть, по утверждению А.А. Ивина, истинными или ложными. А «те оценки, которые ничего не утверждают и служат простыми словесными выражениями чувств, являются субъективными и потому лишены истинностного значения» [Ивин 1970: 46].

По мнению Е.М. Вольф, функциональная специфика общеоценочных слов в сравнении с частнооценочными заключается именно в совмещении функций замещения и выражения. «В функции замещения оценочные слова «хорошо / плохо» указывают на те или иные совокупности свойств», а при выполнении ими функции выражения «выражается отношение субъекта к объекту оценки». В качестве конкретных форм такого отношения называются удовольствие, неудовольствие, наслаждение, страдание, желание, стремление, предпочтение [Вольф 1985: 33, 34]. При этом, как полагает Е.М. Вольф, выбор семантической функции общеоценочного слова статистически коррелирует с общим (положительным или отрицательным) знаком выражаемой им оценки: положительная оценка в большей мере ориентируется на

выражение отношения субъекта к объекту, отрицательная же оценка «предпочитает указание на свойства и действия объекта, хотя бы и вымышленные» [Вольф 1985: 20]. Во многих местах монографии Е.М. Вольф можно найти указания на возможность использования общеоценочных слов в тех или иных «эмотивных», «аффективных» и иных реляционно-оценочных значениях. С другой стороны, там, где говорится о присущей этим словам функции замещения (т. е. критериальной оценочности), отмечаются рационалистический характер производимых оценок и особая роль используемых при этом оценочных стереотипов [Вольф 1985: 25, 54, 57, 60, 118].

Н.Д. Арутюнова также неоднократно указывала на потенциальную полифункциональность слов со значением общей оценки. При этом отмечалось, что именно понятие «хорошего / плохого» выделяется среди других языковых категорий чрезвычайной разноплановостью своих семантических и прагматических функций. Ведь то, что обозначается общеоценочным словом, может иметь отношение, с одной стороны, «к действительным свойствам объектов и их соответствию или несоответствию норме (существующей и идеальной)», а с другой стороны – «к восприятию объектов, вызываемым ими ощущениям (приятному и неприятному), к активному психологическому началу человека (его желаниям, стремлениям, воле, долгу, обязанностям)» и т. д. [Арутюнова 1988: 60].

Возможность выражения общеоценочными словами оценок реляционного характера фиксируется и некоторыми современными словарями. Оценочные значения такого рода трактуются обычно как смысловые оттенки основных критериально-оценочных значений и описываются как «доставляющий удовлетворение, удовольствие» [СРЯ, т. 4: 620], «заслуживающий одобрения» [Лопатин 2011: 856], «вызывающий порицание, осуждение» [СРЯ, т. 3: 145; БТС: 845]. На наш взгляд, выражение критериальных и реляционных оценок – это по сути своей две совершенно разные семантические функции, и поэтому лексикографически они должны описываться как разные лексические значения тех слов, которые традиционно именуются общеоценочными. Другой вопрос, что в условиях и пределах некоторых контекстов

данные функции не всегда четко проявляются и рефлексиируются людьми (что, впрочем, случается и с любыми другими значениями многозначных слов). А кроме того, критериально- и реляционно-оценочные значения могут просто сочетаться, накладываясь одно на другое, о чем в свое время совершенно правильно писал А.А. Ивин: «Две функции, характерные для оценочных терминов (функция выражения и функция замещения), независимы друг от друга. Нередко, однако, эти слова употребляются таким образом, что ими выполняются обе указанные функции» [Ивин 1970: 39]. И действительно, употребляя в речи словосочетание *хороший поступок*, мы можем тем самым одновременно определять совершенное кем-то действие и как одобряемое (или достойное одобрения), и как отвечающее требованиям морали. А определяя как *хорошие* те или иные продукты питания, можно одновременно характеризовать их и как приятные на вкус, и как соответствующие существующим стандартам качества. В некоторых случаях определенная реляционная оценка может выступать как прямое следствие осуществленной перед этим критериальной оценки. Так, работа, расцениваемая как *хорошая* в силу её соответствия всем предъявляемым требованиям, вполне очевидно может быть признана и заслуживающей морального одобрения, а отражающая эту производную оценку сема будет присутствовать в семантической структуре словосочетания *хорошая работа* в качестве сопутствующего смысла.

В нашей работе подлежат рассмотрению те случаи употребления общеоценочных прилагательных, где вне всякого сомнения может иметь место феномен критериальной оценочности, независимо от того, будет ли критериальная оценка сопровождаться какими-то элементами реляционной оценочности или нет.

На критериальный характер семантики общеоценочных слов указывал в свое время великий европейский мыслитель Б. Спиноза. В его «Кратком трактате о Боге, человеке и его счастье» имеется глава «Что хорошо и что дурно», и в этой главе сказано следующее: «Ни вещи, ни действия не бывают хороши или дурны. Следовательно, хорошее и дурное не находится в природе». И далее: «Когда называют нечто хорошим, то это значит не что иное, как то, что это согласуется с всеобщей идеей, которую мы

имеем о таких вещах» [Спиноза 1957: 108, 109]. В настоящее время «идеи», выступающие в роли критериев оценок общего характера, именуются общеоценочными стереотипами, стандартами или эталонами. Однако вопрос о том, что представляет собой содержание этих стереотипов, стандартов и эталонов, все еще остается дискуссионным.

При самом простом подходе критерий общей оценки трактуется в обобщенном виде как ментальное образование, представляющее собой «понятие нормы как чего-то усредненного, традиционного или привычного». Норма при этом мыслится в чисто экзистенциальном плане, как нечто, представляющееся нам обычным, «прототипическим». «Отклонение от нормы в сторону убывания признака в область негации получает оценку *плохо*. Сама норма или же улучшение условий проявления нормы получают оценку *хорошо*» [Глущенко 2002: 79].

Как считает В.Н. Телия, оценочность, выражаемая общеоценочными словами, есть не что иное, как «связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего / слушающего и обозначаемой реальностью... оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» [Телия 1986: 22, 23].

По мнению Е.М. Вольф, «для общеоценочных слов *хороший* / *плохой* норма связана с ориентацией на определенные стандарты, включающие требования, которые предъявляются к объектам» [Вольф 1985: 54]. Однако, каков характер требований, составляющих стандарты общих оценок, чем, какими соображениями эти требования обуславливаются, Е.М. Вольф не уточняет.

На то, какие именно требования образуют содержание общеоценочных стереотипов, в самом приблизительном виде указывает Л.А. Сергеева. По её утверждению, основной смысловой компонент концепта общей оценки может быть представлен как «удовлетворяющий по своим качествам предъявляемым требованиям». Последние же могут варьироваться в диапазоне «от требований социальной нормативности до требований личностного и ситуативного порядка» и, кроме того, «могут иметь качествен-

но-количественные аспекты, ср. *хороший костюм (человек) – хороший урожай (заработок)*» [Сергеева 2009: 130].

Во многих современных работах декларируется понимание сущности стереотипов общих оценок, предложенное Н.Д. Арутюновой. В соответствии с этим пониманием, «употребление общеоценочных предикатов (*хороший* и *хорошо*, *плохой* и *плохо*) обусловлено отношением к идеализированной модели мира» (точнее – к тем или иным её фрагментам). В таком случае «хорошее значит соответствующее идеализированной модели макро- и микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а следовательно, и его деятельности; плохое значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров». Таким образом, «оценочное высказывание вскрывает присутствие (или отсутствие) в действительном идеального» [Арутюнова 1988: 59]. Общеоценочным стереотипам Н.Д. Арутюнова приписывает модальность долженствования, которая проявляется в том, что «устанавливает образец, к которому следует стремиться. Не случайно на вопрос *Что значит хороший?* можно ответить *Такой, каким следует быть*» [Арутюнова 1988: 63].

Кроме того, представителями разных гуманитарных наук в разное время указывалось и на возможность чисто утилитарной мотивированности общих оценок, а следовательно, и их критериев. Так, в переданном Ксенофонтом Афинским споре Сократа и Аристиппа о сущности хорошего и прекрасного Аристипп спрашивал своего знаменитого оппонента:

– Ты хочешь сказать, что одни и те же предметы бывают прекрасны и безобразны?

– Да, клянусь Зевсом, – отвечал Сократ, – равно как и хороши и дурны: часто то, что хорошо от голода, бывает дурно от лихорадки, и что хорошо от лихорадки, дурно от голода. Потому что все хорошо и прекрасно по отношению к тому, для чего оно хорошо приспособлено, и, наоборот, дурно и безобразно по отношению к тому, для чего оно дурно приспособлено [Ксенофонт 1935: 117].

Позднее Г. Спенсер в своих «Основаниях науки о нравственности» задавался вопросом о том, в каких случаях мы называем хорошими или дурными те или иные предметы, например такие,

как нож, ружье или дом. По мнению философа, «признаки, приписываемые этим вещам сказуемыми *хороший* и *дурной*, не относятся к их внутренней сущности, потому что, независимо от человеческих нужд, такие вещи не могут иметь ни достоинств, ни пороков. Мы называем эти вещи хорошими или дурными соответственно лишь с тем, хорошо или худо приспособлены они к достижению предписанных им целей» То же самое относится и к «живым тварям и их поступкам»: положительная или отрицательная оценка этих объектов также определяется степенью их пригодности для осуществления наших целей [цит. по: Столович 1994: 131]. Возможность чисто утилитарной мотивированности общих оценок и их критериев отмечалась и некоторыми другими зарубежными и отечественными учеными [см., например: Ивин 1970: 40–42; Вольф 1985: 63, 64].

Наблюдаемый разноречивостью в трактовках сущности общих оценок и содержания общеоценочных стереотипов порождает у некоторых современных исследователей закономерный скепсис по поводу возможности выявить и сформулировать какое-либо категориальное значение общей оценки, характерное для всех случаев критериально-оценочного употребления общеоценочных слов. Так, например, Е.Д. Гаврилова, указывая, в своей диссертации на «релятивный характер» категорий «good» и «bad» в английском языке, утверждает, что «данные оценочные категории в структурном плане подобны мозаике. Они представляют собой сложные объединения частных оценочных категорий или субкатегорий типа “good / bad car”, “good / bad weather” и т. д. Подобный мозаичный (кластерный) характер общих оценочных категорий “good” и “bad” указывает на то, что в основе их построения лежит принцип “семейного сходства”. Это проявляется, главным образом, в том, что в структуре данных категорий невозможно выделить общую для всей оценочной категории прототипическую или инвариантную характеристику» [Гаврилова 2005: 155].

Утверждение о «знаковой универсальности» слов со значением общей оценки находим в монографии Г.М. Лифшиц. Здесь, говорится, в частности, о том, что «широта смысловой структуры» общеоценочных слов сближает их в функциональном плане с семантически опустошенным вопросительным местоимением *ка-*

кой – «словом, имеющим специфическое отвлеченное значение, конкретизирующееся в контексте или в речевой ситуации» [Лифшиц 2001: 29].

На наш взгляд, несмотря на все разнообразие семантических функций слов общеоценочного характера, определенные инвариантные (общекатегориальные) значения у них все-таки есть. Прежде всего, это предельно обобщенные значения реляционной и критериальной оценочности. Причем первое из них носит откровенно чувственный характер и проявляется в разнообразных чувственно-гедонистических и эмоционально-оценочных смыслах, которые могут интерпретироваться как семантические оттенки данного значения. Ну а то, в каких конкретных смыслах может реализовываться инвариантное критериальное значение общей оценки, определяется тем, какие ментальные стереотипы могут использоваться в тех или иных конкретных случаях её осуществления в качестве оценочных критериев.

Факт многоаспектности (многозначности) феномена общей оценочности критериального характера так или иначе фиксируется всеми современными словарями. Правда, в словарях это не связывается с потенциальным многообразием критериев оценок такого рода. А кроме того, критериально-оценочные смыслы могут интерпретироваться и как отдельные лексические значения, и как семантические оттенки других значений общеоценочных слов. Так, в Малом академическом словаре русского языка у прилагательного *хороший* в качестве самостоятельных выделяются такие значения критериальной оценки, как «вполне отвечающий своему назначению» (*хороший слух, хорошее зрение, хорошая квартира, хороший отдых, хорошие инструменты*); «достигший умения, мастерства в своем деле, специальности» (*хороший врач, хорошая учительница, хороший слесарь, хороший музыкант* – оценка с точки зрения профессиональных функциональных стереотипов); «обладающий положительными моральными качествами (о человеке)» (*хороший человек* – оценка с точки зрения морали как нормативной формы сознания). А вот такое критериально-оценочное значение, как «примерно, образцово выполняющий свои обязанности, обязательства по отношению к кому-либо» (*хороший муж, хорошая мать, хороший помощник*), рас-

смаатривается всего лишь как оттенок предшествующего значения «обладающий положительными моральными качествами» [СРЯ, т. 4: 620, 621].

В разные времена разными авторами предлагались различные классификации типов и разновидностей оценок, отражаемых общеоценочными словами. Наиболее известной среди них является классификация оценок и оценочных значений, связываемых со словом *good*, предложенная еще в 60-х годах прошлого века финским философом и логиком Г.Х. фон Вригтом [Wright 1963: 20–74; см. также: Ивин 1970: 63–69; Арутюнова 1988: 66–71; Сергеева 2003: 40–43]. И хотя сам ученый называл выделенные им типы общей оценочности «разновидностями добра», его классификация вполне может быть использована в качестве некоей первоосновы, своего рода «точки отталкивания» для выявления и описания критериально-оценочных значений общеоценочных прилагательных.

В концепции фон Вригта различаются шесть типизированных случаев речевого употребления самого прилагательного *good*, а также его синонимов и антонимов. Для каждого из этих случаев определяются какие-то специфические, проявляющиеся только в них особенности оценочной семантики. Они-то и именуются фон Вригтом «разновидностями добра», хотя отечественные авторы предпочитают рассматривать их в качестве типов оценки, и тогда среди употреблений и значений общеоценочных слов различаются такие специфические оценки, как 1) инструментальные, 2) технические, 3) утилитарные, 4) оценки благоприятствования, 5) медицинские и, наконец, 6) гедонистические. Не все из них в равной мере могут быть признаны оценками критериального характера и анализироваться в качестве таковых.

Инструментальные оценки, состоящие, по мнению фон Вригта, в приписывании каким-либо объектам признака «инструментального добра», основываются на функциональном принципе. Они характеризуют те или иные вещи с точки зрения степени их пригодности к тому, чтобы быть использованными в функции средств осуществления какой-либо деятельности. Такие оценки приписываются прежде всего предметам домашней утвари, инструментам и орудиям – таким как ножи, часы, автомобили и т. д.

Наглядными примерами выражения оценок такого рода могут служить высказывания типа: *Этот нож хорош; Автомобили марки N являются скверными* и т. п. Кроме того, в качестве объектов инструментальных оценок могут выступать домашние животные – собаки, коровы, лошади, а также те или иные способы осуществления какой-либо деятельности.

Для нас совершенно очевидным представляется то, что «инструментальное добро» фон Вригта является признаком, основанным на оценках безусловно критериального характера. Это такие оценки, где в качестве оценочных критериев выступают ментальные стереотипы, содержащие в себе определенные наборы представлений о тех функциональных качествах, которыми различные предметы, орудия, животные и способы действия должны обладать с тем, чтобы с успехом быть используемыми в человеческой практике. И поскольку в каждом конкретном случае оценочных критерий (стереотип) обретает форму довольно определенного качественного стандарта, не имеется никаких препятствий к тому, чтобы рассматривать оценки инструментального типа в качестве одной из разновидностей описанных нами ранее стандартных оценок.

Функционально-практическая обусловленность инструментальных оценок и их критериев наглядно проявляется в конструкциях, где краткие формы прилагательных *хороший* и *плохой* сочетаются с существительными в родительном падеже с предлогом *для*, обозначающими те формы человеческой деятельности и конкретные действия людей, где используются оцениваемые объекты. При этом основания оценки, соотносимые с определенными оценочными критериями, могут эксплицироваться в виде особых синтаксических конструкций – структур со значением так называемой оценочной мотивации, например: *Монтажные соединения делаются изолированным проводом, хорош для этой цели расплетенный осветительный шнур, с которого снята верхняя бумажная изоляция* (Б. Асеев. Наивыгоднейшее сопротивление контура); *Он (препарат) не вызывает никакого побочного действия, приятен на вкус и потому очень хорош для лечения детей* (С. Мартынов. Сок здоровья); *Очень хороши для этой цели (хранения продуктов) коробки, изготовленные из алюминия:*

веса́т они су́щий пу́стяк, удо́бство же гро́машное (В. Семеновский. Снаряжение туриста); *Хвойный веник (пихтовый, можжевеловый) увеличивает кровообращение глубоко в мышцах и даже во внутренних органах. Такой веник хорош для своеобразного массажа* (Н. Штормило. С легким паром!); *Чем еще плох для налогоплательщиков правительственный вариант налога на имущество организаций: в нем изменены формулировки практически всех статей* (И. Пылаев. Спорное имущество).

Весьма примечательным является то, что оценки инструментального типа не распространяются на предметы, не вовлеченные в человеческую деятельность, а потому невозможными представляются словосочетания типа *хорошие / плохие звезды, хорошие / плохие скалы, хорошие / плохие муравьи* и т. д.

Оценки, относящиеся к типу, именуемому фон Вригтом «техническим добром», распространяются только на людей и характеризуют их с точки зрения степени мастерства и эффективности в том или виде деятельности – игровой, профессиональной или творческой. Обладать «техническим добром» – значит преуспевать в какой-то деятельностной сфере, что, конечно же, бывает возможно только при наличии у человека необходимых для этого качеств (способностей, знаний, умений и навыков), развитых до определенного уровня. Представления о таких качествах и образуют содержание ментальных стереотипов, выступающих в роли критериев технических оценок. Сами же эти оценки, так же как и оценки инструментального типа, по сути своей и по характеру используемых критериев вполне могут интерпретироваться как стандартные.

Содержание стереотипов (стандартов) технических оценок обычно хорошо рефлексировано говорящими и часто бывает эксплицировано в структуре высказывания, как, например, в следующих предложениях: *Более всего нам необходимы хорошие учителя и учительницы, такие, которые были бы специально подготовлены к своему делу* (К.Д. Ушинский. Педагогическая поездка по Швейцарии); *Приложив определенные усилия, можно найти в государственной школе хорошего учителя, который способен обеспечить детям достаточно высокий уровень знаний* (Е. Мохова. Выбираем школу); *Хороший учитель сделан из ма-*

ленького ребенка и больших знаний (Слон-Любящий-Отвечать-На...); Все хорошие учителя, кроме одной, по русскому, она у нас ничего не знает (Л. Кабо. Повесть о Борисе Беклешове); Хороший учитель подбирает способы обучения для каждого конкретного класса – наборы бывают разные, учитель должен уметь приспособливаться (Наши дети. Дошколята и младшие школьники); А хороший учитель никогда не повторяется, всегда у него новые выражения, да и мысли новые (Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека); Он, Учитель, не смог найти нужные слова, чтобы слушающий его понял, а значит, он плохой учитель (В. Доценко. Тридцатого уничтожить); Уместно вспомнить слова мудрого немецкого педагога прошлого века А.Ф. Дистервега: «Плохой учитель преподносит истину, хороший учитель её находит» (Е. Весник. Дарю, что помню).

Из приведенных высказываний видно, что у разных людей содержание одного и того же оценочного стереотипа (в нашем случае «хорошего учителя») может варьироваться, а в различных контекстуальных условиях могут актуализироваться и выходить на первый план разные содержательные элементы этого стереотипа. В то же время бесспорным является то, что как хорошее может характеризоваться только такое лицо, функциональные качества которого не несут в себе ничего деструктивного, нравственно осуждаемого, опасного для других людей. В этом, пожалуй, заключается главное отличие позитивных технических оценок лиц от соответствующих им стандартных оценок. Так, если словосочетания типа *первоклассный взломщик, перворазрядный мошенник, первостатейный аферист* представляются нам вполне допустимыми, то сочетания слов *взломщик, мошенник, аферист* и им подобных с прилагательным *хороший* или его синонимами вряд ли будут признаны корректными.

Со значением «утилитарного добра» общеоценочные слова употребляется, согласно фон Вригту, в тех случаях, когда речь идет о пригодности или полезности оцениваемого объекта с точки зрения достижения какой-либо цели. Такое значение проявляется в словосочетаниях типа *хорошая возможность, хороший случай, хороший совет, хороший план* и др., где определение *хороший* легко, без какого-либо ущерба для смысла может быть за-

менено словами *подходящий, удобный, полезный, правильный*. В настоящее время в работах, посвященных анализу различных форм оценочности, значение, трактуемое фон Вригтом как воплощение «утилитарного добра», интерпретируется обычно как телеологическое или телеолого-оценочное (об этом речь шла в первом параграфе данной главы). В Малом академическом словаре оно определяется как «полезный, нужный, способствующий чему-либо» и рассматривается в качестве семантического оттенка основного значения прилагательного *хороший* – «обладающий положительными качествами, свойствами» [СРЯ, т. 4: 620, 621].

«Добро благоприятствования» по фон Вригту, или «хорошее» в бенефициальном смысле, заключается в объективном способствовании чего-либо «добру» или, точнее, благу какого-то человеческого существа. Такое значение проявляется в английских выражениях *to be good for...* (*хорошо для кого-либо*), *to do good to...* (*делать хорошее кому-либо*), а также в словосочетаниях типа *хорошее отношение, хороший прием, хорошая услуга* и под. Согласно представлениям, утвердившимся в отечественной аксиологии, данное значение интерпретируется обычно как утилитарно-оценочное. Однако в соответствии с нашей точкой зрения, высказанной еще в первой главе данной работы, значение способствования благу какого-то человека – укреплению здоровья, улучшению материального положения или развитию полезных личностных качеств – вообще не является оценочным. Это значение дескрипционное, чисто описательное и потому рассмотрению в числе критериально-оценочных значений не подлежит. То же самое относится и к значениям «положительный», «исполненный доброжелательства», «находящийся в дружеских отношениях», эксплицируемым прилагательным *хороший* в словосочетаниях *хороший отзыв, хорошие слова, хорошие знакомые* и т. д.

В качестве отдельной разновидности «добра благоприятствования», причем разновидности вторичной, производной, фон Вригтом было особо выделено «добро человека», которое приписывалось различным аспектам человеческого поведения, а также некоторым психическим свойствам людей. Эта семантическая функция отмечалась у общеоценочных слов, употребляемых в словосочетаниях типа *хороший мотив, хорошее намерение, хо-*

роший поступок, хорошее поведение, хорошая черта характера и т. п. Наиболее показательным примером проявления «добра» данной разновидности фон Вригт считал добрую волю человека, о которой утверждалось, что это единственная форма добра, которая не нуждается в какой-либо квалификации и каких-то ограничениях. В работах отечественных ученых семантическая функция выражения «добра человека» трактуется обычно как выражение оценок этического характера, т. е. как этическая (или моральная) оценочность [Ивин 1970: 63–64; Арутюнова 1988: 69; Сергеева 2003: 40].

На возможность выражения общеоценочными словами морально-этических оценок указывают некоторые словари русского языка, причем эта семантическая функция может интерпретироваться здесь как проявляющаяся в совершенно самостоятельных лексических значениях. Однако при описании таких значений в словарях обычно не делается различия между критериальным и реляционным аспектами моральной оценочности. Так, например, при толковании морально-оценочного значения прилагательного *плохой* одновременно даются две в общем-то разные дефиниции: одна – нормативно-оценочная «не отвечающий требованиям морали», другая – реляционно-оценочная «вызывающий порицание, осуждение» [СРЯ, т. 3: 145; БТС: 845]. И это, по-видимому, обусловливается объективными причинами, а именно тем, что во многих контекстах, где общеоценочные слова выражают морально-этические оценки, бывает просто невозможно определить, оценочность какого типа – критериально-нормативная или реляционная – имеется в виду.

На наш взгляд, значение нормативной моральной оценки наиболее отчетливо проявляется в словосочетаниях *хороший человек* и *плохой человек*, где оценочные определения выражают значения соответствия или несоответствия поведенческих склонностей того или иного лица существующим в обществе моральным нормам. В таких сочетаниях прилагательные *хороший* и *плохой* бывают вполне заменяемы нормативно-оценочными словами *нравственный / безнравственный, порядочный / непорядочный* и т. п. Приведем некоторые примеры: *В сновидениях человек совершает запретное, но чрезвычайно желаемое, и Фрейд приво-*

дит слова Сократа о том, что хороший человек довольствуется бесчинствами в сновидениях, а дурной совершает их в реальности (Что тебе снится, крейсер «Аврора»?); Такой, знаете ли, добрый, хороший человек, отличный семьянин, спокойный, уравновешенный, непьющий, надежный, верный друг, всегда приходящий на помощь (Ю. Андреев, В. Лебедев. Моральный ум?); Очень скоро она решила, что он – плохой человек: пьяница, грубиян, деспот, иногда – почти зверь (А. Пантелеев. Ленька Пантелеев); Я был дерьмо, щенок, мальчишка, бессовестный и лживый мальчик. Плохой человек. Любитель легких денег, «мерседесов» и девочек (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет). С другой стороны, можно привести немало и таких случаев, когда оценку хороший какой-либо человек получает на основе одного лишь только хорошего к себе отношения со стороны другого лица, что основывается чаще всего на чувстве благодарности: Вот бай Фатхи-агай всегда к празднику выносил мне корки беляша. Ой, хороший человек был (М. Сайтов. Островки); Николай Иванович – очень хороший человек, ведь он женился на мне, когда я была уже с ребенком (В. Аксенов. Новый сладостный стиль); Вы очень хороший человек, спасли, жалеете меня, я понимаю (А. Берсенева. Возраст третьей любви).

Помимо норм морали, критериями нормативных оценок, выражаемых прилагательными *хороший* и *плохой*, могут быть также требования, проистекающие из содержания какого-либо долга – отцовского, материнского, сыновьего, гражданского, служебного, профессионального и т. д. В таких случаях говорят о хорошем / плохом исполнении долга или служебных обязанностей хорошей / плохой работе, хорошем / плохом уходе за детьми, воспитании, попечении о родителях и т. п. И человек с точки зрения полноты и тщательности исполнения какого-либо долга может характеризоваться как хороший или плохой отец, сын, гражданин, службист, командир и пр.

Что касается «медицинского добра», то оно, согласно фон Бригту, может относиться к тем или иным телесным органам (*хорошее сердце, хорошая печень*), способностям восприятия (*хорошее зрение, хороший слух*), некоторым ментальным способностям (*хорошая память, хорошая интуиция*), а также к человеческому

здоровью вообще (*хорошее здоровье*). По мнению отечественных интерпретаторов концепции фон Вригта, речь в данном случае может идти о выражении оценок, осуществляемых с точки зрения соответствия или несоответствия перечисленных выше объектов «норме данного вида или рода» понимаемой как некий среднестатистический показатель здоровья для какого-либо органа, способности или всего организма в целом [Арутюнова 1988: 68–69; Сергеева 2003: 42].

На наш взгляд, трактовки такого рода могут быть применимы только к тем случаям, когда речь идет только о хороших и плохих ментальных способностях. Здесь, действительно, хорошая память может трактоваться как память, превышающая некий усредненный среднестатистический уровень, а плохая память – как в той или иной степени не дотягивающая до него. Причем определяется это не на основании каких-то объективных показателей, а, как говорится, на глазок. Для определения же степени «хорошести» человеческих органов и способностей восприятия существуют четкие медицинские показатели, выступающие как вполне определенные оценочные стандарты. И стандарты эти далеко не всегда совпадают со среднестатистическими данными, характерными для тех или иных возрастных групп. Если для молодежи среднестатистические показатели здоровья в целом приближаются к соответствующим медицинским стандартам, то для лиц пожилого возраста средняя статистика здоровья их внутренних органов и способностей восприятия весьма и весьма далека от этих стандартов. Более того, согласно отнюдь не безосновательному утверждению врачей, абсолютно здоровых людей, т. е. лиц, чье здоровье полностью соответствовало бы медицинским стандартам, не бывает вообще – бывают только плохо обследованные. А вот если бы хорошими, т. е. здоровыми, считались органы и способности восприятия, соответствующие средним показателям их здоровья, то абсолютно здоровыми можно было бы считать большинство живущих на свете человеческих индивидов.

Таким образом, исходя из всего сказанного выше, можно утверждать наверняка, что «медицинское добро» фон Вригта в большинстве случаев использования прилагательных *хороший* / *плохой* в данном значении представляет собой не что иное, как

выражение критериальных оценок стандартного типа, где в роли оценочных критериев выступают различные стандарты здоровья.

Последней из выделенных фон Вригтом форм хорошего является так называемое «гедонистическое добро», основанное на чувстве удовольствия, доставляемого субъекту оценки оцениваемым объектом. Несмотря на то, что гедонистические оценки были поставлены ученым на последнее место, именно их он считал первичными, не имеющими никакой логической структуры, а потому и никак не соотносимыми с понятиями истинности и ложности, в отличие от всех остальных форм оценочности, выделенных ранее. Понятно, что при таком подходе «гедонистическое добро» никак не связывалось с использованием каких-либо форм критериальных оценок, исключало саму возможность задействования логического механизма критериальной оценочности.

И действительно, во многих из рассмотренных фон Вригтом случаев оценки, лежащие в основе выражаемого общеоценочными прилагательными «гедонистического добра» могли иметь исключительно чувственный, реляционный по своей сути характер. С выражением оценок только такого рода мы сталкиваемся тогда, когда речь идет о хорошем или плохом запахе или вкусе чего-либо, хорошей или плохой погоде, хороших или плохих шутках и т. п. Однако в целом ряде словосочетаний с определениями *хороший* и *плохой* в их составе данным прилагательным наряду со значениями гедонистической оценки вполне могут быть приписаны и критериально-оценочные значения стандартного типа. Вспомним, что Р.М. Хэар, к примеру, рассматривая семантику словосочетания *хорошая клубника*, указывал на возможность и гедонистической интерпретации, когда хорошая клубника понимается как сладкая, и критериально-оценочного понимания, когда имеется в виду общее соответствие какой-то конкретной клубники «стандарту хорошей клубники», что ведет к приписыванию клубнике, помимо одной только сладости, еще и таких качеств, как *крупная*, *красная*, *сочная*, не имеющих прямого отношения к гедонистической оценке [Хэар 1985: 183]. Фон Вригт в качестве одного из примеров выражения «гедонистического добра» приводит словосочетание *хороший обед*. На наш взгляд, здесь, как и в других сочетаниях прилагательного *хороший* со словами, обо-

значающими различные предметы потребления, мы имеем дело с одним из тех случаев, когда бывает возможным сочетание гедонистических оценок с критериальными оценками стандартного характера, где в роли оценочных критериев выступают различные потребительские стандарты качества. Подтверждением такой возможности могут служить следующие примеры: *Оленина – хорошее мясо, легко усвояемое, диетическое и вкусное* (В. Писигин. Письма с Чукотки); *Прежде всего, знайте, что хороший сыр не липнет ни к рукам, ни к зубам* (А. Мельников. Сыр или сырок?); *Хорошее вино гурджаани. В меру кислое, в меру терпкое и с тонким ароматом* (Г. Алексеев. Зеленые берега); *Только на огне и получается хороший кофе – черный, тягучий* (Ю. Пешкова. Cha-roupin дом); *Англичане хорошим чаем... называют особый сорт грубого черного или смесь его с зеленым, смесь очень наркотическую, которая дает себя чувствовать потребителю, язвит язык и небо во рту, как почти все, что англичане едят и пьют* (И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада»).

С понятием «гедонистического добра» фон Вригтом связывались и выражаемые словами *хороший* и *плохой* эстетические оценки. О том, что в основе оценок такого рода лежат гедонистические по своей природе переживания наслаждения и отвращения, сопровождающие определенные зрительные и слуховые восприятия, мы уже писали в третьем параграфе данной главы. Здесь же нами отмечалось и то, что эстетические оценки могут носить и критериальный характер, когда при оценке тех или иных объектов используются особые, специфические критерии, представляющие собой определенные эстетические стереотипы, производные от первичных реляционных эстетических оценок. Выражение эстетических оценок критериального типа свойственно таким словам, как *гармоничный, дисгармоничный, грациозный, изящный, ладный, нескладный, аляповатый, вычурный, безвкусный*, и т. п. Думается, что некоторые из передаваемых этими словами критериально-оценочных значений могут выражаться и общеоценочными прилагательными типа *хороший / плохой*. Как хорошая может быть охарактеризована, например, изящная, ладная фигура. Соответственно нескладная фигура может определяться как плохая. Как плохие могут характеризоваться аляповатая рас-

цветка, безвкусная окраска, дисгармоничное звучание. А вот гармоничное звучание чего-либо вполне может быть признано хорошим.

Наиболее типичным случаем использования общеоценочных прилагательных в качестве средств выражения критериальных эстетических оценок является их употребление в роли определений при существительных, обозначающих произведения литературы и искусства, – там, где выражаются значения соответствия или несоответствия этих произведений соотносимым с ними эстетическим требованиям, канонам и вкусам. О том, какими разнообразными и субъективными могут быть критерии эстетических оценок такого рода, дают представление приведенные ниже примеры:

1. *Эти книги вымыли мне душу, очистив её от шелухи впечатлений нищей и горькой действительности; я почувствовал, что такое хорошая книга, и понял её необходимость для меня* (М. Горький. В людях); *Как университетское образование не сумма, а система знаний, так и хорошая книга представляет собой завершённую гармоничную систему* (В падчерицах у прибыли); *Хотя книга адресована «среднему школьному возрасту», но, как просто хорошая книга, написанная ясным литературным языком, она может быть интересна и для читателей, давно миновавших этот возраст* (Н. Платэ. Для тех, чьи наклонности ещё не определились).

2. *Хорошая пьеса – это некая обобщённая история, типизирующая жизненные явления* (С. Лунгин. Виденное наяву); *Хорошая пьеса – как жизнь: познание тут бесконечно* (А. Эфрос. Профессия: режиссер); *В каждой хорошей пьесе её сверхзадача и сквозное действие органически вытекают из самой природы произведения* (К.С. Станиславский. Работа актёра над собой); *Каждая хорошая пьеса даёт основу для построения композиции действующих в ней лиц* (М. Чехов. О технике актёра); *Хорошая пьеса подобна кристаллу: её можно крутить по-разному* (А. Гулина. Не уставать восхищаться); *«Роза и Крест» – это просто плохая пьеса, написанная плохим языком, искусственная и фальшивая* (В. Рецептер. Эта жизнь неисправима); *Дальше состоялся*

короткий и стремительный, как в хорошей пьесе, диалог (Н. Журавлев. М.В., или «Мы пахали!»).

С другой стороны, общеоценочные прилагательные оказываются вполне способными выражать и эстетические оценки чисто реляционного характера – такие, как в следующем примере: *Жюль Ренар говорил, что «хорошая книга – это та, которая мне нравится»; проведите серьезное социологическое обследование в библиотеках – вот вам будет и «гамбургский счет» (В. Санин. Не говори ты Арктике – прощай).*

Подводя итог описанию оценочной семантики, свойственной прилагательным *хороший* и *плохой*, думается, можно смело утверждать, что, помимо целого ряда оценок реляционного характера (гедонистических, моральных и эстетических), данные прилагательные оказываются способными и к выражению множества критериально-оценочных значений, к числу которых относятся значения, отражающие такие оценки, как:

1) телеологические (*хорошая возможность, хороший случай, плохой совет*);

2) нормативные – моральные (*хороший поступок, плохой человек*) и оценки исполнения долга (*хорошая служба, хороший гражданин, плохой отец*);

3) количественные (*хорошая память, плохая интуиция*);

4) эстетические (*хорошая расцветка, хорошая книга, плохой спектакль*);

5) стандартные – потребительские (*хорошая клубника, плохой коньяк*), инструментальные (*хороший автомобиль, плохой инструмент*), оценки квалификации (*хороший специалист, хороший врач, плохой игрок*), медицинские (*хорошее здоровье, хорошее зрение, плохое сердце*).

Эти формы критериальной оценочности нашли то или иное отражение в классификации «разновидностей добра» фон Вригта. Кроме того, к числу критериально-оценочных значений, выражаемых общеоценочными прилагательными, следовало бы еще добавить и оценки гностического (истинностного) характера, проявляющиеся в словосочетаниях типа *хорошие знания, хорошая версия, плохой ответ, плохое объяснение* и т. п.

Перечисленные нами оценки, принципиально различающиеся по характеру используемых в них критериев, тем не менее, объединяет один общий и довольно существенный признак: все они так или иначе характеризуют оцениваемые объекты с точки зрения благоприятного или неблагоприятного воздействия последних на жизнь людей, позитивного или негативного значения для жизни и деятельности человека. Наличие такого общего семантического признака позволяет рассматривать все выделенные нами критериально-оценочные значения слов *хороший* и *плохой* в качестве семантических оттенков какого-то одного значения позитивной или негативной критериальной оценочности, которое противопоставлено позитивному или негативному значению реляционной оценочности (со всеми его смысловыми оттенками), а также свойственным данным словам дескрипционным значениям.

Кроме прилагательных *хороший* и *плохой*, русский язык располагает еще довольно внушительным набором слов общеоценочного характера. В перечень прилагательных, синонимичных слову *хороший*, включают до 32 лексических единиц, а в список лексических синонимов слова *плохой* – до 36 единиц [Лифшиц 2001: 188, 189]. Однако далеко не все из тех прилагательных, что рассматриваются как синонимы слов *хороший* и *плохой*, могут выражать оценки критериального характера. Некоторые из них ориентированы на выражение одних лишь реляционно-оценочных значений. К числу оценочных прилагательных, способных отражать только реляционные (преимущественно эмоциональные и гедонистические) оценки, относятся такие слова, как *восхитительный*, *дивный*, *милый*, *славный*, *прелестный*, *чудный*, *гадкий*, *гнусный*, *мерзкий*, *кошмарный*, *отвратительный*, *отвратный*, *паскудный*, *пакостный*, *мерзопакостный* и *сквернопакостный*. Реляционно-оценочный характер семантики всех этих слов довольно последовательно фиксируется в дефинициях их значений, предлагаемых современными толковыми словарями.

С другой стороны, в русском языке имеются и такие общеоценочные слова, которые, несомненно, обладают способностью к выражению критериальных оценок, однако значения критериальной оценочности являются у них вторичными, производными от первоначальных реляционно-оценочных значений.

Наиболее показательным в этом смысле является прилагательное *ужасный*, у которого общеоценочное значение «очень плохой, скверный», безусловно, произведено от эмоционально-оценочного значения «вызывающий ужас» [СРЯ, т. 4: 473]. Если верить современным толковым словарям, то аналогичное приращение смыслов следует видеть и в семантической структуре таких оценочных слов, как *дурной*, *поганый* и *скверный* [СРЯ, т. 1: 454, т. 3: 165, т. 4: 106]. О том, что всем этим прилагательным органично свойственны значения реляционной оценочности, которые, по-видимому, и были теми смыслами, от которых образовались критериально-оценочные значения, свидетельствует возможность таких синтаксических образований, как *дурной запах*, *дурной характер*, *дурна собой*, *поганое питье*, *поганое настроение*, *скверный вкус*, *скверная погода* и т. п.

Прилагательное *прекрасный*, совмещающее в себе семантику критериальной оценочности и значение реляционной эстетической оценки, является, как известно, славянской калькой с древнегреческого слова *regikales*. Появившись в славянских языках еще в эпоху христианизации славян, данное прилагательное уже в древнейших памятниках церковнославянской и русской письменности употреблялось в обоих отмеченных выше значениях, толкуемых как «очень хороший» и «очень красивый» [СРЯ XI–XVII вв., вып. 18: 252].

По характеру свойственных им критериально-оценочных значений все общеоценочные прилагательные могут быть объединены в определенные группы – синонимические ряды, доминантные значения которых отражают различные формы соотносительности критериальных оценок с выражаемыми прилагательными *хороший* и *плохой* прототипическими значениями соответствия или несоответствия объекта критериальной оценки выступающему в роли её критерия оценочному стереотипу. Можно предполагать, что значения, свойственные каждому из этих синонимических рядов, связываются с определенными «отметками» на виртуальной оценочной шкале, где исходной точкой отсчета является некий условный оценочный уровень, маркируемый как «хороший».

Интересно отметить, что среди общеоценочных прилагательных, соотносимых с понятием *хороший*, только одно лишь слово может рассматриваться как тождественное ему в плане критериальной оценочности. Это слово – прилагательное *удачный*, у которого критериально-оценочное значение «вполне отвечающий требованиям, хороший» является вторичным, производным от основного телеолого-оценочного значения «завершившийся удачей, успехом, хороший по своим результатам» [СРЯ, т. 4: 465]. Правда, будучи способным выражать, как и слово *хороший*, полное соответствие оцениваемого объекта какому-то оценочному стереотипу, прилагательное *удачный* обладает более ограниченной лексической сочетаемостью, что, по-видимому, обуславливается изначальным деятельностно ориентированным характером его семантики. Ведь удачным признается обычно только то, что создается в процессе человеческой деятельности. А это могут быть какие-либо артефактные предметы, речевые высказывания и тексты, произведения искусства, а также люди, рассматриваемые как объекты воспитания и образования:

1. *Салон автомобиля – и без того удачный – изменился не сильно* (А. Патрикеев. Высокая мода); *Очень удачный руль – приятный на ощупь, пухленький* (А. Фомин, В. Крючков. Одного поля ягоды?); *Протез как будто не очень удачный, думала я, глядя ему в спину* (И. Грекова. Перелом).

2. *Это не просто удачная фраза – за ней убежденность в своей правоте, несогласие с идеологией реформ, исповедуемой нынешней властью* (М. Шаров. Государства должно быть столько, сколько необходимо); *Я написал о первых днях нашего пребывания в Вене удачный рассказ «Дети коменданта»* (Э. Лимонов. Книга воды).

3. *А МХАТ надо поздравить с почином: на его сцене вышел первый удачный спектакль нынешнего сезона* (А. Филиппов. Из жизни шпрот); *Какое это хорошее состояние, когда сыграешь удачный концерт* (С. Спивакова. Не всё).

4. *Тетя Оля этого не говорила, это придумал я, её не самый удачный ученик* (В. Железников. Жизнь и приключения чудака); *Китаец – тип удачный, а именно более устойчивый, чем европеец. Омрачение, пессимистическая окраска – неизбежные спут-*

ники Просвещения (Ф. Крохоткин. Фридрих Ницше. Критика просветительской концепции).

Особый синонимический ряд в составе общеоценочных прилагательных образуют слова, выражающие критериально-оценочное значение не полного, а только лишь приблизительного соответствия оцениваемого объекта какому-то оценочному критерию. В современных толковых словарях такое «недотягивание» до уровня хорошего определяется обычно по формуле «довольно хороший» или «достаточно хороший». А эксплицируется данное значение такими словами, как *неплохой, недурной, недурственный, порядочный и приличный*.

Среди перечисленных нами слов только прилагательные *неплохой* и *недурной* способны выражать критериальные оценки всех тех же типов, что выражаются и словом *хороший*. Прилагательное же *недурственный*, несмотря на словообразовательное сходство со словом *недурной*, обладает гораздо меньшими возможностями в выражении различных форм критериальной оценочности. Оно не передает оценок телеологического, нормативного, квалификационного, медицинского и гностического характера. Семантическая сфера его использования ограничивается эстетической, потребительской, инструментальной и количественной оценочностью:

1. *Оказывается, вы в ответ на вопрос Л.Ю.Б. сочинили совсем недурственный очерк о трехдневных событиях столицы (В. Смехов. Театр моей памяти); Я попутно сочинил недурственный сюжет для рассказа (Е. Прошкин. Механика вечности); Прецедент имеется, и не один: да тот же давний и весьма недурственный «Рейс-222», где ни единого профи на многочисленные роли (А. Измайлов. Трюкач).*

2. *Кажется, недурственная дынька (В. Катаев. Белеет парус одинокий); Южноафриканские вина считаются весьма и весьма недурственными (Н. Бахромкина. ЮАР: в объятиях двух океанов); Щедротами Арта Даппертата всех обносили недурственным шампанским (В. Аксенов. Новый сладостный стиль).*

3. *За ним была тропка между кустами и деревьями, где можно устроить недурственную засаду (П. Акимов. Плата за*

страх); Впрочем трюки Ломакин на фильме зарядил действительно недурственные (А. Измайлов. Трюкач).

4. За каждый день нетрудоспособности ей будет капать недурственный процент (П. Акимов. Плата за страх); Недурственный джекпот, туды его в качель, 1387 карбованцев, то бишь долларов! (В. Аксенов. Негатив положительного героя).

Что касается слов *порядочный* и *приличный*, то у них критерияльно-оценочное значение, определяемое в словарях как «достаточно хороший», является производным от первичных нормативно-оценочных значений морально-этического характера [СРЯ, т. 3: 311, 420; БТС: 930, 981]. Эти первичные значения являются более специализированными по содержанию, чем то значение общей моральной оценки, которое может выражаться прилагательным *хороший*. Ведь при всей смысловой близости со словосочетанием *хороший человек* сочетания *порядочный человек* и *приличный человек* обозначают все-таки не совсем то же самое, характеризуют людей с несколько иных точек зрения. А вот за пределами сферы моральной оценочности употребление слов *порядочный* и *приличный* по целому ряду пунктов совпадает с употреблением прилагательного *хороший*. Так же, как и это прилагательное, слова *порядочный* и *приличный* могут выражать критерияльные оценки самого разного свойства – количественные, эстетические, потребительские, инструментальные, медицинские, оценки квалификации:

1. Жену ему нашли во всех отношениях подходящую... наследницу двух домовладений, дающих порядочный доход (В. Курицын. Томские трущобы); Начиналась слава. Впервые у Довлатова появился приличный заработок (А. Генис. Довлатов и окрестности).

2. А предварительно я напишу порядочный рассказ и посвящу его Вам (М. Горький. Письма); Вечером я был там в опере и слышал очень порядочное представление «Аиды» (П.И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон Мек); Вполне от него зависело создать приличный текст (Ю. Келдыш. «Дарвазское ущелье». Оперный театр им. Станиславского).

3. Весь путь до Одессы я наслаждался жизнью – пил порядочное шампанское, смотрел боевик и ел жареную курицу

(Э. Лимонов. Книга воды); *По советским порядкам 1932 года это был совсем приличный обед* (Т. Солоневич. Записки советской переводчицы).

4. *Была у Семена большая семья, имелось порядочное хозяйство* (А. Эртель. Записки степняка); *В моей комнате стоит очень порядочный инструмент* (П.И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон Мек); *Холод не беспокоил – был у него приличный полярный спальник* (А. Иличевский. Матисс).

5. *Хачатурян ответил: – У меня приличный слух* (С. Довлатов. Записные книжки); *Здравый рассудок, приличное зрение и свой чудовищно неразборчивый почерк княгиня сохранила до конца жизни* (Е. Цимбаева. «Русский католицизм» как общественно-философское течение XIX века).

6. *Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта* (И.С. Тургенев. Отцы и дети); *У тебя хоть врач-то есть приличный?* (А. Берсенева. Полет над разлукой); *Сколотили приличный балет, стали работать в нешаблонной манере* (И. Кио. Иллюзии без иллюзий).

В современных словарях толкования значений прилагательных *неплохой*, *недурной*, *порядочный* и *приличный* могут включать в себя в качестве особого семантического дескриптора слово *удовлетворительный*. С другой стороны, значение самого этого слова может определяться при помощи дескриптора «неплохой» [СРЯ, т. 4: 469; БТС: 1375]. Все это свидетельствует о том, что слово *удовлетворительный* осмысливается современными лексикографами как эквивалентное по значению прилагательному *неплохой* и его синонимам. Однако, по нашему мнению, дело обстоит несколько иначе. И прежде всего потому, что при оценках, выражаемых прилагательным *удовлетворительный*, используются иные, более заниженные оценочные критерии, чем те, при посредстве которых осуществляются оценки, передаваемые словами *неплохой*, *недурной*, *порядочный* и *приличный*. Если качество, отражаемое синонимическим рядом *неплохой*, приближается к качеству, соответствующему понятию *хороший*, и соотносится с теми же самыми критериями, что и всё хорошее, лишь немного «не дотягивая» до них, то *удовлетворительным* мы называем то, что соответствуют уже другим, совершенно особым критериям

«удовлетворительности». Такие критерии являются более заниженными по характеру предъявляемых ими требований, значительно уступая условному качественному уровню «хорошести».

О том, что «удовлетворительное» представляет собой совершенно особый уровень критериальной оценки, принципиально отличный от «хорошего» и «неплохого», наглядно свидетельствуют следующие примеры: *Я много ем и часто чувствую себя голодным – лучший признак вполне удовлетворительного здоровья; еще неделя, и, мне думается, я вполне приду в порядок* (П.К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.); *Кровяное давление коровы было хорошим, давление внутренних органов – удовлетворительным* (В. Конецкий. На околонаучной параболе); *Из них (озер) только 10 находятся сейчас в хорошем или удовлетворительном состоянии, 6 уже погибли, а остальные постепенно засыхают* (Е.А. Нифантьева. Организация комплексного исследования природного объекта учащимися); *«Неудовлетворительным» его (положение сельхозпроизводителей) признали 39,3% всех опрошенных; находящимся на грани банкротства – 27%; «удовлетворительным» и «хорошим» – 28,5 и 2,1% соответственно* (Экономическое положение сельскохозяйственных производителей в условиях макроэкономического роста).

В отличие от понятия *удовлетворительный*, слово *посредственный* связывается с оценочными стандартами, определяющими уровень хорошего, поскольку посредственное всегда представляет собой что-то среднее между хорошим и плохим.

Сопоставляя рассмотренные нами оценки с описанными в предшествующем параграфе оценками разрядности и сортности, можно сказать, что оценочные значения, выражаемые словами *удовлетворительный* и *посредственный*, в целом соответствуют оценочным критериям, связываемым со вторым разрядом (или сортом) качества, тогда как понятие *хороший* находится в полном соответствии с критериями первого разряда (сорта), а понятие *неплохой* отражает только некоторое приближение к этим критериям.

Самый большой синонимический ряд общеоценочных прилагательных составляют слова со значением превышения каче-

ственных характеристик оцениваемого объекта над уровнем, задаваемым выступающим в роли оценочного критерия стереотипом. Это то значение, которое толкуется в словарях как «очень хороший» и выражается такими прилагательными, как *бесподобный, великолепный, замечательный, исключительный, классный, мировой, отличный, отменный, превосходный и прекрасный*. На виртуальной оценочной шкале разрядности и сортности данное значение соответствует уровню высшего разряда (или сорта), возвышающегося над первым – просто «хорошим».

Большинство из перечисленных нами слов могут выражать критериально-оценочные значения практически всех тех же типов, что и прилагательное *хороший*. Однако некоторые из этих слов имеют более узкую оценочную специализацию, отражающуюся, конечно же, и на их сочетаемости. Так, прилагательное *исключительный* специализируется на выражении критериальных оценок потребительского, эстетического и медицинского характера, например:

1. *Надо, между прочим, отдать должное зеленому чаю – напиток просто исключительный* (И Семенов. «Лев Берг» выходит в море); *Филе, вырезка, сегодня исключительное* (В. Гроссман. Все течет).

2. *«Исключительный спектакль», – назвал «Петра-Хлебника» В. Соловьев в № 8-10 «Аполлона» за 1917 год* (Ю. Елагин. Темный гений); *Тут же полезли на соседнюю стенку фотографировать. Виды с неё исключительные* (М. Осадчий. Нолярный Урал на двоих).

3. *Несмотря на преклонный возраст, он сохранил исключительное здоровье и прекрасный аппетит* (Г. Газданов. Письма Иванова); *Все равно, как музыканту нужен исключительный слух... так и журналист не может обойтись без специальных дарований* (Е. Соловьев-Андреевич. Дмитрий Писарев. Его жизнь и литературная деятельность).

А прилагательное *мировой* ограничивается выражением оценок потребительского типа, а также оценок людей, основанных на различных личностных, в том числе и этических, критериях:

1. *И он отхлебывает из фляжки, закусывая маслом, просто так, без хлеба. – Мировая закуска. Никогда не опьянеешь*

(В. Некрасов. В окопах Сталинграда); *Пивоваров и майор – новый начальник штаба... едят мировой борщ, пьют сто грамм* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

2. *Комбат у нас мировой мужик. В последнее наступление сам ходил* (В. Кондратьев. Сашка); *Это был мировой парень, боец и первоклассный лыжник* (Ю. Казаков. Зависть); *Знаю... что командир их дивизии мировой парень – восемь орденов уже имеет, что во втором отделении мировая сестра Дора, блондиночка такая* (В. Некрасов. В окопах Сталинграда).

Довольно значительную группу среди прилагательных с общеоценочными значениями образуют слова, являющиеся ближайшими синонимами прилагательного *плохой*. К их числу могут быть отнесены такие лексемы, как *нехороший, неудовлетворительный, дурной, скверный, худой, хреновый, негодный, неудачный и низкопробный*. Однако все эти слова обладают гораздо меньшими возможностями в плане отражения различных типов критериально-оценочных значений, нежели доминантный член данного синонимического ряда.

Прилагательное *нехороший*, к примеру, довольно часто используется для выражения морально-нормативных оценок: *Я же на днях решила на нехороший поступок, залезла в вещи предполагаемого зятя* (Д. Донцова. Микстура от косоглазия); *Да только я раскусил его нехороший замысел* (В. Амлинский. Мальчишки без девчонок); *Автор поймал себя на мысли, что он нехороший человек* (К. Глинка. Опыт православной жизни в Америке). Данное прилагательное способно выражать и некоторые другие критериальные оценки – телеологические: *Нехороший совет даете мне, сестры* (Л. Чарская. Меч королевы); эстетические: *А он отвечает, что вид из окна у вас нехороший* (Ю. Андреев. Знание и ум); потребительские: *Нехороший хлеб! Напрасно только деньги истратила* (Ф. Решетников. Где лучше?); инструментальные: *Нехороший самолет после посадки отгонят на специальную стоянку* (В. Гулин. В Москву завезли импортную холеру); медицинские: *Пульс сто десять. Нехороший пульс, нитевидный* (В. Валеева. Скорая помощь). А вот со значениями количественных, гностических, а также стандартных оценок квалификации слово *нехороший* практически не употребляется.

Прилагательное *неудовлетворительный* выражает значение несоответствия оцениваемого объекта тому относительно невысокому оценочному стандарту, который предполагается понятием *удовлетворительный*, что всеми современными толковыми словарями трактуется через соотнесение с понятием *плохой* [СРЯ, т. 2: 488; БТС: 645; Ожегов 1984: 364; Лопатин 2011: 303]. Это общее критериально-оценочное значение слова *неудовлетворительный* реализуется прежде всего в тех контекстах, где выражаются различные виды стандартных оценок (*неудовлетворительное качество товаров и услуг, неудовлетворительный инструментарий, неудовлетворительная квалификация специалистов, неудовлетворительное состояние здоровья* и т. п.). А кроме того, данное слово может использоваться для выражения критериальных оценок нормативного, гностического и эстетического характера (*неудовлетворительное поведение, неудовлетворительное исполнение обязанностей, неудовлетворительное объяснение, неудовлетворительный ответ, неудовлетворительное художественное решение, неудовлетворительная режиссура* и т.д.).

Довольно широкий спектр критериально-оценочных значений свойствен прилагательным *дурной, скверный, худой* и *хреновый*. Они могут выражать почти все из тех критериально-оценочных значений, что выражаются словом *плохой*, за некоторыми незначительными исключениями. Так, прилагательное *дурной*, способное употребляться со значениями телеологических (*дурной совет*), нормативных (*дурной поступок, дурной тон*), количественных (*дурная память*), эстетических (*дурной каламбур, дурной вкус*) и различных стандартных (*дурная вода, дурной инструмент, дурной игрок, дурное пищеварение*) оценок, обычно не используется для выражения оценок гностического характера: в Национальном корпусе русского языка отсутствуют примеры со словосочетаниями типа *дурной ответ, дурное описание, дурные знания* и т. п.

Прилагательное *скверный*, обладая довольно большими возможностями в плане выражения различных критериально-оценочных значений, обычно не употребляется со значением телеологической оценки. Прилагательное *худой* не способно пере-

давать телеологические, количественные и гностические оценочные значения. А вот слово *хреновый*, являясь разговорно-просторечным эквивалентом прилагательного *плохой*, выражает практически все те же самые критериально-оценочные значения, что и это прилагательное.

У слова *негодный* все выражаемые им критериально-оценочные значения являются производными от первоначального дескрипционного значения «такой, который нельзя употребить на что-либо, использовать для чего-либо; непригодный [СРЯ, т. 2: 432; БТС: 617]. К числу этих оценочных значений относятся нормативные (чаще всего моральные): *Дело это было такое негодное, что, по свидетельству былины, «тут солнышку Владимиру к стыду пришло»* (Ф.И. Буслаев. Русский богатырский эпос); *Я негодный, я гадкий, я несчастный человек!* (Л.Н. Толстой. Отрочество); стандартные различных видов: *Он пытался ввести негодные сорта пшеницы, чтобы вызвать мор и неурожай* (В. Гроссман. Жизнь и судьба); *Царь собственной рукой бил тех поставщиков, которые в армию поставляли негодное обмундирование* (С. Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году); *Советники у министра были негодные* (В. Баранец. Генштаб без тайн); *В палате восемнадцать мужиков, у всех же-лудки негодные* (А. Хургин. Острый живот); эстетические: *Негодная книга так и показалась читателю негодною, благодаря фактам, выставленным пред его глазами* (Н. Добролюбов. Луч света в темном царстве); *Стихи в таком случае обыкновенно выходят негодные* (Б. Кенжеев. Из Книги счастья); гностические: *Вилли дал нам негодные сведения о физических данных немчиков* (А. Азольский. Диверсант); *Мы не верили, что вдумчивые, аккуратные, вьедливые командиры штаба ошиблись, давая нам заведомо негодную карту* (А. Азольский. Диверсант).

У прилагательного *неудачный* все присущие ему значения критериальной оценочности являются производными от исходного значения «закончившийся неудачей, не принесший желанных результатов» [СРЯ, т. 2: 487; БТС: 644]. В связи с данным обстоятельством слово также *неудачный* оказывается довольно ограниченным в плане номенклатуры выражаемых им критериально-оценочных значений. Как и его антоним *удачный*, интересующее

нас прилагательное выражает оценки преимущественно тех объектов, которые имеют артефактное происхождение или как-то связаны с преобразующим воздействием человека. Таковыми выступают обычно собственно артефактные предметы, речевые высказывания и тексты, различные произведения искусства, а также люди, рассматриваемые как объекты образования, профессиональной подготовки или воспитательного воздействия. Выражаемые при этом оценки носят стандартный, моральный, эстетический или гностический характер:

1. *Она оседала, как неудачный пирог в духовке* (Д. Симонова. Сладкий запах вторых рук); *Костюмы очень неудачные. Шарф у Куравлева плохой* (А. Сурикова. Любовь со второго взгляда); *Неудачные контрабасисты становятся дирижерами... Шутка, конечно* (Ю. Башмет. Вокзал мечты).

2. *У него – нехорошая жена, неудачные дети* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); *Я неудачный проект человека?! – возмущился дьявол. – Это человек неудачный проект дьявола!* (Ф. Искандер. Сон о Боге и дьяволе).

3. *Неудачные постановки «Богемы» могут быть самыми разными* (Е. Бирюкова. Хороших «Богем» мало не бывает); *Вот «Чонкин» – неудачный фильм* (Е. Иванова. Оперативник Гармаш дослужился до «Любовника»); *У Пушкина тоже были неудачные стихи* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу).

4. *Можно отметить и еще некоторые недостатки книги, например неудачное объяснение туннельного эффекта* (Э. Румков. Глазами участника); *Продолжив это несколько неудачное сравнение, можно сказать, что...* (И. Эренбург. Люди. Годы. Жизнь).

Прилагательное *низкопробный*, будучи используется в своем изначальном значении, выступает как средство выражения довольно специфической стандартной оценки, заключающейся в утверждении соответствия качества какого-либо драгоценного металла относительно низкой пробе – стандарту, предполагающему большую примесь недрагоценных металлов (обычно олова или меди). Употребляясь в таком значении, слово *низкопробный* используется обычно в качестве согласованного определения при

существительных типа *золото, серебро, платина* и т. п. Однако, когда данное прилагательное сочетается со словами, обозначающими различные произведения искусства, ему бывает присуще значение эстетической оценки, как в следующих примерах: *Я с возмущением заявляю, что таких низкопробных песен никогда не пел* (Л. Утесов. Спасибо, сердце!); *Дешевле закупить копию низкопробного американского боевика* (В. Мережко. Ребенок и кино); *Это низкопробное кино, культивирующее всякие безобразия* (В. Куренной. Медиа: средства в поисках целей); *Таких низкопробных фильмов на центральном телевидении США я ни разу не видел* (А. Яковлев. Омут памяти); *Даже в самом низкопробном комиксе герою всегда везет* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет). Помимо этого, прилагательное *низкопробный* способно выражать и другие критериальные оценки – моральные, а также некоторые стандартные (потребительские и оценки квалификации), например:

1. *С юных лет человеку навязывается грязная и низкопробная идеология животного существования* (М. Росенко. Нужна ли правительству национальная идея?); *Для этого выдумывались приемы, более или менее низкопробные* (К. Паустовский. Повесть о жизни); *Это самые что ни на есть низкопробные мещане: сплетники, «клопы обывательюсы»* (Г. Эфрон. Дневники).

2. *Теперь это был большой низкопробный ресторан* (И.А. Бунин. Казимир Станиславович); *Кабак был в некотором роде клубом, хотя и низкопробным* (В.В. Шульгин. Последний очевидец); *Его перевели в более низкопробную гостиницу* (Т. Солоневич. Записки советской разведчицы).

3. *Разве иностранцы-гастролеры, вроде Сальвини или Росси, не выступали постоянно с самыми низкопробными случайными составами?* (М. Морозов. Митрофан Трофимович Иванов-Козельский); *Горький имел в виду выступления низкопробных газетчиков, мелких журналистов* (А. Котов. Предисловие); *Разделять этот успех с низкопробными производителями нам бы не хотелось* (Мебельные войны: атака клонов).

Общее оценочное значение приближения к уровню плохого, но еще не полного достижения оно, свойственно таким критериально-оценочным прилагательным, как общеупотребительное

неважный, разговорные *плоховатый* и *неважнецкий*, а также просторечное *хреноватый*. Каждое из этих слов способно выражать весь спектр тех же самых конкретных критериальных оценок, что и прилагательное *плохой* – оценки телеологические (*неважный совет, плоховатые условия для осуществления чего-либо, хреноватая метода*); нормативные (*плоховатое поведение, неважнецкий поступок, хреноватый служака*), количественные (*неважная интуиция, плоховатая память*), эстетические (*неважнецкая пьеса, хреноватое исполнение*), гностические (*неважный ответ, плоховатые знания, неважнецкая теория*) и стандартные всех типов (*неважный обед, плоховатый инструмент, неважнецкий игрок, хреноватое здоровье*).

Общеоценочное значение «ниже уровня плохого» в тех случаях, когда речь заходит о чем-то уж очень плохом, выражается словами *дрянной, никудышный, поганый*. А примыкающее к этому ряду прилагательное *ужасный* означает уже крайнюю меру плохого, т. е. предельную степень отступления качества оцениваемого объекта от того критерия, соответствие которому позволяло бы характеризовать объект как хороший. Как и прилагательные предшествующей группы, все эти слова способны выражать оценки всех тех же конкретных типов, без исключения, что и прилагательное *плохой*.

4.2. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОТРАЖАЮЩИЕ ИДЕАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ

Прилагательные, относящиеся к данной группе, в функционально-семантическом плане тесно примыкают к рассмотренным выше общеоценочным прилагательным. Критериями выражаемых ими оценок являются человеческие идеалы, которые подобно критериям оценок, выражаемых общеоценочными прилагательными, могут представлять собой ментальные стереотипы самого разного характера и содержания.

Само понятие *идеал*, книжное по происхождению (от фр. *idéal*, восходящего к лат. *idealis*), вошло в широкий научный обиход относительно недавно, не ранее XIX века, и не получило еще в науке однозначного, общепринятого определения. Теоретической разработкой данного понятия традиционно занимается этика, а с

некоторых пор – и социальная психология. Представителями этих наук предлагались и предлагаются самые разные трактовки сущности, модальной и содержательной специфики идеалов как особых феноменов индивидуального и общественного сознания, отличных как от чисто гностических образований (человеческих знаний и заблуждений), с одной стороны, так и от деонтических представлений (правил, законов, поведенческих норм), с другой.

Так, к примеру, П.А. Кропоткин, известный теоретик анархизма и автор одной из первых научных этик, определял идеалы как «понятия о том, чего желательно достичь в дальнейшем развитии», имея в виду при этом преимущественно нравственные и общественно-политические идеалы – «ходячие понятия о человеческой взаимности и справедливости» [Кропоткин 1991: 35].

Осмысление идеалов как чего-то желательного, а следовательно, обладающего дезидеративной модальностью, было свойственно и некоторым советским авторам. Однако в советской науке большее распространение получила ценностная трактовка этих ментальных образований – понимание идеалов как особых ценностных представлений, обладающих модальными значениями возможности и долженствования. Так, О.Г. Дробницкий полагал, что идеал «описывает некую возможную реальность, которая не существует в действительности в данный исторический момент, но, с точки зрения нравственного сознания, должна существовать, и в этой форме, в виде образа будущего, идеал выражает представление о конечной цели нравственной деятельности». Таким образом, «моральный и общественный идеалы формулируют конечную цель нравственной деятельности... в форме ценностного образа человека и общества будущего» [Дробницкий 1967: 174, 238].

Е.Л. Дубко и В.А. Титов, авторы монографии, посвященной идеалам советского общества, утверждали, что «идеал – это и предельное выражение антагонизма должного и сущего, и его разрешение». В этом смысле «идеал выступает “доказательством” необходимости определенного социально-исторического курса. Он позволяет смотреть на “необходимое будущее” как на избираемое сознательно и свободно» [Дубко 1989: 19, 5]. Понимание идеала как некоей ценностной «модели должного» свой-

ственно и некоторым современным авторам [см., например: Гусейнов 1998: 233, 239; Синягин 2004: 139].

И в советские, и в постсоветские времена было немало философов и этиков, рассматривавших идеалы как человеческие представления о наилучшем и совершенном, отнюдь не обязательно связываемые с каким-либо долженствованием. В.П. Тугаринов, к примеру, высказывался по данному поводу следующим образом: «Идеалом называется идея, выражающая высшее совершенство того или иного явления». При этом «не всякая нормативная ценность есть ценность идеальная. Добросовестный труд есть ценность, но идеалом труда является не просто добросовестный, а героический труд. Вежливость есть ценность, но идеалом отношений между людьми является не внешняя вежливость, а чуткость и доброжелательность в отношениях между ними». Существенное отличие идеалов от поведенческих норм, согласно В.П. Тугаринову, заключается еще и в том, что «нормы могут быть достигнуты, осуществлены, если они правильно намечены. Идеалы же, как известно, передвигаются по мере приближения к ним» [Тугаринов 1968: 36].

Что касается классификации и типологизации идеалов, то в работах советского времени выделялись обычно три их вида — 1) социально-политические, 2) нравственные и 3) эстетические [Целикова 1970: 66; Дубко 1989: 11; ФС: 138]. Однако в настоящее время, авторы, касающиеся этой проблематики, пишут и о некоторых других идеалах, не относящихся ни к общественно-политической, ни к нравственной, ни к эстетической сферам [см., например: Гусейнов 1998: 227, 233–238]. Такая широта подхода к определению общей номенклатуры идеалов порождает и значительную широту в определении их сущности. В таком авторитетном научном источнике, как «Современный философский словарь» под редакцией В.Е. Кемерова, предлагается предельно широкая, многоаспектная трактовка идеала вообще. Последний определяется как «образец, нечто возвышенное, совершенное, благое и прекрасное, высшая цель стремления» [СФС: 304]. И это понимание отнюдь не мешает приписывать идеалам еще и дополнительные дезидеративные, долженствовательные, ценностные и иные модальные значения.

В нашей работе в качестве рабочего принимается понимание идеала как представления о чем-то наилучшем в рамках того или иного предметного класса. Таким образом, идеалы рассматриваются нами как особые ментальные стереотипы, содержание которых включает в себя семантические признаки, отражающие такие качества реальных или виртуальных объектов, которые намного превосходят качества, соответствующие уровню хорошего. И подобно тому, как человеческие представления о хорошем могут носить самый разный характер и иметь самое разное смысловое содержание, самыми разными, по-видимому, могут быть и идеалы. Думается, что более или менее полную их номенклатуру поможет выявить лингвистический анализ речевых контекстов, содержащих такие семантические структуры, где идеалы выступают в роли оценочных критериев.

Среди критериально-оценочных прилагательных к числу слов, выражающих оценки идеального типа, относится прежде всего прилагательное *идеальный*. В современных словарях оценочная семантика этого прилагательного распределяется между двумя самостоятельными критериально-оценочными значениями, которые толкуются как 1) «соответствующий понятию об идеале» и 2) «превосходный, совершенный, образцовый» [СРЯ, т.1: 630; Ожегов 1984: 212; Лопатин 2011: 228]. Кроме того, некоторые словари отмечают у слова *идеальный* еще и неоценочное, чисто дескрипционное значение «существующий только в сознании, в идеях, в воображении», идентичное понятиям *воображаемый*, *виртуальный* [БТС: 374]. Последнее явственно проявляется, например, в тех случаях, когда интересующее нас слово, выступая в виде субстантивированного прилагательного, употребляется в качестве философского термина *идеальное*, понимаемого как «характеристика человеческого сознания, основанная на гносеологическом противопоставлении его материальному, материи» [ФС: 141]. Помимо этого, значение «существующий только в сознании» отчетливо эксплицируется у прилагательного *идеальный* в сочетаниях с такими существительными, как *мир*, *жизнь*, *страна*, *государство* и под.: *Роспись – это образ Царства Божия, идеальный гармоничный мир* (О. Кабанова. Испытание фресками); *Идеальная жизнь и реальная не совпадают. Вопрос в том, в*

какой жизни должен жить человек? (С. Соловейчик. Ватага «Семь ветров»); По его мнению, слова поэта все-таки отзываются – в некоей идеальной стране, «на родном берегу» (Г. Кружков. Пушкин как озерный поэт); Духовным глазам его представляется идеальное государство, о котором он только и заботится (Ю. Беляев. У гр. Л.Н. Толстого). В других контекстах такое дескрипционное значение, даже если оно предполагается автором сообщения, бывает очень трудно отделить от различных критериально-оценочных значений идеального.

Что касается непосредственно критериально-оценочной семантики, присущей прилагательному *идеальный*, то здесь прежде всего следует отметить, что данное прилагательное способно выражать оценки всех тех же типов и разновидностей, что и слово *хороший*. Перечень оценок, отражаемых этим словом, мы, помнится, начинали с оценок телеологического характера – таких оценок, где в роли оценочных критериев выступают цели тех или иных человеческих действий. Телеологические оценки могут выражаться и прилагательным *идеальный*. В этом случае как идеальные характеризуются те предметы и явления, которые представляются людям в наибольшей степени способствующими достижению каких-либо целей. Сами цели при этом могут означаться именами существительными в форме родительного падежа с предлогом *для* или придаточными предложениями, например: *Это идеальный «новостной повод» для политических деклараций и узаконенная возможность бесплатного пиара* (Е. Добрынина. Полчаса на бесплатный пиар); *Он (агрегат) создает идеальный режим для приготовления каждого блюда* (Е. Ленц. Огонь, вода и медные трубы); *«Колыбель для кошки» – идеальный объект для такого чтения / постижения... раннего – и самого яркого – Воннегута* (М. Амосин. Постигание); *Сейчас идеальный момент для того, чтобы продать компанию по низкой цене, потом купить, поднять цену и выгодно продать* (К. Веретенникова. Цыплят считают по зиме); *Нет идеального класса, который подходит для всех детей, а у каждого ребенка есть свой идеальный класс, в котором он может быть успешным* (В. Цылев. Как правильно подобрать для ребенка класс при зачислении в школу).

Прилагательное *идеальный* способно выражать и оценки нормативного характера. При использовании данного прилагательного в этом значении предполагается полное, стопроцентное соответствие поведения и личностных качеств человека тем или иным нормативным установлениям. Речь здесь может идти, скажем, о требованиях, предъявляемых к какому-то конкретному виду деятельности, или о предписаниях и правилах, регулирующих повседневное поведение человека, к примеру: *Результаты моего идеального обращения с обвиненным субъектом оказывались иногда поразительные* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки); *Фигурист... проигрывает при почти идеальном исполнении всего набора сложнейших элементов* (И. Порошин. Незнайка в тылу врага); *Блестящий скрипач... всю жизнь проповедовавший идеальный порядок и дисциплину* (С. Спивакова. Не все). Критериями нормативных оценок, выражаемых прилагательным *идеальный*, могут быть и государственные законы: *Обеспечить идеальный правопорядок, т. е. полностью подчинить поступки людей общим правилам (законам), в реальной жизни невозможно* (Ю. Кузнецов. Правопорядок как экономическое благо). Однако гораздо чаще словом *идеальный* выражаются такие нормативные оценки, где в качестве оценочных критериев выступают предписания, предполагаемые требованиями какого-либо долга (морального, гражданского, служебного, семейного и т. д.). В роли оцениваемых объектов при этом могут выступать как присущие людям поведение и деятельность, так и сами люди как носители тех или иных поведенческих (деятельностных) склонностей, например:

1. *Мы должны требовать от человека идеального поведения (другое дело, что мы не всегда его достигаем)* (А.С. Макаренко. Мои педагогические воззрения); *Цикл героя представляет не изменяющуюся парадигму «идеального» поведения для человеческого самца* (О. Славникова. Псевдонимы и псевдонимки).

2. *По словам Зубра, Владимир Иванович Вернадский – явление исключительное, чуть ли не идеальный герой* (Л. Гранин. Зубр); *Это был идеальный человек, идеальный семьянин и отличный отец* (П. Евдокимов. Пули для Андропова); *Хочу заметить – человек я далеко не идеальный, поэтому не тешу себя иллюзиями,*

что встречу когда-нибудь в своей жизни женщину, которую смогу назвать идеальной женой (С. Ткачева. День влюбленных); *Именно суд общественного мнения и право избирать и быть избранным к двум идеально-типическим ролям – честного политика... и верного народу солдата – добавляет третью роль – идеального гражданина* (С. Туркин. Политическое участие в США и Древнем Риме: о пользе сравнения).

Естественно, что человеком, идеальным в нравственном отношении, равно как и идеальным гражданином, идеальным семьянином или идеальным отцом то или иное лицо может быть признано только в том случае, если следование соответствующим нормативным предписаниям в его поведении и деятельности обусловливается не страхом наказания или соображениями материальной выгоды, а исключительно голосом совести и чувством долга. Здесь не лишним будет еще раз вспомнить соображения И. Канта, утверждавшего, что подлинной нравственной ценностью обладают только те человеческие поступки, которые диктуются исключительно лишь уважением к требованиям долга, а не какими-либо иными, пусть даже самыми благими, мотивами [Кант 1965: 396].

Еще одной семантической функцией, сближающей прилагательное *идеальный* со словом *хороший*, является способность интересующего нас прилагательного к выражению критериальных оценок эстетического характера. В этом случае в роли критериев отражаемых словом *идеальный* оценок выступают ментальные стереотипы, образуемые человеческими представлениями о наилучшем и наиболее совершенном в сфере прекрасного. А объектами оценок такого рода могут быть самые разные вещи – какие-то элементы пейзажей и интерьеров, внешность людей и животных и, конечно же, различные произведения искусства, включая и литературные тексты: *Идеальный фон для всех лилий, растущих в тени, создают папоротники – кочедыжник женский и щитовник мужской* (А. Рубина. Лилейная красота); *Да, я идеальная или почти идеальная красавица* (А. Слаповский. 100 лет спустя); *Через пять лет её идеальный профиль с непонятым упреком смотрел на Жана с афиш «Звездных войн»* (М. Варденга. Натали Портман. Каменный цветок); *В каком-то смысле это был*

тот идеальный спектакль, к которому Васильев стремился многие годы (А. Васильев. Как зеркало самого себя); Текст «Поли- ты» не есть только прямой, абсолютный, идеальный письмен- ный продукт; он обретает некое трансцендентальное, поту- стороннее звучание (Д. Замятин. Экономическая география «По- литы»)).

Как и прилагательное *хороший*, слово *идеальный* может ис- пользоваться и в качестве средства речевой экспликации гности- ческих оценок. При таком использовании словом *идеальный* вы- ражается мысль о наибольшем, максимально возможном или да- же полном соответствии каких-либо ментальных образований, высказываний и текстов действительности (а точнее, чьим-либо гностическим представлениям об этой самой действительности), например: *Если идеальная теория знания претендует на всеобщ- ность, метафизика её – всеобща и обязательна (А. Белый. Ли- рика и эксперимент); Он готов был всегда призывать людей к чи- стым подвигам, целомудренной жизни и идеальному пониманию её задач (П. Анненков. Литературные воспоминания); Обоюдная морфологическая симпатия техногенной формы и авангардной пластики казалась ему идеальным объяснением (Г. Ревзин. Очер- ки по философии архитектурной формы); Мы получаем гораздо более точный, если не идеальный ответ на вопрос, поскольку он не в словах (С. Осипов. Страсти по Фоме).*

Не чуждо прилагательному *идеальный* и выражение оценок количественного характера. Это имеет место обычно тогда, когда речь идет о силе тех или иных способностей людей или животных, способностей чувственного восприятия например: *А вот, ска- жем, лайки, обладающие идеальным нюхом, имеют хорошо раз- витый охотничий инстинкт (Ю. Зорина. Собачья работа); Кон- стантин Наумович – у него тоже идеальный слух – начинает раздражаться (Л. Смирнова. Моя Любовь); И вот когда я наво- дил на сирень луну, мне казалось, что, собирая стеклом лучи, я приближаюсь к идеальному зрению (А. Иличевский. По краям света).* Во всех приведенных здесь предложениях слову *идеаль- ный* может быть приписано количественно-оценочное значение «предельно сильный». Данное значение эксплицируется и в таких словосочетаниях, как *идеальная память, идеальная интуиция,*

идеальная сообразительность, где интересующее нас слово используется для оценочной характеристики способностей ментального плана.

Подобно прилагательному *хороший*, слово *идеальный* способно отражать и стандартные оценки различных типов – медицинские, потребительские, инструментальные, оценки квалификации. Выражая медицинские оценки, оно передает информацию о том, что оцениваемые объекты, а таковыми выступают обычно органы человеческого тела, отдельные функции организма или здоровье человека в целом, максимально соответствуют определенным комплексам предъявляемых к ним требований, что проявляется в практическом отсутствии каких-либо заболеваний или функциональных расстройств. В этом смысле можно говорить, например, об идеальном сердце, идеальных почках, идеальном пищеварении, обмене веществ или идеальном здоровье вообще.

Будучи средством выражения потребительских оценок, прилагательное *идеальный* указывает на максимальное соответствие вещей, выступающих в роли предметов потребления, самым высоким потребительским стандартам – предельным требованиям, предъявляемым к качеству того, что так или иначе потребляется или может потребляться людьми, например: *Угощение, которое входит в стоимость билета, представляет собой идеальный детский обед* (Т. Бурмистрова. Детский сад); *Vase & Leuchte – идеальный экосветильник* (В. Корецкий. Самоуправляемая электрокапсула); *Идеальный вариант, как говорили спец, – ботинки «Гор-Текс»* (Миллиметра и километры судьбы снайпера); *Анестезиологи считают, что идеальный анестетик еще не создан* (Е. Вишнякова. ЭКО: риск и польза).

Выступая со значением инструментальной оценки, слово *идеальный* выражает идею наибольшего соответствия предмета, являющегося средством осуществления какой-либо деятельности, тем требованиям, которые предъявляются к нему этой деятельностью и обуславливают её максимальную успешность. Таким образом, инструментальная идеальность того или иного предмета мыслится как его максимальная пригодность в плане практического использования в той или иной деятельности. Набор объектов, могущих быть подвергнутыми оценкам такого рода, пре-

дельно широк. Помимо предметов, являющихся инструментами в собственном смысле слова, к этим объектам могут относиться и различные материалы, и какие-либо способы осуществления деятельности, методики, рецепты, архитектурные сооружения, социальные институты, законодательные акты и еще многое другое. Главное – чтобы все эти предметы соответствовали самым жестким критериям, обусловливаемым соображениями наибольшей эффективности организации и осуществления человеческой деятельности. Обратимся к примерам: *В 1990 году должен был появиться компьютер с IQ, равным 150 баллам, а в 1977 – идеальный электронный переводчик «с образцовой грамматикой»* (А. Волков. Будущее будет... никаким?); *Пенобетон – идеальный материал для строительства коттеджа, дачного домика, гаража* (Н. Костяева. Качественно производить – качественно строить); *Мне кажется, что автостоп – это идеальный способ теснейшего контакта с окружающим миром* (Т. Гордеева. Спортивный автостоп); *Поскольку место это представляло собой идеальный порт, новый город быстро стал форпостом испанской короны против посягательств других морских держав* (А. Фатющенко. Четыре лика Картахены); *То, что правительство Касьянова – идеальный инструмент для нехитрого маневра, тоже понятно* (А. Рыклин. Правительство народного недоверия); *Французские якобинцы в 1793 году приняли... идеальный текст конституции, ввод в действие коей полагался «по достижении всеобщего мира»* (О. Эдельман. КЗОТ: версии для печати); *Это для России... управляемая демократия – идеальный вариант* (Д. Волков, В. Сунгоркин. Кухня управляемой демократии); *Так возникает мир Полдня – идеальный полигон для социологических экспериментов* (А. Скаландис. Главы из книги).

Последний тип стандартных оценок, выражаемых как прилагательным *хороший*, так и словом *идеальный*, был назван нами оценками квалификации. Это название является несколько условным, поскольку в данном случае оценке подвергается не только уровень квалификации какого-либо лица или человеческого коллектива, но и общая способность человека или коллектива к успешному осуществлению какой-либо деятельности, выполнению определенных социальных функций. Такая способ-

ность предполагает не только обладание профессиональными знаниями, умениями и навыками, но и наличие объективной предрасположенности к данной деятельности или выполнению данных функций. Все эти требования образуют содержание соответствующих оценочных стереотипов. Прилагательное же *идеальный* выражает в данном случае максимальное соответствие того или иного лица или группы лиц той деятельности или тем функциям, которые они (лица) осуществляют, например: *Все приведено к некоему несложному, но строгому лагерному идеалу. И он, видно, тоже идеальный лагерник* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Вышколенная, всегда подтянутая, идеальный сотрудник театра и крупный человек* (В. Вульф. Преодоление себя); *По типу личности Кудрин исполнитель, идеальный первый зам* (М. Ростовский. Трое в лодке, не считая народа); *Работа с точки зрения федеральной властей идеальный чиновник* (А. Широков. Кавказ неспокоен); *Но только таков и может быть идеальный правитель* (Д. Быков. Орфография); *Его главный талант – идеальный пастырь. Овцы от него без ума* (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки); *Я бы ввел одно ограничение: что депутатом может быть избран только специалист, имеющий высшее образование в области юриспруденции, экономики, социальной сферы. Это был бы идеальный парламент* (С. Гук. Лоскутное одеяло).

Употреблением прилагательного *идеальный* в различных критериально-оценочных значениях возможности оценочного функционирования данного слова отнюдь не ограничиваются. Помимо критериально-оценочной семантики, интересующее нас прилагательное оказывается способным выражать и оценочные значения реляционного характера, и прежде всего – дезидеративные. В современных и не очень современных литературных и публицистических текстах можно обнаружить многочисленные случаи использования слова *идеальный* для выражения идеи желательности существования того или иного объекта и исполнения им определенных функций с точки зрения интересов какого-либо лица или группы лиц. Так, к примеру, В.Ф. Ходасевич в статье «О меценатах» написал следующее: *Несколько лет тому назад один молодой писатель на собрании, посвященном вопросу о по-*

ложении эмигрантской литературы, воскликнул с энтузиазмом: «Нам необходим меценат, идеальный издатель». Издатель-меценат представлялся писателю идеальным, по-видимому, потому, что такой издатель в наибольшей мере удовлетворял материальным запросам писателя и поэтому был для него наиболее желанным. С объективной же точки зрения издатель-меценат никак не может быть признан идеальным типом издателя, поскольку не сможет долго функционировать в качестве такового и скоро разорится. Идеальный издатель должен умело сочетать и увязывать материальные интересы писателей и читателей со своими собственными.

Со случаями выражения прилагательным *идеальный* значения дезидеративной оценки желательности мы сталкиваемся и в следующих примерах: *«Идеальный муж» описывается тремя «с» – солидный, состоявшийся, серьезный* (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия); *Идеальный вариант, когда управленец – сын, брат, сват и т. д.* (А. Жданов. Как управиться с менеджером); *В таком случае идеальный портрет журналиста предполагает классическое «чего изволите?»* (Т. Сейранян. Бизнес и СМИ: взаимное недоверие); *Необходимо наглядно представить себе «идеальный» конец российско-чеченской войны, при котором обе стороны действительно считали бы его своей победой* (Х. Нухаев. Чечня и Россия: одно ценностное пространство – две общественные системы); *Идеальный вариант – договориться о единственном кандидате, которого бы открыто поддержал В. Путин* (А. Музыкаев. Выборы президента Чечни – игра с огнем?). Думается, что в отдельных случаях словом *идеальный* могут выражаться и реляционные оценки деонтического (долженствования) характера, как, например, в предложении: *Существует некий идеальный вариант историописания – «как это происходило на самом деле»* И.М. Савельева, А.В. Полетаев. Знание о прошлом: теория и история).

Словом, способным, как и слово *идеальный*, выражать оценки, где в роли оценочных критериев выступают различные идеалы, думается, следует признать и прилагательное *совершенный*. Правда, помимо значения идеальной оценки, данное прилагательное может иметь еще и другие оценочные значения, толкуе-

мые в современных словарях как «полный, абсолютный», «обладающий высшей степенью какого-либо свойства», «настоящий, подлинный» [СРЯ, т. 4: 174; БТС: 1226]. Эти значения слово *совершенный* реализуются в таких словосочетаниях, как *совершенная правда, совершенный отказ, совершенный провал, совершенный нуль, совершенная бездарность, совершенный восторг, совершенная преданность* и т. п. Выступая же как средство языковой репрезентации оценок идеального типа, интересующее нас слово способно к выражению почти всех тех же их разновидностей, что и само прилагательное *идеальный*. Определенные ограничения в этом плане связываются с тем, что для критериально-оценочного функционирования слова *совершенный* бывает характерен один небольшой смысловой нюанс: данное слово используется обычно для оценочной характеристики тех объектов, которые имеют артефактное происхождение, чье появление и существование обуславливаются чьей-то (человеческой или даже божественной) деятельностью. Так, к примеру, выражая идеальные оценки телеологического характера, прилагательное *совершенный* никогда не сочетается с существительными типа *возможность, случай, оказия*, хотя сочетания этого прилагательного с такими «артефактными» словами, как *план* или *проект*, оказываются вполне допустимыми, например: *Эстетика возникает сама собой из наиболее совершенного плана* (Ю. Елагин. Темный гений); *Несомненно, в будущем появятся и более совершенные в техническом отношении проекты* (Плющиха: привлекательная, но со странностями).

Слово *совершенный* практически не используется и для выражения идеальных оценок медицинского характера, когда оцениваемыми объектами могли бы быть какие-то внутренние органы человека или функции человеческого организма. Не выражает данное слово и количественных оценок различных человеческих способностей. Поэтому в современных литературных текстах не встречаются словосочетания типа *совершенное сердце, совершенное пищеварение, совершенная память* или *совершенная интуиция*.

Зато предельно широким является употребление прилагательного *совершенный* для оценочной характеристики самых раз-

ных артефактных объектов, выступающих в качестве инструментов и иных средств осуществления различных форм человеческой деятельности: *Его мозг как уникальный совершенный компьютер* (С. Спивакова. Не все); *Взросла аэромобильность войск, появились более совершенные морские, авиационные средства их транспортировки* (М. Гареев. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия); *Разработан и более совершенный вариант этого оружия – перспективная ЗРС «Триумф»* (И. Кареев. «Оборонка» получает награды); *На том мосту, что построен позже, водопропускные сооружения более совершенные, чем у его предшественника* (В. Губарев. Слева – Байкал, справа – тайга); *Они и есть лампы накаливания, но при их производстве используются гораздо более совершенные технологии и материалы* (М. Дмитриевский. Светлая жизнь, или все о лампах); *Аль-Каши дал весьма совершенный итерационный метод численного решения кубических уравнений* (А.Н. Колмогоров. Математика); *Законы, даже самые совершенные и жесткие, исполняются лишь в меру их принятия системой* (И. Иванов. Россия солидарно-либеральная).

Слово *совершенный* используется и для выражения критерияльных оценок человеческой квалификации, а также оценок морального, эстетического и гностического характера, например:

1. *Природа, самый совершенный художник и самый великий талант, не знает повтора* (В. Писигин. Письма с Чукотки); *С этой задачей не справился бы и самый совершенный Государь* (А. Архангельский. Александр I); *Не менее интересен «фольклорный» образ Петра Первого в представлении европейцев того времени: этаким совершенным монарх, честный и трудолюбивый* (Сказка о дружбе: «Петр Великий» А. Гретри).

2. *Царь и царица ведут внутри своего дворца более совершенный образ жизни, чем святые: все время в посте и молитве* (С.А. Еремеева. Лекции по русскому искусству); *Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело* (Л. Сергиевский. Письмо в дискуссии); *Если Христос есть совершенный Богочеловек, то церковь не есть совершенное богочеловечество* (Основы социальной концепции Русской православной церкви).

3. *Самые совершенные и самые дорогие произведения изготавливаются из тика и драгоценного эбена* (Т. Ефимова. Для полного счастья); *Чем дальше вы отходите от картины Сезанна «Портрет мадам Сезанн», тем сильнее притягивает вас этот совершенный образ»* (Пригласительный билет); *Теперешние художники не могут и не хотят служить чистой красоте, производить совершенные формы* (В. Соловьев. Три речи в память Достоевского).

4. *В мире научных теорий происходит дарвиновский эволюционный процесс: выживают более совершенные теории* (А. Ослон. Мир теорий в эпоху «охвата»); *Даже самый совершенный доклад, самое продуманное решение съезда не могли заменить, даже предвосхитить эту борьбу* (Г. Арбатов. Человек Системы); *Ни один, пусть даже самый совершенный, атлас оперативной хирургии не отразит то, что на самом деле происходит в операционной ране* (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки); *С помощью египетского математика и астронома Сосигена он создал новый, более совершенный календарь* (В. Прусаков. Божественный).

А вот для выражения идеальных потребительских оценок прилагательное *совершенный* используется крайне редко. Случаи употребления данного прилагательного как средства передачи идеальных оценок каких-либо предметов и средств потребления в современной литературе и публицистике практически отсутствуют. Встречаются такие случаи только в текстах XIX и первой половины XX веков: *Совершенный обед – только супу нет* (И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада»); *Совершенное питание с религиозной точки зрения – евхаристическое питание* (Н.И. Бухарин. О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем); *Совершенные подштанники и по цвету и по фасону* (М. Булгаков. Театральный роман). Причем в последнем предложении выражаемая словом *совершенные* оценка вполне может трактоваться и как эстетическая по своей оценочной сути.

Антонимичное слову *совершенный* прилагательное *несовершенный* выражает информацию о несоответствии качеств оцениваемого объекта тому идеальному стереотипу, который выступает в роли оценочного критерия. Выступая в роли средства выра-

жения идеальной оценки, данное слово способно к передаче тех же самых идеально-оценочных значений что и слово *совершенный*.

К числу прилагательных, выражающих критериально-оценочные значения идеального типа, относится и прилагательное *безукоризненный*. Правда, некоторыми словарями этому прилагательному приписывается скорее дескрипционное, нежели оценочное значение «не заслуживающий укора, порицания» [СРЯ, т. 1: 76; БТС: 68]. Такое значение, навеваемое словообразовательной структурой слова *безукоризненный* и являющееся по сути его внутренней формой, не может рассматриваться в качестве понятийного содержания этого слова. Да и толкования «без недостатков», «не имеющий недостатков» [Ожегов 1984: 41; Лопатин 2011: 34] вряд ли могут быть признаны полностью адекватными из-за их относительной узости. Думается, более правы были авторы толкового словаря под редакцией Д.Н. Ушакова, где значение прилагательного *безукоризненный* толкуется более широко — как «превосходный, отличный, чуждый недостатков» [ТСРЯ: 57]. С нашей точки зрения, подкрепляемой анализом употребления и лексической сочетаемости данного прилагательного, слово *безукоризненный* является абсолютным синонимом и функциональным «дубликатом» прилагательного *идеальный*, способным к выражению абсолютно всех тех же идеально-оценочных значений, что и последнее. Словом *безукоризненный* могут выражаться даже идеальные оценки медицинского характера и эстетические оценки частей человеческого тела, хотя ни о каких возможных «укорах» и «порицаниях» речь здесь идти не может, например: *Ввиду безукоризненного здоровья прошу, чтобы меня сопровождала жена* (С. Довлатов. Записные книжки); *На месте обугленных ран была свежая безукоризненная кожа* (З. Масленикова. Жизнь отца Александра Меня); *Это нежное и сильное тело с тонким станом, безукоризненными руками и ногами* (Е. Нагродская. Гнев Диониса); *Бешенные, злые слезы текли... по маленькому безукоризненному носику* (В. Катаев. Фиалка).

Как и слово *безукоризненный*, прилагательное *безупречный* также способно выражать в своих значениях идеальные оценки всех возможных типов — гностические (*безупречный план, про-*

ект), нормативные (безупречная служба, безупречное поведение, безупречный семьянин), количественные (безупречная интуиция, безупречный нюх), эстетические (безупречные черты лица, безупречный стиль, спектакль, фильм), гностические (безупречный вывод, ответ) и различные стандартные: потребительские (безупречное обслуживание, безупречный обед), инструментальные (безупречное средство, безупречный метод), медицинские (безупречное пищеварение, кровообращение), квалификации (безупречный профессионал, безупречный руководитель). И думается, правы авторы тех словарей, в которых значение прилагательного *безупречный* толкуется через соотнесение со словом *безукоризненный* [см., например: БТС: 689], а не как «не заслуживающий никакого упрека» [СРЯ, т. 1: 76]. Последнее толкование может рассматриваться только лишь как фиксация обусловливаемой словообразовательной структурой внутренней формы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало проведенное нами исследование, в современном русском языке различные критериально-оценочные значения могут выражать как минимум 786 общеупотребительных прилагательных (не считая терминологических, диалектных, жаргонных и т. д.). И эта цифра уже сама по себе свидетельствует о той огромной роли, которую критериальная оценочность играет в мышлении и речевой коммуникации современного человека. Ведь, как известно, именно лексическая репрезентированность того или иного ментального феномена на уровне языкового сознания является одним из самых надежных показателей мыслительной и коммуникативной значимости данного феномена. С этой точки зрения феномен критериальной оценочности должен быть признан одним из наиболее репрезентированных в русском лексиконе по сравнению с другими способами оценок, а следовательно, и одним из наиболее значимых для носителей современного русского языка, гораздо более значимым, чем, скажем, деидеативные, деонтические и ценностные оценки, и вполне сопоставимым по своей ментальной и коммуникативной значимости с эмоциональной оценочностью.

Высокая значимость критериальной оценочности во многом обуславливается тем, что различные критериальные оценки вступают в действие в качестве сопутствующих и даже самопроизвольных мыслительных операций уже при непосредственном эмпирическом восприятии действительности. При восприятии того или иного объекта нашими органами чувств мозговые механизмы критериальных оценок чаще всего включаются бессознательно, хотя могут и специально стимулироваться и направляться человеческой волей, и результаты этих оценочных мыслительных действий, даже не будучи рефлекслируемы и выражаемы в словесной форме, тем не менее, обретают вид устойчивых ментальных образований и откладываются в человеческой памяти, обретая способность быть извлекаемыми оттуда по мере надобности. Учет этого, на наш взгляд, бесспорного факта побуждает нас основательно пересмотреть и переосмыслить содержание такого

фундаментального философско-гносеологического и когнитивно-психологического понятия, как человеческое осмысление действительности. Признание критериальной оценочности в качестве одного из существеннейших видов мыслительной деятельности человека заставляет рассматривать осмысление действительности людьми уже не только как одно лишь постижение внутренней сущности и структурной организации тех или иных вещей, дополняемое познанием их внешних (прежде всего, причинно-следственных) связей и отношений, но и как множество специфических (осознанных и бессознательных) мыслительных процессов, заключающихся в соотнесении данных вещей с самыми разными оценочными критериями.

Психическая структура критериальных оценок принципиально отличается от структуры оценок реляционного типа (эмоциональных, сенсорно-гедонистических, дезидеративных, деонтических, ценностных), содержащих в себе явно выраженное позитивное или негативное отношение к тому, что оценивается. По этой причине нет никакой необходимости объединять критериальные и реляционные оценки в рамках некоей общей категории оценочности. Если в структуре каждой реляционной оценки наличествуют её субъект, объект, основание и само «тело» оценки (как переживание или представление, выражающее отношение субъекта оценки к её объекту), то в структуре критериальной оценки этот набор расширяется еще оценочным критерием, а также критериально-оценочным выводом, заключающим в себе результат соотнесения оцениваемого объекта с критерием по тем основаниям, которые задаются содержанием последнего. При этом непосредственным «телом» оценки здесь является уже не позитивное или негативное отношение субъекта оценки к её объекту, а мыслительная операция соотнесения объекта с тем или иным оценочным критерием. Результат такой операции, представляющий собой её логический вывод, означает соответствующим прилагательным, выражающим критериально-оценочную характеристику оцениваемого объекта.

Критериально-оценочные прилагательные вместе с другими словами, предназначенными для отражения результатов критериальных оценок, образуют особый семантический класс пол-

нознаменательных лексем, который может быть выделен в одном ряду с такими лексико-семантическими классами, как дескрипционные (описывающие) слова, слова компаративные (*звероподобный, стреловидный, червеобразный*), дейктические (*я, ты, здесь, сейчас*), анафорические (*он, тот, такой, там, тогда*) и реляционные (*гадость, мерзость, прелесть, золотко, светик*).

Все многообразие форм критериальной оценочности, в зависимости от характера используемых при критериальных оценках критериев, сводится к восьми содержательным типам. Эти типы могут быть определены как:

1. *Экзистенциальные оценки (или оценки типичности)*, при которых критериями служат ментальные стереотипы, содержащие в себе представления о признаках, наиболее типичных для тех или иных предметных классов. Выражаются прилагательными типа *типичный – нетипичный, обычный – необычный, ординарный – неординарный, заурядный – незаурядный, выдающийся, великий* и т. п.

2. *Количественные оценки*, где в качестве критерия выступает человеческое представление о некоем нормальном, среднестатистическом уровне количественного проявления какого-либо признака, характерном для определенного предметного класса. Оценочные значения указывают здесь или на превышение данного уровня, или на недотягивание до него. Языковыми средствами выражения параметрических оценок являются прилагательные типа *большой – маленький, высокий – низкий, широкий – узкий, толстый – тонкий, тяжелый – легкий, дорогой – дешевый, бедный – богатый* и т. п.

3. *Гностические оценки*, отражающие соотнесенность каких-либо мнений и утверждений с нашими представлениями об истине. Находят свое выражение в значениях прилагательных *истинный – ложный, правдивый – лживый, правильный – неправильный, верный – неверный, исчерпывающий – неполный, антинаучный, абсурдный, бредовый, вздорный* и пр.

4. *Телеологические оценки*, где в роли оценочных критериев выступают цели производимых людьми действий. Выражаются при помощи прилагательных *целесообразный – нецелесообраз-*

ный, эффективный – неэффективный, успешный – безуспешный, полезный – бесполезный и под.

5. *Нормативные оценки*, состоящие в фиксации соответствия или несоответствия каких-то человеческих действий тем или иным поведенческим нормам, правилам, законам и установлениям. Выражаются такими словами, как *правильный – неправильный, законный – незаконный, этический – неэтический, аморальный, безнравственный, модный – немодный* и т.п.

6. *Эстетические оценки*, при которых оценочными критериями являются эстетические стереотипы, формируемые на основе гедонистического чувства эстетического наслаждения. Выражаются прилагательными типа *грациозный, гармоничный, дисгармоничный, безвкусный, вычурный, аляповатый, антихудожественный, высокохудожественный* и т. д.

7. *Стандартные оценки*, где в качестве критериев выступают различные стандарты – совокупности определенных требований, предъявляемых к качеству тех или иных вещей. Такого рода оценки выражаются при помощи прилагательных *стандартный – нестандартный, качественный – некачественный, доброкачественный – недоброкачественный, бракованный, грубый, топорный, добротный, первосортный, первоклассный* и др.

8. *Идеальные оценки*, фиксирующие соответствие или несоответствие тех или иных вещей имеющимся у нас идеальным представлениям о них – идеалам. Средствами выражения такого рода оценок выступают прилагательные *идеальный, совершенный, несовершенный, безукоризненный и безупречный*.

Критерии, используемые в первых трех типах критериальных оценок, мыслятся как объективные показатели, отражающие какие-то реально существующие явления – типичные признаки представителей различных предметных классов, среднестатистические количественные показатели проявления тех или иных признаков, объективное соответствие каких-либо мнений и утверждений реальной действительности. В остальных случаях оценочные критерии носят субъективный, исключительно человеческий характер, так как не имеют аналогов в объективной, существующей вне человеческого сознания реальности. В связи с данным различием все критериальные оценки могут быть разде-

лены на оценки, осуществляемые по объективным и субъективным оценочным критериям.

Помимо признака объективности / субъективности используемых критериев, выявленные нами формы критериальных оценок различаются также по степени своей специализированности, применимости по отношению к различным классам предметов и явлений, выступающих в роли оцениваемых объектов. С этой точки зрения все критериальные оценки могут быть разделены на универсальные, применяемые к любым объектам, и специализированные, каждая из которых может применяться только по отношению к ограниченному кругу потенциальных объектов. К первым относятся экзистенциальные, количественные и, по-видимому, эстетические оценки, ко вторым – гностические, телеологические, нормативные, стандартные и идеальные. Отмеченное различие между критериальными оценками разных типов находит свое прямое отражение и в лексической сочетаемости выражающих эти оценки прилагательных: некоторые из них обладают практически неограниченными возможностями сочетаемости с самыми разными именами существительными, сочетаемость же других ограничивается спецификой выражаемых ими оценок.

Критериально-оценочные прилагательные в большинстве своем специализируются на выражении критериальных оценок какого-то одного, строго определенного типа. Абсолютный приоритет принадлежит здесь количественным оценкам, выражаемым 495 русскими прилагательными. Вместе с тем в русском языке существует и относительно небольшая (37 слов) группа так называемых общеоценочных прилагательных, отличительной чертой которых является способность выражать критериальные оценки разных типов. Это слова *хороший* и *плохой*, а также их синонимы.

Прилагательными, относящимися к разряду общеоценочных, могут выражаться критериально-оценочные значения, отражающие такие критериальные оценки, как: 1) телеологические (*хорошая возможность, хороший случай, плохой совет*); 2) нормативные – моральные (*хороший поступок, плохой человек*) и оценки исполнения долга (*хорошая служба, хороший гражданин, плохой отец*); 3) количественные (*хорошая память, хорошая реакция,*

плохая интуиция); 4) эстетические (*хорошая расцветка, хорошая книга, плохой спектакль*); 5) гностические (*хорошие знания, хорошая версия, плохой ответ, плохое объяснение*) и 6) различные виды стандартных – потребительские (*хорошая клубника, плохой коньяк*), инструментальные (*хороший автомобиль, хороший метод, плохой инструмент*), оценки квалификации (*хороший специалист, хороший врач, плохой игрок*), медицинские (*хорошее здоровье, хорошее пищеварение, плохое сердце*). То, что объединяет все перечисленные выше значения и случаи употребления общеоценочных прилагательных, – это связь характеризуемых ими объектов с потребностями, жизнью и практической деятельностью человека. Объекты, никоим образом не связанные с человеческой жизнедеятельностью, как хорошие или плохие характеризоваться не могут.

Отмеченная функционально-семантическая специфика, такая же критериально-оценочная полифункциональность свойственна и именам прилагательным, выражающим оценки идеального типа. Объясняется это тем содержательным многообразием, которое в принципе свойственно различным идеалам как особым ментальным образованиям человеческого сознания.

СОКРАЩЕНИЯ

БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

БЭС – Большой энциклопедический словарь : в 2 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1991.

НФЭ – Новая философская энциклопедия : в 4 т. / рук. проекта В.С. Стенин, Г.Ю. Семигин. – М. : Мысль, 2010.

СРЯ – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981–1984.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–2008. Вып. 1–28.

СФС – Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемерова. – 2-е изд. – Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: Панпринт, 1998. – 1064 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. – 910 с.

ФС – Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1975. – 496 с.

ФЭС – Философско-энциклопедический словарь / сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 576 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абишева, А.К. О понятии «ценность» / А.К. Абишева // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 139–146.
2. Алексеев, Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
3. Андреев, И.Д. Диалектическая логика / И.Д. Андреев // М.: Высшая школа, 1985. – 367 с.
4. Антология мировой философии. Античность. – Минск: Харвест; М.: Изд-во АСТ, 2001. – 960 с.
5. Апресян, Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2. – 767 с.
6. Апресян, Ю.Д. О Московской семантической школе / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 3–30.
7. Араповский, К.В. Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право / К.В. Араповский // Известия вузов. Правоведение. – 2003. – № 6. – С. 185–193.
8. Арская, М.А. Семантическая категория эстетической оценки (прекрасное/безобразное) и её антология в современном немецком языке: дис.... канд. филол. наук / М.А. Арская. – Иркутск, 2002. – 185 с.
9. Артемова, А.В. Эмотивно-оценочная объективация концепта «Женщина» в семантике фразеологических единиц: на материале английской и русской фразеологии: автореф. дис.... канд. филол. наук / А.В. Артемова. – Пятигорск, 2000. – 16 с.
10. Арутюнова, Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 5–24.
11. Арутюнова, Н.Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 67–78.
12. Арутюнова, Н.Д. Истина, добро, красота: взаимодействие концептов / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М.: Индрик, 2004. – С. 5–29.

13. Арутюнова, Н.Д. Истина: фон и коннотация / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 21–30.
14. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
15. Бакурадзе, О.М. Истина и ценность / О.М. Бакурадзе // Вопросы философии. – 1966. – № 7. – С. 45–48.
16. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
17. Бахтина, М.Б. Эмотивно-оценочная картина мира современной молодежи: на материале жаргонной лексики конца XX – начала XXI вв.: дис.... канд. филол. наук / М.Б. Бахтина. – Новосибирск, 2011. – 357 с.
18. Белинский, В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5 / В.Г. Белинский. – М.: Художеств. лит., 1979. – 631 с.
19. Бербешкина, З.А. Справедливость как социально-философская категория / З.А. Бербешкина. – М.: Мысль, 1989. – 204 с.
20. Блюмкин, В.А. Мир моральных ценностей / В.А. Блюмкин. – М.: Знание, 1981. – 64 с.
21. Богуславский, В.М. Оценка внешности человека: словарь / В.М. Богуславский. – М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2004. – 254 с.
22. Богуславский, В.М. Типология значений образных средств оценки внешности человека: автореф. дис.... д-ра филол. наук / В.М. Богуславский. – М., 1995. – 53 с.
23. Богуславский, В.М. Человек в зеркале русского языка, культуры и литературы / В.М. Богуславский. – М.: Космополис, 1994. – 238 с.
24. Болинджер, Д. Истина – проблема лингвистическая / Д. Болинджер // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 23–43.
25. Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 44–87.

26. Василенко, И.А. «Очарованный странник» против «экономического человека» / И.А. Василенко // Москва. – 1998. – № 4. – С. 55–65.
27. Васильева, В.В. Эмоционально-оценочные прилагательные в современном английском языке: дис.... канд. филол. наук / В.В. Васильева. – Калинин, 1975. – 187 с.
28. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
29. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 410 с.
30. Винокурова, Е.Г. Предикаты состояния. Оценка психофизиологического состояния индивида по степени интенсивности: на материале немецкого языка: дис.... канд. филол. наук / Е.Г. Винокурова. – Тула, 2002. – 146 с.
31. Войшвилло, Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ / Е.К. Войшвилло. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 239 с.
32. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
33. Выхристюк, М.С. Эмоционально-оценочная лексика в говорах Тоболо-Иртышья / М.С. Выхристюк, Е.А. Бакулина. – Тобольск: Тобольск. гос. соц.-пед. академия, 2010. – 99 с.
34. Гаврилова, Е.Д. Оценочные категории «good» и «bad» в современном английском языке: дис.... канд. филол. наук / Е.Д. Гаврилова. – Тамбов, 2005. – 172 с.
35. Галич, Г.Г. Когнитивная категория количества и её реализация в современном немецком языке / Г.Г. Галич. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2002. – 208 с.
36. Галич, Г.Г. О речевой реализации производных количественно-оценочных значений / Г.Г. Галич // Деривация и речевая деятельность: тезисы докладов. – Пермь, Изд-во Ин-та языкознания АН СССР, 1988. – С. 103–105.
37. Галич, Г.Г. Семантика и прагматика количественной оценки: на материале современного немецкого языка: дис.... д-ра филол. наук / Г.Г. Галич. – СПб., 1999. – 341 с.

38. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. – 452 с.
39. Герасименко, И.Е. Использование оценочной лексики во вторичной номинации: дис.... канд. филол. наук / И.Е. Герасименко. – М., 2002. – 189 с.
40. Германов, С.Н. Понятие странности в системе оценочных значений и языковой репрезентации: дис.... канд. филол. наук / С.Н. Германов. – Барнаул, 2006. – 153 с.
41. Гибатова, Г.Ф. Ментальные сферы русского языка: мнение и оценка: автореф. дис.... д-ра филол. наук / Г.Ф. Гибатова. – Уфа, 2011. – 43 с.
42. Гибатова, Г.Ф. Оценочные высказывания в современном русском языке / Г.Ф. Гибатова // Актуальные вопросы современной русской филологии. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1995. – С. 34–40.
43. Глущенко, О.А. Семантика наречий (на материале наречий с общей семантикой оценки в архангельских народных говорах) / О.А. Глущенко. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчат. пед. ун-та, 2002. – 365 с.
44. Горский, Д.Н. Обобщение и познание / Д.Н. Горский. – М.: Мысль, 1985. 208 с.
45. Горяева, Л.А. Семантические особенности рационалистических оценок: универсальные и национально-культурные характеристики: дис.... канд. филол. наук / Л.А. Горяева. – М., 2003. – 228 с.
46. Гостева, Ж.Е. Средства выражения концепта «истина» в английском языке: дис.... канд. филол. наук / Ж.Е. Гостева. – Архангельск, 2004. – 209 с.
47. Гранин, Ю.Д. Социальное познание и оценка / Ю.Д. Гранин // Творчество и социальное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 115–132.
48. Григорьев, А.А. Литературная критика / А.А. Григорьев. – М.: Художеств. лит., 1967. – 631 с.
49. Гулевич, О.А. Условия выбора норм дистрибутивной справедливости / О.А. Гулевич, Е.О. Голынчик // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25, № 3. – С. 53–60.

50. Гусейнов, А.А. Об идее абсолютной морали / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2003. – № 3. – С. 3–12.
51. Гусейнов, А.А. Этика / А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян. – М.: Гардарика, 1998. – 472 с.
52. Даль, В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. – М.: Художеств. лит., 1984. – Т. 2. – 399 с.
53. Джеймс, У. Введение в философию; Рассел, Б. Проблемы философии / У. Джеймс, Б. Рассел. – М.: Республика, 2000. – 315 с.
54. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – М.: АСТ; Астрель, 2011. – 570 с.
55. Добровольский, Д.О. К проблеме лексико-семантических универсалий / Д.О. Добровольский // Филологические науки. – 1986. – № 5. – С. 24–30.
56. Дробницкий, О.Г. Критика современных буржуазных этических концепций / О.Г. Дробницкий, Т.А. Кузьмина. – М.: Высшая школа, 1967. – 383 с.
57. Дробницкий, О.Г. Мир оживших предметов: Проблема ценности и марксистская философия / О.Г. Дробницкий. – М.: Политиздат, 1967. – 350 с.
58. Дубко, Е.Л. Идеал, справедливость, счастье / Е.Л. Дубко, В.А. Титов. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 191 с.
59. Есенина, О.А. Конструкции экспрессивной оценки в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / О.А. Есенина. – М., 1991. – 202 с.
60. Законы Ману. – М.: Изд-во восточной лит., 1960. – 361 с.
61. Зеленов, Л.А. Процесс эстетического отражения / Л.А. Зеленов. – М.: Искусство, 1969. – 175 с.
62. Знаков, В.В. «Истина» и «правда» в христианстве и психологии / В.В. Знаков, И.А. Романова // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19, № 6. – С. 61–71.
63. Иванов, В.Г. История этики Древнего мира / В.Г. Иванов. – СПб.: Лань, 1997. – 256 с.
64. Ивин, А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.

65. Каган, М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
66. Калкина, Е.Н. Структурно-семантическая характеристика средств выражения категории оценки в немецком и алтайском языках: дис.... канд. филол. наук / Е.Н. Калкина. – Казань, 2005. – 253 с.
67. Кант, И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – 800 с.
68. Кант, И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4, Ч. 1. – 544 с.
69. Карнап, Р. Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике / Р. Карнап. – М.: Иностранная лит., 1959. – 382 с.
70. Карсавин, Л.П. Святые отцы и учителя церкви (раскрытие православия в их творениях) / Л.П. Карсавин. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 176 с.
71. Касторнова, О.В. Частеречный статус слов категории оценки в русском языке: дис.... канд. филол. наук / О.В. Касторнова. – Мичуринск, 2005. – 201 с.
72. Кислов, Б.А. Проблема оценки в марксистско-ленинской философии (вопросы теории и методологии) / Б.А. Кислов. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 184 с.
73. Коваленко, Е.В. Языковая актуализация пейоративной оценки: на материале английского языка: дис.... канд. филол. наук / Е.В. Коваленко. – Барнаул, 2006. – 189 с.
74. Козлова, О.А. Экспликация оценочных смыслов отклонения от нормы в английском языке: автореф. дис.... канд. филол. наук / О.А. Козлова. – Барнаул, 2011. – 20 с.
75. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 192 с.
76. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национального менталитета / О.А. Корнилов. – 2-е изд. – М.: ЧеРо, 2003. – 292 с.
77. Коршунов, А.М. Отражение, деятельность, познание / А.М. Коршунов. – М.: Мысль, 1979. – 216 с.

78. Косиченко, Е.Ф. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки: дис. ... канд. филол. наук / Е.Ф. Косиченко. – М., 2006. – 224 с.
79. Кропоткин, П.А. Этика: избранные труды / П.А. Кропоткин. – М.: Политиздат, 1991. – 496 с.
80. Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения / Ксенофонт Афинский. – М.; Л.: Академия, 1935. – 417 с.
81. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
82. Кувинова, Н.Б. Семантика и прагматика смыслового пространства положительной оценки в современном английском языке: дис.... канд. филол. наук / Н.Б. Кувинова. – М., 2005. – 184 с.
83. Кузнецова, Т.В. «Эстетическое» как универсальная категория эстетики / Т.В. Кузнецова // Эстетика как образ жизни. – М.: Канон +, 2013. – С. 192–202.
84. Кульбит, Ю.С. Когнитивно-информационная природа эмоционально-оценочной лексики в лингвокультурном пространстве: на материале текстов российских и зарубежных СМИ: дис.... канд. филол. наук / Ю.С. Кульбит. – Майкоп, 2010. – 164 с.
85. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 126–170.
86. Ли Хуа. Положительная эстетическая оценка в русском языке: Красота с позиции носителя китайского языка и культуры: дис.... канд. филол. наук / Хуа Ли. – М., 2006. – 137 с.
87. Ли Хуа. Положительная эстетическая оценка в русском языке: Красота с позиции носителя китайского языка и культуры / Хуа Ли. – М.: Флинта; Наука, 2007. – 106 с.
88. Ливанова, А.Н. Интенсивность – функционально-семантическая категория? / А.Н. Ливанова // Лингвистика на исходе XX в.: итоги и перспективы: тез. Междунар. конф. – М., 1995. – Т. 2. – С. 314, 315.
89. Лисицына, Н.А. Лексико-семантическая группа социально-оценочных прилагательных в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Лисицына. – Львов, 1984. – 223 с.

90. Лифшиц, Г.М. Виды многозначности в современном русском языке: на материале оценочных имен прилагательных / Г.М. Лифшиц. – М.: МАКС Пресс, 2001. – 197 с.
91. Локк, Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. / Дж. Локк. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Т. 1. – 731 с.
92. Лопатин, В.В. Толковый словарь современного русского языка / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – 9-е изд. – М.: Эксмо, 2011. – 928 с.
93. Лукин, В.А. Концепт истины и слово «истина» в русском языке / В.А. Лукин // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 63–86.
94. Лукьянова, Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Изд-во Сибирск. отд. АН СССР, 1986. – 227 с.
95. Лукьянова, Н.А. О семантике эмоционально-оценочных слов русского языка / Н.А. Лукьянова // Семантическая структура слова. – Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1984. – С. 69–88.
96. Луначарский, А.В. Собрание сочинений: в 8 т. / А.В. Луначарский. – М.: Художеств. лит., 1967. – Т. 7. – 734 с.
97. Маркелова, Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке / Т.В. Маркелова // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 80–89.
98. Маркелова, Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке / Т.В. Маркелова // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67–79.
99. Маркелова, Т.В. Семантика оценки и средства её выражения в русском языке: дис.... д-ра филол. наук / Т.В. Маркелова. – М., 1996. – 554 с.
100. Материалисты древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. – М.: Госполитиздат, 1955. – 238 с.
101. Махмутова, А.Н. Оценочные существительные со значением лица женского пола в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Махмутова. – Казань, 2002. – 287 с.
102. Мигунов, А.И. О риторическом контексте проблемы истины / А.А. Мигунов // Логико-философские штудии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 73–89.

103. Мур, Дж. Принципы этики / Дж. Мур. – М.: Прогресс, 1984. – 326 с.

104. Ноуэлл-Смит, П.Х. Логика прилагательных / П.Х. Ноуэлл-Смит // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 155–182.

105. Мякишева, Е.В. Эстетическая оценка человека в современном русском языке: лингвистический и лингвокультурологический аспекты: дис.... канд. филол. наук / Е.В. Мякишева. – Омск, 2009. – 165 с.

106. Новосельцева, О.О. Высказывания, выражающие оценку истинности чужого сообщения (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук / О.О. Новосильцева. – СПб., 1996. – 150 с.

107. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 15-е изд. – М.: Русский язык, 1984. – 816 с.

108. Околелова, О.Н. Лексико-грамматические и прагматические особенности слов категории оценки в зеркале частеречной системы современного русского языка / О.Н. Околелова. – Мичуринск: Изд-во Мичурин. аграрн. ун-та, 2010. – 146 с.

109. Основы современной философии. – СПб.: Лань, 1997. – 304 с.

110. Паркина, Н.В. Методика работы над языковыми средствами выражения оценки в процессе коммуникативной подготовки юриста: дис. ... канд. пед. наук / Н.В. Паркина. – Саранск, 2006. – 211 с.

111. Печерская, Н.В. Метаморфозы справедливости: Историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре / Н.В. Печерская // Полис. – 2001. – № 2. – С. 132–146.

112. Писанова, Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки / Т.В. Писанова. – М.: Икар, 1997. – 320 с.

113. Писанова, Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки: дис.... д-ра филол. наук / Т.В. Писанова. – М., 1997. – 393 с.

114. Платон. Сочинения: в 3 т. / Платон. – М.: Мысль, 1968. – Т. 1. – 623 с.

115. Платон. Сочинения: в 3 т. / Платон. – М.: Мысль, 1972. – Т. 3, ч. 2. – 678 с.

116. Приходько, А.И. Когнитивно-дискурсивный потенциал оценки и способы его выражения в современном английском языке: дис. ... д-ра филол. наук / А.И. Приходько. – Запорожье, 2004. – 428 с.

117. Прохоров, А.О. Семантическое пространство психических состояний / А.О. Прохоров, Д.А. Прохорова // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 2. – С. 14–26.

118. Роулс, Д. Теория справедливости / Д. Роулс // Этическая мысль. – М.: Политиздат, 1990. – С. 223–242.

119. Рябцева, Н.К. Истинность в субъективно-модальном аспекте / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М.: Наука, 1995. – С. 139–151.

120. Рябцева, Н.К. Размер и количество в языковой картине мира / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 108–116.

121. Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. / Секст Эмпирик. – М.: Мысль, 1976. – Т. 2 – 421 с.

122. Семенова, С.Ю. О некоторых свойствах имен пространственных параметров / С.Ю. Семенова // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 117–126.

123. Семкова, А.В. Структура сентенционального поля «эмоционально-оценочное отношение» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / А.В. Семкова. – Иркутск, 2010. – 170 с.

124. Сергеева, Л.А. Категория оценки и аспекты её описания / Л.А. Сергеева // Исследования по семантике. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 2009. – С. 63–76.

125. Сергеева, Л.А. Качественные прилагательные со значением оценки в современном русском языке: дис.... канд. филол. наук / Л.А. Сергеева. – Уфа, 1980. – 148 с.

126. Сергеева, Л.А. Оценочная семантика: опыт интерпретационного анализа / Л.А. Сергеева. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 2009. – 260 с.

127. Сергеева, Л.А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: дис.... д-ра филол. наук / Л.А. Сергеева. – Уфа, 2004. – 316 с.
128. Сергеева, Л.А. Проблемы оценочной семантики / Л.А. Сергеева. – М.: Изд-во МГОУ, 2003. – 138 с.
129. Сергеева, Л.А. Семантическая категория оценки в современном русском языке / Л.А. Сергеева // Исследования по семантике. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1991. – С. 15–23.
130. Сизова, А.М. Семантическое поле прилагательных отрицательной эстетической оценки (на материале французского языка): дис.... канд. филол. наук / А.М. Сизова. – М., 1985. – 202 с.
131. Синягин, Ю.В. Проективная методика исследования аксиологической сферы личности / Ю.В. Синягин, Е.В. Селезнева // Мир психологии. – 2004. – № 3 (39). – С. 138–147.
132. Смирнова, Л.Г. Лексика с оценочным компонентом значения в современном русском языке и в тексте / Л.Г. Смирнова. – Смоленск: Изд-во Смоленск. ун-та, 2009. – 290 с.
133. Современная психология: справочное руководство. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 688 с.
134. Соловьев, В.С. Сочинения: в 2 т. / В.С. Соловьев. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1 – 894 с.
135. Спиноза, Б. Избранные произведения: в 2 т. / Б. Спиноза. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – 631 с.
136. Стивенсон, Ч. Некоторые прагматические аспекты значения / Ч. Стивенсон // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 129–154.
137. Столович, Л.Н. Красота. Добро. Истина: очерк истории эстетической аксиологии / Л.Н. Столович. – М.: Республика, 1994. – 464 с.
138. Столович, Л.Н. Предмет эстетики / Л.Н. Столович. – М.: Искусство, 1961. – 114 с.
139. Столович, Л.Н. Природа эстетической оценки / Л.Н. Столович. – М.: Политиздат, 1972. – 271 с.
140. Столович, Л.Н. Философия красоты / Л.Н. Столович. – М.: Политиздат, 1978. – 118 с.

141. Стулина, Е.В. Семантико-стилистические особенности функционирования эмоционально-оценочных лексических единиц: на материале французских эмоционально-оценочных лексических единиц диапазона неодобрения: дис.... канд. филол. наук / Е.В. Стулина. – М., 1993. – 175 с.

142. Таирова, М.Р. Семантико-синтаксические особенности оценки как манипулятивного средства: на материале современного английского языка: дис.... канд. филол. наук / М.Р. Таирова. – Ростов н/Д, 2011. – 189 с.

143. Татаренко, С.В. Сопоставительное исследование прилагательных эстетической оценки в русском и английском языках: дис.... канд. филол. наук / С.В. Татаренко. – Екатеринбург, 1999. – 179 с.

144. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 142 с.

145. Ткаченко, О.Ю. Лексико-семантическое поле моральной оценки и этическая структура художественного мира Ф.М. Достоевского: дис.... канд. филол. наук / О.Ю. Ткаченко. – М., 2011. – 428 с.

146. Токарева, Е.Н. Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе: на материале современного английского языка: дис.... канд. филол. наук / Е.Н. Токарева. – Уфа, 2005. – 204 с.

147. Токарь, Э.К. Средства косвенной оценки в политическом дискурсе конца XX – начала XXI в.: на материале русского и английского языков: дис.... канд. филол. наук / Э.К. Токарь. – Краснодар, 2008. – 213 с.

148. Трипольская, Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: автореф. дис.... д-ра филол. наук / Т.А. Трипольская. – СПб., 1999. – 37 с.

149. Трипольская, Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты / Т.А. Трипольская. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 1999. – 165 с.

150. Тугаринов, В.П. О ценностях жизни и культуры / В.П. Тугаринов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – 156 с.

151. Тугаринов, В.П. Теория ценностей в марксизме / В.П. Тугаринов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 124 с.

152. Туранский, И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке / И.И. Туранский. – М.: Высшая школа, 1990. – 173 с.
153. Уемов, А.И. Вещи, свойства, отношения / А.И. Уемов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 184 с.
154. Урысон, Е.В. Эстетическая оценка тела человека в русском языке / Е.В. Урысон // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М.: Индрик, 2004. – С. 471–486.
155. Федяева, Н.Д. Языковой образ среднего человека в аспекте когнитивных категорий градуальности, дуальности, оценки, нормы: на лексическом и текстовом материале современного русского языка: дис.... канд. филол. наук / Н.Д. Федяева. – Омск, 2003. – 171 с.
156. Фомина, З.Е. Эмоционально-оценочная лексика в русском и немецком языках / З.Е. Фомина // Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике. Лексика. Синтаксис. – Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – С. 4–28.
157. Фомина, З.Е. Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка: дис.... д-ра филол. наук / З.Е. Фомина. – Воронеж, 1995. – 399 с.
158. Хрущев, Н.С. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы / Н.С. Хрущев. – М.: Госполитиздат, 1959. – 176 с.
159. Хэр, Р.М. Дескрипция и оценка / Р.М. Хэр // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 183–195.
160. Целикова, О.П. Коммунистический идеал и нравственное развитие личности / О.П. Целикова. – М.: Политиздат, 1970. – 192 с.
161. Чернявская, Е.А. Оценка и оценочность в языке и художественной речи: дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Чернявская. – Брянск, 2001. – 203 с.
162. Шатуновский, И.Б. «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения, мысли и дей-

ствительности / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 31–38.

163. Шейдаева, С.Д. Категория субъективной оценки в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук / С.Д. Шейдаева. – Ижевск, 1998. – 275 с.

164. Шеллинг, Ф.В. Философия искусства / Ф.В. Шеллинг. – М.: Мысль, 1999. – 608 с.

165. Шердаков, В.Н. Критика неопозитивистского анализа оценочных суждений в этике / В.Н. Шердаков // Проблема ценностей в философии. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 145–153.

166. Шишкин, А.Ф. XX век и моральные ценности человечества / А.Ф. Шишкин, К.А. Шварцман. – М.: Мысль, 1968. – 271 с.

167. Шкиль, О.О. Целенаправленная деятельность и её оценка: лингвокогнитивный аспект: на материале русского языка: дис. ... канд. филол. наук / О.О. Шкиль. – Омск, 2010. – 206

168. Шрамм, А.Н. Аспекты семасиологического исследования качественных прилагательных (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.Н. Шрамм. – Л, 1980. – 24 с.

169. Шрамм, А.Н. О типах лексических значений качественных прилагательных / А.Н. Шрамм // Вопросы семантики. – Калининград: Калининград. ун-т, 1984. – С. 22-27.

170. Шрамм, А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале современного русского языка / А.Н. Шрамм. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 134 с.

171. Шрамм, А.Н. Развитие оценочных значений у некоторых разрядов качественных прилагательных / А.Н. Шрамм // Семантика русского языка в диахронии – М.: Изд-во МГУ, 1992. – С. 130–142.

172. Шрамм, А.Н. Сколько значений у слова *хороший*? / А.Н. Шрамм // Вопросы семантики. – Калининград: Калининград. ун-т, 1983. – С. 69–76.

173. Шрамм, А.Н. Структурные типы лексических значений / А.Н. Шрамм // Филологические науки. – 1981. – № 2. – С. 58–64.

174. Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.

175. Этика и идеология: Критика современных буржуазных этических концепций. – М.: Наука, 1983. – 359 с.
176. Якушина, Р.М. Динамические параметры оценки: на материале современного английского языка: дис.... канд. филол. наук. – Уфа, 2003. – 179 с.
177. Ayer, A.J. Philosophical essays / A.J. Ayer. – London; New York: St. Martin's Press, 1963. – 289 p.
178. Ayer, A.J. Language, truth and logic / A.J. Ayer. – London, 1958. – 186 p.
179. Carnap, R. Meaning and necessity: A study in semantics and modal logic / R. Carnap. – Chicago: The University of Chicago Press, 1948. – 210 p.
180. Carnap, R. Philosophy and logical syntax / R. Carnap. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1935 – 100 p.
181. Carnap, R. The logical syntax of language / R. Carnap. – London, 1937. – 120 p.
182. Hare, R.M. The language of morals / R.M. Hare. London: Oxford University Press, 1967. – 202 p.
183. Ogden, Ch.K. The meaning of the meaning / Ch.K. Ogden, I.A. Richards. – London, 1949. – 182 p.
184. Reichenbach, H. The rise of scientific philosophy / H. Reichenbach. – Berkeley; Los Angeles, 1951. – 175 p.
185. Russel, B. An inquiry into meaning and truth / B. Russel. – London: Harmondsworth, 1963. – 333 p.
186. Schlick, M. Problems of ethics / M. Schlick. – New York., 1939. – 160 p.
187. Stevenson, Ch.L. Ethics and language / Ch.L. Stevenson. – New Haven: Yale University Press, 1958. – 338 p.
188. Stevenson, Ch.L. Facts and values: Studies in ethical analysis / Ch.L. Stevenson. – New Haven: Yale University Press, 1964. – 244 p.
189. Wittgenstein, S. A lecture on ethics / S. Wittgenstein // Philosophical review. – 1965. – V. 74. – № 1.
190. Wright, G.H. von. The varieties of goodness / G.H. von Wright. – London: Routledge and Kegan Paul, 1963. – 222 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
1. ВОПРОС О СУЩНОСТИ И ФОРМАХ КРИТЕРИАЛЬНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ В ИСТОРИИ НАУКИ	8
1.1. Критериальные оценки в философии, логике, этике и эстетике	8
1.2. Описание критериальной оценочности в зарубежной лингвистике	29
1.3. Описание критериальной оценочности в отечественном языкознании	38
2. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОТРАЖАЮЩИЕ ОЦЕНКИ ПО ОБЪЕКТИВНЫМ КРИТЕРИЯМ	86
2.1. Прилагательные, отражающие экзистенциальные оценки	86
2.2. Прилагательные, отражающие количественные оценки	118
2.3. Прилагательные, отражающие гностические оценки ...	162
3. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОТРАЖАЮЩИЕ ОЦЕНКИ ПО СУБЪЕКТИВНЫМ КРИТЕРИЯМ	201
3.1. Прилагательные, отражающие телеологические оценки	201
3.2. Прилагательные, отражающие нормативные оценки ...	230
3.3. Прилагательные, отражающие эстетические оценки....	268
3.4. Прилагательные, отражающие стандартные оценки	293
4. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕОЦЕНОЧНОГО ТИПА	322
4.1. Собственно общеоценочные прилагательные	322
4.2. Прилагательные, отражающие идеальные оценки.....	355
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	372
СОКРАЩЕНИЯ	378
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	379

Научное издание

М а л е в и н с к и й Сергей Октябьевич
А х м а д з а и Султан Азиз

КРИТЕРИАЛЬНАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ
В РУССКОЙ РЕЧИ

Монография

Подписано в печать 28.11.2016. Формат 60×84 1/16.
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 24,7. Тираж 500 экз. Заказ №2826.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

